

Игорь Данилевич

Любовь в век пара и электричества

I Verlag, 2025

Игорь Данилевич

Любовь в век пара и электричества

Повести и рассказы

I Verlag, 2025

Герои этой книги – наши современники, попадающие в самые разнообразнейшие ситуации, порой в совершенно фантастические. Чтобы выпутаться, им приходится разобраться в своих чувствах и в себе. У одних это получается хорошо, у других – не очень.

© 2025 Игорь Валерьевич Данилевич
«Любовь в век пара и электричества»
Повести и рассказы

I Verlag, Lena-Christ-Str. 2, D-82031 Grünwald

Напечатано в Германии

Тираж 300 экземпляров

Оглавление

То ли девочка, а то ли видение.....	5
Я тебя люблю	67
Отсрочка	120
Шестьдесят часов	160
Любовь в век пара и электричества	219
Метро	239
Кино	275
Кропачево	278
Группа крови.....	299
Гульден (бонус)	311
Запах сияния (бонус).....	318
Оно (бонус)	319

То ли девочка, а то ли видение

«То ли девочка, а то ли виденье.»
Максим Леонидов

*«И чужой человек мне ответил без зла:
'Здесь, наверное, она никогда не жила'»*
Роберт Рождественский

— Привет, — приятный женский голос, произнёсший эти слова с сильным акцентом, вернул парившего в мечтах о предстоящем дембеле Андрея на землю.

Девушку, неизвестно как появившуюся рядом с ним на скамейке, Андрей узнал сразу. Он видел её сегодня утром, напротив здания, которое им поручили охранять. Что это за здание и что там надо было охранять, никто не знал. За полгода, что они стояли здесь, массивная дубовая дверь дома ни разу не открылась. Никто не входил и не выходил, с наступлением темноты свет в окнах не включался. Дом определённо был пуст. Но надо охранять — значит, надо. За два года службы он полностью отвык удивляться и задавать вопросы.

Девушка тогда вроде бы просто прошла мимо. Хотя, нет. Не просто. Она на какую-то секунду задержалась, или сделала вид, что собирается задержаться. И улыбнулась. Наверное. Нет, совершенно точно улыбнулась. Ему, а кому ещё? А Андрей улыбнулся ей в ответ.

«От улыбки хмурый день светлей. От улыбки в небе радуга проснётся», — подумал Андрей, хотя разбудить радугу в мрачном осеннем вильнюсском небе не смогли бы и все улыбки мира.

— Ворон считаешь?

— Угадала.

— И сколько насчитал?

— Пока ни одной. А ты следишь за мной что ли?

— Да, — честно призналась девушка.

— И давно?

— С сегодняшнего утра.

— Так это я тебя там видел? — Андрей кивнул в сторону объекта.

— Ну да. На посту разговаривать запрещено, вот я и решила не испытывать судьбу. Твою.

— И свою тоже. Ведь я мог и выстрелить.

— Холостыми? — по лицу девушки снова пробежала тень улыбки.

— У меня и рожок боевых есть, — поведал Андрей.

— ... которыми вам запрещено стрелять, что бы ни случилось.

— Но зачем за мной следить-то? Это вербовка такая у вас?

— У кого это «у вас»?

— А я откуда знаю? Организация какая-нибудь. Фронт национального освобождения. Имени Чюрлёниса.

— Какого ещё Чюрлёниса? Ты хоть знаешь, кто он такой?

— Баскетболист?

— Да ну тебя! Хочешь? — И протянула Андрею бумажный пакет.

— Там что, бомба?

— Бомба, — подтвердила девушка. — Углеводно-калорийная.

Андрей осторожно заглянул внутрь. В пакете лежали три больших печёных пирожка.

«Поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз ещё вернётся.» — Продолжение песни вспомнилось само собой.

— С изюмом, — пояснила девушка. — Бери, не стесняйся, я один сейчас только съела. Не отравилась и не взорвалась.

— Точно?

— В смысле, «точно»? Точно живая? А разве не похоже?

Взять пакет Андрей решил не сразу.

— Спасибо большое, — сказал он. — Извини, ладно? Времена сейчас такие.

— Всё нормально. Приятного аппетита. Зовут-то тебя как?

— Ну, вот. Следить следила, а как меня зовут, не знаешь.

— Так. Сейчас угадаю. Ммм... Слава?

— Очень холодно.

— Саша?

— Теплее.

— Витя?

— Жарко. Почти угадала!

— Почти? Ммм... Лёша?

— А точку! Андрей.

— Как боевая вахта прошла?

— Во время моего дежурства происшествий не случилось. Пост сдан согласно графику. Возвращаюсь к месту постоянной дислокации в расположение части.

— Рапорт принят. Вольно! — по-пионерски ответила девушка.

По её тону и выражению лица нельзя было определить, шутит она или нет. Но Андрею неведомым образом передалось её настроение, на него обрушился целый шквал позитивных флюидов. Такого он никогда ещё не испытывал и чуть не расхохотался во весь голос.

— Возвращайся в расположение части к месту постоянной дислокации. Ещё увидимся! — И девушка игриво пошевелила пальцами.

После чего спокойно поднялась и ушла.

Андрею понадобилось время, чтобы оправиться от гипноза.

Лицом девушка была самая обычная. Никакая. У них в Кургане таких называли «нестрашными». Но по местным меркам – даже симпатичная. Высокая, чуть ли не с него ростом. Они тут все такие. Фигура тоже ничем не выдающаяся. Нормальная. Не тумбо-квадратная, как у многих местных, и то хорошо. Ухоженные светлые волосы до лопаток – ну, это они умеют. В Кургане девушки с распущенными волосами по улице не ходят. Пыли столько, что к вечеру голова превращается в комок грязи. А здесь – запросто. И с упаковкой всё в порядке: шведская нейлоновая куртка, итальянский свитер, итальянские же варёные джинсы, португальские осенние сапоги. Вот только лейбл белого шарфика он рассмотреть не успел, но наверняка тоже что-нибудь крутое. Это у них тут само собой. Европа. Непонятно, какую свободу им ещё надо, когда у них тут каждый второй в шведской куртке и варёных джинсах. С жиру бесятся.

Тут Андрей спохватился, что незаметно для себя съел все пирожки, даже не успев ощутить их вкуса. Как-то само собой получилось, машинально. Не надеясь на чудо, он заглянул в пакет. Чудо произошло, но не совсем то, которого он ожидал. Четвёртого пирожка в пакете не оказалось, зато на внутренней его стороне было что-то написано. Вывернув пакет наизнанку и попутно почти разорвав его, он увидел три пары цифр и слово «Лина». Номер телефона и имя. Как нарочно, ровно на этом месте сидело большое жирное пятно. Наверное, сок из пирожка вытек. Жир частично растворил надпись, но разобрат её не составляло особого труда.

Это могла быть ловушка, но зачем? Чтобы похитить его и выдвигать какие-нибудь политические требования? А смысл? Литовские борцы за свободу не вызывали у него ни малейших симпатий, но он мог ручаться, что до захвата заложников они не опустятся.

С другой стороны, а чем он рискует, позвонив по этому номеру?

Больше всего Андрей боялся накосячить под самый дембель. Обстановка накалялась день ото дня. В любую минуту могло стать

совсем горячо. Конечно, был ОМОН, десантура, танки и всё остальное. Не то, что их отдельная караульная рота, годящаяся разве что для охраны вот таких пустых домов. Да, Приказ уже вышел. Но можно объявить чрезвычайное или военное положение, ввести прямое президентское правление и оставить дембелей служить дальше уже официально. Так что успокоиться Андрей мог только получив на руки военный билет с отметкой об увольнении в запас.

Или оставят только тех, кто с косяками. Всех отпустят, а этих заставят написать рапорт на сверхсрочную. Почему нет?

С самого первого дня службы Андрей решил не ненавидеть её. В забытом кем-то в автобусе журнале он прочитал совет психолога: относиться к неизбежным неприятностям так, будто они происходят не с тобой, а с героем фильма на экране. Ведь как ни старается актёр, изображая боль, зрителю от этого больно не становится. Главное, говорил психолог – не пропускать ничего через себя, не принимать ничего на свой счёт и не считать себя участником событий. Представлять себя как бы со стороны.

Два года это работало, но только потому, что ровно на эти два года он и настроился. В том, что он сможет продержаться дольше, он был не уверен, а потому начинал нервничать. Так что Лина была права: спокойствие явно его покинуло.

Андрей вдруг понял секрет её странной, теневой улыбки. Её улыбка появлялась не на губах, а в глазах. Тёмно-синих, прямо как у него самого. По глазам читалось и её настроение.

Подошёл напарник Андрея по караулу. Он заскочил в гастронорм за сигаретами и задержался в очереди. Сейчас везде были очереди.

Телефон-автомат на территории части не работал. В следующую смену Андрей едва дождался, пока напарник выйдет на улицу размяться. В караульном помещении был телефон с выходом в город. Междугородние переговоры были на нем заблокированы, иначе солдаты звонками домой разорили бы всё МВД.

Ответил женский голос. Андрей представился. Там уже были в курсе. Вероника – так звали женщину – была старшей двоюродной сестрой Лины. У самой Лины телефона не было, так что она уполномочила свою родственницу обговорить с Андреем время, когда они могли бы встретиться.

Договорились на полдень, в ближайшее увольнение Андрея.

Идти на свидание с пустыми руками не хотелось, но приходилось. На самом деле: что он мог ей подарить? Холодную картофельную запеканку из столовой? Шоколадку? Пачку сигарет? Андрей переносил решение вопроса всё дальше и дальше, пока он окончательно не потерял свою актуальность.

В назначенный день осень решила взять таймаут и подготовиться к решающему наступлению. Было солнечно, очень тепло, а по местным меркам, наверное, даже жарко. Птицы перекрикивали друг друга, играющие рядом дети перекрикивали птиц, и, если бы не жухлая листва на земле и полуголые жёлто-красные деревья, можно было бы подумать, что зиму природа в этом году решила пропустить и перешла сразу к весне.

Лина появилась ровно с боем часов на площади неподалёку, минута в минуту. «Европа», — снова подумал Андрей, привыкший ждать в таких случаях по часу и больше. На этот раз девушка была в варёном джинсовом костюме, стильном свитере и изящных сапожках. Андрей обратил внимание, что косметики на ней, как и в прошлый раз, был самый минимум.

— Ты так быстро тогда ушла...

— Ну да. Не могла же я ждать, пока твой друг вернётся.

— Друг? Да мы в карауле вместе, вот и всё.

— Я знаю. Но всё равно. Возникли бы ненужные вопросы.

— Это да.

Андрей спросил, что именно в нём вызвало у неё такой интерес.

— У тебя глаза, как у меня. Тёмно-синие. Очень редкий цвет. И вообще, мне нравятся вот такие скуластенькие, губастенькие и курносенькие. — Она легонько коснулась кончика его носа. — Тащусь от твоего носа. У него как будто самый кончик напильником спилили, и образовалась такая масююсенькая площадочка. Обалдеть.

Такая подозрительно пустая отговорка должна была насторожить ещё больше. Она и насторожила, но ненадолго. Лина излучала открытость, лёгкость и безмятежность, так что в голове Андрея переклинило все предохранители. Обстановка жуткая, стрелять начнут вот-вот. Тут неизвестно откуда появляется неизвестно кто и впаривает ему какую-то гнилую отмазку.

Но погода была настолько чудесная, птички чирикали так беззаботно, солнышко в безупречно чистом небе светило так успокаивающе, что Андрею надоело настораживаться, напрягаться, бояться накосячить и ожидать чего-то плохого. А если просто принять всё как есть? Она проходила мимо, он ей понравился, она решила с ним познакомиться. Они познакомились, теперь встретились. Таких историй – миллиард и сто миллионов, его история будет миллиард сто миллионов первой.

Побродили по парку. Андрей рассказал о себе, Лина тоже. Она училась в университете на факультете иностранных языков. Английский и французский.

— Значит, будешь «англичанкой» в школе?

— Вот ещё! Чтобы ученики были на пять лет младше меня? У нас математичка была только после института. Как представлю себя на её месте... Бррр...

— А что ещё можно делать после иняза?

— Как что? Да переводчиков сейчас нужна масса. Фирмы совместные пооткрывались, контакты, командировки, документация. Экскурсии, сопровождение. Министерство иностранных дел своё появилось, а там сплошные иностранные языки. Куча работы! И преподавание не как раньше. Тогда учили сами не знали что. «Москоу Ньюз» с английского обратно на русский переводили. Живых иностранцев никто не видел и не слышал. А сейчас всё реально изучают.

Слово «реально» в последнем предложении было одним из совсем немногих употреблённых Линой не к месту. По-русски она говорила хоть и с сильным акцентом, но абсолютно правильным разговорным языком. Род слов, склонения, спряжения, исключения – всё идеально.

— Если способности к языкам есть, почему бы их и не учить, — произнёс Андрей, чтобы избежать паузы.

— Тем более, что я в английской спецшколе училась. Там кого хочешь научат. Английский со второго класса и до двенадцатого.

— До одиннадцатого, — поправил Андрей.

— Нет, до двенадцатого. У нас же на год дольше вашего учатся.

— Это как так?

— А вот так. Раньше в русских школах было десять классов, а в литовских – одиннадцать...

— В смысле?

— Ну, на год дольше учились. Уроков русского языка было больше, плюс ещё какие-то дополнительные предметы, я точно не

помню. Вот год и набирался. А потом ещё во всём Союзе всем год добавили. И везде стало одиннадцать классов, а у нас — двенадцать.

— Это чтобы парни не успели в институт поступить. Школу закончил, с выпускного домой пришёл, а там уже повестка лежит. — Андрей рассмеялся. — Круто!

Лина тоже усмехнулась, а Андрей продолжал:

— Двенадцать лет в школе! Я восемь-то еле вытерпел. Потом в ПТУ свалил. На электрика. А тут двенадцать! Обалдеть. Но теперь, говорят, лишний год обратно убирают. Не прокатило у них.

— В СССР убирают. А у нас тут и не собираются.

— Так как раз у вас-то и надо убирать, если вы русский учить больше не хотите.

— Вроде как вместо русского второй иностранный будет.

— Конкуренцию тебе плодить?

— Нет-нет. Университет — он университет и есть.

Они походили по городу, посидели у заглушенного фонтана, поели в кафе сладостей. Андрей удостоверился, что смеётся Лина не только глазами, но и самым что ни на есть настоящим смехом — искренним и естественным. Не нравилось ему, что тон её ни с того ни с сего становился покровительственно-серьёзным. Так с ним разговаривала бы очень старшая сестра, если бы она у него была. Он никак не мог определить, что вызывает в ней такую перемену. К счастью, это быстро проходило, и к Лине возвращался её прежний настрой.

Солнце потихоньку стало садиться. Но перед тем, как начало темнеть, подул мерзкий, пронизывающий ветер. От него они спасались долгими поцелуями, но начавшийся мелкий дождик напомнил, что часы на башне звонят, в том числе, и для них.

Договорились встретиться на том же месте, в тот же час. Только не завтра, а через неделю, в следующее увольнение Андрея.

На обратном пути Андрей прокручивал в памяти сегодняшнее свидание снова и снова, безуспешно пытаясь понять, что всё это могло означать. В разговорах с Линой он несколько раз пытался зайти с разных сторон, чтобы получить от неё какое-либо внятное объяснение такого внимания к нему. Но она либо отшучивалась, либо делала вид, что не расслышала, либо резко меняла тему.

В первый раз за всё время службы Андрей пожалел, что так и не завёл среди сослуживцев не то, что друга, но хотя бы близкого товарища. Со всеми он поддерживал одинаково ровные отношения, никуда не лез и, по совету психолога из журнала, вёл себя так, будто

служил вовсе не он, а его оптический двойник, голограмма. Через какое-то время на него и стали смотреть, как на голограмму. Предмет обстановки. Общались с ним только по службе, чему он был очень рад. До сегодняшнего дня. Ему очень хотелось поделиться с кем-то, рассказать о знакомстве, услышать чьё-то мнение по поводу. Но приходилось решать задачу самому.

А может, и нет никакой задачи, никакой загадки, а есть только то, что есть? Лина увидела его, он ей понравился, она девушка без комплексов, у них тут вообще все без условностей. Европа. В Кургане она нарезала бы вокруг него круги с загадочным видом, а тут уважают время, как своё, так и чужое. Во как она вовремя пришла – минута в минуту!

Опять же, как раз этот момент конспирология объясняла идеально. Если ей нужно было установить контакт с кем-нибудь из солдат, то с кем ещё, если не с ним? Часть их крошечная, русских буквально по пальцам пересчитать можно. Остальные – чучмеки и буряты всякие. Чёрт его знает...

В часть он успел засветло.

Дождик, так невинно начавшийся, моросил, а иногда и просто лил, целую неделю. Закончился он лишь вечером перед увольнением, а наутро снова пришла весна. Подул позабытый было тёплый ветерок. Лужи на асфальте испарялись прямо на глазах, а солнце струилось с синего неба как ни в чём не бывало.

Запахавшаяся Лина прибежала в двенадцать пятнадцать, ровно тогда, когда Андрей подумал, что и в Европе люди могут опаздывать. Оказалось, что в университете перенесли некий важный зачёт как раз на это время. Зачёт уже идёт, но перед ней ещё несколько человек, так что она пришла предупредить, что не придёт. Так и сказала: пришла предупредить, что не придёт. Да ещё и с таким акцентом, что не рассмеяться было невозможно.

У них всего пара минут, заявила она, чтобы договориться о следующей встрече. Но вот незадача: зачёты и семинары у них сейчас переносятся целыми пачками, неизвестно, что будет завтра, не говоря уже о следующей неделе.

— Может, снова через твою сестру свяжемся?

— Через Нику? Да, точно. Ты ж только из караула звонишь, да? Тогда скажи, когда ты в следующий раз вечером дежуришь, а я буду ждать у Ники дома. Как тебе идея?

«Вот оно, началось...» — подумал Андрей. — «График дежурств хочет выведать.»

А сам сказал:

— У тебя ручка есть?

Лина порылась в сумке и вытащила ручку.

— Ни одного листочка нет, представляешь? Вот это да. Забыла. На зачёт собралась.

— А голову ты не забыла? — передразнил Андрей всех школьных учительниц одновременно. — Подожди, я посмотрю.

Они сели на скамейку. Андрей вынул из внутреннего кармана шинели военный билет, между обложкой и последней странице которого застрял обрывок обычного почтового конверта. Взял у Лины ручку, записал несколько ближайших дежурств.

— Вот смотри. Завтра я в карауле днём, вот со столько, — он показал ручкой место на схеме, — и до столько. Завтра — начало графика. Дальше — по дням. Вот послезавтра, например. Послезавтра я иду в ночь. Вечером и позвоню, хорошо? Если захочешь и сможешь, будь у Ники в это время. Или вот ещё... — он сделал на листке ещё одну запись. — Это телефон караула. Позвони по нему, но только одним звонком. Ну, чтобы в трубке один гудок был. Если такой одиночный звонок будет, я тут же перезвоню.

— Ой, как таинственно!

— Сама понимаешь...

— Хорошо. Идёт. Дай сюда...

Лина взяла у Андрея листок вместе с военным билетом. Листок она просмотрела и положила в сумочку, а военный билет открыла и стала читать.

— Так, посмотрим... Лисин Андрей Юрьевич. Тринадцатого сентября тысяча девятьсот семидесятого года. — И удивлённо повторила: — Тринадцатого сентября семидесятого! Мы ж с тобой в один день родились! Я тоже родилась тринадцатого, но поздно вечером. В роддоме записали четырнадцатого, им для статистики так лучше было. А фактически — тринадцатого.

Андрей пожал плечами и улыбнулся:

— Ну, не один же я в тот день родился.

— Это да, но как мир тесен, скажи? Так, что дальше... Место рождения: город Курган. Национальность: русский. — И внимательно посмотрела на Андрея, словно проверяя по его внешнему виду место рождения и национальность.

— Русее не бывает, — подтвердил Андрей и доложил: — Отец Лисин Юрий Палыч, русский. Мать Лисина Людмила Викторовна, девичья фамилия Петракова, русская. Родных братьев-сестёр не имею. Родители и родственники работают на Курганском арматурном заводе. Трудовая династия. Я тоже до армии там работал электриком, после дембеля вернусь, наверное. Если этот завод ещё будет. Пока, вроде бы, есть.

Лина полистала туда-сюда военный билет и вернула его Андрею. Перехватив его взгляд, достала зачётную книжку.

— На, смотри. Ты же это хотел увидеть.

— Да я даже и не...

— Даже, даже — рассмеялась Лина. — Держи.

Андрей раскрыл зачётку.

— Ох ты... так тут не по-нашему!

— Ага, не по-вашему. А по какому ещё должно быть?

— По какому... По-русски, конечно.

— С каких это щей?

— Ой, какие ты слова знаешь!

— А то ж! Лингвист как-никак. Так почему по-русски то должно быть написано?

— Так это... Как бы язык межнационального общения.

— О! Межнационального! А тут литовский университет выдаёт документ для себя же самого. Русский-то тут зачем?

— Как зачем? Официальный документ.

— И что?

Ответить Андрею было нечего.

— Это называется имперское мышление, — пояснила Лина. — Когда русские должны везде чувствовать себя дома, а остальные — как у них в гостях.

Андрей начал читать фамилию Лины по слогам:

— Бал... трам... ие... — это что, приколы такой?

— Это фамилия. А читать там надо «е». Не «ие», а просто «е».

— Но написано же «ие».

— Написано «ие», а читается «е».

Андрей хмыкнул и продолжил:

— Так. Бал... трам... йе... то есть, е... джу... или как?

— «Ю». «Джу» — это в английском.

— Найдё! — закончил Андрей.

— «Юнайте», — снова поправила Лина. — Ударение на «а».

— А акцент на «е» тогда зачем?

— Никакой там не акцент. Это точка.

— Одна?

— Одна.

— А почему только одна-то?

— Тяжёлое наследие оккупации, — вздохнула Лина. — Литовский язык — самый древний в Европе. И вот, русские и белорусы себе две точки для «ё» утащили. В украинском над «і» две точки, зачем, спрашивается. Немцы для своих умляутов тоже по две точки захватили. А нам самим только по одной точке на гласную и хватило. Ну, да. Короче, вместе будет «Балтрамеюнайте».

— «Короче»? Это называется короче?! Ни фига себе! Специально придумали, чтобы русские язык себе сломали.

— Ой, можно подумать, у вас таких фамилий нет.

— Нет.

— Ну-ну. Нашему классу надо было доклад делать про освоение космоса. Мне выпало рассказывать про космонавта Рукавишников. Вот где язык можно сломать.

— Представляю, как его в школе дразнили: Рукожопников, — зачем-то сказал Андрей.

— Или вот Черномырдин, — еле выговорила Лина.

— Ну и что? Ничего сложного. Подумаешь, Черномырдин. Не то, что... В общем, ты мне фамилию свою запиши, я выучу. А в следующий раз будем учить отчество.

— И куда? Куда записать-то? Ты ж листок мне отдал.

— Куда? — Андрей на секунду задумался. — А вот прямо на руку и запиши. Во! Ай, щекотно! — И, прежде чем отдать зачётку, поцеловал фотографию в ней. Лина рассмеялась.

— Я предпочитаю оригинал, — сказала она и чмокнула его в щёку. Всё, пока! Увидимся и услышимся. То есть, услышимся, а потом увидимся. Ну, ты понял.

Лина собралась бежать, но Андрей удержал её и отпустил только после долгого поцелуя.

— Ах, проказник! — нарочито игриво бросила она и напоследок привычно коснулась пальчиком его носа.

План сработал. Они созвонились и снова встретились на том же месте в тот же час. Говорили о голливудских фильмах, об актёрах, о рок- и поп-группах. Пока они ели мороженое с сиропом, Андрей узнал о рок-музыке больше, чем за всю жизнь. Но по-настоящему шокировали его высказывания о советских рок-группах.

— Нет никакого русского рока, — говорила Лина. — Есть дилетанты, которые пытаются кому-нибудь подражать. А копия всегда хуже оригинала. Или наслушаются записей из-за бугра и думают, что, типа, фигия, мы так тоже можем. А вот и нет! Не могут.

— А Цой, царство ему небесное?

— Самодеятельность клуба Курганского арматурного завода.

— Но не может же самодеятельность собирать целые стадионы!
— Андрей был вне себя.

— Может, как видишь. В стране окно только открыли. Да какое окно! Форточку. И шторы немножко раздвинули. Люди никогда ж ничего такого не видели. Бросаются на что угодно, лишь бы не Лещенко с Кобзоном. Вот раньше ВИА были популярными. Тоже полные залы собирали. Пластинки только по знакомству или с рук у спекулянтов. И где они?

— Хм... На самом деле. Подевались куда-то.

— Так и Наутилусы одеваются куда-то года через два. Услышит народ настоящий рок, и всё, капец Наутилусу.

— То есть, это ненастоящий рок?

— Нет, конечно. Говорю же, подражание. Эпигонство.

— Но тексты-то у них — извини какие!

— И какие?

— А темы!

— Да какие там темы, ты что? Ты «Аквариум» слушал? Я в школе такое сочиняла: полная белиберда, но звучит красиво. Лучше уж КВН, они тоже о какие смелые, пока разрешают. Только они под философов не косят. А русский рок... Я сразу представляю бухих небритых мужиков в майках на кухне. Лампочка без плафона. Сидят на табуретках облезлых. Скатерть грязнущая и порванная. Бутылка, стаканы, селёдка с луком. Дымят, смотрят в окно. Замызганное. И такие важные: «Ммм-даааа...»

Чтобы переварить услышанное, Андрею понадобилась неделя.

В следующий раз избежать политики не удалось. Во время очередной акции «Саюдиса» не обошлось без провокаций и стычек. Случившееся обсуждал весь город.

— Тебе ничего не будет, если кто-нибудь знакомый увидит тебя в центре города с оккупантом? — спросил Андрей.

— А что мне должно быть?

— Ну, я как бы потомственный оккупант. Мой отец в Венгрии танкистом служил. Типа, вписал свои несколько слов в позорные страницы советской истории. У них кто-то пару раз встретился с тамошней девушкой, так той свои чуть голову не оторвали.

Лина только хмыкнула:

— Ещё не хватало, чтобы мне указывали, с кем встречаться.

— Я не знаю, потому и спрашиваю. Может, нам светиться так особо не надо, а?

Они остановились прямо посередине тротуара многолюдной улицы.

— Вот смотри, — сказала Лина. — У вас это называется вешаться на шею.

Она положила руки ему на плечи, обняла. И сказала нарочито громко, с сильным акцентом:

— Пожалуйста, давай будем вместе, а? Я люблю тебя!

И жадно впиалась ему в губы.

Никто из прохожих не обратил на их спектакль никакого внимания. Людской поток равнодушно огибал их.

— Ну как впечатление? — спросила она, отпустив Андрея. — Что, снова боишься? Хлыздишь, или как у вас там это называется?

— Во-первых, я если и боюсь, то не за себя, а за тебя. А во-вторых, что значит «снова»?

— За меня бояться не надо. Никому нет дела, с кем я общаюсь, что я делаю и где пребываю. — Андрей заметил, что когда она волнуется, то начинает вставлять неправильные или неподходящие слова. — Если что, у меня когти есть, — она сделала в воздухе рукой движение, как будто собиралась сцапать что-то острыми ногтями. Потом пару раз щёлкнула красивыми ровными зубами и дополнила: — И зубы тоже. А «снова» - это потому что... Думаешь, я не вижу, как ты... съеживаешься что ли. Напрягаешься весь внутри, ждёшь от меня какой-то... слово забыла.

— Подлянки, подставы? — подсказал Андрей.

— Точно! Ну как, угадала, да? Ну, угадала же, скажи честно.

— Угадала, — признался Андрей. — Я тебя тогда потому и спросил. И сейчас не понимаю, почему вдруг я? То есть...

— Оосподи! — Лина умоляюще возвела глаза к небу. — До чего же мы дошли! — И опять перевела взгляд на Андрея: — У нас человек человеку даже и не волк. Волки в стае держатся друг за друга. А у нас человек человеку — свой или чужой, враг или не враг.

Она вдруг умолкла. Её тёмно-синие глаза буравили Андрея насквозь. Ему стало не по себе.

— Я ж сдуру сам попросился в ВВ, — начал Андрей, чтобы только освободиться от этого взгляда. — Умные люди посоветовали, типа, не служба, а халява. Будешь, говорят, в Москве или Ленинграде на стадионах и концертах за порядком следить, рок-группы послушаешь бесплатно. «Кино» там, «Алису». Ага. Два года сплошное кино. Теперь вот вообще оккупант.

— Оккупант, значит? — Лина стояла прямо перед Андреем. К жуткому сверлящему взгляду добавился ненавистный тон старшей сестры, который на этот раз серьёзно разозлил его.

— А что, нет? — раздражённо сказал он и с силой топнул. — Вот, топчу своим русским сапогом твою родную землю.

— Это асфальт, — бесстрастно заметила Лина.

Андрей подошёл к газону, на котором не осталось больше ни одной травинки, и топнул снова — по чёрной, мягкой земле.

— Оккупант, ну-ну.

Андрей кисло ухмыльнулся.

— Тогда пошли, оккупант.

— Куда?

— Увидишь.

Поплутав по улицам старого города, они зашли в ничем не примечательную арку и оказались во внутреннем дворе, который делили между собой несколько домов. У одного из них Лина остановилась. Достала ключ, открыла дверь.

В небольшой прихожей стояли швабры, веники и смешной круглый пылесос. На полу лежал странный коврик невероятной толщины.

Лина разулась и прошла в дом.

— Там мокрый коврик лежит, — обернулась она. — Оботри, пожалуйста, хорошенько мою родную землю со своих русских сапог. Тогда можешь так проходить. А то моя родная земля по всему дому

будет таскаться. Пол надо будет мыть. Тапочки я тебе не предлагаю, у нас их нет. Ходим в носках или босиком, если летом жарко.

Глаза Андрея привыкли к тому, что после солнечной улицы казалось полумраком. Он стоял в большой, со вкусом обставленной и невероятно чистой комнате с непривычными для частного дома идеально ровными стенами и паркетным полом. Новые окна, новые подоконники. Европа! Современная импортная мебель, обеденный стол, стулья, письменный стол, а на нём...

— Оба-на! Телефон! А ты говорила, у вас телефона нету.

— А он не работает, — равнодушно отозвалась Лина.

— То есть?

Он подошёл, посмотрел. Провод от телефона вёл к обычной телефонной розетке на стене.

— Трубку сними и послушай. Не бойся, она не взорвётся. — Снова этот покровительственный тон. Как он его ненавидел!

В трубке было полное молчание. Ни шороха, ни треска. Абсолютная тишина отключённого аппарата.

— Ну, что там? — поинтересовалась Лина. — Что слышишь?

— Ничего.

— А... — протянула она. — Ничего и я там слышу. Нам лет десять назад обещали телефон провести. Отец так его ждал, что купил аппарат, розетку присобачил, проводку сделал отсюда и через подвал до того места, где должны были щиток поставить...

— ... но так и не поставили, — закончил Андрей.

— Ага, — подтвердила Лина. — Сказали, что по плану эти дома, весь этот двор, — она кивнула в сторону окна, — будут сносить. А раз так, то зачем телефон прокладывать. Вот, говорят, построят новый дом, получите квартиру с телефоном, переедете.

— А новый дом так и не построили, — предположил Андрей.

— Естественно, — Лина хмыкнула. — И не построят. Или построят, но не для нас.

— Тогда уж телефон хотя бы подключили. В качестве утешения. Лина обвела взглядом комнату.

— Честно говоря, ни в какую квартиру мне и не хочется. С рождения тут живу, всю округу знаю, каждый камешек. И самый центр, как-никак, всё рядом. Иди сюда.

Андрей не сразу отреагировал.

— Иди сюда, — спокойно повторила Лина не подразумевающим возражений тоном. — Или ты снова...

Андрей повиновался. Какое-то время они молча стояли друг против друга. Взгляд девушки без тени улыбки парализовывал на месте. Она излучала странную, непонятную энергию, пронизывавшую всё его существо. Вырваться из мощного потока облучения было невозможно. По спине Андрея пробежал холодок.

— Ну, что, оккупант, — произнесла она. — Давай. Вперёд!

— Что... давай?

— Как что? Ты же оккупант, сам признался. Так и делай что оккупантам положено. — Она говорила хоть и с акцентом, но уверенно, ровно, чётко, словно читала роль в радиоспектакле. — Ну?! — Она сняла с него шапку и положила на стул. — За сколько секунд по уставу полагается раздеваться? Пока спичка горит? Спичку зажечь?

И расцепила верхний крючок на его шинели.

Как полагается, Андрей потом сразу отрубился. Примерно через полчаса подскочил, сбросил одеяло. Лина сидела рядом голая, обняв ноги и пристроив подбородок на коленях. В глазах искрилась улыбка.

— Рота, подъём? — невинно спросила она и, не дожидаясь ответа, кивнула в сторону: — Душ там. Полотенце сухое возьми.

— А? А, ну да.

Андрей помедлил.

— Да иди спокойно, не стесняйся. Можно подумать... — она осеклась и замолчала.

«Можно подумать, я никогда голых мужиков не видела, — продолжил про себя Андрей. — И сколько же ты их видела?»

Но он ничего не сказал, а встал и поплёлся в указанном направлении, где обнаружил санузел с новой импортной сантехникой. Вместо ванны был душ с полупрозрачной скользящей дверцей. Душ после секса. Прямо как в кино. Европа!

Он вытерся мягким полотенцем, повертел на полках разноцветные флаконы с иностранными надписями, осмотрелся вокруг и вздохнул.

Лина сидела в той же позе и приглашающе смотрела на него.

— Ничего не случилось? Происшествий нет?

Андрей улыбнулся. Этот акцент сводил с ума и возбуждал сам по себе. Он подошёл, сел рядом.

— Сепаратисты из унитаза не вылезли? Ничего не откусили?

— Слушай, хватит уже, а? Сколько можно!

— Пока ты не прекратишь бояться. Сейчас, — она разгладила подушку, — было вполне себе нормально. Можешь же расслабляться, если захочешь.

— Вот же докопалась, а! Чего мне бояться? И кого? Тебя что ли?

— Ага.

— Фигня какая-то.

— Ни фигя не фигня. Тебя раздражает, что я тебе напоминаю, а я потому и напоминаю, что меня раздражает твоя... скованность.

— Значит, так, — взорвался Андрей. — Нас в увольнения за пределы части еле отпускают, и то только в светлое время суток. А скоро вообще выпускать не будут. И с чего бы это вдруг? Всё же нормально. Ну, подумаешь, солдатики где-то какого-то изобьют. Или взрывчатку через забор бросят. Это ж не граната, а так, пакетик. Кого он убьёт? Одного-двух, не больше. И если кто в восемнадцать лет случайно без глаз останется, так это нормально. В прошлый раз на посту мужик какой-то подошёл. Что, сука, характерно – трезвый. Встал в трёх метрах от меня и начал мне в лицо всякие гадости орать. И знает же, падла, что я ничем ответить не смогу. Выблевал на меня всю злость и свалил. Что я ему сделал? Стою себе, охраняю пустой дом. Ты всю жизнь в городе живёшь и не знаешь, что там.

От обилия эмоций он даже покраснел.

— А однажды тётка какая-то сказала, что мы – инструменты подавления и насилия, легитимные цели для борцов за свободу. Это ж какого клея надо нанюхаться? Что я оккупант, я признаю. Охраняю и патрулирую органы оккупационных властей. Но под каким кайфом она подавление и насилие увидела? Отдельная караульная рота. Вневедомственная охрана. По сути, бабушка-сторожиха из «Операции БИ». Кого я когда изнасиловал? Тебя вот только что?

Он успел остановиться в самый последний момент, потому что задуманное окончание фразы – «да и то под гипнозом» – прозвучало бы обидно.

— Я не хочу никого из них защищать. Сама бы я никогда так не сказала. Но они не тебя лично имели в виду.

— А кого тогда? Все ВВ? Так они ж для зоны: охрана и конвой. Срочники – те по домам, а офицеров новая власть будет уговаривать остаться, чтобы зэки не поразбежались. А обычная армия кто? Лётчики-ракетики и зенитчики-разведчики. Они-то кого подавляют и насилюют? Да одно только изнасилование – и весь военный округ

разнесут в щепки. Даже пропаганда ваша такого не сочиняет, потому что нереально это вообще.

Девушка подобралась поближе и поцеловала его сначала в плечо, а потом в щёку.

— Извини, пожалуйста. А, Андрей? Правда. Я ведь только хочу, чтобы между нами не было этого... психологического барьера, вот!

Она стала гладить его по заметно отросшим перед дембелем волосам, провела пальцем по уху, снова коснулась его носа. Андрей потихоньку успокаивался.

— И с пирожками ты пришла вовремя, — закончил он. — Потому что теперь нас на пост привозят и увозят на машине. Одних не отпускают. Хотя часть через два квартала, там пешком быстрее дойти.

Они помолчали.

— Это мы сейчас отношения выясняем, да? — спросила Лина.

— Отношения? Да нет, конечно! Мы вообще не о нас говорим, а о какой-то левой хрени. Об обществе.

— «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

— «Партийная организация и партийная литература», — подсказал Андрей. — Не зря дедушка Ленин целые тома накатал о классовом самосознании. Предупреждал, глаза нам открывал. Проклятые буржуи делят рабочий класс на национальности, чтобы перессорить всех между собой. Тогда рабочие будут целыми днями друг друга мочить, а про капиталистов-кровопийц забудут.

— Слушай, а вот если ты дембель и такой умный, то почему не старшина? Или хотя бы сержант? Старший.

— А нафига?

Ответить на такой простой вопрос девушка не смогла.

— Тогда хочешь знать, за вас я или нет? — спросила она.

— И это тоже заканчивай! — Андрей легко шлёпнул её по лодыжке. — «Мы», «вы», «наши», «ваши». Барьеры... Вот где все барьеры! — Он ткнул указательным пальцем Лине в лоб. И тут же поцеловал место, куда попал. — В одной стране ведь живём. Вроде как.

— Так ты не хочешь знать...

— Не хочу!

— Вот и хорошо. Потому что я и сама не знаю. Раньше знала, а теперь нет.

Лина потянулась к тумбочке. Андрей только сейчас заметил, что там лежала пачка сигарет, зажигалка и пепельница.

— Ты куришь? — удивился Андрей.

— Не-а. Пока нет.

— А я уже нет. Говорили, что в армии все начинают курить. Я начал заранее, ещё до призыва. По полпачки в день курил, а то и больше. А как забрала, так бросил.

Он не стал углубляться в детали. Иначе надо было бы рассказать, что именно сослуживцы напихали в его сигарету на второй же день.

— Ну, раз мы оба не курим, самое время закурить.

Она зажгла ему сигарету, потом себе. И судорожно закашлялась.

— А ты не затягивайся, — посоветовал Андрей, выпуская дым.

— А разве так можно?

— Всяко можно. Как хочешь, так и можно.

Они сидели на кровати, дымя сигаретами.

— Сначала такая эйфория была, — начала Лина. — Ура, свобода, конец оккупации. Либералы в России на нашей стороне. Думали, сейчас договоримся, они нас и отпустят. Прошлым летом целую цепь через три республики выстроили — «Балтийский путь». За руки держались. Я сама там стояла. Так романтично!

Она сделала паузу, попыталась затянуться и снова закашлялась. После чего продолжила:

— А потом как-то оно всё не туда свернуло. У нас республика маленькая, все друг друга знают с детства. Сначала наверху все уважаемые люди были. Профессора, артисты, режиссёры, писатели, интеллигенция. И вот стали туда потихоньку, незаметненько так пробираться всякие смутные личности. Писатели как бы остались, но мало что решают.

— Писатели на то и писатели, чтобы писать, а не решать.

— Ну да. Поэтому они и не заметили, как их отодвинули. То есть, они выступают, ездят, пишут, избираются, а решают другие.

— И они все нехорошие?

— Не все. Но есть и не очень хорошие. Революция, может, и нужна, но ради чего-то, а не ради себя самой.

— А она разве не ради независимости?

— А независимость ради чего? Чтобы свободно жить, чтобы лучше было. Это цель и есть. А остальное — средства. Про цель все давно забыли, одни средства остались.

Она сделала ещё одну неудачную попытку затянуться.

— Уж чего-чего, а вот свободы у вас, кстати, до фига и больше, — констатировал Андрей.

— Как сказать.

— Так и сказать.

— Относительно. По сравнению с Курганом, может, и до фи́га.

— А надо ещё больше?

Лина больно сдавила ему шею цепкими пальцами.

— Так плохо, да? — И ослабив хватку: — А вот так лучше.

Потом отпустила совсем:

— А вот так – хорошо. Понятно?

Андрей потрогал шею и согласно кивнул.

— Полвека в одной стране прожили, а друг друга так и не узнали,

— сказала Лина.

— В смысле, прожили? Думаешь, уже всё, да?

— Думаю, да. Point of no return, точка невозврата, в смысле, пройдена. Сейчас все будут до упора биться, пока не разлетится всё.

— Друг друга не узнали, — задумчиво повторил Андрей. — Для нас Прибалтика всегда была другой планетой. Многие и не знают, что Латвия и Литва – не одно и то же. Типа, прибалты, вот и всё.

— А для меня весь Кавказ одинаковый. Когда у них тоже всякие такие дела начались, я подумала: о, их же там аж три республики. И чтоб друг с другом воевать, надо же как-то себя друг от друга отличать. Или друга от врага.

— Азера с усами, а ары – нет, — поделился наблюдением Андрей.

— А грузины?

— Только если старые.

— Интересно, почему.

— Ну, азера – муслимы. У них это признак настоящего джигита.

— Так в Средней Азии тоже мусульмане, — возразила Лина. — Там вообще все без усов.

— Точно?

— Точно. По телевизору показывали.

— Тогда не знаю, — сдался Андрей.

— В одном государстве, но на разных планетах. Я, между прочим, нигде не была. Ни в Латвии, ни в Белоруссии, нигде. Давным-давно собирались отправить меня в пионерский лагерь на Чёрное море, но я перед самым отъездом свинкой заболела. Так на другую планету и не слетала.

— Вот и смысл есть в одном государстве, — сказал Андрей, — ездить друг другу можно, если захочешь. Взял билет и приехал. А так границ понаставят – и всё, сиди сам себе.

— Чтобы ездить друг к другу, общее государство не нужно, — возразила Лина. — В Европе сколько государств? Десятки. А ездят друг к другу запросто. И не только друг к другу, а вообще, когда и куда захотят. Из Испании — в Данию, а из Дании — в Канаду какую-нибудь. И на острова разные. Сел в самолёт — и полетел. Или на поезде поехал. Или на машине. Никакими визами не заморачиваются.

— Всё равно жалко, — продолжил Андрей. — За семьдесят лет столько наворотили. В гражданскую полстраны угрохали, остальных перед войной добили. Кто до войны подросток, того на войне... А кого не того, так того посадили.

— А после войны за нас взялись. В смысле, за Прибалтику. Из одной Литвы сто тридцать тысяч выслали. И перестреляли столько! До сих пор считают. И тебе этого жалко?

— Так сейчас всё открылось, документы рассекретили, всё признали, осудили, типа, порвали с прошлым. Перестройку начали, гласность объявили, рыночную экономику. Вот сейчас как раз бы вместе заново всё и начать. Так нет, пересрались все. Лучше б сделали, чтоб жрать было что. А то пиздеть-то — не мешки ворочать. Мы вот на заводе арматуру для труб делаем. Ну, задвижки, вентили, краны. Они везде нужны, хоть на водопроводе, хоть на газе, хоть на ТЭЦ, хоть где. По всей стране поставляем, и в Прибалтику тоже, на Украину там. Короче, много куда. И сами по всему Союзу покупаем. Работаем, живём, торгуем сколько лет. Сейчас ещё и свободу добавили. И теперь расходиться? Зачем? Европа объединяется экономически и политически. А мы в обратную сторону бежим. Говорят, прибалтам скандинавы помогут. Ага. В очереди встанут за литовскими чёрно-белыми телевизорами и за эстонскими куртками.

Лина помолчала немного.

— Тут вот какое дело, — медленно произнесла она. — Наша семья от оккупации не пострадала никак. Мы жили как хотели, занимались чем хотели. И лично мне оккупанты ничего плохого не сделали. Некоторые из них очень даже ничего, — она провела указательным пальцем по его носу, задержавшись на кончике. — Но сейчас так получается, что нужно выбирать: либо независимость, либо Ельцин.

— Ба! А Ельцин-то тут причём? — удивился Андрей. — Он же у нас, в смысле, в России.

— Вот и хорошо. Пусть там и остаётся.

— Вроде как нормальный мужик. Демократ.

— Конечно, демократ. Самый настоящий, ага.

— Но может же человек меняться, взгляды пересматривать?

— Это шутка такая?

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. Коммунисты и кэгэбэшники бывшими не бывают. Туда по убеждениям шли.

— Да какие там убеждения? Типа в коммунизм верят?

— Так это убеждения и есть: не верить, а притворяться. И КГБ тоже. Я когда мимо их конторы прохожу, то отворачиваюсь. Вот реально брезгую. А кто-то туда по собственному желанию пошёл. В партии, да ещё и в КГБ – трижды говно Советского Союза. Какой там меняться и взгляды пересматривать! Горбатого могила исправит.

— А почему трижды говно? Один раз – потому что партия. Второй раз – потому что КГБ. А третий?

— По совокупности.

— Так а независимость-то тут каким боком?

— Ну, она, конечно, не стопроцентная гарантия от Ельцина, но хоть какая-то ограда. Для России он хороший – и замечательно. А здесь его – ну, вот совсем не надо.

— Да ему пока что и России хватает.

— Ключевое слово – «пока». Пока да, а потом всяко может быть.

— Паранойя, — хмыкнул Андрей.

— Опыт. И память.

— Генетическая?

— Историческая. Говорю же: опыт и память.

— Ему у нас многие верят. Надеются, что страну вытянет.

— Хорошо, если вытянет. Лишь бы потом никуда не втянул.

Андрей ничего не ответил. Ему снова нужно было время, чтобы переварить услышанное.

— Тебя не очень напрягает, что я у тебя дома в форме тусуюсь? — осведомился Андрей, когда пришло время собираться. — Не то, что я стараюсь, просто холодно. По полу несёт.

— Какой напряг, ты что? Ты же оккупант, а не я. Ходи в чём хочешь. В кровать только так не лезь, негигиенично. А что по полу несёт, так я потому и сказала сапоги вытереть, чтобы ты в них ходил. По-хорошему, так весь пол перестилать надо, ему уже лет триста.

— Приеду домой – куплю нормальные шмотки. В первый же день.

— Ты, наверно, в старые и не влезешь, — предположила девушка.

— Это раз. А если даже и: что мне, в дутых сапогах и в «аляске» рассекать? Это два. Хотя, в Кургане, может, это до сих пор и носят.

— Ой, представляю тебя в дутиках и в «аляске»! Поди, и шапка огромная собачья была, да? Как из мультика про попугая Кешу!

— И шапка, да. Тебе смешно, а я за каждую вещь по хорошей зарплате отдал. И ещё рад был, что дёшево взял. Теперь я бы и так оделся, только бы не в эту форму. Как она мне надоела, кто бы знал.

— Зря ты так, — она оценивающе посмотрела на него одетого, в шинели. — Вот что в Союзе есть классного, так это солдатская форма. Тащусь от неё. Это ж реально музей! Позавчерашний день. «Человек с ружьём», который ружьё где-то посеял. Только тачанки и пулемёта «Максим» не хватает для полноты картины. Сапоги – вообще улёт. Их, наверно, солдаты даже в Заире больше не носят.

— Ты это, заканчивай прикалываться. — Андрею стало обидно. — Позавчерашний день, а в войне победили и пол-Европы завоевали. И вас тоже, если уж на то пошло.

— Так это всё позавчера и было, — запросто парировала Лина. — А ты обратил внимание, что советская форма – это русская национальная одежда столетней давности? Смотри. Гимнастёрка – это как рубаха-косоворотка под ремнём. Штаны, заправленные в сапоги – как в фильмах про рабочих и революцию. Шапка-ушанка – это понятно. А шинель – это кафтан. Так прикольно. От неё... не знаю... уют какой-то исходит, что ли. Разве может человек в такой форме сделать что-то плохое? Мне её так будет не хватать, когда вы уйдёте!

— Мы ещё посопротивляемся, — пообещал Андрей.

Лина посмотрела на него так, будто проникала в его подсознание, куда он сам без особой надобности не заглядывал. Ему казалось, что его голого созерцали изнутри, а внутренности покрылись гусиной кожей. Это длилось секунд шесть, потом её глаза снова улыбнулись.

— Ладно, — проговорила она. — Иди, сопротивляйся. Служи Советскому Союзу. Немножко совсем осталось.

— Мне или Советскому Союзу?

— Вам обоим. Дверь будешь закрывать – потяни с той стороны посильнее. Замок два раза щёлкнуть должен. Там косяк устарел и сместился. — Лексическая ошибка выдала её волнение. — Язычок с первого раза не входит.

Потом положила руки ему на плечи, как тогда на улице.

Андрей чувствовал, как вместо внезапно отпустившего оцепенения им овладевает даже не наваждение, а самая настоящая одержимость на грани сумасшествия. Он был не в силах отпустить её ни на мгновение. Ему вдруг стало глубоко плевать, следят за ним или нет, плевать на все предосторожности, подставы и ловушки. Он хотел её прямо сейчас, чтобы хотеть её снова и снова до бесконечности. И если бы он знал, что сзади к нему подкрадывается недруг, он и не обернулся бы, пожертвовав всем ради лишней секунды её поцелуя.

Внезапно его пронзило желание совершить Безрассудный Поступок. Да идёт оно всё лесом! Забить на дурацкую армию с её дурацким уставом, забить на последствия, забить на мысли о последствиях. Остаться здесь, броситься с ней снова в постель, ни о чём не думать, а лишь наслаждаться близостью и вкусом момента. Ну, и её шикарным акцентом, конечно.

Девушка вдруг убрала руки, отстранила его, сделала шаг назад. Опять этот жуткий, до мурашек, взгляд, вгоняющий в ступор.

— Не надо делать глупостей, — сказала она самым серьёзным тоном, наморщила нос и покачала головой. — Не надо, ладно?

— В смысле? — оторопел Андрей.

— Сам знаешь, в каком смысле. Высоцкого слышал? Как он коней загонял, и чем там всё закончилось? Вот-вот. Жизненная песня.

Андрей не смог произнести ни звука.

— У нас с тобой много времени впереди, — продолжила Лина.

— Сколько? — пришёл в себя Андрей. Отпираться было бесполезно. — Месяц? Два?

— Месяц. Или два. Или вся жизнь. Или только сегодня. Выбирай.

— Лина, — решился Андрей. — Я тебя люблю. Я не могу без тебя. И больше всего я боюсь тебя потерять, понимаешь? Ничего так не боюсь, как... — у него пересохло горло.

— И я тебя люблю, — спокойно ответила она. — Ты мне очень дорог. И как раз поэтому мы не должны косячить, или как это ты называешь. Если ты думаешь, что я оценю глупости, то нет, не оценю. Я делать их не собираюсь. Хочешь — присоединяйся. Будем вместе их не делать. Все кругом чокнулись. — Она подошла ближе, погладила шинель и буквы «ВВ» на погонах. — Хоть ты не чокайся, пожалуйста. Не надо. А то совсем грустно будет. Ты нам нужен.

— Кому «нам»?

— Нам всем. Твоим родителям, родственникам, друзьям. Мне. Мы столько знакомы, трахнулись даже, а отношения ещё не выясняли.

И поцеловала его. Крепко. Долго.

Когда Андрей плотно закрыл за собой дверь, замок на самом деле щёлкнул два раза.

Отпустили его ранним утром двадцать девятого декабря, сразу после возвращения из караула. Не теряя ни секунды, проверил документы, взял в казарме собранную сумку, попрощался. На улице зашагал, не оборачиваясь, и дорогу к части забыл уже через квартал.

На вокзале выяснилось, что раньше второго января уехать не получится – все билеты были распроданы.

Родители Лины уехали встречать Новый год к родственникам, а она осталась дома. В их распоряжении были целых пять дней. Они смотрели в видеосалоне ужастики, ели мороженое на улице, сидели на детской площадке под грибом-зонтиком. Прилюдно целовались, провоцируя сепаратистов и националистов, которые не понимали, что их провоцируют, и никак не реагировали. Лина показала памятные места: детский садик, хлебный магазин, школу и музыкалку, где она училась играть на аккордеоне. На просьбу Андрея сыграть что-нибудь она ответила, что по окончании школы упростила родителей продать инструмент, чтобы потом её не просили сыграть что-нибудь.

Очень хотелось запечатлеть момент на фотографии, но единственное открытое фотоателье оказалось набито битком. Кооперативные фотостудии были закрыты – в предновогодние дни фотографы на выезде пользовались не меньшим спросом, чем Деда Морозы. Пока Лина выясняла, как долго им придётся ждать, Андрей подошёл к огромному, до пола, зеркалу. Первый раз за два года он понравился себе в форме. Да, по сравнению с натовской формой, может быть, и старомодно, и не совсем удобно. Ну и что. Зато ни в одной стране такой больше нет.

Подошла какая-то семейка и деликатно, но настойчиво оттеснила Андрея от зеркала. Он поискал глазами Лину. Та стояла у выхода и, перехватив его взгляд, помахала ему рукой. После короткого обсуждения решили не терять драгоценное время, тем более что в помещении было невыносимо жарко.

Дома занимались любовью, слушали неведомые Андрею доселе рок-группы, причём не на магнитофоне, а на самых настоящих импортных пластинках. Лина переводила тексты. И ведь на самом деле

— во, где темы! Выясняли отношения, дрались подушками, валялись в кровати и разбирали образование литовских женских фамилий.

В холодильнике у Лины была еда. И очень кстати, потому что из магазинов исчезли даже вездесущие консервированные зелёные помидоры, морская капуста и неисчерпаемый мороженный минтай. На вылизанных до блеска прилавках лежали только ёлочные украшения, которые, впрочем, тоже не продавались.

Новогоднего настроения не ощущалось. Давило мрачное предчувствие предстоящей решающей схватки. А Лина сказала:

— Ровно через десять лет наступит новый век. Даже новое тысячелетие. Представляешь, как нам будут говорить: вы аж из прошлого века! Будем старыми, сидеть и вспоминать...

— ... в какое интересное время мы жили, — продолжил Андрей. — Ни жратвы, ни чая, ни стиральных порошков, зато сплошная гласность, съезды круглые сутки и парад суверенитетов.

— Нам всего двадцать, а мы уже свидетели ушедшей эпохи.

— Пока ещё не совсем ушедшей, — заметил Андрей.

— Когда нам про это скажут, она уже уйдёт.

Андрей вдруг понял, почему Лина назвала его старомодную форму уютной. Это был символ уходящей навсегда эпохи и приходящей ей на смену ностальгии. Эра, в которой они жили, формально ещё не закончилась, но прямо на их глазах превращалась в историю. Такое бывает раз в жизни, да и то не в каждой.

— Не хочу, чтобы она уходила, — вдруг сказал он. — Я с тобой хочу быть.

— Так одно другому, вроде бы, не мешает.

— Ну, как посмотреть. Вот всё говорят про мировую революцию. А ведь она уже была.

— Это которая великая октябрьская социалистическая? — предположила Лина.

— Не только. Две мировых войны, гражданская война, белые-красные, Гитлер, Сталин. Всё вместе посчитать — миллионов сто уколошили, не меньше. Целые империи рухнули. Кто-то независимым стал, кого-то, — он поцеловал Лину в щёку — вот, оккупировали. Кто-то семью растерял по дороге, а потом в лагерь попал. А им говорят, всё это фигня по сравнению с мировой революцией. Ну да, а мировая революция — это фигня по сравнению с тем, что Солнце погаснет, а Туманность Андромеды нашу галактику съест.

— Как это, съест?

— А вот так. Она навстречу нам летит, а как прилетит – так и поглотит. Она больше нас раза в два или три.

— Кошмар какой!

— Во! А ты здесь из-за зачётов переживаешь. Короче, тем, кого убили или кого оккупировали, или посадили, или депортировали, им глубоко по барабану мировые революции, и что две империи рухнули, и что страны оккупировали. Я тебя люблю и не хочу, чтобы империя рухнула, и эпоха уходила. В этой эпохе мы вместе, а там – вопрос тот ещё. Ну, не буду свидетелем исторического перелома – ой, как страшно. Переживу как-нибудь. А без тебя – нет.

Он снова нежно поцеловал любимую девушку.

— Забавно получается, — задумчиво проговорила Лина. — Люди делают историю, а она «делает» их. В смысле, имеет... ну, ты понял. Уговаривать или останавливать её бесполезно. Для неё мы – пыль. Хотя сами же её и создаём. Диалектика в действии. А вообще – да. В какой ещё эпохе я встретила бы такого классного оккупанта в такой классной форме, — она погладила Андрея по плечу, — и с таким классным носиком.

Вопреки обыкновению, она не стала касаться его носа, а прижалась к нему. Тот обнял её. Они сидели и наслаждались моментом целую вечность, пусть и совсем коротенькую.

Новый год встретили под поздравительную речь на литовском языке, из которой Андрей не понял ни слова. Лина обещала перевести, если скажут что-нибудь интересное, но ничего интересного так и не сказали. За неимением шампанского обошлись лимонадом «Буратино». Салат «Оливье» по обоюдному согласию делать не стали.

Андрей почти заснул, когда приютившаяся у него на плече Лина, водя пальцем по его носу, сказала:

— У нас в школе во дворе было написано «Дрюня – пидор». Несколько лет так висело... или... не знаю, как сказать, ну, в общем, так было несколько лет написано, и никто почему-то не закрашивал. Я всё думала, кто же такой этот Дрюня? А это Андрей, да? Андрей же, правда? — Она тихонько толкнула его. — То есть, ты – Дрюня, да? Дрю... ня. Хи-хи.

— Лина – козлина, — отозвался из глубины дрёма Андрей.

— Фу, как банально, — хмыкнула Лина, которую, вероятно, дразнили в детстве именно так.

— Линка – калинка моя. В саду ягода малинка... моя...

«Я ничья. Я сама по себе девочка. Своя собственная.» Андрей не мог поручиться, что слышал эту фразу на самом деле, потому что в этот момент сон окончательно завладел его сознанием.

Это были самые счастливые дни в его жизни.

На вокзале Андрей старался сохранять хотя бы внешнее спокойствие, но внутри у него всё словно заморозилось. Он был уверен, что больше не увидит Лину, если уедет. Не ехать домой он не мог, а ехать означало потерять её. Почему — он не мог объяснить. Так мерзко ему до того не было ни разу. Девушка чувствовала его смутение и растерянность, стараясь не обращать внимание на его вновь появившуюся скованность и изменившийся от спазма до неузнаваемости голос.

— Всё будет нормально, — успокаивала она. — Ты ж сам сказал: на пару дней. У тебя дома куча дел. Семью повидаешь, дембель отпразднуешь, паспорт получишь. Без этого никак.

— Без этого никак. Но и с этим никак. Всякое может случиться...

— У этого всякого было целых два года, чтобы случиться. Случилось бы раньше, если бы захотело — и мы бы вообще не встретились. А оно не захотело. Значит, не хотело захотеть. С чего бы ему сейчас приспичило хотеть?

— Не знаю! Я тебя люблю. Люблю и всё! Я не хочу никуда ехать, ни в какой Курган, никуда. Ни секунды без тебя не могу!

— И я тебя люблю. И хочу быть с тобой больше всего на свете! — Она обняла его и продолжила: — Мы друг друга двадцать лет ждали. Что нам какой-то месяц!

— Месяц?! Да я через неделю на самолёте прилечу!

— Да. А я пока сессию сдам. Одних экзаменов шесть штук. И зачёты. Ты это... Ты форму не вздумай выбрасывать. Её потом музей за любую цену с руками оторвёт. — Голос девушки заметно дрогнул.

— Товарищ Балтрамеюнайте, — строго произнёс Андрей. — Вы комсомолка?

— Понятия не имею, — шмыгнула носом Лина.

— Значит, комсомолка. Даю ответственное комсомольское поручение: отставить слёзы.

При этом он обращался в том числе и к себе.

У самого вагона она спохватилась и протянула Андрею пакет.

— Ой, чуть не забыла. Вот была бы лажа!

— Дай угадаю, — он посмотрел в ночное небо. — Либо бомба, либо пирожки с изюмом... Ставлю на пирожки. Правильно?

— Браво!

— Да когда ж ты успела?

— А вот успела. Приятного аппетита!

Они бы стояли и целовались бесконечно, но вездесущая проводница напомнила о себе.

— Кондуктор не спешит, — процитировал Андрей известную песню, — кондуктор понимает...

— Кондуктор — да, а проводник — нет, — поправила проводница. — Всё, мои хорошие, закругляемся. Любовь любовью, а поезд по расписанию. Расписание — это как ваш военный устав.

«... что с девушкой я прощаюсь навсегда». — цитату Андрей закончил уже про себя.

Поезд тронулся. Сердце у Андрея прыгало, мир вокруг был нереальным, почти неосязаемым. Эндорфины кружили голову, переполняли сознание эйфорией. Хотелось петь, рассказывать, кричать всем о своём счастье.

Какое-то время он стоял в проходе, уставившись отсутствующим взглядом в чёрную пустоту за окном. Не то, чтобы он до того никогда не говорил на серьёзные темы. Но с девушкой, его ровесницей — этого он даже представить не мог. Разные «шлюшки-подружки», как называла их мама, чередовались у него одна за другой и были настолько одинаково пустыми, что он даже не различал их. С ними можно было провести хоть неделю один на один, а потом не вспомнить ни одной фразы. Может, просто трахнулись. А может, и нет. Не упомнить.

И вот сейчас — вспышка сверхновой. И не где-то в далёком звёздном скоплении, а здесь, рядом, в его родной галактике. Простой влюблённостью переживаемое им нагромождение чувств и мыслей объяснить было невозможно. Перед ним словно открывался новый мир, а он, обычный парень из глухой русской провинции, стоял и жмурился от ослепительного света.

«Была бы она рядом — что ещё надо в жизни! — думал он. — Вот это и было бы оно — счастье. Литовский выучить? Ну, и выучу, ради такого дела. Фамилию её выучил, а дальше — мелочи. Открою кооператив, я электрик, в конце концов, или нет.»

Лина представлялась Андрею идеалом девушки, подруги, жены. Большого он и не хотел. Да он не мечтал о такой, потому что просто не догадывался, что они существуют. Вот только этот жуткий, до гусиной кожи, взгляд! Словно она брала голыми руками самую сердцевину его души, рассматривала и спокойно возвращала на место. Ну, и ладно. Скрывать ему нечего, а от неё – тем более. Вот он, весь как на ладони. Мама и говорит, что он простой, как три рубля.

Соседями Андрея оказались его ровесники: худощавый литовец Лукас и приготовившаяся к спринтерскому набору веса русская девушка Света. Лукас выкладывал на стол стандартный набор железно-дорожного пассажира: хлеб, картошку, домашние овощные заготовки, яйца и жареную курицу.

— Вот что за привычка такая, — возмущалась его подруга. — Поезд ещё не отправился, билеты ещё не проверили, чай не разнесли, а сразу – жрать. Прямо как с голодного острова. Русские у вас свиньи, а сами кто? Ведь только что дома ели, как в тебя столько влезает, а? Семь часов всего ехать-то.

Лукас пропустил её сентенции мимо ушей.

— Дембель помидорных войск? — спросил он Андрея.

Тот кивнул, а Света хихикнула.

— Так в армии Внутренние войска называют. Потому что у них погоны красные, — пояснил Лукас и продолжил:

— А что не в дембельской парадке? Прямо, как только что с караула. — Говорил он тоже с акцентом, но грамматически идеально.

— Так оно и было. Утром сменился, пришёл в часть, тут же получил документы, и всё. А парадка дембельская – нафига?

— Привет! Какой же дембель без парадки?

— Как это какой? Я, например. А что, наряжаться, как новогодняя ёлка? Только ещё батарейку в жопу вставить и светиться. Клоуны в цирке, чесслово. У нас в Кургане чокнутый один был, цеплял на себя разные верёвки, шнурки, цепочки, ленточки и ходил так по городу.

— Понятно. И дембельского альбома тоже нет?

— Дебильского альбома? Чтоб листать и дурдом этот вспоминать? Да ещё и другим показывать? Нет, спасибо. Отслужил, уехал и забыл.

— Представляю себе, — улыбнулась Света. — Отлежал человек в дурдоме, вернулся и альбом показывает. Вот это – Паша, он буйный. А вот это – Вова-санитар, он Пашу к кровати привязывал. Хи-хи.

Парни тоже усмехнулись.

— Да, а как ты догадался про дембель, если я не в парадке? — поинтересовался Андрей.

— Так по тебе же видно, — сказал Лукас.

— Светишься и без всяких батареек, — подтвердила его подруга.

Андрей словно ждал этого момента. Упустить такую возможность он не мог, очень уж хотелось поделиться с кем-нибудь, поведать о своём счастье. Да и красноречие в нём вдруг проснулось.

— ...приеду домой, высплюсь, оформлюсь и поеду обратно, — закончил он свой рассказ.

— О! — сказала Света, обращаясь к бойфренду. — Видишь? Да если б не оккупация, мы с тобой ни в жисть бы не встретились. И как бы ты жил тогда без меня, а?

— Никак, — честно признался Лукас. — Повесился бы.

— Вот, — торжествовала Света. — И как бы мы с тобой общались, если бы ты наш язык не знал? Люди вместе жить хотят, понятно?

— Это кто хочет вместе жить? — поинтересовался Андрей.

— Как это кто? Вот вы с Линой хотите?

— Конечно! Не было бы дел в Кургане – не уезжал бы.

— И мы тоже хотим вместе жить, правда? — Она легонько ущипнула Лукаса в бок. Тот обнял её в ответ. Они поцеловались.

— А ты говоришь, люди, — разочарованно протянул Андрей.

— Ну да, люди. А мы кто, рыбы что ли? — сказала Света.

Тут она перевела взгляд на стол.

— Ты совсем уже, да? Куда ты столько нагрёб? Вот сам всё и жри! — Помолчала немного и добавила: — И соль опять забыл.

Лукас вытащил из сумки соль и перец. После чего фальшиво запел под мелодию песенки из «Бременских музыкантов»:

— Ах, ты бедная моя оккупанточка! Посмотри, как исхудала, мигранточка! Я картошку посолою, поперчу.

Света отвернулась и ответила, как положено:

— Ни-че-го я не хо-чу!

Нахмурившись, она сидела примерно минуту, после чего повернулась и протянула руку:

— Дай сюда! А морская капуста где?

— Здравсьте, — сказал Лукас. — Ты же утром её всю съела.

— Я? Съела? — У Светы округлились глаза.

— А кто ещё? Я что ли? Ты. Сlopала.

— Но не всю же банку!

— Всю.

— А ты куда смотрел? Целая банка... У меня теперь йодная интоксикация разовьётся!

— Надо жидкости больше пить. Молока, например. И есть тоже, чтобы йод из организма вывести, — посоветовал Андрей.

— Точно! — Света подвинулась ближе к столу.

— Давай, присоединяйся, — сказал Андрею Лукас.

— Конечно. Не стесняйся, — поддержала его Света, с поразительной скоростью уплетая ужин. — Мы столько не съедим.

Андрей, только подкрепившийся пирожками, вежливо отказался.

— Сейчас бы чайку горячего и на боковую, — сказал он.

— Точно, а где чай? — вспомнила Света.

— Ещё билеты не проверяли, какой чай? — возмутился Лукас.

И продолжил, обращаясь к Андрею:

— Я этим летом дембельнулся. В стройбате служил. Представляешь, возвращаюсь домой, а в оккупационную армию теперь, оказывается, можно не ходить. Нет, чтоб раньше...

— Значит, заберут потом. Тех, кто не ходил.

— Куда заберут?

— Как куда? В армию независимой Литвы. Кто-то ж там должен служить. Смотри, чтоб тебя опять не призвали. А то скажут, что советский стройбат не считается.

— Фигушки, — сказал Лукас. — Я своё в Салехарде отбарабанил. Слышал про такой?

Андрей подумал две секунды и из вежливости кивнул.

— Вот и хорошо, что слышал. Это как раз тот случай, когда лучше сто раз услышать, чем один раз увидеть. В общем, получается так, — он вытер губы, — что призыв в Советскую Армию вроде как бы есть, но туда никто не идёт. Повестки просто выкидывают. А призыва в литовскую армию даже официально пока нет. Армию пока не организовали. А как её организовать-то без призыва? Вот такая независимость получается.

Как раз прикончившая курицу Света поднесла к его носу кулак:

— Ага, щас! Во, видел? Хрен вам, а не независимость!

Тот взял её кулак в руки и поцеловал.

— Там зефир ещё со стола остался, — напомнил он. — Хочешь?

Несмотря на пессимизм Светы, к приходу проводницы они успели умять всё содержимое сумок. Потом разносили чай.

Вышли попутчики в Смоленске под причитания девушки об йодной интоксикации и проблемах с фигурой. При этом решение поехать в дороге было признано крайне удачным – не надо возиться на кухне.

«Кто ищет, тот всегда найдёт», — подумал Андрей, вспомнив пустые прилавки.

Письмо он начал писать на Казанском вокзале, где заодно разжился бумагой и ручкой. Продолжил в дороге, на остановках – во время движения слишком уж трясло. В Кургане купил на вокзале конверт, напечатал и отправил письмо. И только тогда двинулся домой.

А потом было Тринадцатое Января.

Когда по телевизору показали репортаж о событиях в Вильнюсе, Андрей сначала застыл от ужаса, а потом побежал к себе в комнату, закрыл за собой дверь и плюхнулся на кровать. В том, что Лина не могла быть у телецентра, он был совершенно уверен. Называли какое-то дикое количество жертв. И что теперь? Конечно, он тут не при чём. И его отдельная караульная рота сторожей тоже. Показывали какую-то сопливую и до смерти напуганную школоту в касках и с автоматами. ОМОН, спецназ «Альфа» – эти что угодно могли натворить. А пацанов просто подставили. Что там произошло на самом деле, никто сказать не мог. Правду, может быть, узнают, но лишь тогда, когда она никого больше не будет интересовать. Или не узнают, именно по той же самой причине.

Тут он вспомнил, как сказал тогда Лине, дескать, ничего, мы ещё посопротивляемся. Разве он это имел в виду? Нет? А что тогда? Как ещё армия может сопротивляться? Это с одной стороны. А с другой, он не думал ни о жертвах, ни о последствиях этих событий. Единственное, что его на самом деле волновало – это реакция Лины на случившееся и то, как это затронет их отношения. Бойня у телецентра была для него ещё одной преградой между ними. Он осуждал подлость московских властей – скомандовать армии «фас!», а самим спрятаться в кусты. Дескать, разбирайтесь, как хотите, наказывайте стрелочников, а мы не при чём, мы не знали, до нас дозвониться не могли. Но само по себе право и даже обязанность центра

сопротивляться сепаратистам – против него он ничего не имел. Столь грубо, как та Света в поезде – «хрен вам, а не независимость» – он выражаться бы не стал, но, в общем и целом, с имперским мышлением у него всё было в порядке.

И все эти «мы» и «вы». Как ни пытались они тогда обойтись без этого, никак не получалось. Да и сам Андрей постоянно натывался в собственной речи на них, что бесило его невероятно. Мы против вас, а вы против нас. Лина не знала, за нас она или нет. Фигня! Вообще не вопрос! Она и сама это поняла и так и сказала: мы – это мы. Мы вдвоём, наши семьи. И они – то есть, все остальные, а пиздаболы наверху – в первую очередь. Ведь так всё просто. Никто не против никого. Живём себе и живём. Так нет же – баррикады! Сначала в голове, а потом и на улицах.

Памятник Ленину в Вильнюсе теперь охраняют перебинтованные оборванные сопляки. Защитники конституционного строя, ага. Позорище. Карикатура из журнала «Крокодил». Будто во всей Советской Армии нормально одетых взрослых парней не нашлось. А может, и не нашлось? Он ведь сам два года был свидетелем, куда всё катится. Какая страна, такая и армия.

И какого, спрашивается, надо дразнить прибалтов и всех остальных этим Лениным? Не хотят они его – и не надо. Вызывает он столько споров – так и уберите его. Закопайте мумию, мавзолеем дурацкий разберите, улицы переименуйте. Нет Ленина – ни споров, ни баррикад. Зачем насильно продавливать то, что людей разъединяет? И так весь соцлагерь разбежался, так теперь за Союз взялись. Повизжат коммуняки и успокоятся. Можно подумать, других забот нету и спорить не о чем. Правда, лучше б муку без очередей продавали.

Как ведь Лина была права! Посмотришь – Перестройка, гласность, демократия, свободные выборы, многопартийность. Съезды по телевизору целыми днями. Орут все, спорят, ругаются, доказывают. Потом снова орут, спорят, ругаются и доказывают. Пиздеть – не мешки ворочать. Судьбу страны, бля, решают. А страна покамест по швам расплзается. Разбегаются в том числе и потому, что в магазинах даже аджику смели. Пока весь этот кипиш идёт, тут блокада, здесь – посты, там – сапёрные лопатки. Теперь телецентр. Изображают финальную битву добра со злом.

Андрей вспомнил, как один их разговор отправил на помойку два года политзанятий, изучения материалов пленумов, «знаковые» статьи в газетах и десятки часов трескотни по телевизору. С одной

стороны – ужас разочарования и осознание полной безнадёги, несущейся в пропасть колесницы из песни Высоцкого. Ведь в Литве всё начиналось так же, как и здесь: эйфория, новые лица, свобода, надежды. А потом оказалось, что за новыми лицами стоят старые знакомые, которые, собственно, и принимают решения. Чего же ожидать в России, где старые знакомые были с самого начала? С другой стороны, Лина ответила на извечный вопрос «что делать?» А именно, перестать слушать раскрыв рот всех этих мудаков, заканчивать верить им всем и жить самому. Жить, любить и устраивать жизнь, насколько получится. И если «мы» не будем солдатами-пешками в «их» играх, то не надо будет искать врагов на роль «вы».

Ему нравилось, насколько невозмутимо она воспринимала перемены. «...когда вы уйдёте.» Лёгкое сожаление и одновременно готовность спокойно принять новую эпоху. Жить дальше, не пытаясь остановить время и замёрзнуть в настоящем, быстро и незаметно превращающемся в прошлое. Пришли вы – ну, и пришли. Уйдёте – ну, и уходите. Жили до вас без вас – и дальше проживём. Трезво и повзрослому. Всем бы так. И ему в том числе.

А ведь правда: люди вроде как творят историю, но сами вынуждены подчиняться её ходу и принимать всё как есть. Диалектика.

Эти мысли наперебой жужжали у Андрея в голове, которая с непривычки начала болеть. За последние десять лет он не думал ей столько, сколько за промелькнувшие десять недель.

Отец осторожно приоткрыл дверь в комнату Андрея. Тот сидел на кровати и тёр глаза. Юрий Палыч тихонько вошёл и сел рядом.

— Никто ни в чём не виноват, — тихо начал он. — Ты не виноват, что родился там, где родился. И ты не сделал ничего плохого. Ну, может, муху какую-нибудь когда и обидел, но и всё. Тебе не в чем оправдываться, совесть твоя чиста. Не знаю, рассказывал я тебе или нет, но, когда я учился в Омске, у нас был техник-смотритель. Который и плотник, и слесарь, и сантехник и на все руки мастер. Замок поменять, дверь подравнять, скамейку починить. Хороший мужик был, простой. С ним мы частенько перекуривали, разговаривали за жизнь. И дочка его в нашем институте училась. А были они молдаване. Оказывается, молдаван в одну только Омскую область чёрт знает сколько тыщ выслали. Жил он, работал, общался, дочку растил.

Конечно, радости мало. Но он ни на кого зла не держал, потому что толку-то? Изменить ничего не мог, только сам себя бы изводил. И к нам относился нормально, потому что кто мы были? Такие же забытые советские граждане, только его сюда выслали, а мы тут с самого начала жили. Разве я был виноват, что при Сталине половину Молдавии угробили? А потом оказалось, что не только Молдавию, а всех остальных тоже.

— Я не в этом смысле, — выдавил Андрей.

— В этом, в этом, — спокойно сказал отец. — И если мы с тобой это понимаем, то почему она не должна понимать?

— Мы об этом тоже говорили.

— Тем более. Она взрослый человек, даже взрослее тебя, судя по твоим рассказам, хоть вы в один день и родились. Уж мух от котлет она точно отделить сможет. И хорошее от плохого отличить.

— Пап, я там два года отхерачил. Со всеми этими дебилами и чуреками из Средней Азии. Начальство – сплошные алкаши. Был, говорят, даже садист-маньяк, его перед самым моим призывом посадили. Так вот, хоть какие они все козлы, я сто процентов гарантии даю, что никогда и ни за что они не дадут команду выйти на улицу и стрелять. А если и дадут, то их pošлют на три весёлых буквы.

— Так спецназ с ОМОНОм и послали. Потому что на местных вояк надежды ноль. Неважно, какого рода войск.

— Я должен поехать туда.

— Чуть позже. Ты же видел, что творится. Поезда не ходят.

— А я на самолёте.

— Можешь представить себе, сколько там таких желающих. Билеты стопроцентно продают только по брони или по указанию органов. Пропускают только по прописке, охраняют по периметру границы. Ну, не тебе же мне объяснять, правда?

— Почему она не пишет? Я уже девять писем отправил. Что ей стоит черкнуть открытку? Просто открытку. Знак подать.

— Так, а времени-то сколько прошло? А сейчас и поезды не ходят. Письма-то на чём возят?

Андрей вздохнул.

— Не надо никуда дёргаться, — посоветовал отец. — Несколько дней или недель...

— Недель?!

— ...или недель. Они ничего принципиально не решат, а дров наломать можно ого-го сколько. Не надо глупостей и безрассудных поступков, ладно?

При этих словах Андрей вздрогнул и выпалил:

— Папа, мы с ней никогда больше не увидимся. То есть, вообще никогда. Я не смогу тогда жить.

— Ну, увидите вы или нет, это не только вам решать, — Юрий Палыч посмотрел вверх.

— Ты только не говори, что ничего, будет у тебя ещё тыща таких Лин. Не будет. Она одна.

— Да кто ж спорит! Конечно, одна. И другой нет. Все мы — уникальные существа. Ты тоже один-единственный в своём роде.

— Понимаешь, вот просто объективно, без эмоций: это что-то большое... непередаваемое, я не знаю... Ну, это как человек сидел-сидел в животе, а потом родился. Бамс — и вокруг целый новый мир. По телевизору артистка какая-то рассказывала, как она в школе случайно в массовку в кино попала. Увидела вот это всё — съёмки, артисты, режиссёр, дубли, мотор, снято — и оно так её ошарашило, что она больше думать ни о чём не могла. Не то, что в Кургане, но, наверно, и в Литве никого такого больше нет. Тут даже не в национальности дело, хотя, в национальности тоже... Это как второе солнце появилось. Я на него так посмотрел, полюбовался, наслаждался, погрелся, а потом ушёл в подвал вспоминать, какое это было классное солнце.

— Но из подвала выйти можно.

— Только солнце это к тому времени зайдёт. Навсегда. Ведь я сам её оставил, представляешь! Я потерял её. Это я не чувствую, а знаю.

— Уверен на все сто?

Андрея насторожило, что Лина, читавшая его мысли, на вокзале пыталась лишь успокоить его, а возражений на пожиривший Андрея страх не высказывала. Хотя знала, о чём он думает, и сама плакала.

— На девяносто девять и девять, — ответил он.

— Раз так, то зачем тогда мучить себя? Смысл? Если ты уже сейчас знаешь, то есть, уверен, что всё это в никуда, то, может, подождать немного? Остыть и с мозгами посоветоваться? В магазин выйти — и то планируешь. Ладно, утро вечера мудренее.

Он обнял сына, потом встал и вышел так же тихо, как и вошёл.

Письмо пришло в обычный морозный день. Андрей долго вертел его в руках, не веря своим глазам и своему счастью. Главное, что Лина появилась, ответила. Больше ему ничего и не надо было.

Она писала уже после Тринадцатого Января. Писала уверенно, невозмутимо, обстоятельно. «Человек проявляется в письменной речи, говорю как лингвист», — вспомнил Андрей и улыбнулся.

Как и предполагал отец, Лина прекрасно разбиралась как в мухах, так и в котлетах. Значительную часть письма занимали просьбы ни в коем случае не принимать произошедшее на свой счёт. Напомнила свои слова: как может человек в такой форме сделать что-то плохое? И на самом деле: как раз в такой форме у телецентра никого не было.

Сессию в университете, понятное дело, перенесли. Когда же она всё-таки началась, то выяснилось, что все зачёты давно проставлены автоматом, а экзамены принимались более чем благожелательно. И всё же она умудрилась получить по какому-то предмету четвёрку.

Объект, который он охранял и которому были обязаны своим знакомством, оказался ни чем иным, как архивом ЦК Компартии Литвы. В один не очень прекрасный день оттуда грузовиками вывозили документы. Какие-то бумаги сжигали во дворе, костёр горел неделю ночью и днём. Андрей с самого начала предполагал, что в здании есть ещё и подвал в несколько этажей.

Лина надеялась на скорую встречу, но не слишком скорую: в республике было всё ещё горячо, человеку с иногородней пропиской лучше пока там не показываться. Конечно, она тоже очень хочет его увидеть, но ещё больше хочет, чтобы у него не было проблем. Заканчивалось письмо тремя словами: «Люблю. Жду. Лина.» в окружении множества улыбающихся рожиц. «Ну, вот, а говорила, что советские фильмы принципиально не смотрит», — усмехнулся про себя Андрей, вспомнив про фильм «Люблю. Жду. Лена.», который он, честно говоря, тоже не смотрел.

Ему показалось странным, что Лина не ответила ни на один вопрос, которые он задавал в своих письмах. Её послание было не ответом на них, а написанным как бы само по себе. Или она не получила его писем и решила написать первой. Или же писала она не из дома, а на лекции, например. Хотя второе объяснение было намного более правдоподобным, первое обеспокоило его не на шутку.

— Ну, влюбился парень, и что? — недоумевающе вопрошал отец, а мать отвечала:

— Не нравится мне это. Ох, не нравится.

— До армии ты переживала, что нормальной подруги у него нет, одни шлюшки-потаскушки. Теперь он втрескался по уши, а ты... Никак тебе не угодишь.

— Да потому что не любовь это никакая.

— А что?

— Болезнь. Точно тебе говорю. Настоящая любовь силы должна придавать, а эта только отнимает. Люди после армии поправляются, а наш не ест ничего. Скоро кости начнут через кожу просвечивать.

— Какая же любовь без страданий? — возразил Юрий Палыч.

— Да не страдания это, сколько тебе повторять! — настаивала Людмила Викторовна.

— Так влюблённые — они все немного того. — Юрий Палыч pokrutil пальцем у виска. — Любовь — одна из форм сумасшествия. Я в его возрасте сам от любви с ума сходил.

— От Юльки ты с ума сходил, — напомнила жена.

— От Юльки, — согласился Юрий Палыч. — А ты б хотела, чтоб от тебя? Пошла б за чокнутого?

— Приворот это, вот что! — диагностировала Людмила Викторовна. — Самый настоящий. Я как чувствовала, книжку про это дело купила. Там признаки прям как с Андрюшки списаны!

— Начинается!

— Книжка по эзотерике! Колдовство, порча, заговоры. И привороты тоже. Пирожки она ему дала, ага. С изюмом. Как же!

— Но зачем? Ей-то это зачем?

— Здрасьте! — саркастически ухмыльнулась Людмила Викторовна. — Зачем прибалтке русского парня гробить? Да они нас всех во как ненавидят! — Она показала что-то среднее между кулаком и фигой. — Мстительные — жуть! Про «Лесных братьев» слышал? Вот они самые и есть, злющие до ужаса.

— Мы их сами разозлили, вообще-то, — заметил Юрий Палыч.

— Мы? Кто это «мы»? Ты, что ли?

— Не я, конечно. «Мы», в смысле, Сталин с «Меченым».

— Это не «мы», а «они». И что? Легче тебе, что это не ты? А сын с ума сошёл.

Юрий Палыч закурил.

— А девка-то она серьёзная. Всяко не дура. Говорит, пока три триста умных страну между собой дербанят, триста миллионов идиотов стоят в очередях за голыми костями, рты раскрыли, глаза выпучили и уши развесили. А три тыщи мудозвонов им лапшу вешают, отвлекают, чтоб они тем умникам не мешали. И права ведь! И что революцию сделали, чтобы кто был никем, стал всем. Кто-то и стал всем, а остальные как были никем, так и остались. Сейчас кому-то надоело быть никем, они тоже решили стать всем. Круг истории замкнулся.

— Тоже мне, умная. Ей самой кто-то напел, она и повторяет.

— Но знает же, что повторять, понимаешь! И чтоб в двадцать лет такое говорить. Ладно, в пятьдесят, но в двадцать!

— Чего? В пятьдесят? Да ты сам-то давно ли бегал митинговал? С межрегиональной депутатской группой или как её там. А теперь они срочно мудозвоны стали, ну-ну.

Юрий Палыч помолчал.

— Любовь или болезнь — не знаю, а Андрюшка как-то сразу повзрослел. — Он смачно затыкнулся и медленно выпустил дым.

— Только как-то слишком уж он повзрослел. И слишком резко.

— А ты заметила, что он все плакаты со стены содрал? Рокеров своих в заклёпках? Говорит, что они жизни учат, а сами — как бухарики в грязных майках на кухне, смотрят в грязное стекло и типа как бы за жизнь перетирают. А сами жизни и не знают, только по концертам ездят, бухают и нюхают всякую дрянь.

— Ага, плакаты он содрал. А видел, что он вместо них повесил?

— Нет. А что, нашёл что-то ещё хуже?

— Нашёл, — доложила Людмила Викторовна. — Он карту Советского Союза приделал, а на ней цветным карандашом выделил всю железную дорогу от нас до Вильнюса. А рядом знаешь что?

— Не знаю, — признался Юрий Палыч.

— А рядом список. Все железнодорожные станции подряд, от Кургана и дальше: Просвет, Кособродск, Каргаполье, Шадринск и все-все. Ни одной не пропущено. И так до самого Вильнюса.

— Во втрескался пацан! — Юрий Палыч стряхнул пепел.

— Втрескался?! Сглазили его. И порчу заодно навели. Это называется приворот. Говорю тебе. Форму свою постирал, погладил, уложил её аккуратненько в твой старый синий чемодан, вместе с сапогами, портянками и всем что полагается. Говорит, это полный комплект зимней повседневной формы рядового состава Внутренних

войск МВД СССР. В оригинальном состоянии, без дембельских приколов. Шинель первоначальной длины. Написал всё это на бумажке печатными буквами и тоже положил в чемодан. Сказал, что через двадцать лет, когда СССР больше не будет, эту форму музей военной истории за любые деньги купит. Вот кто ему это всё внушил?

— И что здесь такого?

— Как что? Не видишь, как оно всё вместе складывается?

— Если честно, то не вижу. — Юрий Палыч снова затаился.

— А зря, — посетовала супруга. — Мог бы сына и понять. Хотя бы как мужик мужика.

— Я его очень даже понимаю, — сказал Юрий Палыч

Он посмотрел в окно и продолжил:

— И какие будут предложения?

— Я завтра к Свете Романенко схожу. Может, она что посоветует.

— Средневековье какое-то, — покачал головой Юрий Палыч. — Вы Андрюшку ещё в речку бросьте, в ледяную воду. Если утонет, то значит, был здоровый. А если нет, то это даже вода его к себе не берёт, надо порчу выводить. И скорее на костёр, чтоб порча на другого перейти не успела.

— Ну тебя, — отмахнулась Людмила Викторовна. — Я серьёзно.

— Да какие уж тут шутки. Делайте, что хотите. Я бы парня просто в покое оставил. Но можно подумать, меня кто-то послушает.

Он докурил сигарету.

— Ты на заводе-то был? — поинтересовалась Людмила Викторовна у Андрея на следующий день.

— Угу.

— И что?

— Сказали, три месяца можно гулять. Со дня увольнения в запас плюс время на дорогу.

— То есть, ты теперь три месяца будешь дома гнить?

Андрей промолчал.

— Сходил бы куда, что ли.

— Мам, ну, пожалуйста...

— Ах! — махнула рукой Людмила Викторовна, попытавшаяся дать сыну последний шанс.

Вскоре она звонила в дверь неприметного деревянного дома.

Второе письмо пришло в начале марта. Оно было более эмоциональным и куда более личным. Она сообщала, что обстановка «устаканилась». Город выглядит мирно, патрулей больше нет, люди занимаются своими делами. В конце письма снова стояла подпись «Люблю. Жду. Лина.» с улыбающимися рожицами. Андрей хоть и был вне себя от счастья, но сомнения в том, что она на самом деле получала все его письма, не только остались, а даже укрепились.

Можно было собираться в дорогу, но в середине марта был пятидесятилетний юбилей отца. Поздравить Юрия Палыча пришёл его младший брат и одновременно дядя Андрея Валера с женой Яной. Безобидный мужик, коллега-электрик, но очень уж болтливый.

— Рассказал мне Юра про твоё знакомство, — начал Валера, обращаясь к Андрею. Ну, что... Ты у нас потомственный оккупант.

— Я знаю, — вставил Андрей.

— Ни фиги ты не знаешь, — сказал Валера. — Вот как может быть, когда в каком-то сраном Кургане, где, кроме доктора Илизарова, ничего и нет, в одной семье сразу три оккупанта?

— Ну, привет! — возмутился Юрий Палыч. — А завод наш? Арматурный завод. На всю страну славится.

Валера лишь махнул рукой и продолжил:

— Как такое может быть? Да очень просто: в совке возможно всё. Вот Юрка, отец твой, в Венгрию вторгался...

— Никуда я не вторгался, — уточнил его брат. — Войска ввели в пятьдесят шестом, а я когда служил? На готовенькое приехал.

— Хорошо. Тогда ты самый настоящий оккупант и был. А те, которые в пятьдесят шестом — те захватчики.

— Можно подумать, это не одно и то же, — заметил Юрий Палыч, гоняясь по тарелке за горошинкой.

— Именно, что не одно и то же, — пояснил Валера. — Прежде чем оккупировать что-то, надо это что-то захватить. Венгрию сначала захватчики захватили, правильно? А ты через два года приехал на должность оккупанта.

— В военном билете у меня записано...

— Да кого колышет, что там записано! У нас много что записано. Хоккейные команды — чемпионы мира, а формально — любительский спорт. Вот у них там профессионалы. А у нас — типа, любители, на

заводах слесарями-токарями работают. Со смены пришли, шайбу погоняли, набрали отгулов и выиграли чемпионат «Известий», ага.

— Так вот, — обратился он к Андрею. — Отец твой оккупантом в Венгрии служил, а я сначала захватчиком был. Прямо в самом шестьдесят восьмом, а в оккупанты меня уж потом перевели. Весной призвался — а мой призыв первым был на два года, до того три года служили — и прямо из учебки — в Брно. Входим в город, а там... — он цокнул языком, — чистота, богатство, дороги — вот что эта скатерть, вывески на языке светятся, все на машинах, в магазинах стиралок с холодильниками — навалом. Жратвы — во! Представь себе: страна вся вылизанная, цветочки вокруг, люди сыты, одеты, обуты. Европа, бля! И какого хрена им не сиделось? Чего не хватало, вот скажи?

— Свободы? — предположил Андрей.

— Вот и они нам так говорили. Какого чёрта, говорят, припёрлись? Кто вас сюда звал? А мы, типа, такие: освобождать вас пришли. А они: а от кого? А мы: от экстремистов и капиталистов. А они: мы свободу выбрали, а вы у нас её отбираете. А мы: опаньки!

— Но потом двадцать лет сидели тихо, — вдруг сказала Людмила Викторовна. — Пока у Союза деньги не закончились.

— Если б только деньги, — заметил Юрий Палыч. — Тут вообще всё закончилось.

— И произошла у нас интереснейшая история, — продолжил Валера. — Сейчас расскажу.

— Ой, только не про Валерку! — взмолился Юрий Палыч.

— Про него самого, — подтвердил Валера.

— А я бы послушал, — возразил Андрей. — Если интересно.

— Ещё как, — пообещал Валера. — История прямо для тебя.

Юрий Палыч повозмущался немного и ушёл на кухню ставить пельмени. А Валера начал рассказ.

— Мы с Валеркой Чередниченко были два кореша — не разлей водой. Вместе в обезьяннике были, когда призвались, там подружились, попросились служить вместе. Хоть куда, чтобы только вместе. Ну, пошли нам навстречу, направили в один мотострелковый полк, там мы до самого дембеля и служили. Я — стрелком, а он — связистом.

Обустроились мы в Брно, на самой окраине, на бывшей спортбазе. Перестроили её для себя. А связь пока что была вся на временках. Проводки какие-то. Рвались постоянно, а чехи им рваться помогали. Иногда за раз полторы сотни метров кабеля утаскивали. Короче, надо на стационарную радиосвязь переходить. Привезли оборудование. У

Валерки работы, естественно, круглые сутки. Монтирует он, значит, оборудование и выходит за ограду части, чтоб что-то там замерить. Замеряет себе, протоколирует. Всё работает. Он довольный, решил сделать перекур. Оборачивается – а метрах в десяти от него стоит девушка. Стоит молча и смотрит. Он перепугался конкретно. Рассказывали же о случаях, как чехи наших вылавливают и режут.

— Пряма пионерский лагерь после отбоя, — хмыкнул Андрей. — Гроб на колёсиках, и кровь из стены сочится.

— Это тебе сейчас смешно, — обиделся Валера. — А тогда не до смеха было. Знаешь, как чехи нас ненавидели! Реально аж зубами скрипели. В прямом смысле.

— А вот это да, — согласился Андрей. — Сейчас фотографии публикуют. Улица там, или площадь. Стоит танк, на нём советские солдаты, а вокруг – море злых чехов.

— Это в первые дни. Пока население в шоке. А потом даже из люков высовываться боялись, а то толпа стащит и раздерёт на клочки. Во ненависть была!

— Еду она принесла? — съязвила Людмила Викторовна. — Пирожки там какие-нибудь. С изюмом.

— Он бы рассказал, — ответил ничего не подозревающий Валера. — А в принципе – да, им пропаганда про нас втирала, что мы все голодные, кошек, собак, голубей и ворон ловим и едим чуть ли не сырыми и без соли. И ещё говорили, что мы как бы полулюди, биороботы, бессловесные и неграмотные, машины для убийств. Хотя знаешь, сколько случаев мародёрства было? Ноль. А сколько изнасилований? Ноль. И стреляли мы исключительно в ответ, в порядке самообороны. Это даже ихние националисты официально признали. И когда наши бензин или солянку втихаря чехам продавали, то либо за деньги, либо по бартеру: за радиоаппаратуру, там, за порнуху, но никогда за еду. Потому что кормили нас – во как!

— Порнуху? — удивился Андрей.

— Порнуху, — подтвердил Валера. — Это сейчас её в каждом киоске навалом. А раньше она под запретом была. Ну, чехов западные спецслужбы снабжали, чтобы нас морально разложить. А еду мы если и брали, то разные деликатесы, только за кроны и в продуктовых магазинах. Как полагается, в очереди стояли.

— А дальше-то, что было? С Валеркой.

— Ну, да. А дальше что? А дальше Валерка схватил автомат и крикнул «стой, стрелять буду», как предписано. А девушка руки

поднимает, показывает, что безоружная. Валерка, естественно, не верит, потому что ничего хорошего от них мы не ждали. Может, у неё бомба спрятана. Та стоит с поднятыми руками, чтобы Валерка видел, что у неё с собой ничего подозрительного нет. И тут она говорит на жутком русском языке, наверно, кто-то ей написал, а она просто наизусть вызубрила. «Не стреляйте! Я друг! Я за вас! Я люблю русских!»

— Так и сказала: я за вас?! — Андрея как током ударило.

— Ну, Валерка так рассказывал. Какой ему смысл врать-то? Стояла и повторяла одно и то же. Короче, дальше оказалось, что чешский и украинский очень похожи. Там три четверти слов одинаковые. А Валерка — он же хохол стопроцентный. Украинский у него родной. По-русски говорит с диким акцентом, хегает, шокает постоянно. К концу службы лучше стало, а поначалу — ужас. В общем, туда-сюда, познакомились. И Валерка всю дорогу допытывался: если она не подосланная, если ничего не замышляет — так какого лешего было так рисковать? Причём, что характерно, дважды! Он её мог запросто пристрелить, потому что рожки нам выдавали только боевые, никаких холостых. Это с одной стороны. А с другой стороны, её своя же родня могла в ключья разодрать за такие дела. Чехи же злые — кошмар! Бей своих, чтобы чужие боялись.

— Разодрали? — поинтересовалась Людмила Викторовна.

— Нет, — ответил Валера. — Они так хитро зашифровались, что её родня и деревня так ничего и не просекли. Я Валерке сказал, что ему бы разведчиком быть, а не связистом. Сколько раз он в самоволку бегал! А я его прикрывал. Если бы не я, хрен была бы у него любовь. Как они там стрелки забивали — понятия не имею. Держали как-то связь. Валерка же связист, ну.

— И что она ответила? — спросил Андрей.

— Кто?

— Девушка его. Почему она так рисковала и вообще?

— Лена? — Андрей снова вздрогнул. — То есть, в смысле, Елена? Сказала, что понравился он ей с первого взгляда. Мы в тот день как раз в город вошли. Сидим на БТРе посреди площади, вокруг нас толпа собралась. Вот как ты только что рассказывал. На картонке написали «русские, валите обратно». Короче, ненавидят. А Лена Валеркина тоже пошла со всеми нас ненавидеть. И вот стоят они, нас, типа, ненавидят, и тут Лена как бы встретилась взглядом с Валеркой. Гонево, конечно, конкретное.

— Почему?

— Да потому что я рядом с Валеркой сидел. Вот как с Янкой сейчас. Какие там нах взгляды пересеклись! БТРы, на них мы, а вокруг — ты ж сам сказал: море. Короче, что глаза там повстречались и всё такое — это пусть она Валерке горбатого лепит. Но вот увидела его и всё! Следила потом за ним. Подумала, будь что будет, но думать о нём постоянно и караулить часами, чтобы разок на него взглянуть, сил больше не было. Запала на него конкретно.

— А он такой красивый был?

— О, ещё какой! Гарный украинский хлопец. Высокий, чернявый, скуластый. Песня, а не самец.

— А она?

— Ну, бывают и похуже, скажем так. Не в моём вкусе.

— Ещё бы! — проснулась молчавшая до сих пор его жена Яна.

— Вот и я про то же, — Валера обнял её. — Но он тоже в неё втюрился по уши. Сначала как: встречались там — и встречались. А потом он как-то говорит, типа, стыдно, говорит, в этих грязных обносках времён Первой мировой на стрелки бегать. Не форма, говорит, а музей. Тогда у нас никакой выходной или парадной формы не было, потому что нечего было солдату за пределами части делать, если без боевого задания. Он и в шинели ходил чуть ли не летом, чтобы дурацкие галифе не видно было.

— Ну, они и правда дурацкие были, — заметил Андрей.

— Это да, — согласился Валера. — Я ему сказал, типа, кто тут оккупанты, мы или они? В чём хотим, в том и ходим. А он пятна начал отстирывать, да бриться каждый день. А однажды я его застукал, как он брови подстригает! Брови! Спрашиваю, это чё? А он: чтобы не было, как у Брежнева. О, вдряпался!

Все рассмеялись.

— В общем, когда дембель подошёл, Валерка задумал остаться в Чехословакии. А это было бы квалифицировано как дезертирство. Потому что уволенным в запас он будет считаться с момента оформления документов и выдачи военного билета с отметкой об окончании службы. А документы оформляют в Союзе. И пока он туда не вернётся, будет числиться на службе. А за самовольное оставление службы в условиях, приближенном к боевым, полагается трибунал и штрафбат. За неделю до официального дембеля.

Так что пришлось ему возвращаться домой в Борисполь. Думал, приеду паспорт получу, то-сё — и сразу к Лене. А вот хренушки! Это

он так думал, а КГБ – нет. Лина ему приглашение прислала, он приходит в ОВИР, а ему говорят, что загранпаспорт не выдадут и ни в какую Чехословакию непустят. Сказали, что это не их решение.

— А ты говоришь, что Валерку от палева спас, — заметил Андрей.
— Органы-то своё дело знали. Ещё в Чехословакии следили.

— Следили – да. А вот, что выследили – не факт. Такое под ковёр бы замечать не стали. Отправили бы в Союз – и всё, йок. Не, дело не в этом. Валерка дурака сваял, когда сказал, что останется. Вот где ошибка его была! Тогда его на карандаш и взяли. ОВИР стал его проверять, а на него запись по линии органов.

— И вы два года шифровались! — восхищённо сказал Андрей. — Ведь если б вас раскололи...

— Обоих бы под трибунал отдали, — уверенно сказал Валера. — Валерка же не просто там через забор прыгал. Он конкретно пост бросал. Отлучался как есть, в каске и с автоматом с боевыми рожками. В войну за такое расстреливали.

— Вот это молодцы! Вот это дружба! — Людмила Викторовна одобрительно покачала головой. — Хохол и кацап – братья навек.

— А вот представь себе, — сказал Валера, — что мы тогда об этом и не задумывались. У нас и кацапы, и хохлы, и бульбаши, и ары, и чуреки, и чухня, и узкоплёчные... кого только не было. Служили вместе, даже мысли не было в междусобойчики сбиваться. Никаких землячеств не было, все друг друга поддерживали. Боевая обстановка, говорю же. Иначе никак.

— И что дальше? — Андрей сгорал от нетерпения.

— А дальше ни в какую Чехословакию его не пустили.

— Так соцстрана же, — заметил Андрей.

— А им хрен по деревне, — пояснил Валера. — Не положено и всё. И не только ехать ему нельзя было, но и даже приглашение Лене прислать. Тогда она спецом стала участвовать в каком-то конкурсе по знанию СССР. Конкурентов у неё, наверно, не было, потому что ненависть там та ещё. А она в этом типа конкурсе победила и сочинение на русском языке написала. Не без Валерки, понятное дело.

— А они переписывались?

— Ещё как! Только не напрямую, а через кого-то. Говорю же, связист. Хотя, если КГБ захочет, то... то и захочет. Короче, получила она первую премию – поездку в СССР. Ихнее КГБ, наверно, не так следило, так что она приехала к Валерке в Борисполь.

— Хэппи энд, — заключил Андрей.

— Хэппи, — согласился Валера, — но не энд. Потому что она осталась в Борисполе, они поженились, двух пацанок сделали.

— И чем она занимается? — спросила Людмила Викторовна.

— Чем? А всякую марксистско-ленинскую херню и Брежнева на чешский и словацкий переводила. Теперь это никому не нужно, но ей на двадцать лет хватило. А после революции они всей семьёй уехали.

— В Чехословакию?

— В неё самую. Вот чем они там занимаются — не скажу, потому что не знаю. Пока обустриваются у себя в Брно.

Тут вернулся Юрий Палыч с огромной фарфоровой салатницей, полной пельменей. Все захлопали, набрали себе тарелки и налили по стопочке. А Юрий Палыч произнёс тост:

— Ну что, за дружбу?

Назавтра был референдум. Родители остались дома, а Андрей пошёл и по убеждению проголосовал за СССР. И против Ельцина, потому что Лина не доверяла Ельцину, а он доверял Лине.

Дома у него заболел живот. Внезапно, сильно, так что он рухнул на диван, скрючившись от боли, и застонал. В таком положении его и застали прибежавшие родители.

— Ты, сука, что ему в водку подсыпала? — зло прошипел отец, потрогав лоб Андрея.

— Да там только три капли было! Ровно три. Света сказала, что действует только с водкой.

— Света?! Убил бы сейчас вас обеих на месте, бляди сраные!

Юрий Палыч бросился в прихожую. Людмила Викторовна последовала за мужем.

— Света сказала, что сначала будет хуже, может даже болеть. Это нормально, порча выходит. Для здоровья безопасно, скоро пройдёт. А ты куда собрался?

— В автомат, куда ещё. Скорую вызывать. — И потряс кулаком прямо перед носом жены: — Только попробуйте парня угробить! Задушу обеих вот этой рукой.

И выбежал, даже не закрыв за собой дверь.

— Ну, что сказать... Классическая язва двенадцатиперстной кишки, — сообщил Юрию Палычу лечащий врач Андрея. — Приступ мы купировали, думаю, что обойдёмся без хирургии. Недельки три-четыре побудет у нас, мы его понаблюдаем. Потом уже дома — курс лечения, строжайшая диета, ни капли спиртного, какое-то время никаких нагрузок. Сколько ж я таких повидал! После армии — сразу к нам. Особенно, когда дембель с друзьями обмоют. Они там у себя сто дней до приказа отсчитывают, и мы тоже. Как призыв и дембель — у нас горячая пора начинается. А зимой ещё и Новый год тут как тут.

— Вообще-то он совсем не пьёт, — сказал Юрий Палыч. — И не курит. Я его очень хорошо знаю, как раз тут у него от нас секретов нет. У меня вчера день рождения был, он буквально пятьдесят грамм принял. И всё. Неужели от одной рюмки...

— Не, если он до того не пил, то от одной рюмки ничего не будет, — покачал головой врач. — И тем более, с таким дебютом. Рюмка могла в какой-то мере спровоцировать приступ, но не более. Скорее всего, в армии желудочно-кишечный тракт посадил. Это тоже своего рода классика. Сухомятка, холодные перекусы, беспорядочное питание. Ну, и нервы, как это ни банально. Стресс вытягивает из организма силы, иммунитет слабеет, для патогенных бактерий — курортный сезон. А армия — это два года перманентного стресса. Язва — ведь это что? Либо алкоголь, либо бактерии. Хеликобактер пилори, слышали о такой? Вот мы первым делом этого зверя и поищем. Найдём — пропишем курс антибиотиков.

— А это могло быть причиной? — отец показал врачу пузырёк с вязкой жидкостью.

— Что это? — недоверчиво поморщился врач.

— Не знаю. Но я очень хотел бы попросить вас это выяснить, у вас для этого возможностей больше.

— Ваш сын это употреблял? Регулярно?

— Нет, только один раз. Как раз в тот вечер. Совсем немного. Буквально три капли. В прямом смысле.

Врач взял пузырёк, потряс его, посмотрел на свет.

— У нас лаборатория отдельно. Я могу отдать это на анализ, но учтите — если там что-нибудь такое, — он загадочно пошевелил пальцами, — то они вынуждены будут сообщить куда следует. По инструкции обязаны, понимаете.

— Понимаю. Пусть сообщают, если надо. Но для меня очень важно знать, что там.

— Передачи пока не носите, — сказал врач, положив пузырёк в карман халата. — Ему сейчас назначена особая диета. Сегодня он весь день будет спать, завтра будет завтра, а вот послезавтра можете прийти проведать. Один или вдвоём с женой – всё равно. Время посещения – вот, на двери написано. — И перед тем, как уйти, добавил доверительным тоном: — Я вас понимаю, у меня самого сын в этом возрасте. Это, может, и неприятно, но не фатально. Всё будет хорошо, вот увидите.

Первым делом Андрей спросил родителей, не было ли письма. Он смирился с перспективой проваляться месяц в больнице, а потом ещё месяц лечиться дома. Сам понимал, что Ромео из него пока что никакой. Он с кровати-то еле слезает без посторонней помощи, какой уж там Вильнюс...

Посидели, поговорили.

А в коридоре врач возвратил Юрию Палычу пузырёк.

— Там сахарный сироп, — сказал он. — Просто вода и просто сахар. Больше ничего.

— Спасибо вам, — Юрий Палыч потряс врачу руку. — Спасибо. Вы даже не представляете, насколько это было важно. Не только для меня, но и вообще...

Врач лишь улыбнулся и понимающе подмигнул.

Третье письмо появилось в почтовом ящике в день выписки Андрея. У Лины всё было в порядке, Андрея она ждала с нетерпением, признавалась ему в любви. И снова та же подпись с рожицами.

И в тот же день Юрий Палыч слёг с сердцем. Держался на стрессе, пояснили врачи, потом успокоился, расслабился, вот и стукнуло. В принципе, ничего страшного, но обороты надо сбавить.

— Вот и до меня очередь дошла, — шутил Юрий Палыч. — На работе все давно с ишемией. В пятьдесят и без инфаркта, где ж такое видано. А то доживу до пенсии, платить надо будет, государству

убыток. Сан Саныч Колосов – мастер из инструментального, царство ему небесное – пятьдесят девять лет с хвостиком, и всё, йок.

— Пап, слушай, заканчивай, а? — попросил Андрей.

— Именно что, — поддержала его мать. — Хватит канючить. Ты нам нужен ещё.

А про себя добавила: «Это всё чухня эта проклятая. Из-за неё всё и началось. От же, сука, прицепилась. Сначала за Андрюшку, теперь и за Юрку взялась. Да будь ты проклята, тварь тевтонская. Гадюка подколотная. Пропади ты пропадом, исчезни, изыди!»

И плюнула три раза на запад.

К лету оба поправились. Разве что Юрию Палычу дали третью группу инвалидности на год – рекомендовали лёгкую работу до полного заживления. Плюс прописали лечебную физкультуру два раза в неделю, прикрепили к профильной поликлинике и сказали регулярно показываться тамошнему врачу. А профсоюз выделил курсовку в местный ведомственный профилакторий.

— Я ж вижу, как ты копытом землю роешь, — сказал как-то Андрею отец. — Не волнуйся, со мной всё нормально будет. Поезжай, не мучайся. А то ещё одну язву заработаешь. От нервов иммунитет страдает, твой лечащий врач мне лично так и сказал. Нет иммунитета – бактериям курорт. На почте скоро для твоих писем специальный вагон выделят. Давай, поезжай!

— Литовцы – они те же поляки, — уверял Андрея сосед по купе, которому он, как настоящему случайному попутчику, вывалил всю свою историю. — Конечно, да. Они всё время вместе жили, вместе против нас воевали. Те и другие католики, напрямую Ватикану подчиняются. У них и языки одинаковые. Не одинаковые, нет? Ну и что, всё равно, ничего хорошего от них не дождёшься. И Союз разваливать они первыми начали. Я у них был в командировке в восемьдесят третьем. В Риге и в Юрмале. Это Латвия? Да какая разница! Европа, бля! Жили – как сыр в масле. Заводов им понастроили, жилья. Вся страна на них работала, задабривали, подлизывались. В магазинах колбас – пять сортов. Сыры, ветчина, тушёнка. В промтоварах

стиралки без записи. Своими глазами видел, как тебя сейчас. Какого хера им ещё нужно было? Свободы? Теперь есть у них свобода. Магазины от еды уже освободили. А они как хотели? Пусть в очередях постоят, как мы. Понюхают немного развитого социализма. И пороху пусть понюхают, чтоб с жиру не бесились. Приедешь туда, так и спроси их прямо: «мы вас от фашизма спасли, а вы нас вот как благодарите?».

«Снова «мы» и «вы», — подумал Андрей. А попутчик продолжал:

— Ты «Бориса Годунова» у Пушкина читал? А вот возьми и прочитай. Чисто ради любопытства хотя бы. Там из-за полячки Марины Мнишек на Руси Смутное время началось. Вся каша из-за неё. А Пушкин это произведение по историческим документам писал. Одна такая сука появилась — и треть страны друг друга переколошматили. И сама страна уменьшилась. Чисто территориально. От Смоленска до Питера — всё захапали.

— Наверное, красивая была, — предположил Андрей.

— Кто?

— Марина эта.

— А чёрт его знает. Наверно, красивая, раз столько мужиков из-за неё передрались. А твоя как? Чисто внешне, я имею в виду.

— Нормальная, — ответил Андрей. — Мне больше и не надо.

— А больше у них и нету. Ты на Трунскене ихнюю посмотри.

— Прунскене, — поправил Андрей.

— Какая разница! Мужичка самая настоящая. Рожа — во, про тушу вообще молчу. Это ж сколько нужно выпить, чтобы такую трахнуть? Даже чисто гипотетически? А потом говорят, что литовцы русских за просто так перепьют. А я тебе скажу, что так и есть. Я в армии с литовцем служил: сядем бухать, русских всех давно развезло, а у него ни в одном глазу. И знаешь, почему?

Андрей покачал головой.

— Ты Зигмунда Фрейда читал? А вот возьми и прочитай. Чисто для общего развития хотя бы. Это психолог такой был. Выдвинул теорию бессознательной психики и сексуального влечения. Говорил, что эти два фактора влияют на поведение человека, на его запросы и закидоны. Вот ты что-то делаешь, а сам не осознаешь почему.

— Как это, не осознаю? — возразил Андрей. — Я люблю девушку, поэтому к ней и еду. Осознанно.

— Но планы-то на совместную жизнь строишь потихоньку?

— Да, а что?

— Так вот это оно самое и есть. Сексуальное влечение. Либи́до.

— А бухалово тут причём?

— Притом, что у бедных литовцев красивых баб нету, вот они это своё неудовлетворённое либи́до в пьянку и сублимируют. Сам-то Фрейд в Австрии жил. И видел, какие там немки страшные. Поэтому у них столько философов и психологов было. А что им ещё делать, если на баб ихних даже по пьяни не стоит? Только философствовать и книжки писать. А фламандские мастера хер какого века? Художники. Бабы страшнющие, так хоть картины рисовать. Душа же к прекрасному тянется, эстетика требует. И прибалты туда же. Бабы такие, что или пить или независимость объявлять.

— Ну, не знаю, — снова возразил Андрей. — Вон, хохлушки все поголовно красивые. А мужики у них бухают по-чёрному. И независимость объявили чуть ли не в один день с Литвой.

— Хм, — сосед задумался. — Может, они им не дают?

— Допустим. А русским их бабы дают. Пока что. Тогда с чего они бухают? И независимость объявили одновременно с Литвой непонятно от кого. От самих себя, наверно.

Сосед задумался, а мысли Андрея давно были в Вильнюсе.

Перед дверью он постоял с минуту, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Но стоило ему нажать кнопку звонка, как дыхание сбилось опять. Сердце бешено колотилось.

Внутри послышались неторопливые шаги, в глазке что-то зашевелилось. Женский голос спросил что-то по-литовски.

— Я Андрей, — представился Андрей. — Андрей Лисин. Я к Лине. Позавчера телеграмму отправил, что сегодня приеду.

Послышались ещё шаги, и дверь открылась. На пороге возник начавший лысеть хмурый мужчина лет тридцати пяти в трениках, майке и с татуировками на плечах. За ним стояла квадратная женщина тех же лет, очевидно, его жена. В небольшой прихожей стояли швабры, веники и смешной круглый пылесос. На полу лежал странный коврик невероятной толщины, в котором Андрей на этот раз разглядел огромные пружины.

— Что вам нужно? — произнёс с сильным акцентом мужчина, осмотрев Андрея с головы до ног.

— Я к Лине.

— К какой Лине?

— К Лине Балтрамеюнайте, — без запинки выпалил Андрей.

— А это кто?

— Подруга моя. Невеста, в смысле. Я к ней из Кургана приехал.

— Ну, приехали, и хорошо. Только нам-то зачем докладывать?

— Так она же здесь живёт?

Мужчина и женщина переглянулись.

— Нет тут никакой Лины. И не было. Вы адресом ошиблись.

— Как же нет, — Андрей был совершенно сбит с толку. — Вот её письма, целых три. Вот обратный адрес стоит, видите?

Мужчина взял письма, повертел туда-сюда.

— Обратный адрес можно любой указать. На почте не проверяют.

Женщина что-то сказала мужу на литовском.

— Ладно, проходите, — мужчина немного подвинулся. — Нехорошо через порог разговаривать.

— Я вам телеграмму посылал, — напомнил Андрей, когда они вошли в знакомую комнату. Там всё было как раньше. Обеденный стол, стулья. Через приоткрытую дверь ванной была видна импортная сантехника. На письменном столе стоял телефон.

Женщина порылась в бумагах на тумбочке.

— Эта?

— Она! — обрадовался Андрей. — Значит, вы её получили!

— Получили, — подтвердила женщина. — И ничего не поняли.

— Я был у вас здесь, — сообщил Андрей. — В ноябре и декабре.

Новый год тут встретил.

— Как это?

— Ну, так. Телевизор смотрел. Ел. Спал.

— Это явка с повинной? — мужчина удивлённо поднял брови.

— Какая явка? Я ничего такого не сделал.

— Как это не сделали? А проникновение в чужой дом — это что?

— Да не проникал я никуда!

— А как вы тогда тут оказались?

— Меня Лина пригласила...

— Какая Лина, что вы нам голову морочите! — мужчина явно начинал терять терпение.

— Лина Балтрамеюнайте. Моя невеста. Она здесь живёт. То есть, тогда жила. Открыла вот эту дверь своим ключом. Угощала едой вон из того холодильника. Кофе заваривала.

Постельные подробности он предпочёл опустить.

— И в душе этом я помылся. В сапогах по дому ходил, потому что пол холодный, его перестилать надо. И телефон вот тот помню. Он был подключён к розетке, но не работал, потому что линию так не провели. Сказали, что район всё равно идёт под снос.

— Уже не идёт, — сообщил мужчина. — Наш район теперь исторический, сносить не будут. И телефон подключили. Работает.

— Можем продемонстрировать. Например, милицию вызвать, — предложила женщина.

— Не надо никакой милиции, пожалуйста, — попросил Андрей.

— Тогда документик предъявите, — потребовала она.

— Конечно, конечно! — Андрей полез во внутренний карман.

— А пол — это да, перестелить надо, — согласился мужчина. — Ему лет триста, наверное. Не меньше. Снизу дует.

— Не надо ничего перестилать, — возразила женщина. — Зато у нас летом прохладно. Тебе деньги девать некуда?

Они расселись за знакомым столом. Андрей выложил на стол все три письма от Лины, добавил к ним паспорт и военный билет, который носил с собой по привычке.

Женщина взяла паспорт, а мужчине достался военный билет.

— Так, — он углубился в чтение. — Лисин Андрей Юрьевич. Дата рождения — тринадцатого сентября семидесятого. Место рождения — город Курган. Национальность — русский. Отметки о прохождении воинской службы...

— Я здесь служил, — подтвердил Андрей. — Во внутренних войсках. В должности оккупанта. Так мы и познакомились.

— Ого! Я ведь тоже оккупантом служил. В Грузии.

— А мой отец — в Венгрии, — добавил Андрей. — А дядя — тот в Чехословакии, сначала захватчиком, а потом — оккупантом.

— Я в Грузии к девчонке в самоволку бегал, — продолжил мужчина. — Но повезло, ни разу не попался.

— Чего? — Женщина оторвалась от чтения паспорта. — Это к кому ты там бегал?

— Какая разница! Это до тебя было.

— До меня? Да как же до меня, когда я тебя из армии ждала?

— Так ты меня сама по себе ждала, по собственному желанию. Я тебе ничего не обещал.

— Сейчас как дам... больно! — женщина шутливо ударила его Андреевым паспортом.

— Я партийный архив охранял, — пояснил Андрей. — Который потом сгорел.

— Он не сгорел, — ответил мужчина. — Стоит целый. А бумаги — те да, днём и ночью жгли. Огонь был такой, что думали, что пожар.

— Ладно, — сказала его жена. — Раз уж архив, и раз уж Лисин Андрей Юрьевич из Кургана, то вот...

Она встала, открыла одну из нижних дверок югославской стенки и достала оттуда полиэтиленовый пакет с полустёртым изображением олимпийского мишки и едва читаемой надписью «Олимпиада-1980». В пакете оказались все письма Андрея к Лине. Несколько стопок, каждая аккуратно перетянута резинкой.

— Вот твой архив, — объявила она ошарашенному Андрею. — Думали, почтальону сказать, чтобы он обратно отправлял, так никак его поймать не можем. Это сейчас мы оба в отпуске, а так целый день на работе. Приходим, открываем ящик — письмо. Потом — опять. И снова опять. Думали собрать бандероль да отправить их все обратно. Собирались, собирались, а теперь ты сам приехал.

— Мы записку на почтовый ящик вешали, — продолжил мужчина. — На конвертах написано Балтрамеюнайте, а на почтовом ящике — Бараускас. Ну и? Всё равно без толку.

— А дочка была бы Бараускайте, — блеснул знаниями Андрей.

— Она и есть Бараускайте, — сказал мужчина. — Сейчас у бабушки. А вообще да, даже ты знаешь, а почтальон нет.

Уже в прихожей женщина положила в пакет письма от Лины и его телеграмму, после чего объявила:

— Теперь твой личный партархив в полном комплекте!

— Тут вот ещё что, — Андрей ухватился за последнюю соломинку, — она говорила, что живёт в этом районе всю жизнь. В детский садик тут ходила, в школу. В хлебный магазин за углом. В музыкалке на аккордеоне играла, но инструмент потом продала. Говорила, что что её все тут знают. Может быть...

— Не может. Это мы живём тут всю жизнь, в садик вместе ходили тут рядом, через два дома. Никакой Лины Балтрамеюнайте не знаем и никогда о ней не слышали.

Он ненадолго задумался и продолжил:

— Давай так. Ты у нас в доме без нас ни разу не был. Ни в ноябре, ни в декабре, в январе, ни вообще, хорошо? Мы на самом деле на Новый год уезжали. Когда приехали, ничего не заметили. У нас ничего не пропало, ничего не сломалось. Никаких посторонних следов. Тебе

адрес с ошибкой записали, ты сюда письма и отправлял. Мы тебе их отдали. Друг друга мы до того не знали и сейчас больше не знаем. Тебе всё приснилось. Померещилось, понял?

— Так точно! — У Андрея закончились все аргументы.

— Вопросы есть?

— Никак нет!

— Вот и замечательно.

— Разрешите идти?

— Иди. Всего тебе самого хорошего, — сказал мужчина.

— И счастливо доехать! — добавила его жена.

Дверной замок за его спиной щёлкнул два раза.

Всю дорогу в Вильнюс он просчитывал самые разные сценарии. А что, если у Лины за это время появился другой? А если этот другой у неё всегда и был? А если её родители будут недовольны знакомством? А как он объяснит им, откуда вообще взялся? А если её со всем курсом забрали на сельхозработы? А если дома просто целыми днями никого не будет? Всё-то он предусмотрел, но к такому повороту готов не был.

Допустим, она каким-то образом получила ключ от этого дома. Знала, что хозяев там нет, до Нового года и в сам Новый год их точно не будет. Да они и сами признали, что уезжали. По каким-то причинам она не хотела вести Андрея в свой настоящий дом. Может, боялась конфликта с родителями, не знала, как представить Андрея и объяснить им своё знакомство. Или стеснялась. Хотя перед ним-то чего стесняться? Он ведь не миллионер какой и не мажор. Обычный рабочий парень из глухой российской провинции. Будто он не видел, как люди живут.

Или наоборот: она из семьи важных политиков или новых бизнесменов. Поэтому она о политике так пренебрежительно говорила, свысока. Словно для неё это рутина, привычное дело. Всех она знает, во всём разбирается.

Размышляя таким образом, Андрей и не заметил, как оказался в сквере на площади, где они встречались. Прошёлся туда-сюда. Нашёл их любимую лавочку, сел, осмотрелся по сторонам. Идеи, как назло, не приходили.

Часы пробили полдень. Он инстинктивно стал смотреть туда, откуда Лина обычно появлялась. Вот та самая аллея, только теперь она вся заросла зеленью. Именно туда он каждый раз с бешеным стуком сердца вглядывался, ожидая в любую секунду увидеть силуэт девушки. Он вспомнил, как она тогда прибежала запыхавшись. Пришла сказать, что не придёт – прикольно, конечно. Да ещё с таким акцентом это сообщила, что сдержать смех было невозможно. Но всё же во какая обязательность! Европа! Не хотела заставлять его ждать, потому что им как раз зачёт перенесли. Стоп-стоп! Зачёт? Зачёт! Она ж в университете учится! И зачётку ему показывала на литовском языке. Да что ж это он!

Самого главного человека учебного заведения – вахтёрши – на месте не оказалось, спросить было не у кого. Андрей демонстративно покашлял, погулял пару минут по вестибюлю для приличия и пошёл прочёсывать университет самостоятельно.

Приёмные экзамены прошли, приказы о зачислении вывешены, каникулы и отпуска были в самом разгаре. Редкие сотрудники проходили мимо, ни разу не поинтересовавшись, что тут ищет парень с маленьким чемоданом в одной руке и пакетом «Олимпиада-1980» в другой. По счастью, все надписи на литовском дублировались ещё и на русском, так что через полчаса блужданий по лабиринтам Андрей оказался у двери учебной части факультета иностранных языков. Расписание работы отдела на пятницу: с 10 до 14. Часы на противоположной стене показывали без малого час.

На стук никто не отозвался. Андрей повернул ручку – дверь была закрыта на ключ. «Да, — подумал он. — сейчас ведь каникулы. Кто же будет в такое время в кабинете сидеть.»

Он начал обдумывать план последующих действий, когда на лестнице послышался стук каблуков, и в коридоре появилась сухопарая женщина предпенсионного возраста с приросшим к лицу недовольным выражением. Андрей как можно вежливее поздоровался и объяснил цель своего визита. Женщина представилась Валентиной Сергеевной, лаборантом учебной части.

— Не припомню такой, — сказала она после непродолжительного раздумья. — Балтрамеюнайте Лина... Лина Балтрамеюнайте... Нет, такой у нас нету. Я, конечно, всех студентов сходу наизусть не

перечислю, но, если мне назовут фамилию-имя, я сразу вспомню. Тем более, что фамилия, прямо скажем, не самая распространённая.

— Специальность «романо-германские языки», — уточнил Андрей. — Английский и французский.

— Уж в чём-чём, а в специальностях-то я разбираюсь, — усмехнулась Валентина Сергеевна. — Ладно, заходи, поищем твою Лину.

Помещение внутри было перегородено застеклённой стойкой, как в сберкассе. Пространство за стойкой занимали шкафы с папками, журналами и книжными томами. Валентина Сергеевна открыла небольшую дверку в стойке и прошла на ту сторону. Взяла несколько толстенных журналов, надела очки.

— Вот, — показала она, — это списки студентов. Самые свежие. Переработанные и дополненные, как говорится. Говоришь, она на втором курсе была? Значит, должна перейти на третий. Так-с...

Лаборантка прошла весь третий курс, потом четвёртый и пятый. На всякий случай посмотрела второй, а под конец — только зачисленных первокурсников. Проверяла аккуратно, тщательно, с линейкой, строчку за строчкой.

— Нет такой. И никогда не было. Я здесь всю жизнь работаю, меня в инвентарь можно записывать. Иногда приходит студентка, говорит, что её мама училась тогда-то и там-то. И я тут же её вспоминаю. Уж что-что, а память у меня отличная. И на лица, и на имена, и на цифры. Так что... — она сняла очки.

Андрей стоял ни жив ни мёртв.

— А твоя девушка точно у нас училась? Может, в пединституте? Там тоже иняз есть.

— Нет-нет, — Андрей не сразу пришёл в себя. — Исключено. На свидания она приходила именно отсюда. А главное, она говорила, что ни в жисть не будет работать училкой. Собиралась быть переводчицей или референтом по иностранной документации. На совместном предприятии каком-нибудь, например, или в министерстве иностранных дел, оно сейчас как раз образуется. Или экскурсоводом, иностранцам Вильнюс показывать. Да, вот ещё! Я же её зачётную книжку видел. С фотографией и настоящей круглой печатью. И отметками об экзаменах и зачётах. Там, правда, всё на литовском было, но «universitetas» и так понятно.

Валентина Сергеевна лишь с сожалением развела руками.

«Это какая-то чудовищная мистификация», — Андрей вспомнил эпизод из своего любимого фильма «Ва-Банк». Этого не может быть. Допустим, дом был не её. Но зачётную книжку на её имя с её фотографией он видел своими глазами! Это либо чертовщина, либо сон.

На улице он остановился, не зная, куда теперь идти. Он чувствовал, что должна была быть ещё какая-то зацепка, какая-то ниточка. Дом, университет — да. Но было что-то ещё. Что?

Андрей постоял ещё пару минут, собираясь с мыслями, прежде чем его осенило: телефон! Он разговаривал с Линой по телефону её двоюродной сестры Вероники. Точно! Она звонила ему в караулку одним звонком, а он перезванивал. Как же он мог такое упустить! Номер телефона он знал наизусть, как свой день рождения.

Он долго рылся по карманам, перетряхнул весь чемодан, пока не нашёл двухкопеечную монету. Подошёл к ближайшему автомату и увидел, что кто-то оставил в нём свои две копейки. Бывает такое: человек не дозвонился, разозлился ушёл, а монету забыл.

Трубку сняли тут же, и низкий мужской голос устало произнёс:

— Третий пост, дежурный слушает.

Андрей был готов к любому сюрпризу, но только не к такому.

— Здравствуйте, — выдавил он. — Позовите, пожалуйста, Веронику к телефону. Или Лину, если она у вас.

— Какую Веронику?

— Веронику. Нику.

— Фамилия?

— Лисин.

— Её фамилия!

— Не знаю. Балтрамеюнайте, наверное.

— Нет тут никакой Вероники. Это служебный номер, учреждение.

В трубке послышались короткие гудки. Ещё не осознав, что произошло, Андрей достал свои две копейки и перезвонил.

— Подождите, пожалуйста! Не вешайте трубку! — Он назвал номер телефона. — Я этот номер набирал.

— Да, номер этот. Тут нет никакой Вероники. Ни Вероники Маврикиевны, ни Авдотьи Никитичны. Говорю же: учреждение, служебная линия, слышите? И не звоните больше сюда.

— Я Андрей, — отчаянно простонал Андрей.

— А я Игорь, — на том конце линии снова бросили трубку.

Вот что Андрей потом не мог вспомнить, так это как он очутился на вокзале, как покупал билет и как садился в поезд. Очнулся в набитом битком плацкартном вагоне проходящего поезда, на боковой полке. А в чувство его привела неизвестно каким образом появившаяся идея.

Когда он планировал семейную жизнь в Вильнюсе, то думал стать кооператором. А что, если замутить такой же кооператив в Кургане? Не возвращаться на дохлый завод, не ждать инфаркта в пятьдесят, а образовать с Валерой кооператив электромонтажных работ? Производство в частных домах, охранные сигнализации, освещение в производственных зданиях, лифты, ворота, шлагбаумы... Работы уйма.

В Москве он поймал омский поезд, где продолжил обдумывать свои грандиозные планы. И лишь перед самым Курганом обнаружил, что пакета «Олимпиада-1980» с ним больше не было. Где и когда он его потерял? На Белорусском вокзале он был с пакетом и готов был в этом поклясться. А вот в омский поезд... Тут его уже, наверное, и не было. Значит, оставил либо в метро, либо на Казанском вокзале, когда билет покупал. Поставил у кассы чемодан и пакет, расплатился, взял чемодан, а про пакет забыл.

А если он забыл пакет и вспомнил о нём лишь на следующий день, то значит... Значит, он был для него не так уж и важен! Андрей поразился даже не столько самой этой мысли, сколько тому, насколько спокойно он воспринял потерю сразу всех вещественных свидетельств целой истории в его жизни.

«... когда вы уйдёте.» Просто и незатейливо. То есть, были вы тут – ну, и были. А не будет вас больше – ну, и не будет. Жизнь как шла себе, так и дальше пойдёт. Разве он сам не хотел относиться к происходящему именно так?

Ничто больше не могло напомнить о девушке, из-за которой он столько пережил сам и заставил столько пережить своих родителей. Из-за которой завалил письмами совершенно незнакомых людей. Спасибо им, что на самом деле милицию не вызвали. Вот будет номер, если кто-нибудь найдёт его архив и отошлёт обратно в Вильнюс.

И теперь, когда нет ни писем, ни связи, ни одного знакомого человека, который видел бы их вместе, он сидит себе в поезде и машинально перелистывает военный билет.

Наваждение. Мистика.

Радио под потолком пело:

*«Я из города в полночь домой уезжал,
Он летел за окном, он меня провожал.
И ночные огни повторяли светло:
То, что было, прошло, то, что было – прошло.»*

«То, что было, прошло, — повторил про себя Андрей. — А может ли пройти то, чего не было?»

Из военного билета выпал обрывок упаковочной бумаги с жирным пятном посередине. Если там раньше и было что-то написано, то жир растворил надпись так, что от неё не осталось и следа.

«Или всё-таки было? Ну, почему он не совершил Безрассудный Поступок! Ведь тогда бы он не потерял её. Хотя от Безрассудного Поступка сама она его и отговорила. Или нет? Или не она?»

Известие о ГКЧП застало его на вокзале в Кургане.

Родители поддержали решение Андрея не возвращаться на завод и начать своё дело. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы с ума от любви не сходило. Зарегистрировали кооператив. Вскоре пошли и первые заказы. Андрей был так увлечён новым делом, что не заметил, как со стены пропала карта Советского Союза с отмеченным маршрутом от Кургана до Вильнюса, а также список всех попутных железнодорожных станций. Не хватился их Андрей и после того, как Людмила Викторовна в день отречения Горбачёва тихонько вынесла на помойку и то, и другое. А синий чемодан с драгоценной формой отправился на антресоли двадцать лет ждать своей очереди в музей. Хотя фактически он и так был в музее. В музее без витрин и посетителей, куда может войти только его владелец.

Я тебя люблю

*«Любовь, что движет солнце и светила.»
Данте Алигьери, «Божественная комедия»*

— С днём рождения, дочка!

Марсела проснулась полчаса назад и теперь нежилась в постели. Она открыла глаза и улыбнулась.

— С днём рождения, — повторила мать и нежно поцеловала её.

— Спасибо, мам, — ответила Марсела, приподнявшись для ответного поцелуя.

Сегодня, в этот жаркий воскресный день, ей исполнялось не сколько-нибудь, а ровно восемнадцать. Хотя повзрослела она давно, когда вынуждена была взять на себя заботы о семье вместо надорвавшегося на тяжёлой работе отца. После короткого, но ожесточённого боя, когда Национальной гвардии удалось отбить очередное наступление повстанцев, половина города оказалась разрушенной, и население выгнали на работы по восстановлению городского хозяйства. Ни машин, ни приспособлений не было: лопата, носилки — вот и вся техника. Тут и молодые-то не выдерживали, что уж говорить о пятидесятилетнем старике, оставившем своё здоровье и годы на кожевенной фабрике. Хватило отца ровно на два дня, а на третий он не смог подняться с постели. Тогда Марсела, которой только что стукнуло шестнадцать, стала главой семьи. Отец остался жить, мало того — он постепенно стал снова самостоятельно передвигаться, но всё же больше сам требовал помощи, чем был в состоянии оказывать её другим. Он и рано состарившаяся мать давно были на её попечении, так что нынешний возрастной рубеж был чистой формальностью.

О подарках не могло быть и речи. Марсела и не ждала их, зная, что каждый потраченный на эти цели грош создал бы серьёзную прореху в семейном бюджете. Она работала на той самой кожевенной фабрике — единственном предприятии в их городке. Мать, заработавшая на ручной стирке болезнь суставов, иногда брала ещё работу на дом. Марсела прекрасно знала, откуда берутся деньги, и поэтому была благодарна домашним за поцелуи, которые сегодня казались ей особенно тёплыми.

И всё же солидный возраст обязывал. В церкви, куда вся семья, за исключением отца, как обычно отправилась на воскресную службу, Марсела вела себя совсем как взрослая. Сегодня она была серьёзна и сосредоточена, смиренно молилась, не отвлекалась во время проповеди, никак не реагировала на колючие насмешки парней, означавшие, по всей видимости, заигрывания, а после службы, церемонно раскланявшись с прыскающими от смеха девушками, сразу же направилась домой.

Там её ждал сюрприз. Голос Пабло она узнала сразу. Старший брат покинул отцовский дом несколько лет назад, когда ему, восемнадцатилетнему парню, грозил призыв в Национальную гвардию. Солдаты пришли за ним прямо в день рождения, но Пабло удалось ускользнуть из-под самого их носа и бежать из города к повстанцам. Острый ум, открытость, отвага, решительность, уверенность в правоте дела, за которое он сражался, помогли ему быстро продвигаться на верхние позиции в повстанческой иерархии, так что иначе, как команданте, его теперь не величали. Он на самом деле был командиром довольно крупного отряда, сражавшегося где-то на юге страны. Последнее время от Пабло не было никаких известий, и его внезапное появление вызвало у родных что-то вроде лёгкого шока.

Растроганная, с полными от слёз радости глазами мать никак не хотела выпускать сына из объятий, так что Марселе пришлось порядком подождать своей очереди. Но, прежде чем поцеловать Марселу, Пабло взял её за плечи и оценивающе посмотрел на сестру с расстояния вытянутых рук.

— Ну ты даёшь! Совсем взрослая стала. Хороша ты, сестрёнка, ой, как хороша!

И брат с сестрой обнялись. Пока длились объятия, Пабло незаметно передал Марселе увесистый кошелек.

— Что ты! — шепнула ему Марсела, когда поцелуи закончились.

— Я не привык приходить с пустыми руками, — тихо ответил он. — Не думаю, что эти деньги будут для вас сейчас лишними.

— Лишними деньги никогда не бывают, — согласилась Марсела, — но только...

— Ничего не "только", — возразил Пабло. — Это — честные деньги, бери их и не думай ни о чём.

— Да я ничего такого и не думаю.

— Ну, то-то же! А ты и на самом деле просто красавица, от парней, наверное, прохода нет, не так ли?

Марсела слегка покраснела.

— Значит, угадал! С днём рождения, сестрёнка. — Пабло нежно поцеловал её в лоб. — Скоро не будет ни партизан, ни повстанцев, ни войны. Через год будем праздновать твой день рождения открыто. Диктатура трещит по всем швам, ещё год назад я даже и не думать не мог, что повидаюсь с вами – так далеко был фронт. А теперь – вот он, рядом, рукой подать. — Он показал куда-то в окно. — Пара часов пешком – и всё. Боёв тут ещё не слышно, но скоро...

— Но сынок, это так опасно, — перебила его мать.

— Что опасно?

— Как что? Ты же сам сказал – фронт. Разве не опасно переходить линию фронта, да ещё в обе стороны? Думаешь, тебя не узнают? Да ещё полгода назад к нам чуть ли не каждый день с облавами приходили, всё ждали, что ты появишься. Потом перестали, надоело им без толку ходить. Тебя так и не нашли, а взять у нас всё равно нечего. Но ведь любая случайность, и...

— А вот это мне зачем, как ты думаешь? — Пабло постучал пальцем по лбу и усмехнулся. — На то и дана человеку голова, чтобы не было с ним никаких случайностей.

— Случайности поэтому так и называются, что происходят тогда, когда их никто не ждёт. Даже такой умница, как ты.

— Мама, ты не рада, что я пришёл? Ты не хочешь меня видеть?

— Да что ты! С чего ты это взял, сынок? Я люблю тебя, ты мой старший сын, первенец. Но мне страшно. Один шаг не в ту сторону – и... Не переживу я этого. — Мать несколько раз всхлипнула, а потом разрыдалась по-настоящему.

— Ну вот, началось, — подал голос молчавший до того отец. — Развели сопли. Наша дочь стала взрослой, вся семья в сборе, все живы и здоровы, чего ещё надо? Радоваться надо, а не реветь.

— Да радуюсь я, ещё как! — Мать крепко прижалась к Пабло.

— Ладно, хватит реветь, — постановил отец. — Давайте лучше посмотрим, что мы на стол собрать можем.

Тут за окном послышался шорох шин, скрип тормозов и шум работающего мотора. Отец, который стоял ближе всех к окну, побелел, как смерть. Он старался выглядеть спокойным, но лишь со второй попытки смог вымолвить прерывистым голосом:

— Солдаты...

Пабло в одно мгновение скрылся за занавеской, отделявшей родительскую кровать от остального пространства в доме. В случае

реальной опасности он намеревался выскользнуть из дома тем же путём, что и много лет назад — через выводивший на задний двор хитро спрятанный подвал, который солдаты тогда так и не обнаружили.

Мотор перешёл на холостой ход, и снаружи отчётливо послышался стук, который обычно издают солдатские ботинки, если тот, на чьи ноги они надеты, прыгает на землю с небольшой высоты.

— Это Диего, — сообщил отец, всматриваясь в окно.

Все облегчённо переглянулись. Марсела открыла дверь, не дожидаясь, пока Диего постучит, и через несколько секунд в дом вошёл молодой солдат в полном боевом снаряжении и с автоматом через плечо. Он открыл было рот, но слова приветствия так и не прозвучали. Солдат остановился, как вкопанный, удивлённо переводя взгляд с одного члена семьи на другого. Вероятно, странный вид присутствующих пробудил в нём какие-то подозрения, да и слова приветствия, с которыми обратилась к нему мать, прозвучали с неестественным, деланным радушием. Диего ничего не ответил, тем более что глаза его как раз остановились на задвинутой до самой противоположной стены занавеске. Марсела спасла положение. Она подошла к солдату и нежно поцеловала его.

— Здравствуй, Диего.

— Здравствуй, Марсела. Здравствуйте, все — наконец-то сказал Диего, ещё раз обеда взглядом комнату.

— Проходите, Диего, — голос матери уже приобретал привычную окраску, — побудьте с нами, у нас сегодня такой праздник.

— Как раз поэтому я и здесь, — он пошарил за пазухой и достал оттуда красивый, дорогого вида перстень. В доме с единственным оконцем царил полумрак, но дверь оставалась открыта. Диего поднёс перстень к потоку струившегося из дверного проёма света, и камень засиял поистине неземными красками. Все завороченно смотрели на это чудо, не смея вымолвить ни слова. Так они стояли, наверное, с минуту, после чего Диего взял руку Марсела и осторожно надел перстень ей на палец.

— С днём рождения, Марсела, — мягко сказал он.

Марсела была так потрясена, что не смогла ничего ответить. Чтобы не выдать слёз, она ещё раз поцеловала молодого человека и обняла его. Лишь когда душившая её волна схлынула, она смогла произнести слова благодарности.

— Ой, какая красота! Он настоящий? Никогда такого не видела. Где ты взял его?

— Потом расскажу. — Диего улыбнулся. — Потом. Сейчас совсем нет времени. Я заскочил только на секунду повидать именинницу. Надо бежать.

В подтверждение его слов грузовик нервно просигналил.

— Мы скоро увидимся. Обязательно!

Диего поцеловал Марселу, сделал её родителям знак рукой и побежал к грузовику, откуда доносились нетерпеливые окрики. Он легко вскочил в кузов, машина тут же взревела и вскоре скрылась в облаке серой пыли.

Мать закрыла дверь, перевела дух и обессиленно свалилась на плетёный стул. В комнате снова возник Пабло.

— Кто это?

— Это Диего, друг Марселы, — ответил отец.

— Друг? Марселы? — Пабло вскипел от ярости. — Этот выродок — друг нашей Марселы? Марсела, это правда?

— Да, Пабло, — спокойно ответила та. — Это правда. Мы с Диего встречаемся уже около года.

— Вот это да! Марсела, что у тебя может быть общего с этим маньяком? Он же по уши в крови невинных людей, как ты можешь вообще разговаривать с ним? Так, что он там тебе дал?

— Тебя это не касается, — твердо проговорила Марсела.

— Нет, касается. Ещё как касается, раз ты моя сестра. Покажи!

Марсела пыталась увернуться, отчаянно вырывала руку, но Пабло всё же удалось рассмотреть перстень на её пальце.

— Сними это немедленно, — приказал Пабло.

Марсела никак не прореагировала.

— Сними это сейчас же! — Пабло почти кричал. — Или ты не догадываешься, как этому подонку достался твой подарок?

— Ну и как же? — вызывающе спросила Марсела.

— Кольцо-то он тебе дал, только вот запоматывал приложить к нему отрубленный палец, с которого снял его по пути сюда.

— Не говори чепухи!

— Это чепуха? Ты говоришь, это — чепуха? — гремел Пабло. — А ты хоть раз видела, что оставляют после себя эти ублюдки? Думаешь, я не видел трупов с отрезанными пальцами? Да сколько угодно! А рядом с ними валялись кольца, которые для этих мародёров не

представляли никакой ценности. Они убивают людей, чтобы только лишь снять с них какую-нибудь безделушку. Убьют, отрежут палец, снимут кольцо, увидят, что оно оловянное, и бросают на землю. А человека нет. Ты разве не хочешь знать, скольких уложил твой дорогой Диего, прежде чем нашёл тебе подарок?

— Этим занимаются каратели, а Диего – не каратель.

— Да что ты говоришь! У него это на лбу написано?

— Я знаю Диего уже год, он не такой.

— Год, целый год! Как много, вы только подумайте! — он обвёл взглядом родных, которые с тревогой и страхом ждали, чем закончится этот разговор. — А я знаю их уже шесть лет, и такого насмотрелся, что никому не пожелаю увидеть даже в кошмаре. И когда моя родная сестра рада, что её обесчестил разбойник, то лучше бы мне сказали, что она умерла.

Здесь мать расплакалась, отец принялся успокаивать её, а Марсела, глядя прямо в глаза Пабло, сказала:

— А тебе-то откуда знать? Никто меня не обесчестил. У нас с Диего ничего не было.

— Ах, спасибо доброму Диего. Не было у вас ничего. Да если бы что-то и было, я назвал бы тебя обычной шлюхой, а так – ты потеряла честь. И потеряла ты её тогда, когда в первый раз заговорила с этим негодяем. Но ничего – мы уже недалеко. Ещё несколько дней, может быть, неделя, – и мы будем в Санта Кларе. И я тебе обещаю, нет, всем вам обещаю, — Пабло снова торжественно посмотрел на всех присутствующих, — клянусь, что как только мы войдём в город, я сам, вот этой рукой, — он поднял вверх правую руку, — задушу эту скотину на ваших глазах, если только ей не удастся улизнуть от возмездия. — С этими словами Пабло крепко сжал руку в кулаке. — Но если всё-таки сбежит, то долго всё равно не протянет. От Санта Клары прямая дорога на Леон, там им никуда не деться. Мы уничтожим эту мразь до последнего подонка. Они неспособны ни на что полезное. Они могут только одно – убивать. Горбатого могила исправит. Когда мы победим, они всё равно будут продолжать свои вылазки, только тайно, ночью. Они не могут не убивать. Единственный способ справиться с ними – это самим перебить их всех до одного. Жаль только будет, если твоего выроodka прикончит кто-нибудь другой, а не я.

— А что-то мы про обед совсем забыли, — эти слова мать произнесла тем же неестественным тоном, с которым недавно приветствовала Диего. — Так, что у нас там, посмотрим...

Марсела и Диего увиделись только следующим вечером. Быстро темнело, и пока они добрались до самой окраины городка, где им никто не мог помешать, единственным источником света оставалась растущая луна. Молодые люди заняли своё обычное место – едва возвышающиеся над землёй остатки стены бывшей хлебопекарни, давным-давно разрушенной при очередной зачистке и до сих пор так и не восстановленной. Они поболтали о том и о сём, временами замолкая и слушая цикад, поющих свои песни в сопровождении немой музыки безучастно глядящих вниз созвездий. Несколько раз они обменялись поцелуями. Марсела положила голову на плечо Диего, всматриваясь в темноту. Она понимала, что сегодня предстоит серьёзный разговор, но никак не решалась вспугнуть наступившее умиротворение. Диего, казалось, овладевали те же чувства. Он тянул время, гладил девушку по волосам, шептал на ухо приятные, слова. И всё же когда-то надо было переходить к делу.

— Твой Пабло – отчаянный парень, раз решился явиться сюда в одиночку, — начал он.

Марсела, хоть и ожидала этого вопроса, тем не менее, не нашлась, что сказать. Отпираться было бесполезно.

— Ты знал, что он был у нас?

— Конечно.

— А откуда?

— Как это откуда? Ну, представь себе – захожу я в дом, вы все стоите, ни живы, ни мертвы, языки заплетаются, говорите не своими голосами, смотрите на меня, как на привидение. Занавеску до того я никогда не видел закрытой. Ясно было, что там кто-то прятался. А кто там мог прятаться, кроме повстанца? Да и какого повстанца? Разве стали бы вы прятать у себя первого встречного, когда ваш дом стоит на самой дороге, а мимо патрули гуляют? И я к вам захожу, причём иногда и не один. Нет, на такое вы бы не пошли, разве что тот, кого вы прятали – твой брат Пабло. Я не прав?

— То есть, ты сразу всё понял, но не выдал его?

— Заподозри те, что в грузовике, неладное – и ваш дом в один момент сравняли бы с землёй вместе с вами самими. Так что пришлось ничего не заметить, хоть теперь и придётся поплатиться.

— Поплатиться?

— Угу.

Марсела сделала паузу, которая прозвучала немym вопросом. Диего тоже помолчал какое-то время, после чего выпалил:

— Нам придётся оставить Санта Клару твоему братцу.

У Марселы спёрло дыхание.

— Оставить Санта Клару? Как это?

— Очень просто: город будет сдан.

— А если бы ты выдал Пабло?

— Не знаю. Всё равно пришлось бы оставить. Только чуть позже и кому-нибудь другому.

— Всё на самом деле так плохо, как рассказывал Пабло?

— А что он рассказывал?

— Говорил, что самое позднее через неделю они возьмут город, а там — прямая дорога на Леон.

— Так оно и есть. Санта Клару нам не удержать.

— Но тогда вам конец! Если они возьмут Санта Клару, то не только получают выход на столицу, но и отрежут её от моря. Вас запрут в столице, как в мышеловке.

— Во-первых, дорога на столицу — это ещё не столица. Во-вторых, в Леон ведут много дорог. Такой выход к морю, как через Санта Клару, правда, один, но это ещё не ловушка.

— И вы спокойно сдадите такую позицию? Неужели вы не видите, что вам некуда больше отступать? У них уже полстраны.

— Откуда мне знать. Приказы отдаю не я.

— Ты знаешь, что они сделают с вами, если победят?

— Пабло тебе и это рассказал?

— Рассказал.

Диего усмехнулся.

— Представляю себе, что он там наговорил.

— А ещё он сказал, что по-другому с вами нельзя. Что вы — разбойники, мародёры и убийцы, которые только и могут, что грабить и убивать. И что если оставить вас в покое, то покоя всё равно не будет — только уже от вас.

— Я знаю. Нам не удастся скрыться или раствориться среди крестьян. Выловят и перережут, как овец, всех до одного. Старшие офицеры, те, кто повыше, конечно, успеют смыться за границу, а нас ждёт либо верёвка, либо пуля. Скорее всего — пуля. Столько деревьев в стране нет, чтобы всех перевесить.

— Ты так просто это говоришь!

— А что тут сложного? Всё это понимают.

— И всё равно оставляете Санта Клару?

— Город расположен так, что его легче захватить, чем удержать, поэтому он столько раз переходил из рук в руки. Будем надеяться, что и этот раз – не последний.

Он обнял Марселу.

— Диего, скажи мне, а сколько человек ты убил? — вдруг спросила девушка.

— Вы с Пабло и об этом говорили?

Она промолчала.

— Я встречал много врагов, — сказал Диего. — Они хотели меня убить. Мне надо было опередить их, чтобы остаться живым. Так что, если я до сих пор жив, то, значит, убил я много.

— А перстень? Ты снял его с того, кого убил?

Диего был явно удивлён такой прямоотой.

— Я не убиваю тех, кто мне не угрожает. Мы прочёсывали деревню, где прятались партизаны. Я вошёл в один дом, там сидела старуха с больным парнем. Она предложила мне этот перстень, единственную ценность, что у неё осталась, в обмен на жизнь внука. Парень и вправду был болен, но он точно был из партизан. У него был жар, и нога распухла. Он наверняка был ранен в перестрелке, а рана нагноилась, началось воспаление.

— И ты не тронул их?

— Я же обещал – вот и не тронул. Забрал эту вещицу и ушёл.

— И они остались в живых?

— Нет. В дом потом заходили другие солдаты, а перстень, как она сама поклялась, был у неё единственным. Но я не снимал его с трупа. Старуха и её внук стали трупами после того, как я ушёл.

Некоторое время они сидели молча.

— Не оставляй меня, Диего, — попросила Марсела.

— Но ты же видишь, что это невозможно.

— Ты не боишься, что мы потеряем друг друга?

Он ещё крепче обнял её.

— Марсела, я никогда больше не встречу такую девушку, как ты. Я не уверен, что вообще кого-нибудь встречу, вернее, что кто-то захочет встретить меня, потому что знаю, как нас ненавидят. Да и каждый день может стать для меня последним. Ну, а если мы всё-таки проиграем войну, то Пабло исполнит свои угрозы. Но пойми, пожалуйста, — мы ничего не сможем сделать. Город нам не удержать,

оставаться здесь – это верная смерть. Нам придётся расстаться, как бы мы ни противились этому.

— Я уйду с тобой, — заявила девушка.

— Ты с ума сошла! — Диего даже привстал на мгновение.

— А что тут такого? Вы отступите в Леон, больше идти вам некуда. И я отправлюсь туда. Сколько народу подалось в столицу за заработками – и ничего. Целыми деревнями уходили. Будет там на одного человека больше – подумаешь.

— Зачем тебе это?

— Да пойми же, наконец, если мы окажемся по разные стороны, мы никогда, слышишь, никогда не увидим больше друг друга!

— Мы не увидимся и тогда, когда оба окажемся на той стороне, где Пабло, — уточнил Диего.

— Вот! Теперь ты видишь: единственная возможность для нас остаться вместе – это быть вместе на вашей стороне.

— Но почему ты хочешь быть со мной?

— Тебе это так надо знать?

— И дальше? Я же сказал: меня могут убить в любой момент. А если и не убьют, то прав твой Пабло: я ни к чему больше не способен, кроме как воевать. Я ж тебе рассказывал, чем занимался раньше. Батрачил на поле. Поэтому я в армию и пошёл, чтобы всю жизнь не батрачить. Служить мне ещё полгода, а потом, если останусь жив, попрошусь на сверхсрочную службу. А потом – ещё и ещё. И так, пока меня не пристрелят. Ну, а если всё рухнет, то это случится гораздо раньше. С таким, как я, нельзя связывать свою жизнь. Ты должна это понять раз и навсегда.

— Диего, — она зашептала ему прямо в ухо, — это всё неважно. Я хочу быть рядом с тобой, хочу видеть тебя, чувствовать тебя, слышать твой голос. Я пойду с тобой хоть в преисподнюю.

— Как раз ад – это единственное место, куда я попаду совершенно точно. Здесь ты не ошибёшься.

— Я приняла решение, — тихо, но твёрдо заявила Марсела, — и не надо со мной спорить. Не будешь?

Диего ничего не ответил.

— Вот и правильно, что не будешь. А сейчас я, наверно, домой пойду, а то уже поздно.

— И то правда, — ответил Диего, радуясь окончанию неприятного разговора. — Я провожу тебя.

Это было их последним свиданием в Санта-Кларе. Пророчество Пабло начинало сбываться. В городке стали появляться раненые. Кроме обычных грузовиков, перевозящих солдат, по улицам взад и вперед проносились лёгкие джипы с пулемётами наготове. Да и сами грузовики двигались не по определённым маршрутам, как раньше, а бестолково, беспорядочно, внезапно выныривая в самых неожиданных местах. Картину воцарающегося хаоса дополняли солдаты, перебегающие с места на место, что-то громко выкрикивающие и вскидывающие автоматы при каждом шорохе. Они теряли контроль над ситуацией и в отчаянии пытались хоть что-то предпринять.

Когда Марсела, придя утром на фабрику, обнаружила у закрытых ворот стайку недоумевающих рабочих, она поняла, что её час настал. Она вернулась домой и сразу же стала собирать свои немногочисленные пожитки. Отец, забывшийся после бессонной ночи, не обратил на неё внимания. Когда со сборами было покончено, и Марсела задумалась о том, как ей проститься с семьёй, не ударяясь в споры и объяснения, в доме появилась мать.

— А на улице-то что делается! — всплеснула она руками. — Все снуют туда-сюда, даже под ноги не смотрят. Меня чуть машина не сбила. Хотела работу домой взять, а мне говорят... — она осеклась, увидев Марселу, собравшуюся в путь.

— Доченька, а ты никак куда-то собралась?

— Собралась, мама.

— И далеко?

— В Леон.

— В Леон? — переспросила, мать, не понимала, правильно ли она расслышала. — Зачем?

Марсела ничего не ответила.

— А что ты там собираешься делать?

— То же, что и все, — она пожала плечами.

— И как ты будешь там жить? На что?

— А как все живут? Так и я буду.

— Ничего не понимаю. Здесь-то чем тебе плохо?

— Мама, — сказала Марсела. — Я хочу быть рядом с Диего.

— С Диего? Ты хочешь быть рядом с Диего и поэтому отправляешься в Леон?! — Мать всё ещё не была уверена, что правильно понимает сказанное Марселой.

За занавеской послышалась возня. Отец был разбужен их шумом.

— Отец, ты слышишь? — почти завопила мать. — Ты слышишь?! Ну, вставай, иди же сюда.

Появился заспанный отец, в свою очередь удивлённый видом Марселы с котомкой в руках, дорожных туфлях, хранившихся в семье уже третье поколение, и в накинутой на плечи кофте.

— Ты куда? — недоумённо спросил он.

— Она уходит, — мать хлопнула себя по бокам. — Она едет в Леон, как тебе это нравится? А знаешь, почему? — И, не дожидаясь, пока муж переспросит, ответила сама. — Потому что она хочет быть рядом с этим Диего.

— В Национальную гвардию берут женщин? — осведомился отец.

— Да замолчи ты! Сейчас не до твоих дурацких шуток.

— Армия оставляет Санта Клару и отступает в Леон, — спокойно пояснила Марсела. — Диего будет там, а я не хочу терять его. Поэтому я ухожу.

— Терять его? — мать перешла на крик. — Да нужна ты ему, как чёрту свечка! Он сейчас думает только о том, как бы спасти свою шкуру, а если не получится – то свою жалкую душонку. А ты, дура, вообразила себе неизвестно что. Да там ведь самая бойня, тебе что, жить надоело?

— Диего любит меня, — заявила Марсела.

— Да что ты говоришь? — произнесла мать с заметной иронией. — У этих зверей чувства отсыхают ещё до того, как они наденут форму. Слышала, что сказал Пабло?

— Для Пабло они – враги. С какой стати он будет говорить про них что-то хорошее?

— А у тебя самой глаз нет? Ты что, не видишь, что это за скоты? Твой Диего тебя изнасилует и отдаст своей роте на развлечения.

— Если бы он хотел меня изнасиловать, то давно сделал бы это, — возразила Марсела. — Когда солдаты столько лет вытворяли в Санта Кларе, что хотели, он не только меня не тронул, но и другим не позволял ко мне прикасаться.

— Надо же, какой ангел твой Диего! Тебя он не тронул. А ты не спросила тех, кого он тронул? Хотя, спрашивать их всё равно бесполезно. Мёртвые ничего не скажут.

— Мама, я прошу тебя, прекрати этот разговор. Я решила уйти – и уйду. — Марсела переложила котомку из одной руки в другую.

— А о нас ты подумала? О больном отце? О младшем брате? Жить мы на что будем — тебя это не волнует?

— Ты, наверное, сама плохо слушала Пабло, — парировала Марсела. — Разве он не рассказывал, что новая народная власть обо всех позаботится и никого не оставит голодным? Говорил он это, или нет? Так что бояться вам нечего — не пропадёте. Да и кормилец из меня теперь никакой — фабрика закрыта, хозяева уехали ещё вчера, денег больше нет. А нет фабрики — нет и работы.

— Ничего не понимаю, — вмешался отец. — Мы столько лет страдали от этих извергов, каждый день молились, чтобы они провалились в тартарары, чтобы их поглотил вулкан или сожрали дикие собаки. Ну, или чтобы они просто в один прекрасный день все перестали или куда-нибудь исчезли. И вот, когда через день-другой такие герои, как наш Пабло, освободят нас от всех наших мук, ты отказываешься от свободы и добровольно выбираешь рабство.

— Это ты, может, и молился, а я ничего подобного не просила.

— А почему ты так уверена, что встретишься с ним в городе? — настаивал отец. — И если встретишься, то надолго ли? И куда ты за ним отправишься когда возьмут столицу? В ад?

— В ад — значит, в ад, — заключила Марсела, не собиравшаяся продолжать препирательства. — Прощай, мама. Прощай, отец. — С этими словами она поцеловала родителей, положила на стол кошелёк Пабло, оставив себе несколько монет на дорогу, и вышла.

Запахавшийся Диего появился в доме лишь под вечер и застал там плачущую навзрыд мать и хмурого отца, который, сдвинув брови и покусывая губы, рассказал ему, что произошло.

— Она совсем спятила! — воскликнул солдат.

— Спятила, говоришь? — мать подняла на Диего красные от слёз глаза. — А почему она спятила, ты, случаем, не скажешь?

Она встала со стула и стала наступать на молодого человека, бурявя его насквозь свирепым взглядом. Тот только успевал пятиться, отмахиваясь от женщины автоматом, словно веником.

— Марсела была умной, послушной девочкой. Мы не знали с ней ни горя, ни ссор. Никогда я её не ругала. Нам вся Санта Клара завидовала — чудо, а не дочь. И так было многие годы, пока не появился ты, будь ты проклят! Чего только мне за этот год не пришлось выслушать, как меня только не называли! Ей люди плевали вслед. А теперь она совсем ушла от нас. Что ты ей там наобещал?

— Сеньора, я ничего ей такого не говорил, клянусь вам! Мало того, я как мог уговаривал её не делать глупостей.

— Ах, так ты всё знал заранее!

— Она сказала однажды, что уйдёт в Леон, если Национальная гвардия оставит Санта Клару. Я убеждал её не делать этого и решил, что она передумала. Разве я пришёл бы сейчас сюда, если бы знал, что Марселы больше нет в доме?

— Я не верю ни одному твоему слову!

— Сеньора, я клянусь, что...

— Твои клятвы не стоят ни гроша, — твёрдо заявила мать. — Ты украл у нас Марселу. Она говорила, что ты не тронул её...

— Это правда, — вставил солдат.

— Так лучше бы ты изнасиловал её! — выкрикнула мать. — Тогда она была бы обещана, но осталась с нами. Мы всё равно любили бы её. У нас нет денег, нет таких прекрасных колец с камнями, нет ничего, что можно было бы унести с собой. Но ты всё равно умудрился ограбить нас. Ты отнял то, что дороже всех денег и драгоценностей. Ты отнял нашу дочь. Я ненавижу тебя. Убирайся, ко всем чертям, я не могу тебя больше видеть!

Она напустилась на Диего с кулаками и тот поспешил ретироваться, крикнув напоследок:

— Скоро здесь будет очень жарко. Не вздумайте выходить из дома, лучше переждите!

Ночное небо озарилось зарницами, а вместо обычной для этого времени суток тишины слышались автоматные очереди, залпы орудий, рёв моторов, стрекот вертолётов и взрывы снарядов.

Рота, в которой служил Диего, покинула Санта Клару одной из последних, под утро. Так как ближайшее пригодное для обороны место находилось от города в доброй полусотне миль по направлению к столице, линия фронта одним скачком приблизилась к Леону на значительное расстояние. Усталые солдаты устроили себе отдых в деревне, заранее оставленной жителями из опасения, что они станут вымещать на них свою ярость.

Диего расположился в одном из домов на краю деревни вместе с Фернандо — пухлым сынком столичного бизнесмена. Он имел все возможности избежать службы в армии, но, тем не менее, отправился

служить в Национальную гвардию рядовым солдатом, чтобы доказать себе и другим, что он вовсе не из породы маменькиных сынков, как можно было заключить по его виду и почти детскому лицу. Сослуживцы рассматривали его подвиг, как обыкновенную сытую блажь. Проявить себя он ничем не сумел, кроме, разве что, особой жестокости по отношению к крестьянам, за которой, как понял Диего, скрывался элементарный животный страх. Вот и сейчас Фернандо канючил, что ночевать на самом краю деревни опасно, что местные жители с вездесущими партизанами только и ждут, пока их сморит сон, чтобы затем спокойно и методично перерезать всю роту. Он вздрагивал от каждого звука, будь то насекомые, отчаянно шуршащие в углах и оставившие всякую надежду найти хоть что-то съестное, или примостившаяся на крыше птица. С автоматом навскидку он обнюхал каждый сантиметр дома, заглянул во все щели, после чего заявил, что не сомкнёт глаз, высматривая мерещащихся ему повсюду хитрых партизан. Диего беззаботно растянулся на жёсткой циновке. Он давно приучился чувствовать опасность и быть настороже только тогда, когда это на самом деле было необходимо.

Он думал о Марселе. Её поступок стал для него не меньшим сюрпризом, чем для её семьи. Диего не понимал, как она могла в один миг бросить всё, чем жила до сих пор, и отправиться в неизвестность, возможно, даже на смерть. Но ещё более трудным для его понимания было то, что девушка сделала это, чтобы быть с ним. Он не верил в искренность её чувств, не верил, что её внезапный уход мог иметь такое простое объяснение, как любовь, как не верил и в саму любовь. Другой же версии не находилось, по крайней мере, сейчас. Диего решил, что дальнейшие размышления не приведут его к какому-либо результату, и что надо встретиться с Марселой и всё обсудить, прежде чем забивать себе голову разными догадками. Она наверняка уже в столице, номер его роты ей известен, так что разыскать его не составит для Марселы никакого труда. В Леон они придут, вероятно, сегодня вечером, и их встреча станет вопросом лишь пары дней.

С этими мыслями Диего быстро заснул под мерное сопение Фернандо, вопреки своим же недавним обещаниям намертво отключившегося, стоило ему принять сидячее положение.

Автоматные очереди, протрещавшие через несколько часов, возвестили подъём. Фернандо открыл глаза на мгновение позже Диего и оттого немного смутился.

— Ну что, всех партизан разогнал? — осведомился Диего.

— Лучше быть начеку, когда партизан нет, чем спать, когда они караулят тебя, — гордо отвечивал Фернандо.

— Так были партизаны или нет?

— Нет, их не было. Я это знаю, потому что не спал.

— Ага, — недоверчиво буркнул Диего. — А я знаю это, потому что проснулся, а не остался лежать тут навсегда.

Он посмотрел в окно.

— Вздремнуть совсем не дали. Неужто разбойники догнали? — И усмехнулся, заметив, как округлились глаза Фернандо.

Они вышли на построение. После короткой переключки Диего ждало жестокое разочарование. Им объявили, что рота, не въезжая в столицу, отправится на ответственное боевое задание, заключающееся в следующем. Воодушевлённые взятием Санта Клары партизаны, действующие на пока ещё подконтрольной правительственным войскам территории, захватили виллу одного богатого землевладельца, что располагалась у самой линии фронта. Все находившиеся там были взяты в заложники, включая гостей, среди которых был старший офицер Национальной гвардии. Партизаны, вероятно, действовали спонтанно, повинаясь скорее позыву сердца, чем голосу рассудка. Поэтому никаких требований они не выдвигали, а просто угрожали перестрелять всех в доме, если солдаты вздумают приблизиться к вилле на подозрительное расстояние. Они, скорее всего, решили выиграть время и выработать план дальнейших действий, отсутствовавший у них напроць. Между тем, армейское начальство решило за чем-то стянуть к вилле значительные силы. По глупости этот план не уступал безрассудному нападению партизан, но вынужденная постоянно отступать и сдавать город за городом Национальная гвардия постепенно погружалась в хаос, добравшийся теперь и до командования. Оно хотело во что бы то ни стало записать на свой счёт хотя бы одну успешную операцию, чтобы не столько изменить положение на фронте, сколько восстановить дух медленно, но верно деморализующихся от непрерывных поражений солдат. Ради этого командиры шли на самые отчаянные и опрометчивые поступки.

Но приказы, как известно, созданы не для того, чтобы их обсуждать. Диего вместе со своим взводом забрался в кузов грузовика, проклиная прилипчивого Фернандо, комично исторгавшего воинственные угрозы вперемешку с детским хныканьем. Машина тронулась и Диего не заметил, как снова задремал.

Проснулся он оттого, что грузовик стоял на месте. Через щель в брезенте он посмотрел наружу и увидел автозаправочную станцию. Владельцы бензоколонок были обязаны заправлять машины Национальной гвардии бесплатно, и Уго, водитель, которому не надо было рассчитываться за горючее, уже было попрощался с продавцом, как тот начал что-то говорить ему, приглашая жестом зайти в свою будку. Уго сделал знак сидящему в кабине сержанту, зашёл в торговую палатку и спустя минуту появился снова с пачкой сигарет в руках. Он уже успел распечатать её и достать себе сигарету. Закрывая лицо ладонью, он тщетно пытался раскурить её, но свежий ветер гасил одну спичку за другой.

— Что, до кабины дотерпеть не можешь?! — недовольно окрикнул его сержант. — Давай быстро сюда!

Уго, сделав последнюю попытку, отчаянно махнул рукой и повиновался, после чего грузовик продолжил свой путь.

Диего попытался подремать ещё, но так и не смог заснуть и поймал себя на том, что снова думает о Марселе. Как она? Где она? Когда они увидятся и увидятся ли вообще? Что, если ей не удалось попасть в столицу? Хорошо хоть, что она догадалась уехать задолго до начала уличных боёв, так что по крайней мере шальной пули ей наверняка удалось избежать.

Его вывели из размышлений разговоры в фургоне. Солдатам показалось, что едут они слишком долго. Двое или трое из них, знакомые с местами, куда направлялся взвод, заявили, что машина вообще едет не туда. Диего этот путь тоже показался странным: он обратил внимание, что грузовик, повернув перед самым въездом в Леон направо, сделал в дальнейшем ещё один резкий правый поворот. Своими сомнениями он поделился с остальными, вызвав у товарищей ещё большие волнения. Прошло ещё довольно много времени, пока они, окончательно заподозрив неладное, решились постучать по кабине прикладами автоматов. Не заметив никакой реакции, они снова постучали, на этот раз — довольно громко. Результат оправдал худшие ожидания — машина продолжала двигаться вперёд, а водитель не обращал на сигналы из кузова никакого внимания. В кабине явно что-то произошло, но остановить машину без риска для себя солдаты не могли. Через заднее окно кабины ничего нельзя было рассмотреть, а заглянуть туда сбоку мешал покрывавший грузовик брезент. Кто-то выпустил очередь в пол, надеясь проколоть шины, но его сразу остановили — пули могли задеть топливный бак.

Вдруг машина сбавила ход и остановилась посреди дороги, не прижимаясь к обочине. Через ту же щель в брезенте Диего увидел, как Уго выскочил из машины, во всю прыть побежал прочь и вскоре скрылся в простирившемся вдоль дороги кукурузном поле.

Наступила зловещая тишина. Когда же солдаты сделали попытку высадиться из грузовика, на них обрушился настоящий град огня. Пули летели целыми стаями, прошивая брезент и поражая сидящих в фургоне одного за другим. Враг окружал солдат со всех сторон, оставаясь невидимым, так что солдаты напоминали ослеплённых и запертых в клетке кроликов. Они были вооружены до зубов, но не могли сделать ни одного толкового выстрела. Те, что сидели у заднего борта, были убиты первыми и загораживали теперь своими трупами выход наружу.

Диего был оглушён не столько выстрелами, сколько пронзительным звоном, который издали сразу две скользявшие по его каске пули. Он не стал, как другие, метаться в бессмысленной панике, а лёг на пол и решил в этом положении ожидать своего конца. Собственная смерть не была для него сюрпризом. Он давно был готов к ней и единственное, что интересовало его в этой связи, были обстоятельства, при которых это должно было произойти. Диего подумал о бедной Марселе, которая тщетно будет искать его в столице. Подумал о том, как встретит она известие о его смерти, а также о её теперь уже совершенно напрасной жертве.

Как долго продолжался расстрел, Диего сказать не мог, потому что с того момента, как он оказался на дне кузова, время для него остановилось и возобновило свой бег лишь тогда, когда стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Примерно с минуту снаружи ещё раздавались голоса, но затем они стихли, и та самая зловещая тишина вновь воцарилась вокруг.

Диего огляделся. Обшивка фургона напоминала сито. Рядом с ним в самых разнообразных позах лежали друг на друге тела его сослуживцев. Он заглянул в лица нескольких из них, но, не обнаружив никаких признаков жизни, решил выбраться из горы трупов, в которую превратился его взвод. Стараясь не запачкаться в крови, что была здесь повсюду, он пробрался к заваленному доверху трупами заднему борту и осторожно выглянул наружу.

Вокруг никого не было. Солнце беззастенчиво пекло, словно не замечая, что произошло на его глазах. Над кукурузным полем с чириканьем носились друг за дружкой птицы. Перед самым носом

Диего протрещал чинно летевший по своим делам жук. Диего уже раздумывал, не подождать ещё для верности, как услышал в глубине фургона слабый стон и пополз обратно.

Стонавшим оказался Фернандо, который, как и Диего, не был даже ранен. От страха он потерял сознание ещё в самом начале перестрелки и поэтому остался цел и невредим, проведя всё время на дне кузова. Теперь он пришёл в себя, но никак не мог выкарабкаться из-под сваленных на него тел.

Диего с трудом стащил с Фернандо два трупа, а с третьим тот справился самостоятельно.

— Ты тоже жив, это так здорово! — обрадовался Фернандо.

Диего воздержался от проявления эмоций, подумав только, что лучше бы в живых остался не Фернандо, а кто-нибудь другой. Трусливый нытик, то и дело палящий налево и направо без разбору, в нынешней ситуации не мог принести ничего, кроме вреда.

— Надо выбираться отсюда, — сказал вместо приветствия Диего, который внезапно овладело тревожное предчувствие.

— Но мы должны сначала посмотреть, нет ли здесь ещё живых, — возразил Фернандо. — Может, кто-то просто ранен.

— Нам надо убираться прямо сейчас, — уверенно сказал Диего и, посмотрев на озирающегося Фернандо, добавил:

— Впрочем, ты можешь оставаться. Как хочешь.

Он быстро пробрался к выходу и соскочил на землю. Фернандо последовал за ним. Едва солдаты успели скрыться в первых рядах кукурузных стеблей, как на другой стороне дороги снова появились бойцы, громко выражавшие своё удивление тем, что грузовик ещё цел. Один из них осмотрел машину, открыл правую дверцу кабины, откуда вывалился труп сержанта с успевшей засохнуть вокруг ножевой раны кровью, пожал плечами и вернулся к ожидавшим его товарищам. Повстанцы снова скрылись в зарослях и выпустили оттуда автоматную очередь по баку грузовика. Земля содрогнулась от взрыва, и над дорогой взвился столб пламени.

Стоявшие неподалёку беглецы переглянулись.

— Когда мы были на заправке, — догадался Диего, — они убили и подменили его своим шпионом. Тот залез в кабину, зарезал сержанта и повёл машину в засаду.

— Да, всё очень просто, — заключил Фернандо, как будто он с самого начала всё знал и теперь хотел лишь услышать это ещё раз.

Диего снисходительно улыбнулся:

— Ну, и куда теперь?

— Как это куда? Пойдём в ближайший гарнизон и расскажем о том, что с нами произошло.

— Фернандо, ты правда такой глупый или только притворяешься? Какой тебе гарнизон, когда всё здесь, — он обвёл пространство рукой, — под контролем разбойников? Мы у них в тылу, ты не понял?

— У них в тылу? — переспросил Фернандо, неподдельно вытаращив глаза. — С чего ты взял?

— Да с того, что так нагло они могли действовать только на своей территории. У нас они бы так далеко не ушли. Подумай сам: ты встретил по дороге хоть один наш блокпост?

— А чего же ты тревогу не поднял, раз такой наблюдательный?

— Тогда я не на это обратил внимания. Теперь только вспоминаю, что дорога была больно странная: ни одной проверки.

— Но как-то же мы пересекли границу? Разве это не загадка?

— Загадка, — согласился Диего. — Но нам сейчас предстоит решить куда более сложную загадку — как выбраться отсюда.

— Надо найти деревню, захватить заложника и потребовать машину, — посоветовал Фернандо.

— Да? А в том фильме не говорилось, как должна называться деревня и машину какой марки надо потребовать?

Диего осмотрелся и направился по полю вдоль дороги, стараясь не покидать зарослей. Фернандо поплёлся за ним, громко шурша ногами и поднимая всех птиц вокруг.

— Нельзя ли идти поосторожнее? — недовольно спросил Диего. — Ты не у себя дома, между прочим.

— Надо же, — буркнул Фернандо, — солдаты Национальной гвардии должны прятаться у себя в стране от собственного народа.

— Да, — усмехнулся Диего, — невовремя ты в армию собрался. Я, когда только начинал служить, тоже возмущался. Только тогда старослужащие рассказывали, как в их времена негодяи разбегались в разные стороны, завидев издали одного-единственного солдата. А я недоумевал, как какие-то бандиты, террористы осмеливаются совершать дерзкие вылазки против наших патрулей. Потом стали нападать на казармы и целые гарнизоны. А сейчас у них вообще полстраны, так быстро всё делается.

— И что теперь будет? — голос Фернандо выдавал его пересохшее то ли от жажды, то ли от страха горло.

— Откуда мне знать! День прожил — и ладно.

— А если они возьмут Леон? Они ж совсем близко!

— Ну, возьмут – так возьмут. Что теперь?

Фернандо обогнал его и встал на пути.

— Как это что теперь? — закричал он. — Да ты знаешь, что с нами тогда будет?

— Знаю, — просто ответил Диего. — Расстреляют. Или повесят.

— И ты так спокойно об этом говоришь?

— А как я должен об этом говорить? Если им суждено победить, то они победят, хотим мы с тобой этого или нет. Или думаешь, что они станут спрашивать нашего разрешения?

— Так разве Национальная гвардия не существует для того, чтобы этого не произошло?

— Она существует для того, чтобы помешать им. А вот получится ли это у неё – другой вопрос.

— Ну ты даёшь! Мы должны не только мешать бандитам. Мы должны защищать президента, правительство, парламент, всех достойных людей страны. Чернь защитит себя сама, а кто заступится за них, ты об этом подумал? Крестьяне бунтуют, убивают землевладельцев и отбирают их имущество – кто, по-твоему, должен остановить этот беспредел?

— Чему быть, того не миновать, — отмахнулся Диего. — Умереть сейчас, завтра или через год – какая разница, когда попасть в ад. Там всех нас ждут вечные муки, что такое пара дней или недель по сравнению с вечностью? И что, по сравнению с ней, победа или поражение в какой-то войне?

— Ты забываешься! — провизжал Фернандо. — Ты забыл, что дала тебе Национальная гвардия? Она вытащила тебя из той грязи...

— ...чтобы затащить в эту, — закончил Диего, которому порядком надоели эти нравоучения. — Послушай, молокосос! Я прекрасно знаю, что мне дала армия. Я как раз из той самой черни, которая, как ты говоришь, защитит сама себя и так. У меня нет родителей, меня воспитывал наш священник отец Симон. Он учил меня наукам, хотел, чтобы я пошёл по его стопам и перенял затем его приход. Но я никогда не хотел быть священником, и, если бы не Национальная гвардия, я отправился бы на большую дорогу, чтобы не умереть с голоду. Сейчас в стране такой бардак, что в армию попадают только те, кто сам этого хочет. Кому-то нравится грабить и убивать, а здесь он может делать это совершенно легально. Кому-то хочется выпендриться неизвестно перед кем. А кому-то, как мне, больше некуда деваться. Я в

армии подольше тебя. У меня столько же значков отличия, сколько у тебя выговоров. Я знаю, что такое долг и присяга. Ради президента, правительства и кого там ещё, кто, по-твоему, нуждается в моей защите, я уже два с половиной года каждый день рискую своей жизнью и бывал в таких переделках, что лучше тебе и не рассказывать, а то ты снова в обморок свалишься. — При этих словах Диего желчно усмехнулся. — И нечего искать во мне инакомыслящего, я не на допросе. Просто я ненавижу, когда мне начинают читать морали и учат меня делать то, что я и так всё время делаю. Особенно, когда это делают такие идиоты, как ты. — Диего закончил мысль, поразившись открывшемуся в нём дару красноречия.

Фернандо зло сопел, вероятно, обдумывая ответный ход.

— Дай пройти, — сказал Диего, и, не дождавшись, пока Фернандо пошевелится, отодвинул его в сторону и зашагал дальше.

Они прошли значительное расстояние, когда Фернандо снова подал голос, на этот раз прозвучавший по-детски умоляюще:

— Диего, как ты думаешь, у нас есть шанс выкарабкаться?

— Конечно. Я же говорил, что бывал и не в таких переделках.

— Нет, я имею в виду нас, в смысле — нас вообще.

— Без понятия. Своё дело я знаю, а остальное — не моя забота.

Фернандо явно не был удовлетворён таким ответом и принялся ещё что-то бубнить, когда поле вдруг оборвалось, и показался поросший низким кустарником пустырь. По другую сторону пустыря раскинулась средних размеров деревня. Диего сделал знак, и Фернандо наконец-то затих.

— У нас нет другого выхода, — тихо объяснил Диего. — Мы не знаем ни дороги, ни обстановки. Нам придётся попытать счастья там, — он едва заметно кивнул в сторону селения.

— И что мы будем там делать? — поинтересовался Фернандо. — Нас же пристрелят на месте.

— А вот это уже будет зависеть от того, как мы себя поведём.

— Ну, и как нам надо будет себя вести?

— По обстоятельствам.

— А при каких обстоятельствах... — начал было сбитый с толку Фернандо, как прямо перед ними откуда ни возьмись нарисовался мальчишка лет двенадцати. Несколько секунд он, вытаращив глаза, пялился на солдат, застигнутых врасплох не меньше его, а затем стремглав понёсся к деревне. Фернандо вскинул автомат, но Диего

остановил его. Отточенным движением он вытащил откуда-то нож и метко запустил его вслед убежавшему.

— Солдаты! — собрался крикнуть подросток, но как раз в это мгновение нож Диего настиг его. Мальчишка споткнулся и во весь рост рухнул лицом в высокую траву. Всё произошло так быстро, что Фернандо даже не успел опустить ствол.

— Совсем спятил? — зашипел на него Диего. — Хочешь, чтобы через минуту вся деревня прочёсывала поле?

— Это случайно получилось, — попытался оправдаться Фернандо. — Автоматически. Я не подумал.

— А голова тебе на что? Для того, чтобы неправильно выполнять глупые приказы? Ладно, — он, выждав немного, дружески хлопнул смущённого Фернандо по спине, — пойдём.

— Думаешь, они не успели его услышать? — спросил тот.

— Будем надеяться, что нет.

Диего, пригибаясь к земле, подкрался к лежавшему на земле мальчугану, выдернул из его спины нож, вытер об одежду жертвы её же собственную кровь и поместил оружие на его законное место. После чего оба продолжили свой путь к деревне.

На её окраине стояла одинокая лачуга. Это была даже не лачуга, а обыкновенный брезентовый навес, закреплённый на нескольких врытых в землю металлических прутьях. Привязанные к прутьям куски жести и пластика, а также пара досок служили, по всей видимости, стенами. Диего осторожно обошёл сооружение, которое даже с натяжкой нельзя было назвать домом, трогая одну его деталь за другой и всматриваясь в многочисленные щели. Убедившись, что внутри никого нет, он решил войти. Но сделать это оказалось не таким простым делом. В строении напрочь отсутствовало то, что должно было быть дверью. Ни ручки, ни какой-либо зацепки обнаружить не удалось. Диего начинало раздражать его дурацкое положение, как Фернандо, случайно задев одну из досок, сдвинул её так, что образовался довольно приличный проём.

Они вошли внутрь. Окно в сооружении отсутствовало, но оно было ни к чему. Через полупрозрачные пластиковые панели, бесчисленные дыры и щели свет проникал не хуже, чем через настоящее

окно. И наоборот – находящийся здесь мог безо всякого труда увидеть, что происходит снаружи.

Хижина была перегорожена стеной из расслоившейся фанеры, за которой лежала циновка. Из прочей обстановки можно было заметить три колченогих табуретки, грубо сколоченный стол и немного мелкой утвари вроде корыта, ведра воды в углу или расставленной по потрескавшимся полкам старой посуды.

— Во всяком случае мы здесь не на виду, — сказал Диего.

Фернандо заглянул во все чашки, плошки и единственную кастрюлю и, не обнаружив следов пищи, разочарованно вздохнул.

— И что теперь делать будем?

— Мы пока что не знаем, живёт тут кто-то или нет. Судя по всему – нет, но кто его там разберёт. Скоро стемнеет. Тогда мы сможем выбраться наружу, поймать кого-нибудь из местных и выпытать у него дорогу.

— А если тут кто-то живёт?

— Тогда мы спросим дорогу у него.

— До вечера? — взвизгнул Фернандо. — Я есть хочу.

— Можешь сбежать купить чего-нибудь. Деньги у тебя есть?

— Ты смеёшься!

— Конечно, смеюсь.

— Надо было хоть кукурузы в поле набрать.

— Надо было.

— Может, вернёмся туда?

— Нет, там слишком опасно. Пацан там запросто бродил, а ведь вместо него мог быть и кто-нибудь посерьёзнее.

Фернандо только простонал в ответ.

Они подождали ещё немного, слоняясь из угла в угол и в который уже раз сверля глазами голые стены, как вдруг снаружи показалась чья-то фигура, отчётливо просматривавшаяся сквозь матовые стены. Солдаты спрятались за перегородку.

В хижину тем же самым способом, что и они, вошла седая женщина с покрытыми глубокими морщинами лицом, хотя её уверенные движения свидетельствовали, что была она не так уж и стара.

Женщина положила на стол принесённый с собой сверток, взяла большую металлическую кружку и зачерпнула в неё воды, намереваясь, вероятно, вскипятить её. Тут она о чём-то задумалась, снова поставила кружку на стол и стала ощупывать себя, словно ища в кармане какую-то вещь. Диего неслышно вышел из своего укрытия,

держа руку на рукоятке ножа, как женщина вдруг повернулась, и их взгляды встретились.

От неожиданности и ужаса при виде стоявшего прямо перед ней солдата она буквально остолбенела и не могла произнести ни звука. Только губы её беззвучно дрожали, готовые достойно встретить заблудившийся где-то в глотке крик.

— Только пикни – и ты труп, — пообещал спрятавшийся за спиной Диего Фернандо.

Диего одним прыжком схватил женщину и зажал ей рот рукой.

— Сеньора, — сказал он, — мой товарищ не шутит. Но мы ничего вам не сделаем, если вы не станете кричать. Вы поняли это?

Ему пришлось несколько раз повторить вопрос, прежде чем женщина пришла в себя и слабо кивнула головой в знак согласия.

— Вот и чудесно, — Диего осторожно отпустил хозяйку дома и отступил на несколько шагов.

— Откуда вы? И что вам нужно? — глухо спросила женщина.

— Мы сбились с пути, — объяснил Диего, не вдаваясь в подробности, — и ищем теперь дорогу к своим.

— Сбились с пути? — удивилась она. — Да здесь на сколько миль вокруг ваших нет уже полгода, если не больше.

— Мы это тоже поняли, — согласился Диего, — только слишком поздно. Но, тем не менее, нам надо пробираться назад.

— Хорошо, — женщина теперь казалась совершенно спокойной. — Только чего вы хотите от меня?

— Выведите нас отсюда.

— К вам?

— Да.

Женщина покачала головой.

— Но ведь это очень далеко. Я не выдержу такого пути.

— Боюсь, что у вас нет выбора, — пожал плечами Диего.

Тут осмелевший Фернандо подошёл к столу и развернул лежащий на нём свёрток.

— Мммм... — довольно протянул он.

— Можете забрать это себе. Это ваше. Только оставьте меня в покое. Я не смогу помочь вам.

С этими словами она подняла подол юбки и показала опухшие до синевы ноги.

— А нам-то какое до этого дело? — промычал Фернандо, рот которого был до отказа набит содержимым свёртка.

— Вам, конечно, никакого, — ответила ему женщина. — Если я откажусь идти, вы меня убьёте. Если нет, то умру в дороге. Выбора у меня, как сказал сеньор, на самом деле нет. Поэтому я никуда не пойду. Всё равно умирать, так хотя бы не от боли в ногах.

— И что теперь? — Фернандо проглотил остатки пищи.

— Откуда мне знать?

— Сеньора, — сказал Диего, — вы должны нам помочь. Я знаю, что мы не можем заставить вас сделать это, да и положение наше так себе. Но я прошу вас – помогите нам. Давайте не будем спорить, чего нельзя сделать, а поговорим о том, что можно.

Женщина перевела на него свой взгляд и Диего на мгновение показалось, что она улыбнулась.

— И что вы предлагаете?

— Подумать, — Диего также ответил ей тенью улыбки.

— Ну, так думайте.

— Может, найдёте нам проводника? — высказался Фернандо.

Женщина улыбнулась теперь уже по-настоящему.

Прошло, наверное, с полчаса или больше, а нужная идея всё не появлялась. Диего хотел попросить хозяйку принести им еды и даже полез в карман, где у него хранилось немного денег – у самой женщины наверняка не было ни гроша, как снаружи показались какие-то тени и послышались приближающиеся голоса.

— Сеньора, — жарко зашептал на смерть перепуганный Фернандо, — пожалуйста... Умоляю, не выдавайте нас. Мы ничего вам не сделаем... Мы никому ничего не сделаем, мы сейчас сами уйдём, только спасите нас, ради всего святого!

Он начал хныкать и наверняка бросился бы женщине в ноги, если бы та не указала солдатам на место за перегородкой, а Диего не заставил его заткнуться.

В хижину постучали, и женщина отодвинула доску, приглашая гостей войти.

Их было трое. Своим видом они напоминали не то народный патруль, не то отряд самообороны. Старший из них, бывший, видимо, за главного, осведомился у Марии – а они поприветствовали женщину именно так, – с кем это она сейчас только разговаривала. Оказалось, что прохожие слышали доносившиеся из хижины голоса и сообщили о своих подозрениях дежурившему в это время патрулю. Диего почему-то подумал, что они так и не удосужились спросить у хозяйки

её имя. Но, с другой стороны, она тоже не проявляла никакого любопытства насчёт их имён.

— Ничего особенного, — успокоила их Мария. — Я и дома одна, и на работе одна. Целый день даже словом переброситься не с кем. Вот и говорю сама с собой. Со столом разговариваю, с кружкой, с табуретками. Иначе ведь совсем с ума сойти можно. А разве снаружи слышно? Я и не думала, что говорю так громко.

Удивление её было настолько искренним, а ответ — настолько правдоподобным, что патрульные сочли инцидент исчерпанным. Они ещё немного поговорили, а затем попрощались и ушли.

Мария подала знак солдатам, что опасность миновала.

— Вот что, сеньоры, мы сделаем, — сказала она, обращаясь к одному Диего. — Я сейчас расскажу вам, как вам надо будет идти, чтобы выйти отсюда.

Диего вытащил на свет небольшой блокнот.

— Нет, — покачала головой Мария. — Вы должны запомнить, что я вам скажу, а не записывать. Потом вы поймёте, почему.

Она самым подробнейшим образом нарисовала молодым людям картину дороги, по которой им предстояло пройти, не попадаясь на глаза. Первые три четверти пути не представляли в этом смысле никакой проблемы. Но находиться в прифронтовой зоне было опасно. На случай, если они всё же наткнутся на проверку, в запасе у них была легенда. Они — из этой самой деревни, направляются на другую сторону фронта, чтобы выполнить там некое диверсионное задание. Отсюда и форма солдат Национальной гвардии, и документы, конечно же, фальшивые. Мария сообщила Диего пароль, случайно подслушанный ей сегодня у ополченцев и служивший, по её словам, надёжной защитой от всех подозрений. Кроме того, им пришлось запомнить множество подробностей о деревне, из которой они якобы происходили. Поэтому ничего нельзя было записывать: настоящий житель этих мест должен знать всё и так, а блокнот могут найти.

— Вам надо дождаться темноты, — посоветовала Мария. — Тогда вы будете в большей безопасности.

— И всему этому надо верить? — засомневался Фернандо.

— А ты предлагаешь не верить?

— Откуда мне знать? Может, это ловушка.

— Ну да, ловушка. Вместо того, чтобы просто сдать нас с потрохами патрулю, она придумывает целый план, чтобы погубить нас. Ты хоть думай иногда, что говоришь.

— Тебе виднее, — вздохнул Фернандо.

— Сеньора, — обратился Диего к Марии, — скажите, зачем вы всё это делаете?

— Но вы же сами попросили помочь, — грустно улыбнулась та.

— Попросили. Но вы не обязаны помогать нам. Мало того, один ваш знак — и мы давно висели бы на первой же перекладине. Почему вы решили спасти нас?

Мария попыталась перевести разговор на другую тему, но Диего не унимался.

— У меня было два сына, такого же возраста, как вы оба. Хорхе, — она кивком головы показала на Фернандо, — и Антонио, — она пристально посмотрела на Диего. Антонио погиб в бою, когда их отряд атаковал казарму, а Хорхе застрелили прямо в поле.

— Как это? — спросил Фернандо, хотя до обстоятельств гибели Хорхе ему решительно не было никакого дела.

— Он работал у самой дороги, — пояснила Мария. — Мимо проезжали солдаты. Хорхе поднялся посмотреть, а кто-то из солдат возьми, да и застрели его. Проехали рядом, даже не остановились. Хлопнули, как муху какую, и тут же забыли.

— Получается, что вы должны отомстить нам, — заключил Диего. — А вместо этого вы помогаете нам скрыться. Может быть, это один из нас убил Антонио или Хорхе.

Мария ничего не ответила.

— Но разве вы не хотите отомстить за них?

— Сначала хотела: очень уж больно было. А потом всё как-то поухло. Теперь мне ничего не надо, я хочу только покоя.

— Хорошо, вы не хотите мстить. Но вы могли бы просто отказать нам в помощи.

Женщина вздохнула.

— Вы видите в себе просто солдат. А я вижу в вас сыновей, чьи матери, может быть, как раз сейчас не могут уснуть, потому что чувствуют, что вы в беде. И если вы погибнете, то они будут выть и метаться по дому, как я, когда получила известие о гибели Антонио, и когда на моих глазах застрелили Хорхе. Ваша смерть ничего не прибавит, кроме горя вашим матерям, и ничего не убавит. Мне она тоже не нужна. А раз так, какой в ней смысл? Всё война, будь она проклята.

— Я не собираюсь никого оправдывать. Но разве Национальная гвардия начала эту войну? Да, сейчас она от злости убивает всех без разбору, но началось-то всё как раз с нападений на посты, казармы и

гарнизоны, в которых участвовал ваш Антонио. А потом кубинцы стали поставлять бунтовщикам оружие, те с боем пошли брать власть в городах и провинциях. И понеслось, так ведь?

— Теперь уже никому не интересно, кто прав, а кто виноват. Я долго отговаривала Антонио, но он и слышать ничего не хотел, рвался народные права отстаивать. Вот и отстоял. Ладно уж, — она с горечью взмахнула рукой, — давайте сюда ваши деньги, я вижу, что вы всё порываетесь их достать. Принесу вам поесть перед дорогой.

Когда Мария вернулась, стемнело окончательно. Она зажгла свечу, свет которой был не настолько ярок, чтобы снаружи стали видны три силуэта вместо одного, но достаточен, чтобы не пронести еду мимо рта. Диего быстро проглотил нехитрый ужин, который с тем же успехом можно было назвать завтраком или обедом — со вчерашнего дня у него во рту не было ни крошки, а первый свёрток Фернандо слопал без остатка.

— Можете спокойно идти, — сообщила Мария. — В деревне происшествие — у нашего Рикардо — вы его видели, он самый старший из трёх, что заходили ко мне сегодня, — пропал сынишка. Ушёл из дому ещё до полудня и до сих пор не вернулся. Может, просто дурачится, а может и случилось что. Хватились его поздно: какие сейчас поиски, на ночь глядя?

Диего даже ухом не повёл. Лишь краешком глаза он взглянул на Фернандо, но и тот, к счастью, никак не выдал какую-либо причастность солдат к исчезновению мальчика. Диего вытер губы, поблагодарил хозяйку, быстро повторил все наставления, напомнил себе пароль и вышел из дома.

Снаружи ему пришлось подождать Фернандо, который немного замешкался в доме.

— Ну что, в путь? — спросил он по возвращении настолько бодрым голосом, что Диего вмиг понял, что произошло.

— Ты убил её?!

— Конечно. Она сама сказала, что хочет покоя. Вот теперь у неё будет самый лучший в мире покой.

— Фернандо, ты — полный кретин!

— Зато теперь она нас точно не выдаст. Вспомни, как ты заставил замолчать того пацанёнка.

— Я заставил его замолчать, потому что сам он молчать не собирался. А Мария могла сдать нас как минимум два раза: когда к ней зашли патрульные и когда она искала для нас продукты. Однако она

не сделала этого. Какого чёрта она стала бы выдавать нас после того, как мы ушли? А теперь представь себе, что к ней через пять минут кто-то зайдёт и обнаружит труп.

— Ну и что? Не будут же они ночью устраивать облаву. Да они нас и не заподозрят, подумают, что в их краях объявился маньяк: сначала мальчишка, затем женщина. Оба с колотыми ранами в спине, нанесёнными одним ножом. Ножи-то у нас одинаковые.

— Только мальчишку они пока что не нашли, — заметил Диего. — Так что твоя теория с маньяком возникнет у них только завтра.

— К тому времени мы будем уже далеко, — хихикнул Фернандо. — Пойдём, нечего тут стоять. А и вправду заметят.

И они двинулись в указанную Марией сторону.

Диего не обманывал Марселу, когда говорил, что не убивает тех, кто ему не угрожает. Смерть других людей не вызывала у него никаких эмоций, даже если она исходила от него самого. К необходимости убивать он относился, как к части своих обязанностей и именно как к необходимости, никогда не делая это без таковой. Однако он понимал, что некоторым убийство может доставлять удовольствие, и поэтому не вмешивался в дела сослуживцев, вырезавших целые деревни от злости или просто из развлечения. Таких убийств на своём недолгом веку он перевидал великое множество, и они всегда оставляли его равнодушными. Но сейчас он был покороблен абсолютной бессмысленностью жертвы, чего раньше с ним никогда не случалось. Этот факт озадачивал его не на шутку.

— Старая кляча, — сказал Фернандо, когда они удалились от деревни на приличное расстояние. — Была бы помоложе, могли бы и поразвлечься. Ничего, вернёмся — оттянемся на полную катушку.

То, что Фернандо был импотентом, знала вся рота.

— Можешь оттягиваться, только без меня. — Диего не стал заострять внимание на его бахвальстве. — Мне это не нужно.

— Да? А почему? Ты, часом, не... — Фернандо осёкся.

— Договаривай уж, раз начал.

— Ну, раз тебе это не нужно, то... ты либо импотент, либо женат.

— Я почти женат, — неожиданно для себя выпалил Диего.

Фернандо остановился, как вкопанный.

— Как это?

— У меня есть невеста, — гордо ответил Диего, — и мне не пристало бросаться на всё, что движется. Что в этом необычного?

— У тебя? Невеста? Это ты так шутишь?

— И не думаю.

Фернандо присвистнул.

— Это чушь, — заявил он. — Такого не может быть.

— Почему?

— Ты на себя посмотри.

— А что? — пожал плечами Диего. — Парень, как парень, не урод и... — Он хотел сказать «и не импотент», но решил не начинать новой перепалки. — Не лучше и не хуже других.

— Ты — солдат, — заметил Фернандо.

— Ну и что, что солдат? Такое же занятие, как и любое другое.

— Тебя могут убить в любой момент.

— А кого не могут? Даже безобидную Марию, как оказалось, смогли прикончить, и довольно быстро.

— Да тебя же дома никогда не будет. Сегодня здесь, завтра — там. Ты ещё днём не подозревал, что к вечеру мы с тобой окажемся одни в чёрт знает какой дыре.

— И что? Ты сам рассказывал, что почти не видел своего отца.

— Мой отец — бизнесмен, он ездит по всему миру. Ему некогда бывать дома.

— А почему ему можно, а мне — нет?

— Потому что отец так зарабатывает деньги. Много денег. А от тебя разве денег дождёшься?

— Моей невесте не нужны деньги.

— Вот как! А что же ей тогда нужно?

— Не что, а кто. Я.

— Ну ты и хвастун! — рассмеялся Фернандо. — Никогда за тобой этого не замечал.

Диего был зол: этот сопляк, сам хвастун и наглый лжец, выставлял его тем, кем был сам. Поэтому в доказательство он рассказал Фернандо о Марселе и о том, как она покинула Санта-Клару, чтобы быть рядом с ним. О Пабло он, разумеется, умолчал, тем более что к делу это совершенно не относилось. Фернандо выслушал его со вниманием и, как показалось Диего, даже с некоторым почтением, чуть ли не с завистью.

— И она тебя любит?

— Я думаю, да. Ты не представляешь, что значит у них открыто встречаться с солдатом Национальной гвардии, которого все ненавидят. Знаешь, чего ей пришлось натерпеться?

— Ты уверен, что вы снова встретитесь?

— Абсолютно. Ради этого она бросила свою семью.

— Интересно, что с ней станет, когда она сначала узнает, что твой взвод неизвестно где, а потом — что он уничтожен бандитами.

— К тому времени мы уже вернёмся в нашу роту.

— А ты знаешь, где теперь наша рота?

Ответить на такой простой вопрос Диего не смог.

— Ничего, мы найдём друг друга. Если останемся живы, конечно.

— Ну-ну, — загадочно хмыкнул Фернандо.

После этого разговора Диего стал воспринимать Марселу как свою законную невесту, хотя они ни разу не говорили на эту тему. Мало того, Диего несколько раз давал понять, что между ними нет ничего общего и что никакого будущего у них быть не может. Поэтому тем большей представлялась ему радость девушки, когда она узнает, насколько изменилось его отношение к ней.

Они шли всю ночь, по пути встречая все предсказанные Марией приметы. Дорога постепенно перешла в узкую тропинку. Здесь находившаяся неподалёку горная гряда своим хвостом вдавалась в окружающую равнину, как суша прорезает море песчаной косой. Диего понял, почему Мария направила их именно сюда: по этой тропинке невозможно провести технику, солдатам пришлось бы идти здесь, выстроившись в цепочку, так что передвижения сколь-нибудь крупных сил на этом участке не ожидалось. Потому и контроль за проходом здесь не такой строгий, как внизу, на равнине.

Ни патрулей, ни застав, ни даже обыкновенных прохожих они не встретили. Вокруг не было ни души, и они спокойно шли вперёд. Хотя за это время им удалось продвинуться довольно далеко, достичь затемно своей территории они так и не смогли — ведь им приходилось идти не по прямой, а менее опасными окольными путями. Под утро на молодых людей навалилась страшная усталость, и было решено переждать день в как раз попавшейся на глаза пещере. Фернандо выбрал в её глубине самое неудобное место для сна, которое только можно было представить, и сразу же засопел.

Диего расположился чуть ближе к выходу, положив под голову каску, и перед тем, как заснуть, окинул мысленным взглядом один из самых длинных дней в своей жизни.

Сегодня он дважды был на волоске от смерти — когда повстанцы атаковали грузовик, и всё время, что провёл в доме Марии. Она не выдала их, хотя и поплатилась за свою доброту собственной жизнью. Диего вспомнил, как и он не выдал прятавшегося в доме Марселы её

брата Пабло, потому что один его знак означал бы смертный приговор всей семье. И он тоже поплатился за это, пусть и не так жестоко, как Мария. Подай он тогда этот знак – и повстанцы лишились бы своего командира. Без Пабло восставшим вряд ли удалось бы взять Санта Клару. В тот момент он не думал, что благородный поступок поставит его на грань жизни и смерти. Но и Мария не подозревала, как откликнется ей собственная доброта. Аналогия их поступков была настолько очевидной, что Диего предпочёл не думать о ней. Их путешествие ещё не закончилось. Никто не знал, что готовит завтрашний день, и не придётся ли Диего повторить судьбу несчастной женщины. Конечно, всё это было неспроста. Диего решил, что это, несомненно, – знак, но разгадать его смысл ему не удалось, и он остановился на другом событии, показавшемся ему не менее важным.

Чувство, которое он испытал, узнав о смерти Марии, было ему незнакомо. Нет, это была не жалость – он никогда не жалел мёртвых именно потому, что они были уже мертвы и не нуждались ни в чьём сочувствии. Не испытывал он и стыда за то, что не смог предотвратить убийство. Но он не мог смириться с его бессмысленностью и осознал очевидную несправедливость случившегося.

Мыслить категориями справедливости и несправедливости Диего давно отвык. Однажды отец Симон строго наказал его, когда он, заигравшись во дворе, забыл разложить в церкви молитвенники по случаю какого-то праздника. Нагоняй, который получил тогда Диего, показался ему ужасно несправедливой мерой. Подумаешь, какая трагедия – книжки не приготовил. Вон они, в углу лежат. Кому надо – подойдёт и возьмёт. Было бы из-за чего глотку драть. Тогда он страшно обиделся на своего воспитателя и чуть ли не месяц строил планы мести, так и не исполнив ни один из них. Но вот он стал старше, вспомнил тот случай, и наказание уже не казалось ему таким несправедливым. На самом деле: он дал обещание, пусть даже и такое незначительное, и не выполнил его. Он подвёл того, кому дал своё обещание, показал себя человеком, на которого нельзя надеяться. Конечно, сваленные как попало в углу книги чести приходу не делали, и отец Симон оказался выставленным в нехорошем свете, но всё же такой прокол можно было пережить. Однако, если его воспитатель не привил бы ему с детства чувство ответственности, то сегодняшние сослуживцы и командиры Диего шарахались бы от него так же, как от никчёмного Фернандо, которому нельзя было доверить ни одно дело.

После того случая Диего перестал думать о справедливости, так как увидел, насколько относительно может быть это понятие. Взять хотя бы сегодняшний разговор с Марией: её Антонио сражался с режимом против несправедливости, как он её понимал, и даже погиб за это. А режим оказался вынужденным защищаться, потому что действия борцов за справедливость выглядели, в свою очередь, несправедливыми для него. Действительно, с какой это стати помещики должны были отдавать свои владения неизвестно кому, а владельцы предприятий – дарить свой бизнес? Они стали защищаться с помощью Национальной гвардии, ведь прав был Фернандо, когда сказал, что народ защитит себя сам, а для защиты богатых существует армия. Неудивительно, что когда Диего напомнил Марии, что войну, успешную уничтожить чуть ли не четверть населения страны, начала вовсе не Национальная гвардия, как бы ненавидима она ни была, женщина не нашлась, что ответить. А ведь по возрасту она годилась ему в матери, много повидала и передумала на своём веку.

И вот теперь Диего впервые за много лет снова был возмущён несправедливостью, на этот раз – поступком Фернандо. Зачем надо было убивать Марию, которая спасла их и дальше не сделала бы им ничего плохого? Его злило то, что Фернандо не был в состоянии понять таких простых вещей. Да что там Фернандо! Разве не приходилось ему видеть, как его рота, отступая, сжигала целые деревни вместе с жителями только для того, чтобы наступающим повстанцам негде было взять пропитание? А чего стоила тактика, по выражению командиров, «превентивных репрессий»? Они проводились карательными отрядами, чьи солдаты без малейшего содрогания творили такие зверства, на которые Диего не мог смотреть даже краешком глаза, чтобы ненароком не проблеваться.

В действиях повстанцев Диего не находил ничего справедливого, но и Национальная гвардия оказывалась ненамного лучше. Выяснив, что весь окружающий его мир состоит из сплошных несправедливостей, он стал думать о Марселе. Объявив её своей невестой, теперь он рассматривал девушку только в этом качестве.

От открывающихся в его невзрачной жизни перспектив захватывало дух, тем более что верить в счастье он перестал ещё в детстве. Его так часто называли убожком, вырождаком, ничтожеством, награждали самыми неприятными эпитетами, что он и сам твёрдо считал себя таким. Сейчас же Диего распирало от гордости – ведь его любила такая девушка! Запачанная горем и кровью душа молодого

человека летала девственно чистой где-то между седьмым и восьмым небом. Но даже оттуда Марсела казалась ему чем-то недоступно высоким, непорочным, прекрасным, светлым. Он понимал, что сам должен сильно измениться, чтобы не то, что стать достойным её любви, но хотя бы не создавать слишком резкого контраста с ней. Он представил во всех подробностях их свадьбу, придумал имена будущим детям и стал даже придумывать способ помирить Марселу с её родными — оставаться навечно их заклятым врагом он не хотел. Хотя Марсела ни разу прямо не призналась ему в любви, в её чувствах он был совершенно уверен. Ведь иначе она не решилась на столь безумный поступок. Осознавать, что Марсела оставила семью ради него, было приятно. Но если она оказалась способна на такое, то не пойдёт ли она на это снова, отказавшись от него ради кого-то другого?

Мысли в уставшем мозгу стали роиться, смешиваться, пока не пришли в полный беспорядок. Почему-то вспомнился давний эпизод, случившийся ещё до Санта-Клары. Диего вместе с другими солдатами пришлось вытаскивать с поля боя раненого товарища — худощавого паренька, с которым Диего до того почти не общался. Солдаты уложили его на самодельные носилки, когда Диего заметил, что у парня вдобавок ещё и сломана рука. Рядом валялся обломок доски — один из снарядов попал прямо в деревянную телегу, — который Диего использовал в качестве шины, прикрепив её снятым с лежащего неподалёку убитого сослуживца ремнём. Во время этой нехитрой операции несчастный не издал ни звука. Один раз взгляды их встретились, и Диего понял причину молчания. Парню не надо было кричать от боли — он и был самой болью, её воплощением, квинтэссенцией человеческих мучений. Диего прикоснулся ладонью к его лбу, сам не зная, какое чувство он хотел вложить в этот жест. Через несколько дней он почувствовал желание навестить раненого в госпитале, даже узнал его имя, но в последний момент со стыдом подавил в себе это порыв. А теперь прошлый стыд вызывал в нём горечь...

И Диего не заметил, как уснул.

Проснулся он от сжигающей глотку жажды и первым делом вспомнил, что свою флягу он опустошил ещё ночью, а Фернандо всю дорогу жаловался, что не успел зачерпнуть воды, когда они были в доме у Марии. Диего тогда ещё ответил, что на убийство хозяйки

время у Фернандо нашлось. Он поднялся с земли и осмотрелся. Солнце давно перевалило за полдень, но до темноты было ещё далеко, так что покинуть своё убежище, не подвергаясь опасности, Диего не мог. Он решил скоротать время в поисках возможного источника в пещере. Полагаться на слух было нельзя, так как громкое сопение Фернандо заглушило бы целый водопад. Поэтому он принялся осматривать и ощупывать каждый уголок, благо клонившееся понемногу к закату солнце било в пещеру прямой наводкой.

Удача вскоре улыбнулась ему – один из самых дальних участков стены был мокрым. Диего ощутил пальцами поток воды, тонкой плёнкой покрывающий стену на ширину нескольких ладоней. Он тихо выругался: вода нигде не образовывала ни малейшей струйки, за которую можно было бы зацепиться. Он попытался языком заставить воду устремиться в рот, лизал стену, словно кошка, но из этой затеи ничего не вышло.

Тогда он проследил дальнейший путь воды и обнаружил в самом низу небольшое углубление в стене, наподобие миниатюрного грота. Вода стекала по его стенкам, достигала земли и исчезала в невидимом тоннеле. Диего подставил горлышко фляги под самый свод грота и пристроил палец другой руки так, что вода, стекая по нему, стала медленно наполнять сосуд.

Едва дождавшись, когда фляга хоть немного потяжелеет, он жадно приник пересохшими губами к спасительному отверстию. Эту операцию он проделал несколько раз, пока жажда не отступила, после чего наполнил флягу доверху и завинтил крышку.

Когда он вернулся, Фернандо уже не спал. Диего поделился с ним своим открытием.

— Молодец, — похвалил тот. — Ну-ка, показывай, где там твой источник! Я себе, пожалуй, свежей воды наберу, — он открыл свою флягу и вылил её содержимое на землю.

— Вот это да! — удивился Диего. — А что ж ты вчера ныл, что твоя вода закончилась?

— Это чтобы ты у меня не просил, — объяснил Фернандо. — А если бы и попросил, я б всё равно не дал, вдруг сам захочу пить.

Он отправился к источнику и через некоторое время вернулся с полной флягой.

— Ну что, идём? — задорно спросил он.

— Погоди немного, пусть совсем стемнеет.

— Да мы уже почти пришли. Совсем немного осталось.

— Вот поэтому и надо быть особенно настороже. Линия фронта близко, на каждом шагу – посты и патрули. Надо подождать.

Фернандо вразвалку подошёл к выходу, высунулся наружу, но вдруг отпрянул и прижался к стене. В одно мгновение Диего был возле него и тоже прислушался.

Совсем рядом, почти у самого входа в пещеру, раздавались голоса. Один из них принадлежал подростку лет шестнадцати, другой – девяти-десятилетней девочке, судя по разговору, – его сестре. Они стояли и оживлённо беседовали о всякой ерунде. Диего осторожно выглянул. Сумерки ступали на глазах, но силуэты были видны довольно отчётливо.

Диего краем уха уловил подозрительный шорох. Он отшатнулся назад и молниеносным движением схватил Фернандо за запястье. В его кулаке, как Диего и предполагал, оказался зажат нож. Фернандо попытался сопротивляться, но тут брат с сестрой услышали непонятную возню в пещере, и юноша прокричал страшным голосом, растягивая слова:

— ...и с наступлением темноты вампиры покидают свои пещеры, чтобы разлететься по всему свету и пить кровь!

Его сестра завизжала, скорее игриво, чем испуганно, оба они бросились прочь, и вскоре всё стихло.

— И ты дал им уйти! — Фернандо кричал от возмущения.

— Ты – маньяк, Фернандо, — резюмировал Диего. — Хорошо, что в армии от этого хоть какая-то польза. Дома ты был бы обычным серийным убийцей. Наша задача – добраться до своих, а не убивать подростков. Если мы на всём своём пути начнём оставлять трупы, то далеко не уйдём.

— Раз я маньяк, то почему я тебя не убил? – возразил Фернандо.

— Меня? — Диего рассмеялся. — А когда? В части тебя тут же бы вычислили и судили. Папочка тебя бы вытащил, но за тобой стали бы следить не дали бы заниматься твоим любимым делом. И сейчас ты меня не убьёшь, потому что сам отсюда не выберешься.

Фернандо пробурчал что-то невнятное, сложил нож и снова предложил отправиться в путь. Диего согласился, надеясь, что до того, как они встретят первый пост, стемнеет окончательно. Он был рад, что новое бессмысленное убийство так и не состоялось.

Его предположения оправдались, но теперь надо было спешить, так как скоро должна была взойти луна. Их тропинка теперь представляла собой устланный предательски шуршащими острыми

камнями проход в узкой расщелине, то и дело изгибавшийся самыми немислимыми углами. Внезапно перед глазами солдат возникло нечто, напоминающее поляну. Посредине едва тлели несколько головёшек, образуя подобие костра. Слева и справа от огня, на некотором удалении друг от друга, обозначались силуэты двух часовых. Вероятно, за всю жизнь они провели вместе на посту немало времени и потому сидели в полном молчании.

Диего оттащил Фернандо назад.

— Фернандо, — сказал он. — Ты видишь, что мне одному с ними не справиться — слишком далеко они сидят друг от друга. Мне нужна твоя помощь.

— Это всегда пожалуйста! — Фернандо был польщён.

— Пойми: перед нами не старушки, умоляющие о пощаде. Ты не имеешь права на ошибку. Одно неверное движение — и вместо них на тот свет отправимся мы.

Фернандо даже обиделся.

— Вспомни, — произнёс он, — как ты удивился, когда узнал, что я убил Марию. Ты стоял рядом с домом без стен и ничего не слышал. Разве не так?

Возразить на это было нечего. Они обсудили детали операции, распределили, кто кого возьмёт на себя, пожелали друг другу удачи, двинулись вперёд и быстро растворились во тьме.

Диего стал подкрадываться к сидящему справа. Тот услышал приближение человека, поднялся и стал пристально вглядываться в темноту, подпустив Диего почти вплотную.

— Диего, это ты? — тихо спросил часовой.

— Да, это я, — честно признался Диего, осторожно укладывая на землю его труп с перерезанным горлом.

Тихая возня слева и следовавший за ней булькающий хрип свидетельствовали, что Фернандо в первый раз за всё время службы наконец-то удалось выполнить данное ему поручение. Задание было не ахти какое сложное, но всё же Диего изрядно поволновался и облегчённо перевёл дух, когда Фернандо вернулся.

— Готово.

— У меня, как видишь, тоже. — Диего усмехнулся. — Нас называют головорезами, а мы и есть самые настоящие головорезы. Режем головы. В прямом смысле.

— Вперёд? — Фернандо пропустил его замечание мимо ушей.

— Вперёд.

Они прошли ещё немного, как Диего вдруг резко остановился, предчувствуя что-то неведомое и страшное, и подался назад. В этот момент из-за горизонта показалась луна, и солдаты увидели разверзшуюся перед ними пропасть. Пропадь эта оказалась хоть и неглубокой, но почти отвесной и без единого кустика. Свернуть здесь шею не составляло никакого труда. Вскрабкаться в этом месте наверх, тем более незаметно, было нельзя, и это было вторым объяснением, почему тропинка, по которой они шли, так плохо охранялась: природа сама позаботилась об этом.

Раздирая в кровь пальцы и скользя ботинками по гладким камням, Диего и Фернандо смогли всё же спуститься вниз. Зависшая в небе луна, казавшаяся из низины ещё выше, ярко освещала лежащую перед ними равнину. Путь был свободен.

Ни пароль, ни легенда им так и не понадобились. Диего поделился этими секретами в разведывательном отделе, где его с Фернандо долго допрашивали, пока не убедились, что солдаты на самом деле рассказали всё, что знали.

Так как их рота перестала существовать, Диего и Фернандо прикрепили к другой части, обосновавшейся в столице. Их фотографии даже поместили в боевом листке, что выпускался для поднятия духа приунывшей армии. Диего очень переживал – номер новой роты был Марселе незнаком, и молодой человек боялся, что Марсела, узнав о судьбе его несчастного взвода, подумает, что Диего больше нет. Найти девушку в хаосе находящейся на полуосадном положении столицы было невозможно. Оставалось надеяться на случай.

Однажды Фернандо понадобилось заскочить домой по какому-то важному делу, и он упросил начальство отпустить своего товарища с ним. Диего не стал упорствовать, так как сам был не прочь проветриться. Втайне же он надеялся обнаружить хоть какую-то зацепку, что могла привести его к Марселе.

Но стоило им только выйти за ворота части, как Диего понял, что ошибся. Вокруг него шумел, суетился, толкался, струился и переливался самыми немыслимыми красками сумасшедший город. Хотя перепуганный насмерть диктатор стянул в столицу чуть ли не половину личного состава Национальной гвардии, и солдаты встречались на улицах так же часто, как капли воды во время дождя, столица

продолжала жить своей бесшабашной жизнью. Со всех сторон неслись голоса, шумы и запахи. От их обилия у отвыкшего от гражданской жизни молодого человека закружилась голова. Он понял, что никогда не найдёт Марселу, даже если он стал бы заниматься её поисками круглые сутки, и готов был выть от отчаяния. Построенные без фундамента и свай воздушные замки грозили рухнуть в любой момент. Диего не представлял себе, как сможет пережить крах надежд, так заманчиво обещавших превратить его тусклое существование в полноценную жизнь. Слишком много было поставлено на карту, слишком много строилось на ожиданиях, которые, увы, оставались всего лишь ожиданиями.

Погружённый в невесёлые размышления, Диего не заметил, как Фернандо отстал. Толпа старательно обтекала его: люди знали, что могло ожидать их, толкни они ненароком проходящего мимо солдата, и отводили глаза, боясь встретиться с Диего взглядом.

Вдруг некая сила удержала его на месте. Он стоял напротив большого, красивого дома. Перед ним расстился симпатичный сад с плодовыми деревьями и искусственным ручьём, впадающим в такое же искусственное озерцо. Вокруг озерца прыгали птицы, а те, что успели напиться, чирикали на ветках от удовольствия. Такие дома Диего видел и раньше, ничего особенного здесь не наблюдалось. Тем не менее, он не был в силах сдвинуться с места и завороченно оглядывал дом и сад.

Он простоял так минуту или две, прежде чем услышал крик:

— Диего!

Диего не поверил своим ушам, а когда обернулся на оклик – и глазам. К нему со всех ног бежала Марсела! Он ринулся навстречу и через несколько мгновений влюблённые слились в жарком поцелуе. Диего, вмиг позабывший все инструкции и запреты, боялся отпустить Марселу даже на миг. Словно в бреду, он покрывал поцелуями её губы, шею, лоб и солоноватые от слёз щёки. Лишь насытившись, они смогли, не выпуская друг друга из объятий, посмотреть друг на друга и обменяться приветствиями, впечатлениями и историями.

Марсела, как оказалось, устроилась на работу в этот красивый дом, совмещая обязанности кухарки и горничной. Там же Марселе дали небольшую комнату, так что и вопрос с жильём решился сам собой. Обитающая в доме семья относилась к ней не то, чтобы очень хорошо, но терпимо. Глава семейства – крупный бизнесмен – почти не бывал дома, хозяйка придиралась к ней весьма умеренно, две

дочери подросткового возраста молча презирали её, но не обижали. Хорошо ещё, что старший сын, бывший по отзывам остальной прислуги настоящим мерзавцем, служил в армии, так что его Марсела не видела ни разу.

Она неоднократно пыталась узнать о расположении роты Диего, но безрезультатно. Удалось выяснить только, что в столице её нет. Отправляться на поиски по пылающей стране было столь же небезопасно, сколь и бесполезно. Диего знал, что Марсела находилась в столице, и поэтому самым благоразумным решением было оставаться в здесь и полагаться на судьбу.

Да, судьба оказалась благосклонна к ним. И кому, как не Диего, несколько дней назад чудом избежавшему верной смерти, было не знать этого! Но он решил скромно умолчать о своих приключениях, чтобы не расстраивать любимую. Ведь всё было уже позади – они встретились и ничто на свете не сможет теперь разлучить их.

— О, а голубки-то как воркуют – прямо, как на открытке! — раздался голос Фернандо.

Диего обернулся, не выпуская руки Марселы.

— Марсела, это Фернандо, мой боевой товарищ, — он улыбнулся с едва заметной иронией. — Фернандо, а это – Марсела, о которой я тебе столько рассказывал.

— Ах, вот оно что! — брови Фернандо поднялись. — Так это и есть знаменитая Марсела! Да, на самом деле настоящая красавица!

Диего заметил, как Фернандо раздевает Марселу взглядом, но это вызвало у него не столько чувство ревности, сколько гордости.

— Марсела, нам обязательно надо встретиться. Мне столько надо тебе сказать, ты даже не представляешь!

— Может, завтра?

— Нет, Марсела, сегодня. Обязательно сегодня! — Он наскоро объяснил ей, где находится его казарма. — Приходи сегодня вечером туда, я прошу тебя, пожалуйста.

— Хорошо, я постараюсь отпроситься у хозяйки.

— Мне тоже будет непросто отлучиться из части, но я собираюсь сказать тебе что-то очень-очень важное.

Они поцеловались ещё раз или два, после чего Марсела ушла, а Фернандо бросил ей вслед взгляд, полный похоти и сожаления.

— Она и вправду классно выглядит, — причмокнул он.

— А ты думал, что я тебе врал? — довольно усмехнулся Диего.

— Ну, не то, чтобы врал, но, может, преувеличивал.

— И?

— Что "и"? Я тебе сказал – баба красивая, чего тебе ещё надо?

— Ладно, пойдём, — Диего двинулся вперёд.

— Ты куда? — улыбнулся Фернандо. — Мы уже пришли.

И он позвонил в ворота дома, откуда несколько минут назад появилась Марсела.

На обратном пути Фернандо вновь завёл разговор о Марселе, и Диего отважился поделиться с ним своими сомнениями.

— Она ни разу прямо не сказала, что любит меня, понимаешь?

— Тоже мне горе! Не сказала – и не надо. Потом скажет. Бабы – это такие существа, они хотят слышать от нас всякие нежности, а сами никогда не говорят ничего конкретного. Знают, что нам нужна определённости, и нарочно издеваются над нами. Уж кто-кто, а я-то эту породу знаю!

Диего только ухмыльнулся про себя.

Вечером Марсела ждала его в условленном месте.

— Марсела, — начал Диего, когда они закончили ритуал с поцелуями, — помнишь, ты говорила, что хочешь быть со мной?

— Как же! Думаешь, почему я оказалась здесь?

— Ты была права. Мы должны быть вместе.

Девушка округлила глаза.

— Диего, ты...

— Не перебивай меня, пожалуйста. За эти дни многое произошло, я не буду всего рассказывать, да это и неважно. — К Диего вернулся дар красноречия. — За один день я был два, даже три раза на волоске от смерти и остался жив. Это знак, понимаешь? Пока я тебе не ровня, но я стану другим. Клянусь хоть на чём!

— Но зачем? Ты нужен мне такой, какой есть. И не надо делать из меня святую праведницу, я тебя прошу.

— Для меня ты святая праведница. Сколько человек я убил? Много. Да, я никогда не убивал просто так. Но я ни разу не вмешался, когда это делали на моих глазах. Это тоже на моей совести.

— С чего ты взял? Ты-то тут причём?

— Послушай же! Я очень хочу перемен. Только не тех, за которые воюет Пабло, а тех, которые вот здесь, — он приложил руку к сердцу, а потом к виску, — и здесь. Не знаю, как это объяснить. У меня есть шанс прожить нормальную жизнь, я это понял. Но для этого я должен изменить себя. А как я могу это сделать на своём месте? Вот прямо здесь? Я столько думал об этом, но ответа так и не нашёл.

Он вдруг выдохся и замолк.

— Дурачок, — Марсела нежно поцеловала его. — Ты давал присягу, выполняешь свой долг, что в этом такого зазорного? Что жестокости? Так на то и война. Пабло с друзьями знали, что власть будет сопротивляться и что народ будет от этого страдать. И всё равно начали войну за благо народа на его же собственной крови.

— Пабло пойдёт до конца. Ему ведь тоже терять нечего. Он тебе говорил, что будет со мной, если он победит? Так и с ним будет то же самое, если он проиграет.

— Либо ты, либо он, — заключила Марсела.

— Да. Если бы дело касалось лично нас с ним, мы как-нибудь бы договорились. Ради тебя. Но тут не только я против него, тут вообще все против всех.

Они помолчали.

— Мой срок заканчивается через полгода, если, конечно, твой братец не заявится сюда до того.

— Давай надеяться на лучшее, — предложила Марсела.

— А потом... Я не знаю, что мне делать потом. Дезертиром я, конечно, никогда не буду, даже мысли об этом нет. Продержусь полгода как-нибудь. И дальше? На поле батрачить я ни за что не буду и в деревню не вернусь. Лучше уж сразу сдохнуть.

— Так а кто тебя туда гонит-то? — удивилась Марсела. — Вон в городе сколько всего!

— Всего? Чего всего? Чем я могу заняться? Что я умею? Кто я? Машина для убийств.

— Но ты же грамотный. Читать, писать, считать — только так.

— Тогда грамотная машина для убийств.

— Знаешь, что? — вспомнила Марсела. — Ты как-то говорил, что после пяти лет службы демобилизованным выплачивают подьёмные. Ты ж сам рассказывал, как кто-то на них лавочку открыл. Скоро у тебя три года службы. Там ещё два года сверхсрочной...

— Если они у меня будут, — вставил Диего.

— Будут, — уверенно заявила Марсела. — Коммунистическая революция отменяется, это я говорю как сестра одного из главных революционеров. Так что будут и два года, и три, и сколько хочешь. Короче, два года. Постарайся пристроиться куда-нибудь не в боевую часть. Тогда мы будем чаще видеться. А потом откроем семейное дело, вырастут дети, будут нам помогать...

Она прижалась к Диего.

— И что я скажу Богу? Дорогой Бог, я — подонок и грязный убийца, который служит другим убийцам. Мы в буквальном смысле режем головы, и ты знаешь, что мы потом с ними делаем.

— Не знаю, — призналась Марсела.

— Ты — нет, а Бог — да. Я же с ним разговаривать буду. И я ему скажу: мало того, что меня тошнит от самого себя, так я ещё и влюбился в Марселу-Марию — образец самой чистоты и невинности.

— Не богохульствуй!

— Но есть проблема, — Диего не обратил на реплику Марселы никакого внимания. — Я ничего не умею, кроме как убивать. Поэтому, дорогой Бог, подожди ещё два года, у меня закончится сверхсрочная, тогда я исправлюсь, раскаюсь и начну новую жизнь. А пока вырежу десяток-другой деревень, идёт?

— Диего, это чистый бред.

— Ты говоришь так, чтобы не расстраивать меня.

— Делай что должен, и будь что будет, — заключила Марсела.

Они помолчали, а потом сменили тему.

На прощание Диего взял девушку за руки, посмотрел ей в глаза и серьёзно произнёс:

— Я не могу без тебя, Марсела.

И влюблённые снова поцеловались, прежде чем расстаться.

Они встречались каждый день и всякий раз находили столько тем для разговоров, что при расставании приходилось прерываться на полуслове. Шли недели, но время для поглощённых друг другом и своей любовью молодых людей летело незаметно.

Как и обещала Марсела, наступление восставших на столицу всё откладывалось, пока не стало ясно, что оно вообще вряд ли когда-либо состоится. Боевые действия вокруг Леона затихли, и война в столичном департаменте перешла в вялые перестрелки. Все понимали, что такая ситуация не может продолжаться бесконечно, и что рано или поздно правительственные войска предпримут прорыв. Однажды Диего с загадочным видом сообщил, что они не увидятся несколько дней, может быть, неделю. Его отправляли на операцию, содержание которой хранилось в строжайшей тайне. Как ни настаивала Марсела, он не проронил больше ни слова. Всё выглядело буднично, Диего находился в прекрасном настроении, словно предстоящая

операция была лишь пикником на лужайке. Но Марселе бодрость Диего казалась искусственной. Было видно, что он не хотел волновать её, но неумело разыгранным спектаклем добился прямо противоположного результата.

Марсела тщетно пыталась узнать что-нибудь из новостей. Телевидение, как всегда, трубило об мнимых и действительных успехах, но понять, что происходит на самом деле, было невозможно.

Она не на шутку боялась за Диего. То время, что они провели вместе, казалось ей настоящей сказкой, раем, который специально ради неё спустился на грешную землю. А там, вдалеке, маячил новый рай, что будет вечно царить в созданном ими шалаше. Марсела была уверена, что в восемнадцать нашла своё счастье, о котором другие мечтают до самых седины. Она ни за что не смирилась бы с потерей Диего и сделала бы всё, чтобы вернуть его, случись с ним беда. Навсегда утратить найденное с таким трудом представлялось ей совершенно невероятным. Она парила в облаках, была мыслями в далёком будущем, которое принадлежало им обоим и от которого она не собиралась отказываться ни при каких обстоятельствах.

День шёл за днём, а Диего не объявлялся. Марсела была вне себя как от растерянности, так и от осознания собственной беспомощности. Ночами она плакала навзрыд, а днём ходила сама не своя, зарабатывая от своих хозяев одно замечание за другим. Она не могла дать выход своим эмоциям, не могла сидеть без дела и ждать у моря погоды. Ей хотелось что-нибудь предпринять прямо сейчас.

В один прекрасный день старшая экономка спустилась на кухню, где Марсела резала салат, и, строго глядя на неё, громко, так, чтобы слышали все, объявила:

— Ну вот, пригрели змею, дождались. Собирайся, тебя арестовывают. Так и знала, что ты что-то скрываешь. Вон отсюда, сучка!

Марсела вышла на улицу, где её поджидали два солдата на открытом джипе. Она поднялась в машину и покорно протянула руки. Те, однако, вовсе и не собирались надевать на неё наручники. Солдаты, хотя и отказались сообщить Марселе цель поездки, вели себя с ней довольно дружелюбно, насколько они вообще могли быть дружелюбными с обычными людьми. Джип, повиляв с полчаса по улицам, остановился напротив главного армейского штаба. Здание это наводило ужас на город, жители старались обходить штаб стороной, чтобышний раз не попадаться на глаза его обитателям.

Они долго шли коридорами, пока не оказались в мрачном помещении без окон. Под потолком скромно жужжала вентиляция. За столом сидел неприятного вида усатый офицер в очках. В углу, за пишущей машинкой, примостился хлипкий солдатик, собравшийся вести протокол. Марселу посадили на табуретку посреди комнаты.

— Знаешь, почему ты здесь? — начал офицер.

— Нет, — ответила Марсела. — Наверное, на то есть причины.

Офицер улыбнулся. Ответ, вероятно, понравился ему.

— Да, — подтвердил он. — Причины есть. Времени у нас мало, поэтому не будем играть в загадки. Нам нужна твоя помощь.

— Моя помощь? Но чем я могу помочь, и почему именно я?

— Почему ты? Ну. во-первых, ты лояльна правительству, защищаешь законный строй...

— Я? Защищаю законный строй? Да каким образом?!

— Ты принимаешь его правила. Мало того – ты поссорилась с семьёй, покинула Санта-Клару, чтобы жить по закону и не сотрудничать с разбойниками. А кто поддерживает наш закон, поддерживает и нас, не так ли?

Марсела была удивлена такой осведомлённостью.

— А во-вторых, раз уж речь зашла о Санта-Кларе, ты можешь помочь нам, как уроженка этого прелестного городка.

Девушка вопросительно посмотрела на офицера.

— Ты знаешь, — продолжал тот, — что наступление повстанцев на Леон захлебнулось. И не только на Леон. Разбойники выдохлись и не могут переварить даже то, что сумели на какое-то время захватить. А с тех пор, как нам удалось перекрыть поставки кубинского оружия с моря, силы их тают. На серьёзное наступление их не хватит, но обороняться они могут ещё очень долго. Поэтому мы решили взять инициативу в свои руки и начать с Санта-Клары. Твой родной город расположен в ущелье. По ущелью проходит дорога к морскому побережью, а Санта-Клара – как раз на этом пути. Взяв её, повстанцы отрезали нас от моря и решили подготовить там плацдарм для наступления на столицу, которое, как известно, окончательно провалилось. Но перейти в контрнаступление по всей стране мы сможем только тогда, когда вернём себе выход к побережью. Конечно, пара самолётов за полчаса превратила бы Санта-Клару в руины. Но нам не нужны руины, как не нужен и город со всеми его потрохами. Нам нужна дорога, нужна в целости и сохранности, а не перекопанная бомбёжками или обороняющимися. Заниматься её восстановлением у нас нет

времени. Поэтому мы окружным путём доставили на побережье группу, которая вошла в ущелье с моря. Мы, со своей стороны, тоже собирались выступить туда, и взять, таким образом, Санта-Клару в тиски. Но как только наши войска двинулись в ущелье, побережье было занято разбойниками, которых мы, скажем так, не заметили. Теперь в тисках находится не Санта-Клара, а наше собственное боеспособное соединение. Ты, насколько я знаю, подруга Диего Хименеса? Это, кстати, в-третьих.

— Что с Диего?! — Марсела вскочила.

Офицер пожал плечами.

— Пока ничего сказать не могу. Он находится, я надеюсь, всё ещё находится, а не находился, в тылу врага и если не предпринять самых срочных мер, то...

— Что я должна сделать?!

— Для начала успокоиться и сесть на место, не стоит так горячиться. — Он едва заметно усмехнулся. — Мы собираемся войти в Санта-Клару прежде, чем твоего Диего... Короче, нам нужны все, повторяю, все сведения о Санта-Кларе. Не тот мусор, что поставляет разведка, а настоящие, серьёзные данные от жителя этого города, пусть даже бывшего. Мы не имеем права на ошибку.

— Что конкретно вы хотите узнать?

— Вот список интересующих нас вопросов, — офицер показал Марселе исписанный с двух сторон листок. — Читать умеешь?

Марсела скептически поморщилась.

— Понятно. Тогда сделаем так: я буду зачитывать вопросы один за другим, ты будешь отвечать, а он, — офицер кивнул головой в сторону солдатики, — станет записывать. Согласна?

— Да, — ответила Марсела. — Можно один вопрос от меня?

— Ну, конечно! Спрашивай.

— Откуда вы знаете про Диего Хименеса?

— Его сослуживец Фернандо Маркос доложил нам об этом.

— А сам он где?

— Дома, — офицер усмехнулся. — Вывихнул ногу в самый подходящий момент. Ладно, хоть на тебя вывел.

Хотя допрос шёл быстро, он занял около двух часов. Солдатык подал офицеру протокол. Тот пробежал по нему глазами и довольно улыбнулся. Он уже привстал, показывая, что аудиенция окончена, как Марсела неожиданно сказала:

— У меня есть своё предложение, которое может вас заинтересовать. Но мне нужен один день. Он у вас есть?

Офицер удивлённо посмотрел на неё. Услышав предложение Марсела, он, попросив подождать немного, вышел из комнаты и вернулся только через полчаса.

— Идёт. Только вот что. Мы не исключаем ввода в город карательных отрядов. У них не будет ни времени, ни возможностей выяснять, кто хороший, а кто плохой. Тебе это известно?

— Известно, — твёрдо ответила она.

Как Марсела появилась в Санта-Кларе, осталось для всех загадкой. Она возникла посреди улицы, всё в тех же туфлях и в том же платье, что были на ней, когда она несколько месяцев назад покинула город. Ничего не понимающие прохожие провожали её удивлёнными взглядами. Некоторые пытались здороваться, и она с улыбкой отвечала на приветствия. Так, сопровождаемая во всех сторон загадочным перешёптыванием, дошла она до своего дома и постучалась.

Мать, увидев Марселу, упала бы в обморок прямо на пороге, если бы та не успела подхватить её. Отец только присвистнул.

Она расцеловала родителей. Мать развела огонь и стала собирать на стол все припасы, что нашлись в доме. Вскоре появился и Пабло, бросивший ради такого случая все свои дела.

— Сестрёнка, ты ли это? Жива?

— И не только жива, но и, как видишь, цела и невредима.

— Значит, вернулась-таки?

— Значит, вернулась, — вздохнула Марсела. — Вспоминала вас каждый день, думала о Санта-Кларе, всё время хотела назад, но не решалась. Боялась показаться людям на глаза. Ты же сам знаешь, как всё произошло, — она проглотила подступивший к горлу комок, расплакалась, подошла к родителям и обняла их. — Спасибо вам! Спасибо, вам за всё. Мама, отец, Пабло, простите меня и не держите зла. Я сама не понимаю, что со мной тогда происходило, словно затмение какое-то. Ещё в автобусе я поняла, что натворила. Можно было выйти, но гордость помешала. Каждый день был для меня мучением.

— Надо выбирать — гордость или совесть, — заметил отец.

— Какая тут гордость, когда душа болит, как в аду! — Она окинула родных полными слёз глазами, и тем стало настолько жаль её,

настолько понятно её раскаяние, что никто, даже Пабло, не решился высказать ни слова упрёка, лишь отец тихо промолвил:

— Собиралась в преисподнюю – вот и съездила, посмотрела. Диего своего там видела?

— Не произноси в нашем доме этого имени! — закричала мать. — Я не хочу ни думать, ни даже вспоминать об этом подонке!

Мать, возможно, произнесла бы целую тираду, но Марсела так плакала, что разговор о Диего не получил никакого продолжения.

Стол, наконец, был накрыт, и вся семья снова собралась вместе. Марсела была довольна тем, что родные простили её. Она шутила, смеялась вместе со всеми и выглядела совершенно счастливой.

— А у нас, сестрёнка, жизнь налаживается, — гордо сообщил Пабло. — Не всё сразу, конечно. Мир вон какой мастер создавал – и то лишь за шесть дней управился. А тут – люди...

— Фабрика-то работает? — поинтересовалась Марсела.

Пабло вздохнул.

— С фабрикой сложности. Народ несознательный, не понимает, что это теперь его фабрика. Всё, что могли – унесли. Остальное – переломали. Пока им объяснили, что к чему, было уже поздно.

— Радовались, что не надо больше горбатиться на этих скотов, — пояснил отец.

— А если диктатура окончательно падёт, так что, от радости надо будет всю страну разрушить? — возмутилась Марсела.

— Ты права, сестрёнка, — сидящий рядом Пабло тронул её за плечо. — Но их надо понять – откуда взяться сознательности, когда они поколениями света белого не видели? Попраздновали, попиروвали – теперь и за работу пора. Так что ты сейчас – ох, как вовремя. Я же сказал – целый мир заново отстраиваем.

— Покажешь?

— А как же! Всё покажу, всё, что есть и что будет. Посмотришь, как мы теперь живём – дух захватит.

— Там ещё полстраны, — напомнила Марсела.

— Это точно, — согласился Пабло. — Сопротивляются, сволочи, до последнего. Знают ведь, что обречены, и всё равно зубами в землю вгрызаются. Терять им нечего. Знают, что им грозит.

— И, если они сдадутся на милость победителей, милости этой им не дожидаться, — дополнила Марсела.

Пабло развёл руками.

— Люди фабрику-то разгромили, потому что она напоминала им рабство. А попадись им эти ублюдки — на клочки разорвут.

— Поэтому они и стоят до последнего.

— Ничего. Наша победа — вопрос времени. А сейчас — наше время. Их время ушло навсегда. Ты лучше расскажи, как тебе удалось попасть сюда. Тут на пути в Леон одна застава на другой. Логово своё они охраняют — будь здоров. Как ты пробралась?

— Я тебе обязательно расскажу об этом. Но не сейчас.

— Но нам тоже интересно, — вмешался отец.

— Пабло первым узнает мою историю, — твёрдо сказала Марсела.
— И я надеюсь, что это случится очень скоро.

После обеда Пабло повёл Марселу в город. Он был теперь не только команданте, но и градоначальником, на котором оказалось замкнуто как командование гарнизоном, так и управление городским хозяйством. Люди тепло приветствовали его. Было видно, что Пабло в городе любим и уважаем. Отношение к нему распространялось и на Марселу. К её удивлению, никто не высказал ей ни слова упрёка. Все были рады её появлению, тем более в обществе знаменитого брата. Одного за другим встречала она старых друзей, так что вскоре её плечи затекли от объятий, а язык устал повторять приветствия.

Марсела не заметила даже относительного благополучия. Кругом царил запустение. То, что успела разрушить отступавшая Национальная гвардия, не восстанавливалось, работы не было, поля не обрабатывались из-за неразберихи с правами на землю, на месте фабрики зловеще торчал немой укором её остов, ставший теперь товарищем по несчастью для стоявшей в руинах хлебопекарни.

Но в глазах горожан девушка увидела надежду. Она не наталкивалась больше на затравленные, бегающие взгляды. Люди стали говорить громче, не озираясь по сторонам. Они не горбились и оттого казались выросшими, словно в детской сказке.

— Люди меняются — вот что главное, — пояснил ей Пабло. — С такими людьми нам любые сложности нипочём.

Пабло был удивлён заинтересованностью Марселы. Казалось, она собирала материал для какого-то репортажа. Вопросы летели один за другим. Ей всё было интересно, ни одна мелочь не ускользала от её внимания. Польщённый Пабло только успевал отвечать, рассказывать, показывать, объяснять и знакомить. Это не было ни простым любопытством, ни данью вежливости. Скорее всего, думал он, Марсела переживает из-за своего неблагоприятного поступка и считает своё

прощение авансом, который нужно отработать, чтобы доказать себе и всем – это прощение она заработала честно. Девушка она умная, способная, энергичная. У неё наверняка будут интересные идеи.

К вечеру оба валились с ног от усталости. Стремительно темнело. Пабло засобиравшись домой, но Марсела неожиданно сказала:

— Ты спрашивал, как мне удалось проникнуть в Санта-Клару, когда на пути заставы на каждом шагу. Если хочешь, я расскажу, как это у меня получилось.

Пабло, до сих пор только и мечтавший свалиться в постель и заснуть, оживился и попросил сестру не испытывать его терпения.

— Хоть тебе и неприятно это слышать, но мне помог Диего.

— Что? — Пабло не верил своим ушам. — Этот недоносок?

— Называй его, как хочешь, но, если бы не он, мы бы с тобой не увиделись, и я не стояла бы сейчас на этом месте.

— Если бы не он, — заметил Пабло, — мы бы и не расстались.

— И тем не менее, он перевёл меня через линию фронта. Рисковал жизнью, чтобы помочь мне добраться до Санта-Клары.

— Ой-ой-ой, — усмехнулся Пабло. — Жизнью рисковал, ага. Видно, сильно задница-то заиграла. Думает прощения выпросить, да? Неохота умирать, страшно. Это других убивать – раз, и готово. А как до самого доходит, так руки трясутся, да и не только руки.

— Кстати, про руки, — продолжила Марсела. — Он пришёл не с пустыми руками.

— Как, он здесь?! — удивлению Пабло не было предела.

— А куда ему было деваться? Он сопровождал меня всю дорогу по подложным документам. Возвращаться ему нельзя – это верный расстрел за предательство и дезертирство. Но он служил в штабе и в последний день сумел прихватить с собой полезные, как он говорит, документы. Я в них ничего не понимаю, я и читаю-то кое-как. А он грамотный, у священника учился.

— Хорош был тот священник, — сказал Пабло. — Опыт на нём ставил, воплощал дьявола в человеческом обличье.

— Пабло, я говорю совершенно серьёзно.

— И я серьёзно. Значит, документы у него?

— Да.

— А он сам где?

— Прячется на старой хлебопекарне. Мы раньше с ним там чуть ли не каждый день встречались. Место на отшибе, там его никто не обнаружит. А что ему ещё делать, не в городе же среди бела дня

появляться? Сам ведь только что сказал, что таких, как он, на клочки разорвут – глазом моргнуть не успеешь.

— Так-так, — задумчиво протянул Пабло. — На хлебопекарне, говоришь. Ну, пойдём, посмотрим на этого выродка. Ненавижу предателей, даже если они предают моих врагов. — Он брезгливо сплюнул.

Когда они оказались на месте, вошла луна – точь-в-точь, как при последнем свидании Марсела и Диего в Санта-Кларе. С неизменной за прошедшие миллиарды лет меланхоличностью она в окружении звёзд безучастно наблюдала за пришедшими. Бесчисленные цикады, пользуясь спустившейся вечерней тишиной, соревновались в певческом мастерстве.

Пабло огляделся.

— Ну, и где же он?

— Команданте Пабло? — раздался за его спиной чей-то голос.

Пабло обернулся, но движение это сделал, скорее, по инерции. В следующую секунду он беззвучно осел на землю.

— Готов, — констатировал тот же голос, принадлежащий едва различимой в лунном свете фигуре. Рядом возникли ещё несколько фигур. Они какое-то время смотрели на лежащего Пабло, ткнули его несколько раз ногами для верности и, удостоверившись, что голос был прав, пошли прочь. Марсела поплелась за ними, а цикады, раздосадованные тем, что их так грубо прервали, с удвоенным усердием продолжили свой бестолковый концерт.

Каратели, возникшие в предрассветный час в Санта-Кларе так же таинственно, как и Марсела двумя днями раньше, не встретили организованного сопротивления. Ошарашенные внезапностью нападения, обезглавленные защитники города были больше заняты поисками своего команданте, чем обороной. Абсолютное единоначалие, которое Пабло сосредоточил в своих руках, и которое бойцы так охотно доверили ему, оказалось для них роковым. Тех, кто мог бы командовать, каратели вытаскивали из постели, проявляя чудеса информированности. Эти уничтожались в первую очередь. Когда даже с самым мелким начальством было покончено, настала очередь остальных. Все важные пункты и узлы оказались занятыми в первые же минуты, а зависшие над городом вертолёты сильными прожекторами освещали местность.

Диего, вошедший в город с противоположной стороны ранним утром, не узнал Санта-Клару. Собственно, город как таковой перестал существовать. Повсюду стоял запах горелого мяса, лежали трупы, некоторые из них – с лежащими вокруг внутренностями. Дым ел глаза. Слабый ветерок иногда разгонял его, открывая одну жуткую картину за другой.

Он шёл, словно во сне: сознание упорно отказывалось принимать происходящее за реальность. За три года службы его болевой порог поднялся на недостижимую высоту, но зрелище перед ним легко преодолело эту планку.

Диего наступил на что-то мягкое. Этим чем-то оказалась обгоревшая тряпичная кукла. Её изуродованная огнём хозяйка лежала рядом, не желая расставаться с любимой игрушкой.

Он больно ущипнул себя, но так и не проснулся. Смертельно хотелось пить. Он открыл флягу, сделал пару глотков, но вода тут же выплеснулась обратно.

Впереди, за занавесью гари, показался чей-то силуэт. Диего обрадовался: всё-таки это был сон. Он сделал шаг вперёд, но видение не собиралось рассеиваться. Мало того – он услышал звук шагов, а призраки, как известно, не производят шума. Он вскинул автомат, дыхание его перехватило от напряжения.

— Кто здесь? — позвал он и не узнал собственный голос.

Ветер подул сильнее, и дым рассеялся. Диего остолбенел: прямо к нему твёрдой, уверенной, и в то же время невероятно грациозной, кошачьей походкой приближалась Марсела. Он медленно опустил автомат и оцепенело уставился на неё.

Марсела подошла вплотную и, улыбнувшись, положила руки ему на плечи. Перстень на её пальце подмигнул Диего отражённым лучом наблюдавшего за ними солнца. В широко раскрытые от удивления и ужаса глаза молодого человека устремился ясный, открытый, немигающий взгляд, и он услышал заветные слова:

— Я тебя люблю.

Отсрочка

«Подожди немного, отдохнешь и ты.»
И. Гёте, «Ночная песнь странника»
(перевод М. Лермонтова)

Марко вышел из офиса в прекрасном настроении. Короткая неделя с выходными и праздниками, закончилась, не успев начаться.

Сегодня ему предстояло романтическое свидание. Эльвира злилась на него, и поделом. Он пропадал на работе днями и вечерами, захватывая даже субботы, а в воскресенье отсыпался, так что времени на неё совсем не оставалось. Марко выдумывал всё новые отговорки и самые несуразные объяснения, но, в конце концов, всё же согласился с подругой. На самом деле: дальше так продолжаться не могло. Когда Эльвира поставила его перед классическим выбором – она или работа, Марко счёл это обычной истерикой. А ведь она права, тысячу раз права! Работа сегодня одна, а завтра – другая. Постоянной величиной она может быть разве для какого-нибудь гения, рождённого для великого дела. Марко не был гением. Он был заурядным банковским служащим, руководил отделом, наводившим справки о желающих взять кредит.

Итак, у них с Эльвирой начинается новая жизнь! Он представил, как обрадуется она этому решению, и ему стало приятно вдвойне – он умел радоваться за других и любил доставлять радость.

Жил он в пригороде, на работу добирался сначала на электричке, а затем пересаживался на автобус. Банк находился в центре города, его парковка предназначалась только для самого большого начальства и солидных клиентов, обычному же клерку запарковаться поблизости было невозможно. Поэтому машиной Марко пользовался только по редким выходным, когда им с Эльвирой удавалось куда-нибудь выбраться. Хотя теперь, когда всё изменится, машину ждали трудные времена.

Парня, одиноко стоявшего на платформе, он приметил сразу. Среднего роста, хорошо сложенный, тот выглядел лет на двадцать с небольшим. Стоял погожий последний день апреля, но экипирован он был так, словно на улице только начинался февраль. На свитер

была одета плотная, тяжёлая толстовка с капюшоном, своими свободными размерами напоминая, скорее, тёплую куртку. Штанины мешковатых джинсов упирались в увесистые, высокие кроссовки зимнего покроя. Вся одежда – модных и дорогих марок – была не просто грязной: молодого человека, казалось, хорошенько вываляли в пыли. Его вид, а также то обстоятельство, что последний серьёзный заморозок, которому могло соответствовать подобное облачение, закончился четыре дня назад, свидетельствовали, что как минимум с тех пор парень шляется по улице. Да и остальные детали говорили сами за себя. Длинные чёрные волосы, казалось, легче было состричь и отрастить заново, чем привести в порядок. Под глазом красовался сочный синяк. Судя по выражению лица, молодой человек страдал от жесточайшего похмелья.

Сочувственно понаблюдав за ним, Марко вновь было погружился в свои мысли, как табло оповестило о скором прибытии электрички. И действительно – вдали показался быстро увеличивающийся в размерах состав. Марко подошёл поближе к краю платформы, стараясь угадать, где остановится дверь вагона. Парень сделал то же самое, переступив, однако, через обозначенную разноцветными плитками предупредительную линию. Его не на шутку штормило, и у Марко появились нехорошие предчувствия. Здесь поезд не успевает сбросить скорость и запросто оторвёт голову любому, кто осмелится высунуться слишком далеко.

Электричка стремительно приближалась. Молодой человек стоял на самом краю перрона. Машинист, заметив его, отчаянно просигналил. Несчастный опасно наклонился вперёд, и стало ясно, что вариантов у него всего два: успеть свалиться на рельсы перед самым поездом или оказаться отброшенным на десяток метров в сторону. В любом случае, шансов остаться в живых у него не оставалось никаких, разве что...

Марко бросился к обречённому. Едва успел он оттолкнуть того от края платформы, как в следующую секунду непрерывно сигналящий и визжащий тормозами состав влетел на станцию.

Поднялся парень самостоятельно. Марко проводил его в вагон, где им сразу уступили двойное сиденье. Двери с шипением захлопнулись, и поезд, который только что мог стать причиной смерти человека, как ни в чём не бывало стал набирать скорость.

От парня несло перегаром, но пьян он не был. Тупо смотрел он на своего спасителя, с трудом соображая, что произошло. Наконец, он

выдавил из себя первую фразу, оказавшуюся не претендующим на особую вежливость вопросом.

— Ты кто?

— Как кто? — удивился Марко. — Человек, как и ты.

Парень ничего не ответил.

— Ты чуть под поезд не угодил, — объяснил Марко. — Нет, ты не подумай, что я спас тебе жизнь и требую чего-то взамен. На моём месте каждый...

— И зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем ты меня спас? Тебе что, больше всех надо?

Марко не сразу нашёл, что ответить.

— Так ты собирался покончить с собой? — догадался он.

— Не знаю.

— Твоей жизни угрожала опасность. Я не выдумываю.

— Но какого чёрта ты полез меня спасать? Тебя просили?

От такой чёрной неблагодарности у Марко перехватило дух.

— Что значит, какого чёрта? На моих глазах мог погибнуть человек, ты, то есть! Как я мог стоять и спокойно смотреть, когда...

— А... — перебил его парень, — боялся, что я тебе ночами сниться буду?

— А ты, как я вижу, мало что неблагодарный, так ещё и наглец!

— Я могу быть благодарным. Но только за то, о чём просил.

Марко задумался: его на самом деле не просили спасать кому-либо жизнь, но ведь поступил-то он правильно. Не всякий сможет безучастно наблюдать, как на его глазах гибнет человек.

— Я исходил из того, что все хотят жить.

Его спутник тяжело вздохнул и поморщился.

— Меня зовут Марко, — представился Марко. — А тебя?

— Дориан, — ответил тот немного погодя.

— Куда едешь? — спросил Марко после некоторой паузы.

Дориан задумался, долго о чём-то размышлял, но потом сдался:

— Не помню.

— Тебе домой надо, — посоветовал Марко.

— Не надо.

— В смысле?

Парень ничего не ответил.

— И куда ты теперь?

Тот только пожал плечами.

— Но почему домой-то нельзя? — допытывался Марко.
— Потому что нельзя. — Он устало ухмыльнулся.
— Значит, едешь в никуда?
— Я давно уже приехал бы в никуда, если не ты.
— Ну, и что мне теперь делать? Самому толкнуть тебя под поезд?
— Марко почувствовал нахлынувшее откуда-то раздражение.
— Не надо меня никуда толкать, — серьезно сказал Дориан. — Просто оставь меня в покое. Один добрый поступок ты уже совершил, на сегодня хватит. — И он отвернулся к окну.

Но Марко не мог успокоиться. Теперь, когда он спас молодому человеку жизнь, он чувствовал себя в какой-то степени ответственным за него.

— Ты несправедлив к себе, Дориан. Всё не так мрачно.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю. Всё не так плохо, как ты себе представляешь.

Повисла неловкая пауза, которую Марко несколько раз безуспешно пытался нарушить. Так прошло минут пятнадцать.

— Знаешь что? — Марко пришла в голову блестящая мысль. — Едем ко мне!

— Чего?

— Да. Мы едем ко мне домой. Оклемаешься немного, похмелье снимешь, выпишься. А потом видно будет. Может, сможешь домой вернуться. Ну, а не сможешь, так хотя бы будет время подумать, что делать дальше. Идёт?

Дориан повернулся к Марко и внимательно посмотрел на него. После нового длительного молчания, он хмуро произнёс:

— Не идёт.

— А почему? Думаешь, я педик? Ничего подобного! Я на самом деле хочу тебе помочь. Не хочешь — не надо. Но я был бы очень рад, если бы смог подсобить тебе хотя бы с ночлегом на некоторое время.

Дориан задумался.

— Марко, — сказал он, — ты уже сделал одну ошибку, а теперь совершаешь другую. Из-за меня у тебя будут одни неприятности.

— Ерунда! — настроение Марко, казалось, было невозможно испортить. — Хватит ныть! Ты немного перебрал, сейчас у тебя башка трещит, мир кажется злым и серым, всё против тебя. С кем такого не бывает? Знаю я, за мной самим водился такой грешок, — он весело подмигнул сморщившемуся от головной боли Дориану. Тот был хоть и не в лучшей форме, но выглядел довольно безобидно.

Дома он уложил парня на гигантский диван в гостиной, прошёл на кухню, критически осмотрел содержимое холодильника и, найдя все продукты на своих местах, отправился в душ, прежде чем начать приготовления к приходу Эльвиры.

Душ являлся для него некой условной границей, разделяющей день на работу и дом. В обычные дни он входил в кабинку, будучи мыслями ещё на работе, но выходил из неё вполне частным лицом. Сейчас он думал о чём угодно, только не о работе, но и отказаться от многолетнего ритуала не смог.

Не успел он насладиться растёкшимися по телу тёплыми струйками, как с ужасом подумал, что совершенно забыл о романтическом свидании, когда приглашал Дориана домой. Его присутствие явно не понравится Эльвире, да и сам он вряд ли сможет сосредоточиться на своём историческом объяснении. Но и эти мысли не смогли огорчить его. В конце концов, Дориан в таком состоянии наверняка будет спать, как убитый. Его можно будет перетащить в кабинет и положить там на тахту. До утра он вряд ли проснётся – его состояние было знакомо Марко очень хорошо, сам он в юности попадал и не в такие переделки. Так что Дориан поспит в кабинете, а с Эльвирой он наверняка что-нибудь придумает.

Он успокоился и стал беззаботно насвистывать навязчивую мелодию из рекламного ролика.

Кухонные приготовления были почти закончены, когда Марко вспомнил об Дориане. Тот спал мёртвым сном. Марко с трудом удалось растолкать его, чтобы разъяснить ситуацию и попросить продолжить созерцание своих сновидений в кабинете.

— Я же тебе говорил: не надо тащить меня сюда, — напомнил Дориан. — И вот у тебя начинаются проблемы.

— Да какие проблемы! Дом большой, места всем хватит. Поживёшь тут пару дней, завтра праздник, послезавтра у меня выходной, потом – уик-энд. Эльвира – моя невеста. Я вас обязательно познакомлю. Потом. Просто как раз сегодня у нас запланирован вечер...

Дориан взрогнул.

— Не уходи, я прошу тебя. Пожалуйста! Всё нормально, всё под контролем. В кабинете у меня великолепная тахта, располагайся там в своё удовольствие. Кстати, может, поешь что-нибудь?

— Я не голоден.

— Как не голоден? Уже вечер, а ты ничего не ел.

— Я же сказал, что не голоден, — сухо повторил Дориан.

— Ладно. Поешь, когда захочешь. Умыться, душ принять — по коридору прямо. Завтра шмотки твои постираем, а то они скоро лопнут от грязи. Можешь прямо сейчас забросить их в машину.

— До утра не лопнут, — мрачно ответил Дориан.

— Вот и славненько, — обрадовался Марко. — Выспись, как следует. Утро вечера мудренее.

И, устроив гостя в кабинете, поспешил на кухню.

Эльвира, стройная блондинка с рыбьими глазами и ничем не примечательным лицом, появилась чуть раньше, чем было условлено. Она неслышно открыла дверь своим ключом, прокралась на кухню и, улучив момент, поцеловала Марко в шею. Тот от неожиданности выронил нож, которым собирался разрезать нитки на мясном рулете.

— Привет!

Марко обернулся, и они обменялись поцелуями, дежурными распросами и прочими любезностями.

— О, да тут такая вкуснятина готовится! — Эльвира протянула к рулету свои тонкие пальчики. — Ням-ням...

Марко нежно шлёпнул её по руке.

— Ты лучше иди в столовую, накрой там. У меня всё готово.

— Ну хоть кусочек, — наигранно протянула Эльвира.

— Иди на стол накрывать. Потом попробуешь.

Эльвира делано хныкнула и направилась в столовую, где через минуту зазвенела посуда. Марко взял блюдо с рулетом и собрался нести его, как подруга возникла на его пути.

— Хочу в гостиную!

— Куда?!

— В гостиную.

— Это почему?

— Настроение у меня такое. Хочу в гостиную.

— Но мы же садимся ужинать. А для этого есть столовая.

— Марко, я ведь не едь сюда пришла. Я пришла побыть с тобой, я — твоя гостья. А куда приглашают гостей? В гостиную. Столовая — слишком утилитарно.

— Эльвира, послушай, — начал Марко.

Но она не желала ничего больше знать.

— Хочу в гостиную!

— Но там неудобно. Журнальный стол, диван вместо стульев.

— Ну и что? Мы сервировочный столик возьмём — и всё будет в ажуре. Всё, я так решила, а моё решение — закон!

"Что-то больно рано она взялась за законотворческую деятельность", — подумал Марко, но ничего не ответил, а только пожал плечами и отправился искать сервировочный столик.

Вскоре всё было готово. Эльвира поставила на журнальный столик свечи и их аромат смешался со вкусными запахами, издаваемыми произведениями кулинарного таланта Марко.

Вино было разлито по бокалам, и романтический ужин начался.

Они долго болтали о том и о сём, обсуждали планы на предстоящие выходные, говорили об общих знакомых, рассказывали о своих делах, беседовали о погоде и политике. К явному неудовольствию Марко, время летело слишком быстро. Приближался десерт, а он никак не мог найти подходящего момента для своего объяснения. Проклиная себя за то, что выпустил из рук инициативу, он, наконец-то смог переломить разговор и начал понемногу выводить его в нужное русло. Он как раз подбирался к сути вопроса, как случайно пролил немного красного вина на одну из трёх подушек-пуфиков, мирно лежавших на диване. По подушке расплылось зловещее пятно.

— Молодец! — похвалила Эльвира. — Теперь это пятно ни за что не выведешь.

— Так пусть остаётся, как воспоминание о сегодняшнем вечере, — предложил Марко. — Хотя, — он повертел подушку в руках, — я положу её в стирку. Вчера купил зверскую пасту — всё отстирывает.

— Уже пробовал?

— Пока нет. Но у мужика из рекламы получалось здорово.

Эльвира рассмеялась.

— Надо остальные убрать от греха подальше. Да и не столько от греха, сколько от тебя. — Она легонько щёлкнула Марко по носу. — А то и их умудришься испортить.

И, прежде чем Марко успел хоть как-то отреагировать, она быстро встала с дивана, подошла к кабинету, открыла дверь и швырнула подушки на тахту. Она машинально сделала шаг вперёд, чтобы убедиться, что обе подушки благополучно приземлились, как вдруг разразилась душераздирающим визгом, словно ужаленная целым клубком ядовитых змей.

Марко вскочил. Эльвира пятилась назад, выкатив от ужаса свои бесцветные глаза и показывая пальцем куда-то в темноту кабинета.

— Там... кто-то... есть...

— Там? — Марко не знал, с чего начать.

— Да, там. Там кто-то есть! Ну конечно! Там кто-то прячется! Марко, смотри, кто это?

В кабинете послышался лёгкий шорох. Марко стал всматриваться в темноту, будто присутствие постороннего человека в кабинете на самом деле было для него сюрпризом.

— Что ему надо? Может, там грабитель, бандит? Надо вызвать полицию, ну что ты стоишь? Нет, оставайся здесь, я сама позвоню!

— Не надо никуда звонить, — голос Марко чуть дрогнул.

— Не надо? Но почему?

— Я тебе говорю, не надо никуда звонить.

— А откуда мы знаем, что у него на уме? Может, он вооружён и может нас убить.

— Он не вооружён и ничего нам не сделает.

— Да? А откуда ты знаешь?

Неловкое молчание Марко быстро привело Эльвиру в чувство.

— Ты с самого начала знал, что там кто-то прячется?

Её лицо и голос выражали удивление и недоверие. Марко понял, что надвигается жуткая гроза, но продолжал беспомощно молчать, зная, что каждая секунда задержки с ответом делала его шансы всё более ничтожными.

— Я тебе сейчас всё объясню... — неуверенно начал он, ещё до начала боя загоняя себя на оборонительную позицию. Может быть, он и придумал бы что-нибудь правдоподобное, но тут из кабинета появился Дориан и окончательно испортил всё дело.

— Вы зря так испугались. Я — знакомый Марко, он сам пригласил меня сюда, так что...

— Марко, кто это? — перебила его нахмурившаяся Эльвира. — Он на самом деле твой знакомый?

— Да, — подтвердил Марко.

— И с каких пор?

— С сегодняшнего дня. Да послушай же меня! — Марко сделал ещё одну безуспешную попытку перехватить инициативу.

— С сегодняшнего дня? — зло переспросила Эльвира. — Ты знаком с этим субъектом всего несколько часов и сразу тащишь его к себе в дом? И, зная, что сегодня приду я, ты прячешь его в соседней комнате? Зачем?! Да я ни за что не стала бы тут откровенничать, если бы знала, что меня подслушивают.

— Никого я не подслушивал, — заметил Дориан. — Я спал.

— Превосходно, — произнесла Эльвира с издёвкой. — Он, видите ли, спал. Не выспался, бедненький. Хотя, судя по его виду, ночь он провёл ого-го какую бурную. Что, не так? — Она повернулась к Марко. — Марко, дорогой, скажи-ка на милость, на какой помойке ты подобрал этого бродягу?

— Он не бродяга, — объяснил Марко. — Просто сейчас...

— Ага, не бродяга, как же! — Эльвира не хотела слышать никаких объяснений. — В каком месяце он последний раз брился и в каком году переодевался, ты, случайно, не подскажешь? Про душ я не спрашиваю, это удовольствие наверняка из его прошлой жизни. Он твой знакомый, так что ты должен знать.

— Эльвира, у него сейчас не лучшие времена, но дело в том...

— Что значит "не лучшие времена"? На работе запарка? Не успевает мужиков у туалета на вокзале обслуживать? Хотя, — на её лице появилось озарение, — погоди-ка... Да ты не педик ли? Ну конечно!

— Что? — заорал Марко. — Педик? Да ты соображаешь, что плетёшь? А если бы ко мне старуха в гости пришла, то ты назвала бы меня геронтофилом, да? А если просто другая женщина, то бабником? Или я не могу впускать в собственный дом никого, кроме тебя, чтобы не вызвать твоих идиотских подозрений?

— Смотри, как тебя задело! Значит, я всё-таки угадала! — воскликнула Эльвира. — То-то я смотрю, что ты со мной целых два года разобраться не можешь. Правильно, а зачем, когда на вокзале можно снять мальчика, который тебе в сыновья годится. И самому приятно, и обязательств никаких. Хотя, ты-то, с твоими-то доходами, мог найти кого-нибудь и попримечнее этого чучела.

— Я, между прочим, вас никак не оскорбил, — вставил Дориан.

— Ой, — брезгливо поморщилась Эльвира. — Этот грязный оборванец ещё и замечания делает.

— Оскорблять я тоже могу, но, в отличие от вас, уважаю Марко.

— Ха, надо же! — перебила Эльвира. — Он учить меня вздумал! Я думаю, что хочу и говорю, что хочу, где хочу и когда хочу. И я не нуждаюсь в наставлениях и советах, тем более, от такого чмошника, как ты. Одно только то, что я вообще с тобой разговариваю...

— Вот же дура, — хмыкнул Дориан и направился к двери. — Разбирайтесь тут без меня.

Но Марко преградил ему путь.

— Нет, никуда ты не пойдёшь! Ты мой гость, и я не позволю оскорблять тебя в моём же собственном доме.

И он вызывающе посмотрел на Эльвиру.

— Что ж, чудесно, — произнесла та. — Значит, уйду я. Женщине в доме педиков делать нечего. Не буду портить ваше уютное гнёздышко. Какая мерзость!

С этими словами она резко повернулась, надела туфли и вышла, сопровождаемая молчанием мужчин. Но прежде, чем захлопнуть за собой дверь, она швырнула прямо в лицо Марко ключ от дома. Вскоре раздался звук отъезжающей машины, и всё стихло.

Марко и Дориан остались вдвоём. Дориан первым прервал напряжённое молчание.

— Зачем ты меня остановил? Видишь, что получилось?

Марко ничего не ответил.

— Помнишь, — продолжил Дориан, — я предупреждал тебя, когда ты приглашал меня домой? Я говорил тебе, что будут проблемы, разве не так?

— Говорил, — отозвался Марко. — Только к тебе эти проблемы не имеют никакого отношения.

— Это ты так думаешь. Но ссора произошла после того, как ты привёл меня в дом, и именно из-за этого. Не будь меня, вы бы не поссорились. Так что мне, наверное, и правда пора, пока тут не случилось ещё что-нибудь.

— Но куда? Ночь ведь на дворе.

— А тебе-то что?

— Подожди! Ведь ты тогда всё правильно сказал: оскорбляя тебя, она оскорбила и меня. Выказывая неуважение к приглашённому мной гостю, она демонстрирует неуважение ко мне. И если она не уважает меня, мой выбор, мой образ жизни или мыслей, как же она собирается жить со мной под одной крышей?

— Ну, под такой крышей, — Дориан обвёл взглядом дом, — можно жить и с тем, кого не уважаешь.

— И всё равно: допустим, ты ей не понравился. Она могла мне это сказать, но не при тебе и не в таком тоне. Думаешь, она тебя обидела? Да, конечно. Но меня она обидела гораздо больше. Она показала, что не стесняется выставить меня тряпкой при каждом встречном бродяге. — Он осёкся. — Прости, я не хотел. Я не то имел в виду.

— А ты и есть тряпка. Баба делает с тобой, что хочет. Да она давным-давно поняла, кто ты, и просто прикалывается.

Подавленный правдой о себе, Марко молчал.

— Забудь о ней, — продолжил Дориан. — Всё равно ничего, кроме издевательств, ты от неё больше не увидишь. А после сегодняшнего она вообще станет тебя презирать. Начни всё заново.

— Заново?! — взорвался Марко. — Ты говоришь, заново? Мне уже за сорок. Ну, посмотри на меня, — он отодвинулся от Дориана, словно давая ему возможность окинуть себя взглядом, — посмотри хорошенько. И ты говоришь, я должен начать всё заново? Да что я могу начать заново, если ничего нет и не было? Вокруг меня — ничего, целые годы — одно только ничего. Как человек я ноль, как любовник — ещё хуже, университет окончил еле-еле, работник из меня никакой, назначили меня руководителем группы, но только потому, что в таком возрасте быть рядовым сотрудником просто неприлично. Мои подчинённые открыто общаются с начальством через мою голову, надо мной смеются. И тут появляется она: такая молодая, такая уверенная, красивая... — последнее слово он выговорил не совсем уверенно, зная, что погрешил против истины. — Понимаешь, она — единственное событие в моей жизни за последние двадцать лет, после смерти родителей.

— Твои родители умерли?

— Да, погибли в автокатастрофе. Я, кстати, сыном был так себе. Они отправились к морю, а в я последний момент отказался ехать. Они долго готовились к этой поездке, но на меня не обиделись — я тогда как раз познакомился с одной девушкой, и она сама назначила мне свидание как раз в день отъезда. Я пошёл на свидание и поэтому остался жив.

— И что потом?

— Потом? А ничего. Она не пришла. Я простоял два часа, как идиот, а затем решил позвонить ей. Она ответила, что хотела только лишь потребовать оставить её в покое. А после передумала, дескать, слишком много чести, можно и по телефону сообщить.

— Но она спасла тебя от смерти, так ведь выходит?

— Выходит, что так. Спасла меня, как я сегодня спас тебя...

— ...а я тебе сказал, что не просил тебя спасать. Помнишь?

— Вот именно. Я не просил спасать меня, а она сделала это, сама того не подозревая. И совершенно зря, как выясняется. Потому что больше в моей жизни ничего не происходило — ни до того несостоявшегося свидания, ни после. Болтаюсь сколько лет, как муха в унитазе — и слить не получается, и выловить противно. Лет пятнадцать назад

начинал пить, так даже алкоголика из меня не вышло. Пью, а меня тут же рвёт. Вот только слабенькое винцо, — он кивнул на столик, где сиротливо стояли остатки ужина, — проходит, а на нём не сопёшься. Так что я прекрасно понимаю тебя. Жить не хочется, сил ни на что нет, воли не хватает даже для самоубийства. И тут подворачивается такой удобный момент, как — бах! — откуда ни возьмись выныривает какой-нибудь доброхот, вроде меня. Представляю, как тебе было досадно. Но откуда мне было знать?

Дориан усмехнулся.

— Ты не знаешь мою историю. У меня всё куда серьезнее.

Но Марко, поглощённый своими заботами, не слушал его.

— Я должен её вернуть! — вдруг патетически воскликнул он. — Эльвира — единственное, что у меня есть. Я не имею право терять надежду. Никогда себе потом этого не прошу. Я должен вернуть её. Немедленно, сейчас же! Я её люблю!

— Ты с ума сошёл! Тебе мало было? Без чего ты не можешь жить? Без того, чтобы о тебя вытирали ноги? Она презирает тебя, неужели не видишь? Любит он её, ну да, как же! Хоть бы себе перестал врать.

— Ну и что!? — продолжал кричать Марко. — И пусть! Но я должен использовать этот шанс, тем более что он — последний. Я еду к ней! Прямо сейчас.

— Ну и вали! — махнул рукой Дориан.

— Ты оставайся здесь, — распорядился Марко, — ешь, спи, приводи себя в порядок. И пожелай мне удачи!

— Ну тебя к чёрту, — огрызнулся Дориан.

Марко выскочил на улицу.

Оставшись один, Дориан безо всякого интереса осмотрел дом. Хотел забросить свою одежду в стиральную машину, но в последний момент передумал. Ждать, пока стирка закончится, он не мог, потому что ужасно хотел спать. Да и на влажном, холодном ночном воздухе белье всё равно бы не высохло. Остаться же без одежды, пусть даже и такой грязной, ему не хотелось.

Проснулся он рано. Потягиваясь, вышел в гостиную и выглянул в окно. Машина Марко стояла во дворе. Значит, он был дома и, скорее всего, спал наверху. Дориан сделал вывод, что примирение не состоялось, иначе Марко остался бы у Эльвиры на ночь.

Он зашёл в большую, шикарную оборудованную ванную комнату. Принял душ, чисто побрился и принялся за свои волосы. После полутора упорных трудов, стойшим ему нескольких выданных ключей,

а гребню – пары сломанных зубцов, он привёл их в состояние, отдалённо напоминающее порядок. Постепенно его внешность, если не считать появившегося под глазом при невыясненных обстоятельствах синяка, стала принимать довольно благопристойный вид. Дориан даже подумал, что обитатели вокзальных туалетов и впрямь поколотили бы его как серьёзного конкурента.

Он оделся, пожалев, что пренебрёг вчера услугами стиральной машины, и позавтракал. В доме Марко делать ему было больше нечего. Оказавшись снаружи, он осторожно прикрыл входную дверь и, услышав тихий щелчок замка, быстро зашагал прочь.

Одна из первых электричек, идущая в город этим праздничным утром, была девственно пуста, так что Дориан оказался в ней единственным пассажиром. Пока он соображал, куда ему направиться, решение подвернулось само собой: за окном показались пригороды, и он вспомнил, что в этом районе живёт его старшая сестра Ванесса. Конечно, их отношения не располагали к столь ранним визитам, да и Майк, бойфренд Ванессы, его на дух не переносил. Но, тем не менее, он решил, тем более что к неприязненному отношению к себе он давно привык.

Раньше, когда их семья жила вместе, они были лучшими друзьями, а сестра — единственным человеком, кому он мог довериться, не опасаясь предательства. С детства делились они друг с другом своими маленькими и большими тайнами. У Ванессы он всегда находил понимание и поддержку. Что бы ни случилось — она неизменно принимала его сторону.

В школе Дориан с самого начала считался изгоем, хотя видимых причин для этого не находилось. Он не был ни толст, ни тощ, ни соплив, ни плаксив, ни прыщав. Он не вонял и не ябедничал. Словом, не обладал ни одним из качеств, за которые дети записывают своих сверстников в отверженные. И всё же он был им.

Дориана избили уже на второй день. Инцидент вскоре повторился, а затем избиения перешли в традицию. Домой Дориан приходил в синяках, но расспросы родителей ни к чему не приводили. С необыкновенным упорством продолжал он утверждать, что дела в школе идут превосходно. Только от Ванессы он не смог скрыть правду. Когда она узнала обо всём, то тут же взялась за дело. Организованная ей толпа

старших мальчишек так отделала обидчиков брата, что те больше никогда не трогали Дориана. В ответ ему до самого окончания школы был объявлен полный бойкот.

Шло время, его сверстники и сверстницы разбивались на пары, что в их возрасте больше не считалось зазорным. Дориан же, превратившись в стройного, симпатичного юношу, оставался один. Лишь однажды он получил записку, где таинственная незнакомка поведала ему о своей страсти. Она якобы была вынуждена хранить свои чувства в глубокой тайне, иначе друзья перестанут с ней общаться, как они уже много лет не общаются с предметом её воздыханий. Дориан с Ванессой просидели над запиской полдня, пытаясь дедуктивным методом вычислить её автора, но так ни к чему и не пришли и решили, что это была просто жестокая шутка.

Потом у Ванессы появилась своя личная жизнь, но они продолжали оставаться близкими друзьями. Всё изменилось, когда родители подали на развод. Ванесса очень тяжело переживала их разрыв и видела его причину в Дориане. И не без оснований: тот послужил если и не причиной, то поводом для развода, стал тем ударом, после которого в семье образовалась роковая трещина.

После окончания школы он, поскитавшись по разным предприятиям, остался не у дел, и отец, владелец фирменного автосалона, пристроил его к себе в надежде, что, может быть, хоть здесь из сына здесь выйдет толк. Поначалу Дориан работал в мастерской. К работе он относился серьёзно, очень старался, но через неделю мастер заявил отцу, что вреда от его сына гораздо больше, чем пользы. Тогда отец перевёл его контору, где, как он считал, просто невозможно сделать что-либо неправильно. Однако через полгода, случайно перебирая бумаги на столе сына, он обнаружил среди них письмо от отдела реализации автопроизводителя. Письмо уведомляло о структурной реорганизации всей системы сбыта, о резком сокращении числа фирменных автосалонов и о проведении конкурса среди желающих и дальше носить это гордое звание. Там же оговаривались условия конкурса, а также указывался крайний срок подачи заявок, истекший неделю назад. Дориан забыл показать отцу письмо, и оно затерялось среди множества бумаг, в полном беспорядке сваленных на столе.

Это было землетрясение. Пришлось снять с фасада здания логотип марки автомобиля, которым он торговал больше двадцати лет, и отказаться от продаж новых машин. Предприятие выжило благодаря мастерской с хорошей репутацией и торговле поддержанными авто.

Но сначала разразился страшный скандал. Мать открыто встала на сторону сына, говоря, что право на ошибку есть у каждого. Отец же проклинал тот день, когда зачал такое ничтожество, говорил, что у Дориана есть сплошные права на ошибки, но только не обязанности делать хоть что-то правильно, что его сын за всю свою жизнь не совершил ничего полезного. Дальше последовали его любимые сентенции, что в этом возрасте он имел своё дело, крепко стоял на ногах и собирался завести семью. Он много говорил, но слова о вреде своего существования крепко засели в голове Дориана. Он неотступно размышлял о них и укрепился в своих мыслях, когда Ванесса с глазу на глаз сообщила ему, что отец, если честно, не так уж и неправ.

Родители стали ссориться всё чаще. Отец дневал и ночевал на работе, спасая свой бизнес. В те редкие часы, что он бывал дома, он либо спал, либо ругался с матерью и ворчал на всё и вся. Мать стала носить тёмные очки, чтобы скрыть опухшие от слёз глаза. Обстановка в доме становилась невыносимой.

Вскоре Ванесса объявила, что уходит жить к своему очередному бойфренду. Дориана поразило, что он узнал об этом от матери. Сестра, с кем он все эти годы делился самым сокровенным, на сей раз не удосужилась даже поставить его в известность. А потом отец приехал домой на микроавтобусе — забрать свои вещи. Он уходил к молодой секретарше, дочери своего мастера, вложившего в переоборудование умирающего предприятия свои личные деньги и ставшего теперь его совладельцем. Новая жена, по словам отца, всё время находилась рядом с ним, помогала с документами. Так на руинах автосалона образовывалось новое семейное предприятие, причём и сама семья тоже создавалась заново.

Дориан с матерью остались вдвоём. Он так же болтался без дела, перебиваясь случайными заработками. Она устроилась на работу, но, так и не оправившись от удара, из-за постоянных болезней вскоре потеряла её. Дориан, решив сделать в своей жизни хоть одно полезное дело и стать опорой для ослабевшей матери, с честью провалил и этот проект. Вместо участливых слов из его рта вылетали грубости, вместо поддержки мать видела от него лишь холодное равнодушие. Дориан сам удивлялся тому автоматизму, с которым это происходило, жалел о сказанной фразе, прежде чем она была начата, но поделать с собой ничего не мог.

Долгожданный нервный срыв произошёл у матери в один чудный весенний вечер, когда Дориан, возвратившись домой навеселе, без

единого слова приветствия прошёл в свою комнату и заснул. Разбудили его громкие вскрипы и стоны — мать билась в безнадёжной истерике, и её пришлось отвезти в психиатрическую лечебницу. А вскоре он и сам составил ей компанию, после того как попытался покончить с собой, съев все таблетки, что смог найти в доме. Обнаружила его, лежавшего без сознания, случайно зашедшая Ванесса.

Дориана успели спасти. Сестре, навестившей их с матерью в больницу, он рассказал всё полностью и без утайки. Он посвятил её во все подробности боровшихся внутри него противоречий. Как и раньше, он надеялся, что она сможет не только понять его, но и помочь ему справиться прежде всего с самим собой.

Но, к своему удивлению, он обнаружил в ней вовсе не понимание, а отчуждение и даже недоверие. Такого чувства он пока не наблюдал в сестре ни разу, а тем более — по отношению к себе. Когда врач сообщил Ванессе, что её брат здоров, и причину происходящего следует искать скорее в его испорченности, Дориан в первый раз за всю жизнь явственно ощутил холод, что возник между ними. Справедливость поговорки о любви, ненависти и одном шаге между ними ему пришлось испытать на своей шкуре. В один миг брат и сестра стали так же бесконечно далеки друг от друга, как бесконечно близки были они все годы детства и юности.

Дориана выписали из больницы первым, а мать собиралась вернуться назавтра. Но на следующий день он не смог идти домой. Он не хотел причинять больше зла — ни ей, ни кому-либо другому. Он знал, что любое потрясение могло быть для матери последним, но ругаться за себя не мог.

Что происходило дальше, он помнил весьма смутно. Какие-то случайные знакомые, выпивка, много выпивки, а затем — провал. Очнулся он в поезде и увидел лицо склонившегося над ним Марко.

Двери электрички закрывались, и Дориан успел выскочить из поезда в самый последний момент. Он сильно рисковал навлечь на себя недовольство Майка — культуриста, демонстрировавшего свои мускулы в ночном шоу и теперь наверняка только что заснувшего после работы. Но дом сестры всё же оставался для Дориана первым адресом, куда он мог направиться.

На счастье Дориана, сонная Ванесса сама открыла дверь.

— Дориан? Ты с ума сошёл! Откуда ты выпал в таком виде? Мама вчера звонила, говорит, она несколько дней дома, а ты так и не появлялся. Она волнуется, все больницы и морги обзвонила, в розыск

собиралась подавать. Хорошо, соседка сказала, что видела тебя недавно в парке — пьяного в дым, грязного, как свинья, и с фингалом под глазом. В могилу её хочешь свести?

— Ванесса, послушай меня! Я не могу идти домой, понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— Кто это там? — раздавшийся из дальней комнаты недовольный голос Майка прервал их диалог.

— Дорогой, это Дориан, но он уже уходит, — отозвалась Ванесса и продолжила, обращаясь к Дориану, — только не говори, что ты теперь всё понял и осознал, что ты теперь другой человек. Всё это я слышала тысячу раз и знаю твои заклинания наизусть.

Издалека донеслись невнятные ругательства Майка.

— Но я теперь на самом деле другой человек! Если бы ты знала, что произошло со мной за последние дни! Если бы ты знала, как вдруг всё повернулось!

— Зачем ты пришёл?

— Я пришёл просить тебя о помощи. Пожалуйста, помоги! В самый последний раз! Я обещаю тебе, что больше никогда не буду просить тебя о чём-либо, только помоги мне сейчас, я умоляю тебя. — Дориан взял руки сестры и стал целовать их. Та выдернула руки с видимым отвращением.

— Ты можешь сказать по-человечески, что тебе нужно?

— Я всё понял. Вчера днём я был на волоске от смерти, но меня спасли в самый последний момент. Я не знаю, для чего судьба предоставляла мне этот шанс, но я хочу его использовать.

— Чего ты хочешь от меня? — устало повторила Ванесса.

— Пойдём к нам домой, пойдём вместе. Один я не могу там появляться. Я буду валяться у мамы в ногах, вымаливать прощение. Мне нужна твоя поддержка, чтобы ты стояла рядом. Ну пожалуйста!

— Дай ему бутылку и гони к чертям собачьим, — рёв Майка звучал теперь отчётливее. — Или я ему рёбра переломлю!

— Он уже ушёл, дорогой, — соврала Ванесса. — Я сейчас буду! — И снова заговорила тихо и очень быстро. — Великолепно! Когда ты чуть не разорил отца, ты никого не звал на помощь. Когда из-за тебя ссорились родители, ты мог появляться в доме, ты даже злорадствовал исподтишка, уж я-то видела. Когда ты издевался над мамой и довёл её до больницы, ты тоже не нуждался ни в чьих услугах. А теперь, когда ты решил элементарно попросить прощения, что надо было сделать давным-давно, ты срочно нуждаешься в помощи и

поддержке. Так вот что, братец: ты сам заварил кашу – сам её и расхлёбывай. А раз заварил ты её в одиночку, то я желаю тебе одному приятного аппетита! И если уж ты теперь, как сам утверждаешь, так изменился, то мамино прощение будет только началом. Очередь к тебе будет ох какая большая!

— Если и говорить о ссорах мамы с папой, то ты там...

— Пошёл вон!

Она сделала движение, попытавшись закрыть дверь, но Дориан опередил её, поставив в просвет дверного проёма ногу.

— Ванесса, но ты? Ты прощаешь меня?

— Да хоть сто раз и столько же в придачу, только оставь всех нас в покое. Навсегда.

Она зло пнула его. Он убрал ногу, и дверь захлопнулась.

Елена, бывшая подруга Дориана, жила в нескольких километрах от Ванессы, но Дориан не заметил, как пешком преодолел это расстояние. Семья Елены занимала половину небольшого, но довольно милого и очень уютного домика, рядом с городским парком. Парк со всех сторон пересекали аллеи с многочисленными скамейками по бокам, сбегавшиеся к озеру, где до глубокой осени плавали утки и лебеди. Он был тем местом, где они с Еленой назначали свидания, неизменно начинавшиеся страстными поцелуями под завистливыми взглядами вездесущих пенсионеров, и заканчивавшиеся, независимо от культурной программы прошедшего дня, здесь же, такими же поцелуями, но уже поздним вечером и почти без свидетелей.

К Елене Дориан не испытывал никаких чувств. Отношения с ней были чем-то вроде параллельной жизни, спектакля. Елена, судя по всему, влюбилась в Дориана, вернее, в его героя, и он изо всех сил старался не разочаровать её. Он не знал, для чего он играет эту роль, как не мог объяснить, зачем он в своей настоящей жизни причиняет боль близким ему людям. В какой-то степени этот театр тоже был своего рода издевательством над Еленой, но прежде всего – издевательством над собой. Ни встречи с Еленой, ни секс с ней не принесли Дориану ни малейшего удовлетворения. Елена не давала ему энергии. Дориан уходил от неё усталый, опустошённый, словно актёр, выложившийся на полную катушку на своём бенефисе. Неоднократно решал он порвать с Еленой, но каждый раз его словно

магнитом тянуло на тихую улочку на окраине парка. Вероятно, он испытывал потребность хоть на какое-то время побыть вполне добропорядочным парнем, у которого, как и положено в его возрасте, есть любящая подруга. Словно подросток, что тайком от родителей курит, запершись в ванной комнате со включённой вытяжкой, мистер Хайд снова и снова примерял на себя облик доктора Джекила.

Дориан не решился позвонить в дверь, чтобы случайно не встретиться и отцом Елены: тот ненавидел его с самого начала. Поэтому он встал напротив окна её спальни и начал бросать в него мелкие камешки. Через некоторое время в окне замелькала тень, и показалась Елена — симпатичная длинноволосая шатенка с большими глазами на узком лице, выражавшем сейчас удивление и негодование одновременно. Через несколько секунд она скрылась. Дверь дома неслышно отворилась, и наскоро одетая Елена возникла на пороге.

— Чего тебе? — спросила она, прикрыв за собой дверь. — Тебя мать по всему городу ищет.

— Ты нужна мне, Елена, — тихо проговорил Дориан.

— Да что ты! Поприкалывался ты надо мной вдоволь, наврал столько, что лапша до сих пор на ушах висит, — она потерела ухо, словно стряхивая с него что-то мерзкое и тягучее. — А теперь спермотоксикоз замучил, да?

— Прекрати, пожалуйста.

— Ах, надо же — Дориану не нравится, когда насмеются над ним. Ему нравится самому насмеяться над другими, не так ли?

— Да пойми же, наконец, что всё в прошлом! Нет больше ни обманов, ни розыгрышей. И Дориана того нет.

— А кто есть? И почему я должна сейчас тебе верить?

— Елена, — Дориан тронул её за плечо, и она сделала вид, ей неприятно его прикосновение.

— Зачем ты пришёл? — В её глазах заблестели слезинки. — Ты знаешь, как мне больно тебя видеть. Пришёл насладиться? — Тут самая крупная слезинка не выдержала и скатилась на щеку.

— Елена, дорогая, я обманывал и тебя, и себя. Я пытался убедить себя, что всё это серьёзно. Я так одинок. У меня никого нет. Ванесса меня ненавидит, про отца я молчу, с матерью я поссорился.

— Только не надо строить из себя жертву. Не забывай, что ты сам же всё это затеял.

— Это правда. Но сейчас всё по-другому. Я не хочу больше никого обманывать: ни тебя, ни себя, ни кого-либо другого. Я не люблю тебя

в том смысле. Но я люблю тебя, как друга. Ты нужна как друг, без которого нельзя, понимаешь?

— Ой, как интересно! Вот как ты заговорил! Сначала ты завёл меня как любовницу, потому что нужно было.

— Да причём тут это? — Дориан безуспешно попытался возразить, но Елену было не остановить.

— А сейчас ты решил завести меня снова, но как друга. Как друг я тебе нужна, да? А может, как жилетка, чтобы поплакаться, я правильно угадала? Ты сам хоть понимаешь, что делаешь? Нагадил под дверь, а теперь постучал в неё и просишь бумажку, задницу подтереть. Ради этого ты сюда пришёл? Знаешь, найди себе лучше кого-нибудь другого. Не того, кому ты сделал хоть что-то доброе, таких, конечно, нет. Но хотя бы того, кому ты не сделал ничего плохого. Это трудно, я знаю. — Она окинула его ироническим взглядом.

— Елена... — начал Дориан.

— Не надо. Я люблю тебя и прощаю, но давай закончим на этом. Пройдёт время, всё уляжется. Но если ты будешь появляться здесь и ворошить старые раны, мне придётся забрать своё прощение обратно. Уходи, я прошу тебя. Уходи, пожалуйста!

В доме что-то заскрипело, и Елена со страхом оглянулась.

— Это отец. Всё, я должна идти. Будь...

Она приблизилась к Дориану и жарко поцеловала его в губы.

— Будь счастлив, — она скрылась в доме, оставив его наедине с закрывшейся дверью.

— Елена, подожди! Да погоди же ты!

Он подёргал ручку и уже собрался уходить, как дверь неожиданно вновь отворилась. Дориан с посмотрел в дверной проём, намереваясь произнести заранее приготовленную фразу, но вместо Елены увидел перед самым носом сжатый кулак гигантских размеров. Он не успел ничего сообразить, как в следующее мгновение мощный удар отбросил его на несколько метров от крыльца, а ещё через секунду дверь с грохотом захлопнулась.

Дориан наяву увидел, как искры посыпались у него из глаз, и на какое-то время всё вокруг потемнело. Неуверенно, словно во сне, он поднялся. По лицу расплылась ноющая боль, а из носа сочилась тёплая струйка крови. Синяк под глазом получил подкрепление в виде брата-близнеца на другой стороне. Дориан медленно побрёл в парк, нашёл первую же свободную скамейку и просидел там битый час, пока наконец-то смог прийти в себя.

Похоже, что Дориан решил сегодня обойти весь город. Его отец жил за тридевять земель отсюда, на противоположной окраине, так что времени обдумать свой поход к отцу хватало с лихвой. Если встреча с Ванессой неприятно поразила его, а разговор с Еленой подтвердил его самые худшие опасения, то в доме отца Дориан определённо не ждал ничего хорошего. Он был готов к этому, но, тем не менее, направлялся именно к отцу. Официально – выяснить отношения, но на самом деле – найти там либо поддержку, либо хотя бы место, откуда его если и выгонят, то, может быть, не так грубо и не сразу. Эта надежда теплилась в нём, когда он нажал кнопку звонка. Дом ответил ему зловещей тишиной, как будто для того, чтобы не выгонять Дориана, его решили вообще не впускать. Хотя, скорее всего, отец лишь вышел куда-то ненадолго.

Дориан решил дожидаться его. Он присел на ступеньку крыльца и уткнулся головой в сложенные на коленях руки. Солнце грело совсем по-летнему. Дориана быстро разморило, и он задремал.

Проснулся он от лёгкого толчка в плечо.

— Сынок?

Дориан поднял голову.

— Отец?!

С того дня, когда они виделись последний раз, утекло не так много воды. Но то ли Дориан успел отвыкнуть от отца, то ли он на самом деле так изменился – раздобревший, посвежевший человек со спокойной улыбкой совершенно не напоминал тот всклокоченный и высохший комок нервов, каким Дориан запомнил его.

— Что с тобой? Ты на себя посмотри! Что случилось?

— Отец!..

Дориан не смог договорить – его душили слёзы. Он встал и прижался к отцовскому плечу. Они крепко обнялись.

— Ну давай, проходи. — Растроганный отец тепло похлопал его по спине. — Люси, ключ у тебя? Мы тут в парк ездили прогуляться, долго пробыли бы там, но её положении... — Он самодовольно усмехнулся и подмигнул.

Только тут Дориан заметил рядом беременную секретаршу. Смущённо улыбаясь, та вытащила из сумочки ключ и открыла дверь.

Внутри дом напоминал своего нового хозяина: его добротная, ухоженная обстановка излучала само спокойствие. Отец пригласил сына в гостиную и усадил его на диван, размерами не уступающий своему собрату в доме Марко.

— Есть будешь?

Дориан утвердительно кивнул, хотя совсем не испытывал голода. Он не только не хотел нарушать заведённого в доме распорядка, но и надеялся на обнадёживающий разговор во время обеда. Пока Люси собирала еду, они с отцом обменялись протокольными расспросами. Дориан в общих чертах рассказал о своих последних приключениях, стараясь не касаться истории синяков под глазами. Затем они прошли в просторную кухню-столовую, где Дориана поджидало неприятное открытие: обилие самых вкусных и ароматных яств вызвало у него, ничего не евшего с утра, а до того голодавшего день или два, вовсе не аппетит, а выраженный приступ тошноты. Ни о каком обеде, конечно, не могло быть и речи, но отказаться от него — означало обидеть отца и хозяйку дома. К счастью, те так рьяно набросились на еду, что совсем не обращали внимания на полупустую тарелку Дориана, который что-то бросил на неё ради приличия.

— Знаешь, сынок, — начал отец, немного насытившись и вытирая уголки рта бумажной салфеткой, — по никчёмности и непутевости тебя можно смело заносить в книгу рекордов, но...

— Каждый имеет право на ошибку, — вернул Дориан. — В том числе и ты.

Отец рассмеялся.

— В точку! Но вот что я хотел сказать: хоть ты меня и разорил, ну, или почти разорил, я всё же не злюсь на тебя. А ты не ожидал, да? — Он явно хотел произвести впечатление своим великодушием.

Дориана на самом деле поразил радушный приём, и он не покривил душой, высказав удивление таким поворотом дел.

— Когда всё это случилось, я чуть не задушил тебя собственными руками. Даже дома боялся появляться, от греха подальше. А потом оказалось, — он положил себе в тарелку несколько ложек роскошного мясного салата, — что нет худа без добра, понимаешь? — Отец игриво посмотрел на Дориана, а затем перевёл взгляд на чуть покрасневшую от смущения Люси.

— В принципе, — продолжал он, — я всегда считал себя успешным. С нуля развернул бизнес, условия выторговал. Жену, твою с Ванессой маму, привёл на всё готовое. Двоих детей как-никак соорудил.

То есть, одного как, а другого никак, но всё же. Двадцать пять лет вместе прожили. Казалось бы, что может быть ещё интересного? Обеспеченная осень жизни в окружении старушки-жены, детей и внуков. Всё, скажешь, приплыли? А ничего подобного! — Он опрокинул в себя рюмку красного вина. — Когда всё стало скучным, неинтересным и предсказуемым, приходишь ты — и вся жизнь начинается сначала. Новый бизнес, банки, договоры и переговоры. И снова жену привёл на всё готовое. — Теперь, вот, скоро, — он перегнулся через стол и погладил круглый живот Люси, — и новая семья будет в полном составе. Сначала, думал, всё, жизнь кончилась. А она ведь только началась, жизнь во втором экземпляре, понимаешь? Да и для меня самого понять, чего я стою, тоже ведь не баран чихал! Одно дело — просто чувствовать в себе силы, а другое — попробовать себя в боевой обстановке. Да я даже уважать себя больше стал! С чего мне на тебя злиться, когда ты мне, можно сказать, новую жизнь подарил?

— Хоть кому-то от меня польза, — заметил Дориан. — А Ванесса до сих пор считает, что я разрушил нашу семью.

— Ты? Разрушил? — Отец расхохотался. — Да грош цена семье, что разваливается от одного прикосновения такого балбеса, как ты! Конечно, Ванесса очень переживала наш с мамой разрыв, но тебя она всё же переоценивает. Мама, конечно, самая пострадавшая сторона, а у твоей сестры сегодня один любовник, завтра другой. Я же не указываю ей, с кем спать.

— Кстати, о маме, — осторожно начал Дориан. — Её недавно выписали из больницы.

— Да? А что с ней?

— Нервный срыв.

Отец промолчал.

— Я обидел её, — пояснил Дориан.

— Так иди и помирись. Или это так сложно?

— Во всяком случае, не так просто, как кажется. Дело запутанное, долго рассказывать.

— Ну и?

— Тут такие дела, — замялся Дориан. — В общем, мне некуда идти. По крайней мере, какое-то время, понимаешь?

Добродушная маска слетела с отца в один миг.

— А от меня-то что ты хочешь? Думаешь остаться здесь?

Дориан промолчал.

— Нет, ты мне, конечно, сын, и я тебя даже по-своему люблю, но ты достаточно взрослый человек и должен самостоятельно решать свои проблемы. Я в твои годы...

— ...открыл автосалон, я знаю, — закончил фразу Дориан. — Но пойми, я сейчас не могу...

— Я тоже думал, что не смогу выкарабкаться, — отец не желал ничего слушать, — но хорошенько постарался, и дела пошли. И у тебя пойдут, если ты научишься справляться с неприятностями. Оби-дел – попроси прощения. Какие тут могут быть вопросы?

— Не думаю, что она простит меня.

— Вот это да! А ты-то откуда знаешь? Она тебе хоть раз отказывала в прощении?

— Нет. Ни разу. Потому что я его ни разу не просил.

— Ну так попроси! Надо же когда-то начинать. Здоровый парень, а не можешь понять таких простых вещей. Оби-дел – попросил прощения, эка невидаль! И, кстати, оттого что ты тут отсидишься, проблема твоя сама собой не решится. Сиди здесь хоть до конца времён, а кроме тебя идти к маме некому и прощения просить – тоже.

Дориан тяжело вздохнул.

— А не надо вздыхать, — посоветовал отец. — Надо идти и делать то, что надо делать. В смысле, делай, что должен, и будь что будет. И вообще: одну семью я по твоей милости потерял, но вторую, — он посмотрел на жену, — терять не собираюсь.

— Ты же сам сказал, что Ванесса несёт чушь.

— Чушь, — подтвердил отец. — Но согласись, что без тебя тут не обошлось. Знаешь, Дориан, хороший ты парень, но, чтобы увидеть в тебе это качество, лучше смотреть на тебя издалека.

— Папа сегодня к нам собирался, — напомнила Люси.

— А мы уже всё! — обрадовался отец.

Он поднялся из-за стола, давая понять, что Дориану пора.

Дориан умоляюще посмотрел на него, но не нашёл в его глазах того отклика, на который до последнего момента так надеялся. Отец проводил его до двери, где сунул ему пятидесятиевровую бумажку.

— Ты это, заходи если что. Только позвони сначала! — крикнул он вдогонку.

— Обязательно позвоню, а то попрыгаться не успеете, — зло бросил Дориан.

И ушёл быстро, не оглядываясь.

Дориан снова стоял у дверей дома. На сей раз он не кидал камешки в окна, не стучал и не звонил в дверь, не ждал на ступеньке у крыльца.

Это был его дом.

Он долго собирался с силами и с мыслями, прежде чем повернуть ключ в замке. Наконец, усилие было сделано, дверь — открыта, и Дориан оказался в прихожей.

Первым делом он бросил взгляд на прикрытую дверь маминей комнаты. Он подошёл ближе и отчётливо услышал шорох бумаги. Такой звук издаёт страница книги, когда её переворачивают.

Дориан подождал немного, собрал всё своё мужество и решился на объяснение через закрытую дверь.

— Мама!

Тишина.

— Мама!

Снова тишина.

— Мама, это я. Я пришёл.

Знакомый звук переворачиваемой страницы.

— Мама, я пришёл... пришёл просить у тебя прощения. За всё. Послушай, не перебивай меня. Я знаю, что обидел тебя. Я подлец. Я виноват в том, что разорил отца. Из-за меня от ушёл от нас. Я ничего не делал, чтобы вы помирились, мало того, даже радовался вашим ссорам, потому что доставалось не только мне, а кому-то ещё. А когда всё кончилось, когда ты так нуждалась во мне, я только и делал, что оскорблял тебя. Я, наверное, прирождённый подонок, потому что сам не понимаю, как у меня получается делать людям одно только зло. Поверь, я не хотел говорить тебе ничего обидного, но грубости сами вылетают из меня. Я не могу объяснить, как это выходит, но это так. Я не хотел скрывать от отца ту дурацкую бумагу, но разорил его. Ванесса была моим единственным другом, а из-за меня рухнул весь её мир. Я знал, что Елена любит меня, не хотел расстраивать её, а получилось, что я всё время обманывал её. Теперь она ненавидит меня за враньё. Вчера меня спас от смерти один человек, а в результате из-за меня от него ушла невеста, его последняя надежда. И так всегда. Что бы я ни делал, за что бы ни брался, я наношу только вред. Вся моя жизнь — один только сплошной вред. У меня аллергия на самого себя, я ненавижу себя. Мне стыдно за своё существование, но тут я ничего не могу поделать, кроме как желать себе смерти. Я бы

умер ещё вчера, но меня спас тот добрый человек. У меня появился шанс, и я знаю, для чего: я должен вымолить прощение хотя бы у самых близких людей. Я не могу больше жить, но и умереть без вашего прощения тоже не могу. Ты от меня тоже видела только плохое. Прости меня, мама! Пожалуйста, прости! Я не смогу начать свою проклятую жизнь сначала, и, если сдохну где-нибудь в подворотне, всем станет только лучше. Но вы должны меня отпустить. Елена смогла простить меня, отцу я безразличен, Ванесса готова на всё, только бы не видеть меня больше. Мне нужно только твоё прощение, мама. Ответь мне, пожалуйста! Я люблю тебя, мама. Умоляю, не прогоняй меня! Помоги мне, я прошу тебя!

Он случайно задел дверь, и та отворилась. То, что он увидел внутри, поразило его, словно разорвавшаяся шаровая молния.

Комната была пуста. Через открытое окно и широкие щели опущенных жалюзи дул ветерок, шевеливший страницы открытой на подоконнике книги.

Потрясённый увиденным, он в отчаянии бросился на улицу, прислонился там к ограде палисадника и долго стоял так, не в силах что-либо соображать. Главный и единственный его подвиг, поглотивший весь остаток сил, остался не только никому не нужным, но и даже не замеченным. Дориан побрёл, сам не ведая куда. Тошнота подступала к горлу, и если бы в его желудке была хоть ложка пищи, она выплеснулась бы сейчас наружу. Он прошёл с десятков метров, когда пронзительный гудок грузовика вывел его из оцепенения. Дориан завернул за дом и присел прямо на тротуар.

Его измученная тревогой и бессонницей мать как раз возвращалась домой из парка, который она в поисках сына исходила за последние дни вдоль и поперёк. То, что соседка видела Дориана в последний раз именно там, ни о чём не говорило. Сын мог находиться где угодно. Она понимала это, но тем не менее, как заколдованная, снова и снова шла в тот проклятый парк. Сегодня утром она увидела там своего бывшего мужа, чинно выгуливавшего свою молодую беременную жену. Вчера она встретила в тех краях Елену, но она, увы, ничего не знала об Дориане. Как назло, натыкалась она на самых разных знакомых, как близких, так и шапочных. Казалось, через парк строем прошли все, кого она когда-либо знала. Кроме Дориана.

И вот сейчас она, вконец обессиленная и потерявшая всякую надежду, подходила к дому, когда увидела выходящего оттуда сына и застыла, как вкопанная. Мать хотела позвать его, но от изумления

не смогла издать ни звука. Дориан же повернул в противоположную сторону и стал неторопливо удаляться. Когда он очутился на проезжей части и едва не попал под проезжавший мимо грузовик, дар речи снова вернулся к ней.

— Дориан! — изо всех сил закричала она.

Но её возглас потонул в автомобильном гудке, и Дориан не слышал крика. Мать подошла к калитке и посмотрела ему вслед. Ей ничего не было от него нужно. Она не держала на него зла и лишь хотела ещё раз увидеть его.

Она неслышно прошептала благословение и перекрестила сына за мгновение до того, как он скрылся за поворотом.

Дориан сидел за углом, прямо на тротуаре. В пустой голове не появлялось ни одной мысли. Он ни о чём не хотел думать, а если и хотел бы, то всё равно не мог. Разум, казалось, окончательно оставил его.

В таком состоянии, тупо уставившись в пустоту, он провёл, наверное, с полчаса, пока не услышал над головой веселое:

— Привет!

Дориан поднял взгляд. Рядом с ним стоял улыбающийся парень, его сверстник, очень коротко, почти наголо постриженный, одетый в чёрную футболку с надписью на непонятном языке, чёрные джинсы и чёрные туго зашнурованные ботинки. Карие глаза доброжелательно смотрели на Дориана.

— Привет.

Парень сел рядом и положил руку Дориану на плечо.

— На Северный полюс собрался? — Он потрепал капюшон куртки Дориана, который, как и вся куртка-толстовка, был устлан изнутри коротким мехом.

— Угу.

— Зачем?

— Коров доить, — Дориан недовольно посмотрел на нового приятеля. Грубить было лень, настолько он устал.

— Тебя как зовут? — спросил незнакомец.

— Дориан.

— А меня — Хенрик. Случилось что?

Дориан грустно скривил губы.

— Могу я чем-нибудь помочь? Домой отвести?

— Нет, — твёрдо сказал Дориан. — Не надо. Мне некуда идти.
— Такого не бывает, — мягко возразил Хенрик.
— Бывает.
— Сам-то ты отсюда?
Дориан утвердительно кивнул.
— Но идти домой сейчас не можешь.
— И сейчас, и вообще.
— Всё равно, такого не бывает. Такому классному парню, как ты,
— и некуда податься? Нет, мы такого не допустим.
Кто подразумевался под "мы", Дориан спрашивать не стал.
— Ну ладно, хватит тут сопли тянуть. Пойдём!
— Куда?
— Увидишь.
Они поднялись. Хенрик повёл Дориана в направлении видневшегося неподалёку остова давно закрытой фабрики. По дороге он расспрашивал Дориана о его жизни и его проблемах. Узнав, что он много раз успел поменять работу, нигде, кроме фирмы отца, больше месяца не задерживаясь, Хенрик оживился.
— Ты так и не понял, в чём причина?
— Понял, — ответил Дориан. — Я не способен приносить пользу. От меня один только вред. Чего тут не понять?
— Ты сейчас безработный?
— Да.
— Работу искал?
— Да.
— Нашёл?
— Нет.
— Но кто-то ведь её находит!
— Находит.
— Но не ты.
— Но не я.
— А кто тогда?
Дориан пожал плечами.
— Ты просто не задумывался об этом. Посмотри вокруг себя, оглянись. И обрати внимание, кто тебя окружает.
— И кто?
— А ты не видишь?
Дориан осмотрелся.
— Люди.

— Если бы!

— Ну а кто тогда? Инопланетяне, что ли?

— Хуже.

Дориан недоверчиво посмотрел на приятеля.

— Ты посмотри внимательнее, — подсказал ему Хенрик. — В городе почти не видно белых лиц. Одни только черномазые: арабы, негры. Они везде!

Спорить с этим очевидным фактом было бесполезно.

— Они ждут реванша, они готовят его, постепенно отвоёвывая у нас землю, — продолжал Хенрик. — После того, как их пятьсот с лишним лет назад вышвырнули отсюда, они не могут успокоиться. Воевать против белого оружия и арийской доблести эти трусы не могут, и теперь решили повернуть против нас нашу же силу — христианскую доброту.

— Это как? — удивился Дориан.

— А вот так. Они плачут, выбивая из нас слёзы жалости, и просячиваются к нам. Но только лишь для того, чтобы расплодиться и приращивать сюда целые деревни своих оборванцев, орать в своих долбанных мечетях призывы против нас же самих и отбирать нас же самих работу и пропитание.

— Но ведь меня увольняли, потому что я плохо работал.

— А ты думаешь, они работают лучше? Думаешь, они хоть к чему-то способны, кроме как размножаться и завоёвывать себе пространство? Наше пространство, прошу заметить.

— Ты хочешь сказать, что их берут на работу вместо нас?

Хенрик только презрительно хмыкнул.

— Но почему же их берут, если они не умеют работать?

— Во-первых, потому что они согласны работать за такие деньги, за которые ты и с кровати-то не встанешь. А во-вторых, потому что их становится всё больше и больше. Каждый негр и каждый араб — твой упущенный шанс, вот что ты должен понять.

— Как же они тогда работают за гроши?

— Как? Да им ничего не надо, кроме как размножаться. Они как мухи или крысы, весь смысл их существования — плодиться, только и всего. У них нет никаких духовных потребностей, как у нас. Они неспособны к культуре, они не могут воспринимать прекрасное, размышлять, творить, делать открытия. Всё это — удел только белых. Это наш удел, потому что мы выше их.

— А почему те, кто ниже, оказываются сильнее тех, кто выше?

— Они не сильнее нас. Они слабее. Просто мы пока не показали всё свою силу. А у них сейчас новая тактика. Теперь они не идут на нас стенка на стенку. Они среди нас, они точат наше общество, пожирают его изнутри, как термиты. Ответом на их новую тактику нужна наша новая тактика. И она есть.

— И что это за тактика? — спросил Дориан не столько из интереса, сколько не желая огорчать собеседника своим равнодушием.

— Не что, а кто! Тактика — это мы! — объявил Хенрик.

— Вы?

— Мы, крысоловы! — И перехватив удивлённый взгляд Дориана, продолжил: — Ну да. Черножопые плодятся, как крысы, потому что они и есть самые настоящие крысы. А мы — санитары природы, крысоловы. Ловим мы их. В смысле — уничтожаем.

— Разве так можно бороться с крысами? Всех ведь не переловишь. Ну уничтожишь одну-другую-третью. А останутся тысячи.

— Верно говоришь, сразу видно — наш человек! — сказал довольный Хенрик. — Но одна убитая крыса — это десяток неродившихся других крыс. Или сто неродившихся крыс во втором поколении. Уничтожая одну, ты уничтожаешь сотню! Это во-первых. А во-вторых, наша задача — сделать ловлю крыс национальным видом спорта. Если каждый из нас сотрёт с лица земли хоть одну такую мерзость, то мы избавимся от них раз и навсегда.

— Не избавимся, — заметил Дориан. — Там, — он махнул рукой куда-то вдаль, — их ещё много.

— Ну и пусть! — возразил Хенрик. — Там они нам не мешают. Человечество всю свою историю борется с тараканами, но так и не смогло их победить. А у тебя дома водились тараканы?

— Нет, — честно признался Дориан.

— И ты был этим доволен?

— Вполне.

— Вот видишь! — Хенрик снова похлопал Дориана по плечу. — То, что тараканы где-то там существуют, для тебя не имеет никакого значения. Главное, что в твоём доме их нет.

Ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Некоторое время они шли молча, пока не очутились перед массивной стальной дверью, ведущей в здание заброшенной фабрики.

— Пришли, — объявил Хенрик и постучал в дверь какой-то хитрой морзянкой.

Дверь отворилась, они вошли и оказались в просторном зале, где когда-то гудели станки и кипела работа. Сейчас же здесь жарили на костре шашлыки. Вокруг огня и немного поодаль от него сидели десятка два молодых людей, одетых так же, как Хенрик, и носивших такую же причёску, если бритую голову можно было так назвать. Кто-то курил, кто-то откусывал, обжигаясь, кусочки готового мяса, кто-то сидел просто так. Двое дремали прямо на полу, надвинув на глаза бейсбольные кепки. Один парень рассказывал какую-то историю, то и дело хохоча над собственными грязными шутками.

Появление длинноволосого, одетого совершенно по-иному Дориана сразу привлекло к себе внимание. Даже рассказчик внезапно замолчал, уставившись на гостя.

— Знакомьтесь: Дориан, наш новый друг, — произнёс Хенрик тоном церемониймейстера. — А это, — он обратился к Дориану и обвёл зал рукой, — мы, крысоловы. Ну давай, проходи, не стесняйся.

Дориан приблизился к костру. Несколько молодых людей подошли к Дориану, пожали ему руку и представились, хотя он тут же забыл их имена. Некоторые поприветствовали его, не вставая с места, а двое дремавших даже не пошевелились.

— Есть будешь? — осведомился Хенрик.

Дориан замялся.

— Значит, будешь.

Перед Дорианом возникла картонная тарелка с дымящимся мясом и большим куском хлеба.

— Я так не хочу, — тихо сказал Дориан. — А то подумают, что я пришёл только пожрать.

— А кто так может подумать? — Хенрик рассмеялся. — Свои комплексы оставь там, — он кивнул на входную дверь. — Тут все мы — братья, все — единомышленники, живём одной семьёй, и попрекать друг друга куском хлеба у нас не принято.

— И тем не менее... — сказал Дориан, протягивая Хенрику полученные от отца пятьдесят евро.

— Убери немедленно, мы же не в кафе! Ты теперь дома. Мы — твоя семья, пойми это наконец.

— Тогда пусть это будет моим вступительным взносом в семью крысоловов, — предложил Дориан.

Хенрик немного поупрямился, но деньги всё же взял. Дориан неожиданно для себя ощутил зверский аппетит и расправился с едой чуть ли не до того, как Хенрик успел спрятать купюру в карман.

— Вот это да! — улыбнулся Хенрик, глядя на пустую тарелку. — Я же говорю — наш человек. Так, что там у нас ещё завалилось?

Дориан прикончил большую булку с ветчиной и запил обед двумя большими стаканами сладкого кофе. Ему вдруг стало хорошо, как никогда ещё не было. Во всяком случае, такого спокойствия, такой умиротворённости он не ощущал давно. Все проблемы, казалось, остались где-то очень далеко, в прошлом, в другом мире, что заканчивался снаружи, за металлической дверью.

Своими чувствами он поделился с Хенриком, и тот самодовольно закивал в знак понимания:

— Ты сам видишь, что настоящий белый человек, представитель арийской расы может чувствовать себя свободно только в обществе тех, кто находится как минимум на том же уровне развития, что и он сам. Это там, снаружи, ты переживал и страдал. Теперь твои страдания закончились, поверь мне. Ты — среди друзей, а вместе мы — непобедимы. Тебя только одеть надо по-человечески, а то ты в своих рэперских шмотках сам похож на черномазого.

— Почему это в рэперских?

— Так только мерзкие ниггеры одеваются. Арийцам не пристало им подражать. Но ничего. Не всё постигается сразу.

Дориан не видел ничего криминального в своей одежде, кроме того, что она была слишком грязной и жаркой для этого времени года, но спорить не хотел и расслабленно откинулся на спину, положив под голову сложенные в замок руки.

В полудрёме, лениво прерываемом иногда пустой болтовнёй, прошло несколько часов. Солнце зашло. Пламя костра, едва заметное днём, стало сейчас единственным источником света в зале.

— Сегодня нам предстоит очень важное дело, — сообщил Хенрик. — Для нас оно — рутина, а для тебя будет боевым крещением.

— Что за дело? — спросил Дориан и сел. Он догадывался, что ему предстоит, но хотел услышать это от своего товарища.

— А ты разве не знаешь, кто мы?

— Крысоловы.

— А что делают крысоловы?

— Ловят крыс.

— Ну, так почему спрашиваешь?

— Так крысоловы, они... У них же инструменты какие-то должны быть. Удавка, там, или сетка.

— На, держи, — Хенрик вложил в руку Дориана небольшой, но приличный на вид нож. — Вот тебе инструмент. У нас такие же.

Дориан недоверчиво повертел нож в руках.

— Но я не смогу убить человека!

— Я тоже не смогу. Тебя никто и не заставляет убивать людей. Мы охотимся только на животных. И вообще, сегодня наш день.

— В смысле?

— Ну, в том смысле, что сегодня — Первое мая.

— А я всегда думал, что Первое мая — какой-то рабочий праздник. Или социалистический, я в этом плохо разбираюсь.

— А надо разбираться, — серьёзно сказал Хенрик. — Этот праздник и есть рабочий: праздник национального рабочего класса. Не каких-то абстрактных рабочих, а наших, понимаешь?

— Понимаю. — Настроения спорить у Дориана не было.

— Копы знают, что сегодня — наш день. Стояли с утра на ушах, а ничего такого и не произошло. Они успокоились, домой, наверно, собираются. А мы — тут как тут.

— А полицейские — арийцы или кто?

— Разные бывают, — недоуменно протянул Хенрик. — А что?

— Если они арийцы, то почему они мешают очищать город?

Хенрик вздохнул.

— Трудно сказать. Их продажная власть наняла. Для кого-то это — просто заработок, потому что им некуда больше податься. Кто-то сам заражён политкорректностью. Но мы тоже не дремлем, а ведём в их рядах работу.

— Крыс ловите?

— Нет, ну что ты, — Хенрик осклабился. — Этих несчастных надо не уничтожать, а спасать. Объяснять, что к чему. Ну, как тебе сегодня. Посмотри на себя — вылитый бык-производитель. Тебе бы потомство здоровое плодить, а эти суки тебя в депрессию загнали, комплексы разные привили, чтобы ты не их, а себя ненавидел.

— Я и так себя ненавижу.

— А им того и надо! Они зомбировали тебя, сделали из тебя, красивого, здорового парня, какую-то тряпку, тень от человека. Вспомни, какую чушь ты сегодня нёс. Что ты ни на что не способен, что ты — последняя дрянь и ничтожество.

— А разве не так?

— Не так! Вот именно, что не так! Ничтожества — это те самые крысы. Каким бы ничтожным ты себя ни чувствовал, они ещё более

ничтожны. И уничтожая их, ты не просто делаешь доброе дело. Ты возвышаешься сам!

Дориан не понял смысла последнего утверждения. Ведь если он не является самым последним ничтожеством, то только потому, что есть люди, ещё более ничтожные. Уничтожая их, он убирает тех, с кем его можно сравнивать, и оказывается в самом низу, никуда не двигаясь. Как такое самоунижение можно назвать возвышением, спросить он не успел, потому что Хенрик предложил ему сигарету.

— Я не курю, — отказался Дориан.

— А я тебе курить и не предлагаю, — сказал Хенрик. — Это вовсе не табак, а заправка перед нашей операцией. Попробуй.

Дориан сделал затяжку и через минуту почувствовал небывалый прилив сил. Ему захотелось действовать, действовать прямо сейчас. Ловить ли крыс, сдвигать ли горы – всё равно, лишь бы не сидеть больше вот так на полу, ничего не предпринимая. Он резко вскочил и бросил на Хенрик жёсткий, вызывающий взгляд:

— Ну, и где там твоя охота?

Группа крысоловов, где шли Хенрик и Дориан, систематически обшаривала квартал за кварталом, но никого подозрительного молодые люди так и не заметили.

— Попрятались, гады, — объяснил Хенрик. — Знают, что белый патруль в городе.

Крысоловы шли молча, чеканя шаг тяжёлыми ботинками. Они изо всех сил старались идти не в ногу, но издаваемый ими звук очень напоминал марширующий взвод солдат.

Дориан первым услышал гортанную речь и осторожно толкнул Хенрика в плечо, кивком головы указывая на стайку подростков на автобусной остановке. Хенрик остановился и сделал знак остальным, чтобы те приступили к обычному манёвру.

Но один из негров заметил охотников. Он издал гортанный выкрик, и подростки бросились врассыпную.

— Бери его! — крикнул Дориану Хенрик и кивнул в сторону парня, убегающего по прямой, как стрела, слабоосвещённой улице. — Каждый берёт себе цель. За белую расу! Бей крыс!

Площадь, где находилась остановка, опустела в один миг. Дориан находился не в лучшей физической форме, но выкуренная сигарета

подхлестывала его, придавая движениям небывалую легкость, а бегу – скорость. Расстояние до негра неумолимо сокращалось. Тот вскоре понял всю бесперспективность для себя этой гонки и свернул в подворотню. Дориан ринулся за ним.

Они пробежали с сотню метров и очутились в небольшом, наглухо огороженном дворе. Негр в панике заметался из стороны в сторону. Видимо, он что-то перепутал и теперь с ужасом признал свою роковую ошибку. Дориан с разбегу врезался в него и прижал к кирпичной стене, всадив нож по самую рукоятку. Лезвие вошло мягко, словно в банку с солидолом, не встретив ни малейшего препятствия. Негр издал клокочущий звук и медленно сполз на землю, не сводя стекленеющего взгляда с места, где смерть просочилась в его тело.

Станным образом, Дориан не испытал никаких чувств – ни торжества по поводу выполненной задачи, ни радости из-за уничтоженной крысы, ни жалости к лежащему у его ног подростку, ни угрызений совести. Он тщетно прислушивался к себе, стараясь выудить хоть какое-нибудь ощущение, но душа и мозг были настолько опустошены, что он не смог даже удивиться этому обстоятельству.

Нож он выбросил в ближайшую канализационную решётку. Осмотрев на всякий случай свою одежду при тусклом свете фонаря, он заметил на правой стороне толстовки несколько кровавых пятен – как раз там, где он держал инструмент для охоты. Толстовку надо было срочно выбросить, тем более что на нём оставался свитер со скрывающейся под ним водолазкой – хватит, чтобы не замёрзнуть.

И тут ему смертельно захотелось спать. Да, он выбросит толстовку, но потом. Неумолимое желание спать прямо сейчас сверлило его мозг, и ни о чём другом думать он больше не мог.

Он зашёл в какой-то подвал, и, едва прикорнувшись на лестнице, провалился в тяжёлый, липкий сон.

Проснулся он от насквозь пронизывавшего всё тело холода. Чирикали птицы, откуда-то доносились детские голоса. Стоял обычный для поздней весны тёплый, ясный день. Но Дориана трясло так, что зубы отбивали чечётку. Он с удовольствием просидел бы тут до самой смерти, но надо было идти. Он с трудом разлепил глаза, заставил себя встать и вышел на улицу, жмурясь от яркого до боли солнечного света и содрогаясь от озноба.

Он бродил по улицам, закутавшись от холода в капюшон и застегнув молнию до самого подбородка. Постепенно он стал обращать внимание на то, что прохожие как-то странно смотрят не столько на его зимнее облачение, сколько на правый бок. Он опустил глаза и увидел на себе засохшую кровь.

Откуда она? Неужели?.. Неужели всё это было в действительности? Нет, не может быть! Не может быть, потому что такого не может быть никогда! Он вдруг вспомнил Хенрика, его друзей-крысоловов и ночную охоту, вспомнил, как гнался за негром и как вонзил ему нож, как спрятал первую улику и как решил избавиться от надетой на него второй. Дориану казалось, что это произошло либо во сне, либо вообще не с ним. Иначе он не мог объяснить вчерашнего состояния радости, лёгкости, когда, казалось, всё было нипочём, когда хотелось бегать, прыгать, действовать, когда он ликовал, ощущая себя впервые в жизни в кругу друзей, которые понимали и принимали его каким есть, любили и уважали его. Он хорошо помнил это чувство, но сейчас от него не осталось и следа. Прежнее состояние подавленности, усталости и безразличия не только вернулось, но и завладело теперь всем его существом без остатка. Окружающий мир проплывал мимо, упорно отказываясь признавать его своей частью. Дориан брёл, не разбирая дороги, сворачивая в первые попавшиеся переулки, и чувствовал, что земля содрогается от отвращения к каждому его шагу. Он физически ощущал себя не просто бесполезным существом, а настоящим инородным телом, занозой, вокруг которой собираются все силы, чтобы вытолкнуть, выдавить её куда-то наружу. Он понимал это, но повторить свой поступок с таблетками тоже не мог. Такое состояние точно выразил Марко: для жизни нет сил, а для самоубийства – воли. Он попытался заплакать, но остававшейся в нём энергии не хватало даже на механизм, производящий слёзы.

Под ногами показалась молодая трава. Дориан осмотрелся. Каким-то чудом он снова оказался в парке. Все скамейки были заняты, и он опустился на первую попавшуюся ему на глаза лавку. На ней сидел крупный, красивый старик с роскошной седой шевелюрой, который настолько увлечённо читал утреннюю газету, что у Дориана появилась надежда остаться незамеченным. Но лишь он сел на скамейку, как старик бросил на него мимолётный взгляд.

— Доброе утро, — поздоровался Дориан.

— Доброе утро, — отозвался старик, уткнувшись в газету.

Прошло несколько минут, и Дориан подумал было, что старик забыл о нём, как тот, переверачивая очередную страницу и не отрываясь от газеты, неожиданно спросил:

— Что, убил кого-то сегодня ночью?

Дар речи вернулся к Дориану не сразу.

— Нет. То есть... А вы откуда знаете?

— А что тут знать? — Старик повернулся и внимательно посмотрел на него поверх очков. — На твоей куртке человеческая кровь. Ты не ранен, значит, кровь чужая. Пятна на таком месте, на каком они возникают, если человек наносит удар ножом другому, и тот пачкает его своей кровью. Кровь высохла, то есть, с того момента, как она на неё попала, прошло как минимум несколько часов. Если бы кровь попала на тебя вчера, то ты давно бы переоделся. Значит, убийство произошло ночью, а ты просто не заметил этих пятен, — закончил он.

— Это была драка, поножовщина...

— Нет, молодой человек, не драка. Именно убийство, и я вижу это по твоим глазам. Причём, твоё первое убийство, не так ли?

Потрясённый Дориан помолчал, собираясь с мыслями.

— И что теперь? Заявите на меня в полицию?

— В полицию? — Старик добродушно рассмеялся, снова перелистывая газету. — Так я и есть полиция. Следователь отдела убийств. Дориан чуть не вскрикнул от изумления.

— Бывший следователь, — уточнил старик. — Бывший. На пенсии. Как тебя зовут-то?

— Дориан. — Имя старика он спросить не решился. — Так вы заявите на меня?

— На тебя? — Следователь снова оценивающе посмотрел на Дориана поверх очков. — А зачем?

— Как это зачем? За каждым преступлением должно следовать наказание. Разве нет?

— Правильно. Должно. Только зачем наказывать тебя, когда ты уже наказан?

— Что вы имеете в виду?

— А то, что само существование стало наказанием для тебя, так?

— Не стало, — ответил Дориан — Оно всегда было наказанием.

— Допустим, — согласился полицейский, складывая газету. — Ну и зачем же наказывать того, кто уже наказан, и кого, — он устроился на скамейке поудобнее, — нет никакого смысла арестовывать.

— Почему?

— А ты до суда ты не доживёшь, — спокойно ответил старик.

— Как это не доживу?

— А вот так. Не доживёшь и всё. Это на твоём лице написано.

— И сколько мне ждать? — спросил Дориан.

— Недолго, — успокоил его собеседник. — Только если ты думаешь рассказать мне о своей никчёмной жизни, то в этой дисциплине ты нашёл в моём лице сильного и достойного соперника.

— Но вы такой солидный, дожили до преклонных лет, — возразил Дориан, не переставая удивляться его проницательности.

— Вернее сказать, доплёлся. Я ведь тоже был в школе изгоем, закончил её кое-как. Потом решил доказать всем что-то, подался в юристы, думал стать знаменитым адвокатом.

— Стали?

— Как видишь, — старик пожал плечами. — Начал адвокатскую практику, но понял, что адвокат из меня никакой. Пришлось податься в следственные органы. Так уж принято: неудавшиеся адвокаты идут в полицию или прокуратуру, где из них выходят неудавшиеся следователи. Наоборот, к сожалению, не бывает. Такие люди рады, что нашли место, а преступники рады, потому что плохой следователь для них лучше, чем плохой адвокат. В проигрыше только государство. Ну и справедливость в убытке, понятное дело.

— Но вы же...

— А что я? Следователь из меня не вышел, звания мне даже за выслугой лет не дали. Процент раскрытых мной преступлений был самым низким во всём управлении за всю его историю. Уволить меня не могли, так как по глупости оформили на государственную службу. Определили с бумажками возиться, лишь бы нормальным следователям не мешал. Дотерпели, выпроводили на пенсию, три раза перекрестьявшись, и тут же забыли. Семья тоже, по существу, не было: жена бросила меня через три года после свадьбы. Есть двое детей, но они предпочитают со мной не знаться. — Он горько вздохнул. — Но, знаешь ли, — тут он внимательно посмотрел на Дориана, — я не хочу снова стать молодым, потому что, если бы и получил вторую молодость, то растратил бы её так же бездарно, как и первую.

— Но вы же видите людей насквозь. Это такой талант!

— Ну и? В юриспруденции ценятся доказательства, а не видения. Кому нужны догадки, которые я не в состоянии подтвердить?

— Но если вы и ничтожество, то безобидное. Вы ничего не достигли, ничего не совершили, никому не принесли пользы, но не

причинили и вреда. Вы прожили жизнь, но, если бы вы вдруг исчезли, никто бы этого не заметил. От меня же один только вред. Я разорил отца. Из-за меня разрушилась наша семья. Я обманывал девушку, которая меня любила. Мать я довёл до психушки. Позавчера я должен был умереть, но меня спас один добрый человек. И что? Из-за меня он лишился невесты. А сегодня я убил человека, хоть мне и говорили, что негры – не люди. Не знаю, что мне делать. Мне нет места на земле. Я чувствую и даже вижу это. Так мне и умереть не дают. Наглотался таблеток – спасли. Должен был попасть под поезд – снова спасли. Когда это закончится? Вы говорите, скоро, но когда?

— Увы, не знаю, — вздохнул старик. — Да и не дано нам это знать. — И на вопросительный взгляд Дориана продолжил с улыбкой: — Или дано, но не в таких подробностях, скажем так.

Он оглянулся по сторонам и посмотрел на часы.

— Ты сказал, что тебе нет места на земле. Но тогда тебе нет места и на каждом её участке, не так ли? — он подмигнул. — Например, на этой скамейке.

— Вы тоже прогоняете меня? — Дориан даже привстал от обиды и разочарования.

— Видишь ли, мой юный друг, один человек, которого не без моей помощи – хоть здесь от меня был какой-то толк – засадили в тюрьму за совершённое при ограблении тройное убийство и который затем вышел по амнистии, так вот, этот человек приходит сюда каждый день ровно в одно и то же время...

— ...чтобы расквитаться с вами?

Следовательно рассмеялся.

— Нет, он приходит сыграть со мной партию в шахматы. Кстати, у него любопытная судьба. После отсидки он устроился на работу, женился, у него родились две чудесные дочурки. А его сосед по тюремной камере почему-то решил, что мой знакомый, выйдя на волю, раскопал награбленное и хранит его дома. Он забрался в квартиру – думал, там никого нет. А там мать с дочерьми. Ну, с перепугу и прикончил всех троих. Мой знакомый совершил зло, и ровно такое же зло через много лет вернулось к нему. Вот такая расплата.

— Получается, что и он жертва?

— Ну, жертвой он стал бы, если бы сам оказался дома. А так – потерпевший. В каком-то смысле. А, да вот и он! — оживился бывший следователь, указывая взглядом куда-то позади Дориана. — Ну, друг, бывай! Приятно было с тобой познакомиться.

Дориан не заставил себя долго упрашивать. Он встал и поплёлся по дорожке. Душу его тяжёлым камнем тянуло к земле. Озноб во время разговора поутих, но сейчас вернулся. Невидимое кольцо до боли сжимало голову. Неподалёку стояли два молодых негра, о чём-то переговариваясь и искоса бросая на Дориана странные взгляды. Он не принял это на свой счёт и двинулся дальше, как тут его осенило.

Он вспомнил, почему оказался тогда на станции: он хотел поехать в лес! Он собирался в лес, и именно туда вела эта линия электрички. Ему хотелось лечь на влажную, травянистую землю. Хотелось лежать на ней, но не раскинув вширь руки и ноги, а съёжившись, собравшись в позе эмбриона. Лежать так целую вечность, слушать шум чуть прикрывающих небесную даль деревьев и ощущать на лице спешащих по своим делам муравьёв. Сейчас это желание пульсировало единственной мыслью в переставшей что-либо соображать голове.

Некоторое время он рассеяно смотрел по сторонам, а затем уверенно направился к электричке. Краем глаза он успел заметить, что и негры двинулись за ним. Но Дориана это не интересовало. Он хотел только одного — как можно скорее попасть в лес.

Путь на нужную платформу пролегал через подземный переход. Шумная улица была полна народу, но переход оказался загадочно пуст. Дориан увидел в середине тоннеля убежавшую вверх лестницу с поблёкшей и забрызганной граффити надписью "Выход к поездам".

Дориан почти бежал. У самой лестницы путь ему преградила возникшая ниоткуда фигура. Он узнал одного из следивших за ним в парке и остановился от неожиданности. И тут дыхание его перехватило от резкой боли, глубоко вонзившейся сзади в правый бок и в следующую секунду растёкшейся по всем внутренностям. Он попытался сделать вдох, но не смог.

Дориан обернулся, но не для того, чтобы посмотреть на своего убийцу. Цепляясь за остатки ускользающего сознания, он хотел лишь убедиться, что на этот раз рядом с ним не было сердобольного Марко.

Шестьдесят часов

*«Беречь от тепла, искр, открытого
огня и горячих поверхностей.»
Система классификации опасности и
маркировки химической продукции, P210*

Будильник показывал 5:59, и Эли, как всегда, успела нажать на спасительную кнопку за несколько секунд до того, как он начал писать. Солнце пока не встало, но птицы наперебой галдели за окном, возвещая начало тёплого летнего дня.

Сегодня ей предстояло стать свидетельницей доставки партии болванок на пиратскую фабрику по производству компакт-дисков. Она сама вышла на неё, сама выследила пиратов и расшифровала их переговоры. В одиночку вела наружное наблюдение: её отдел не считался в управлении чем-то важным, и его немногочисленным сотрудникам приходилось быть и оперативными работниками, и следователями, и шифровальщиками, и лаборантами, и компьютерными экспертами. Они занимались всем тем, от чего другие отделы были благополучно освобождены. Её старший брат Марк работал в отделе по борьбе с распространением наркотиков и недоумевал, когда Эли рассказывала ему о деталях своей работы. Их отдел существовал довольно давно, но создание его было навязано сверху, после выхода в свет закона о борьбе с пиратством. При полицейских управлениях возникли соответствующие отделы, которые, впрочем, ни тогда, ни сейчас не воспринимались начальством всерьёз. Полиция была загружена более насущными делами: убийствами, торговлей людьми, оружием и наркотиками, терроризмом, крупной контрабандой. Поиски контрафакта считались ненужным отвлечением ресурсов. Их доклады никто не читал, результаты расследований обычно отправлялись прямиком в архив. Лишь благодаря неукротимой энергии Эли и её упорству, граничащему с упрямством, её дела обычно добивались до суда. Расследованиям её коллег везло куда меньше.

Машину она оставила в квартале от места засады. Операция по захвату, штурм фабрики, аресты – всё это после. Сейчас же она должна

была просто зафиксировать разгрузку грузовика болванок у старинного здания в центре исторической промзоны.

В 6:40 Эли была на месте. Грузовик, по оперативным данным, должен был прибыть в половине восьмого, но она оставила время про запас. Она спряталась на расположенном напротив складе древесины под открытым небом и приготовила фотокамеру.

Те, за кем она охотилась, появились у склада ровно в семь. Из средних размеров грузовика вышел водитель в сопровождении коротко стриженного крепыша. Из отворившихся ворот здания выехал автопогрузчик. Водитель грузовика откинул разгрузочную платформу, и работа закипела.

Эли только успевала делать фотографии. Вот из чрева грузовика появляется поддон. Груз запааян в пластиковую плёнку, но имя производителя болванок видно отчётливо. Вот поддон опускается на землю, вот он на погрузчике, а вот погрузчик исчез в здании, чтобы через минуту вернуться за следующей партией.

Откуда-то сзади неожиданно показалось солнце и ярко осветило то, что ворота скрывали от посторонних глаз. Эли увидела производственное помещение, часть которого была отведена под склад. Поддоны с болванками стояли у стены по правую руку, в середине зала было немного свободного места, а слева виднелась часть штамповочной линии, уходившей куда-то вглубь здания дальше влево. Эли снимала один кадр за другим. Можно будет прямо сейчас заехать в управление и заняться формальностями.

Единственное, что ей мешало, были солнечные блики. Грузовик стоял так, что лучи, устремляясь на стекло водительской двери, отражались и попадали прямо в объектив фотоаппарата. Это заставляло Эли постоянно искать положение, из которого можно было снимать. Инстинкт должен был посылать ей сигналы: солнце, попадая на блестящий фотоаппарат Эли, могло обнаружить её. Но либо этот инстинкт спал, либо сигналы были слишком слабы для вошедшей в азарт Эли, но страсть к риску взяла верх.

Крепыш, что сопровождал груз, тоже был не на шутку раздосадован. Он вертелся, менял позиции, пытаясь скрыться от вездесущих лучей и прикрывая глаза рукой, но вскоре сдался – вошёл во двор и исчез из виду.

Материалов теперь достаточно. В понедельник, когда часть тиража будет напечатана, мошенников схватят за руку с поличным. Полностью такой тираж всё равно будет готов не раньше среды.

А погрузчик всё сновал от склада к грузовику и обратно. Чрево фургона казалось безразмерным. Ну сколько там ещё поддонов уместилось? Три? Пять? Десять? Вообще-то можно было уходить, тем более что предстояло провернуть горы бумажной работы и путешествовать по начальственным кабинетам, чтобы получить разрешение на крупномасштабную полицейскую операцию.

Но Эли осталась. Почему-то ей обязательно хотелось дожидаться конца разгрузки, иначе пришлось бы поверить в чудеса. Дело в том, что недр фургона, словно бесконечные ленты и букеты цветов из цилиндра фокусника, появлялись всё новые и новые поддоны. Где они там прятались?

Наконец, водитель извлёк из бездонных недр фургона последний ящик и соскочил на землю.

Только Эли собралась сделать последний снимок своего расследования, как кто-то схватил сзади её руки так крепко, что ими невозможно было даже пошевелить.

Эли подняла голову и увидела над собой двух здоровенных, бритых наголо негров, на вид совершенно одинаковых, одетых в длинные баскетбольные майки. Своими похожими на чёрные клешни ручищами они держали её мёртвой хваткой. Эли подняли и развернули в сторону, где стоял уже знакомый ей крепыш.

— Ну вот, а что я говорил? А говорил я, что склад этот очень подозрительный. Никогда он мне не нравился. Опасное соседство. Здесь, — он оглянулся, — среди дров хоть целый автоматчиков отряд спрячется — не заметишь.

Он взял у одного из негров фотоаппарат, который тот успел отобрать у пленницы вместе со снятой с пояса Эли сумочкой. В сумочке лежали кредитная карточка, мобильный телефон и служебное удостоверение. Плюс немного мелочи.

Крепыш самодовольно ухмылялся, рассматривая удостоверение. Да, про операцию, которой Эли заранее так гордилась, можно было забыть. Как же можно было так глупо попасться! Попасться, как молокосос-стажёр в первый месяц службы! Все её труды — прослеженные цепочки, распутанные комбинации и узлы, бессонные ночи, размышления, препирательства с начальством — всё это оказалось теперь никому не нужной суетой.

— Вперёд! — скомандовал крепыш.

Клешни легко подняли её и понесли к месту заключения.

Дверь захлопнулась. Ключ снаружи сделал два оборота, и послышались удаляющиеся голоса. Эли осмотрелась.

Она находилась в просторной комнате, служившей, вероятно, когда цех работал по прямому назначению, кабинетом мастера. У стены стоял старый дубовый стол. Раньше он был покрыт лаком, но давно почернел от вездесущей в таких производствах чёрной пыли, металлических стружек и застрявшей в бесчисленных ранах грязи. Стол являлся здесь единственным предметом обстановки.

Прошло несколько минут, и помещение залилось солнечным светом, выдавшим Эли полчаса назад. Крепыш наверняка сообщил своему начальству как о происшествии, так и о том, кто попался в его сеть. И теперь она, запертая в этой комнате, ожидает, когда начальство соизволит на неё взглянуть. Это могло произойти скоро, но могло и заставить себя подождать.

Она предупредила коллег, что весь день будет на оперативном задании. Сегодня – пятница, поэтому до понедельника никто не обнаружит её исчезновения, и помощи эти три дня, ждать неоткуда.

Жизни её ничего не угрожало. Но и предпринять что-либо она не могла. Эли вспомнила, как агенты в фильмах связываются с начальством при помощи наручных часов, и грустно усмехнулась.

В кабинете Дона Боско шёл неприятный разговор. Его оптовый покупатель доктор Фаркаш, невысокий холерик лет пятидесяти с остатками мелких чёрных кудряшек на висках и мясистым носом посреди лица с двойным подбородком, расхаживал взад и вперёд, демонстрируя своё крайнее возбуждение. Его телохранители — мрачные, молчаливые громылы — стояли в сторонке, наблюдая за происходящим. Один из них держал пристёгнутый наручниками к запястью увесистый кейс.

— Нет, дорогой мой, иметь с вами дело совершенно невозможно. Не-воз-мож-но! Я торчу здесь уже третий день! Это катастрофа! За кого вы меня принимаете? За кого? — Он выпучил на Дона Боско свои мышинные глазки.

Дон Боско, поджарый, смуглый человек лет пятидесяти с небольшим сидел за гигантским письменным столом, откинувшись на

спинку кожаного кресла. Согнутые в локтях руки опирались на подлокотники, кисти были сцеплены в замок, а вращающиеся друг вокруг друга большие пальцы свидетельствовали о том, что театр этот ему изрядно поднадоел.

— Послушайте, коллега, — спокойно обратился он к доктору Фаркашу, видя, как тот постепенно теряет контроль над собой, — да, я признаю, что у нас проблема...

— У нас?! — взвизгнул доктор Фаркаш, — У нас проблема? Это у вас проблема! У вас, слышите! И не надо вешать на меня свои неприятности. Я же не посвящаю вас в подробности всего дерьма, в котором я оказался по вашей милости. Так что, пожалуйста, обойдёмся без обобщений.

— Помилуйте, какие обобщения? — всё так же спокойно ответил Дон Боско. — Допустим, это моя проблема...

— Только без «допустим», — поправил доктор Фаркаш.

— Хорошо, без «допустим». Да, это моя проблема. Серьёзная проблема. И вы, друг мой, заблуждаетесь, если считаете, что я вот так сижу в своём кресле, — он открыл рот, чтобы сказать «сложу руки», но вовремя опомнился, так как на самом деле сидел со сложенными руками, — и просто наблюдаю. Я действую. И если вы пока, — он выделил это слово, — не видите результатов, это не значит, что я ничего не предпринимаю. В таких случаях приходится вести сложные закулисные игры. Очень сложные игры.

Как и любой торговец, Дон Боско врал самым бессовестным образом. Он ничего не предпринимал, потому что идей у него не было. А положение действительно было дрянь. Вот уже три дня корабль с грузом для него, не мог зайти в порт, потому что за товаром. На каком именно корабле находится контрабанда, она не знала, но ей было известно, что партия придёт на днях. Дону Боско пришлось сделать неприятное открытие: у него орудует полицейский осведомитель. Но это была только одна проблема, тем более что у него в полиции тоже был свой осведомитель, который и сообщил о полицейской операции в порту. Другая проблема заключалась в том, что корабль дрейфовал в нейтральных водах, не решаясь пересечь границу. Бесконечно слоняться там, не привлекая внимания к своему поведению, корабль не мог. Отправить за грузом обычный катер было рискованно, так как береговая охрана давно стояла на ушах. Чтобы перегрузить товар на другой прибывающий корабль, надо было не только срочно найти

подходящего партнёра, которому можно доверять, но и не допустить новой утечки информации. Дону Боско приходилось играть вслепую.

И вот в самый разгар перетрубаций возник доктор Фаркаш, которому он, на свою беду, поторопился сообщить о прибытии товара. Покупатель явился в сопровождении своих горилл и кейса с оплатой. Не обнаружив товара, доктор Фаркаш не на шутку перепугался и теперь прятал свой страх за агрессией. Дон Боско же решил принять на время правила игры, чтобы не отвлекаться от главной проблемы — выгрузки и доставки товара.

Дела шли прескверно. Он крепко сидел на мели. Будничный бизнес хоть и приносил обычный доход, но вытащить его был не в состоянии. Поправить положение могли только крупные и особо прибыльные операции, поэтому на нынешний гешефт возлагались большие надежды.

Он вызвал доктора Фаркаша, рассчитывая разгрузить и подготовить к продаже товар, пока тот находится в пути, ведь дорога была каждая минута. Но груз плавал неизвестно где, в то время как реальные кредиторы жужжали со всех сторон, а доктор Фаркаш комично потрясал кулаками перед самым носом.

— И что же вы предпринимаете? — вопил он. — Я хочу знать это, слышите?! Я бросил все дела, припёрся в такую даль со всем этим... — доктор Фаркаш кивнул в направлении своих горилл, одна из которых держала заветный чемоданчик. — И три дня...

— Два дня, — вежливо поправил его Дон Боско.

— И три дня вы водите меня за нос! — заключил доктор Фаркаш.

— Коллега, я заверяю вас, что мной предприняты необходимые меры, чтобы товар в самое ближайшее время был здесь. Я неоднократно приносил вам свои извинения и делаю всё возможное и невозможное. Но увы, не всё зависит от нас, грешных. — Дон Боско смиренно закатил глаза и развёл руками. — Есть независящие от нас обстоятельства, которые...

— ...которые позвонили и сказали, что мне можно ехать и забирать товар? — Доктор Фаркаш определённо начинал действовать Дону Боско на нервы. — Короче, вот что я скажу: я жду до завтра. И если завтра в полдень товар не будет мне передан, то тогда...

«И что тогда? Подашь в арбитражный суд?» — ухмыльнулся про себя Дон Боско, но доктор Фаркаш не стал завершать свою мысль, повернулся и резко вышел из кабинета. За ним покорно потянулись гориллы, столкнувшиеся в дверях с арестовавшим Эли крепышом.

— Здравия желаю, босс! — весело объявил крепыш.

— А, Сэм! — Дон Боско, сделавший на мгновение вид, что изучает одну важную бумагу, поднял на него глаза. — Проходи, садись. Сегодня у меня замечательный день, — он вновь откинулся на спинку кресла, словно день этот и правда был для него великолепным, — все говорят мне только хорошее. Давай, присоединяйся.

— А ему-то что здесь надо? — спросил Сэм, бросая взгляд на только что закрывшуюся за доктором Фаркашем дверь и будто не слыша слов своего шефа.

Дон Боско только махнул рукой.

— Товара же ещё нет!

— Вот именно.

Сэм вздохнул.

— Да, босс, кругом — одно дерьмо, — осторожно начал он. — Одной ложкой больше или меньше...

— Что там опять? — насторожился Дон Боско.

Сэм протянул ему отнятые у Эли вещи.

Дон Боско пристально рассматривал полицейское удостоверение, как будто видел такой документ первый раз в жизни.

— Следила за нами, — пояснил Сэм. — На фабрике.

— На фабрике?! Да вы там что, сговорились, что ли! — Кто под-разумевался под словом «вы», он не уточнил.

Сэм кисло скривил губы.

— Мы там болванки выгружали. Я смотрю — а со склада, того, что напротив, лучик какой-то светит. И солнце с той же стороны. Странно это было. Я пошёл проверить, а она там сидит, нас фотографирует. Камера эта, — он показал на лежащие на столе вещи Эли, — она и блестела. Что делать-то будем?

— Что делать будем? — шеф многозначительно посмотрел на Сэма. — А будем делать что можем. Например, познакомимся с ней поближе. Значит, говоришь, на фабрике она сидит?

— На фабрике, — подтвердил Сэм. — Будут указания?

— Вообще-то я джентльмен, — произнёс Дон Боско и сделал многозначительную паузу, после чего быстро продолжил, — но не всегда. Тащи её сюда.

— Сюда? Прямо сюда?

— Ну, а куда ещё? Думаешь, она не знает, куда ниточки от фабрики тянутся, если она через своего агента сведения от нас же и получает? Как дети, честное слово. Закроют глаза и думают, что спрятались. — Он сделал небольшую паузу. — Приказ ясен?

— Яволь, босс! — Сэм встал и вышел из кабинета.

К удивлению Эли, о ней вспомнили довольно быстро. Заворочался замок, и на пороге снова появились негры с руками-клешнями. Не говоря ни слова, они вцепились в её предплечья, на которых краснели следы от предыдущего конвоя, и грубо поволокли Эли к выходу. Она громко закричала, осыпая их самой грязной бранью, которая только пришла ей в голову. В конце концов, если она и была пленницей, то не их, а их хозяина, поэтому он ещё спросит с них за плохое обращение. Неизвестно, что больше подействовало на негров больше — этот аргумент или брань, но клешни ослабили свою стальную хватку.

Там их ждала машина, за рулём которой сидел смуглый парень отталкивающей внешности. Грязные разводы на щеках и подбородке, означали, по-видимому, растущую бороду. Эли усадили на заднее сиденье, охранники пристроились по бокам, и машина поехала. В самом начале пути негры обменялись парой коротких фраз на своём языке, но дальше не проронили ни слова.

Покружив немного по улицам промышленной зоны, машина подъехала воротам большого предприятия, территория которого была обнесена высокой кирпичной стеной с колючей проволокой. Суровое строение мало чем отличалось от тюрьмы. По всему периметру стены были рассредоточены телекамеры и датчики. Заглянуть за высокие, глухие ворота было совершенно невозможно — так плотно были они пригнаны друг к другу.

Здание было невозможно не узнать. Это была так называемая База — логово бандитов, сбитых в хорошо организованные отряды.

По своему размеру она занимала удобную для себя нишу. С одной стороны, организация была достаточно сильна для того, чтобы держать в руках весь регион, не боясь местной полиции, которая была частично запугана, а частично подкуплена. С другой стороны, она была недостаточно велика для того, чтобы ей занимались федеральные власти, тем более что действовала эта организация только у себя дома. В результате группировка, первоначально объединявшая

несколько конкурировавших между собой банд, превратилась в единую мощную структуру, действовавшую в условиях полной безнаказанности. Прежние главари были один за другим устранены, и контору возглавил Дон Боско, добравшийся по трупам соперников до главного руководящего поста.

При нём единоначалие достигло своего апогея. Всеми делами руководил лично он, ему докладывали обо всём, что происходило в его хозяйстве. И хотя иерархия, как таковая, официально не была отменена, нижестоящие начальники были лишены полномочий для принятия каких бы то ни было решений, за исключением, разве что, самых оперативных, диктуемых обстановкой.

Дисциплина была строжайшей. Рядовые бойцы должны были при поступлении на службу отказаться от своих имён, отныне к ним обращались только по номерам. Они были обязаны носить спортивную или клубную одежду на свой вкус и цвет, но с обязательным номером на спине. Новым бойцам присваивался номер, который больше не менялся и действовал всё время, пока солдат был в строю. Свои имена сохраняли лишь командиры.

За малейшую провинность немедленно следовало наказание. Самым страшным преступлением считалось неповиновение. Совершившего этот грех ожидала смерть под прессом автомобильной свалки в нескольких кварталах от базы и принадлежащей тому же Дону Боско. Иногда таких везли на мусоросжигательный завод, также находившийся в собственности хозяина, и одно только название которого со всей ясностью указывало на судьбу приговорённого. Допущенное по ошибке неточное выполнение приказа чаще всего прощалось, но только один раз. На второй раз нарушивший приказ отправлялся на свалку или на мусорный завод.

Для Дона Боско рядовые солдаты были безликой массой, человеческим мусором. Как и положено мусору, они появлялись сами собой, пополняя ряды банды. Материал этот, пушечное мясо, в избытке производили бедные пригороды, населённые самым пёстрым сбродом. Там жили как прибывшие со всех концов света, так и их потомки во втором, третьем и даже четвёртом поколении. Опустившиеся, проводящие свою недолгую жизнь в постоянном наркотическом дурмане, не имеющие ни малейших перспектив в своём беспросветном существовании, они, тем не менее, исправно пополняли армию Дона Боско. Попасть туда было заветной мечтой детства для обитателей этих районов. В рядах бандитов вчерашний мальчик чувствовал себя

героем, человеком, хотя его командиры и придерживались по этому вопросу ровно противоположного мнения.

Всё это Эли рассказал Марк. Он знал, что происходит за стенами Базы, но по известным причинам не мог ничего поделаться. Вместо того, чтобы нанести удар в тело гидры, ему приходилось довольствоваться отсечением кончиков её щупалец, если они имели неосторожность высунуться за пределы некоего условного круга. Нынешний корабль с грузом был взят Марком в разработку только потому, что о нём было известно полиции нескольких стран, и пропустить его не могло даже самое коррумпированное и запуганное начальство.

Не знала Эли только об одном – о фактическом банкротстве криминального государства. В банде состояли несколько особенно близких к Дону Боско людей, с которыми он руководил бизнесом и зарабатывал планы операций. И хотя Дон Боско единолично распоряжался всеми финансовыми средствами, и последнее слово во всех решениях оставалось за ним, он не брезговал выслушивать предложения тех, кому он доверял, и часто даже следовал этим предложениям. Недостаток системы заключался в отсутствии контроля за принятием решений и какой-либо защиты от ошибок. Ошибки случались постоянно, но они не влекли за собой таких тяжёлых последствий, как несколько операций подряд, против которых единогласно возражали все советники. Теперь организация находилась на грани краха.

Впрочем, об этом не знала не только Эли, но и все, кроме самого Дона Боско, лихорадочно искавшего выход.

Лифта в здании не было, и Эли повели на третий этаж, где располагался кабинет Дона Боско, по лестнице. Путь пролегал по мрачным коридорам и лестничным пролётам. Кирпичные стены напоминали старых дев: они успели состариться, так и не будучи ни разу выкрашенными. Сквозь огромные, безнадёжно грязные окна стоически пробивался солнечный свет. Потолки были очень высокими, а лестницы – невероятно длинными. Эли представила себе, как арестованные под конвоем проделывают подобный путь у неё в управлении.

В управлении было, однако, куда веселее, чем здесь. Со всех сторон её облепили взгляды, а вслед полетели выкрики и пошлые шутки. Хотя вели её быстро, она всё-таки сумела осмотреться. Её поразило разнообразие отрицательных эмоций – от презрения и тупой злобы до алчности и похоти. Эли всматривалась в толпу и не смогла увидеть ни одного не то, что участливого, но хотя бы просто безразличного взгляда. Случайно попавшая в их логово небольшая частичка

ненавистного окружающего мира приводила бандитов в бешенство. Они готовы были разорвать её на части и разорвали бы, если бы она не была пленницей их хозяина. Теперь Эли поняла, почему, выводя её из машины, конвоиры вооружились автоматами.

Эли была не из пугливых, но чувствовала, как банальный животный страх охватывает всё её существо. Такой отвратительной, злобной человекоподобной массы она не видела никогда, хотя проработала в полиции всю сознательную жизнь. Поэтому она облегчённо перевела дух, когда наконец-то достигла увидела Сэма, поджидавшего её у спасительной двери в кабинет Дона Боско.

Босс сидел за письменным столом, уставившись в лист бумаги, где вновь и вновь производил свои расчёты. Вычисления давали один и тот же результат, который бесстрастно бросал ему в лицо один и тот же ответ: «если товар не придёт в ближайшие три дня, ты – банкрот, а если придёт – то тоже банкрот, только позже». Можно было сдаваться прямо сейчас в руки судьбы и закона. Но можно было продолжать искать новые идеи, новые проекты, новые поля сражений.

Дон Боско решил бороться – сдаться он успеет всегда.

Появление посетителей прервало его размышления. Дон Боско взглянул на Эли. Одета в лёгкую, подчёркивающую изящные формы, тёмно-серую водолазку и свободные, не препятствующие грациозным движениям джинсы, Эли была необычайно хороша и в свои тридцать находилась в зените женской привлекательности. Роскошные пепельные волосы до плеч обрамляли классическое, с чуть выдающимися скулами лицо. Дон Боско даже забыл на минуту о своих неприятностях и сглотнул слюну.

Взглядом он указал на кресло напротив себя. Эли подошла к столу и заняла предложенное кресло. Дона Боско, пожиравшего взглядом каждое её движение, охватило возбуждение. Ух, попалась бы она ему в другое время и в другом месте!

Сэм тоже подошёл к столу, но садиться в кресло не стал.

— Так, — карие глаза Дона Боско лукаво прищурились, — я слушаю вас, мадам. О, пардон, наверняка мадемуазель, — добавил он с деланной галантностью. В душу его закралось подозрение, что Эли могла на самом деле не знать о том, что он имеет какое-то отношение

к тому производству. Может быть, Сэм был прав: не надо было тащить её сюда?

— Нет, это я вас слушаю.

Дон Боско удивлённо поднял брови.

— Это я вас слушаю, — повторила Эли. — Было бы очень интересно узнать, как вы, такая знаменитая личность, опустились до банального пиратства.

— Какой же я пират, если без корабля? — усмехнулся Дон Боско.

— Ну, корабль, положим, у вас есть. Как раз там меня и взяли ваши бандерлоги. — Эли бросила короткий взгляд на Сэма.

— Мои бандерлоги? Схватили? Вас?! — выдохнул Дон Боско. — Но позвольте, вы же сами к нам пришли. Никто вас не хватал, помилуйте! Не насильно же вас сюда привели.

— Не насильно?! А кто сцапал меня у вашей фабрики в промзоне?

— Моей фабрики? Вы меня с кем-то путаете. Я — скромный торговец, а не фабрикант.

— А как, по-вашему, я здесь оказалась? — Эли снова посмотрела на Сэма, который нагло улыбался, разгадав игру шефа.

— Хм, вам, наверное, лучше знать, — произнёс Дон Боско.

Эли начинал раздражать этот глупый театр. Тут она заметила свою камеру, лежавшую в дальнем углу стола. Дон Боско перехватил её взгляд. Он спокойно взял аппарат, вытащил карточку памяти, переломил её пополам и выбросил в мусорную корзину.

— Сэм, как здесь оказалась эта красавица? Слышал, что она сказала? Что ты сцапал её на какой-то фабрике, привёл её ко мне насильно. Это правда?

Сэм ослабился.

— Никак нет, босс, — подхватил он партию шефа в игре. — Она пришла к воротам, сказала, что у неё к вам дело. Всё.

— Ну вот, — Дон Боско развёл руками. — Так какое же у вас ко мне дело, милостивая государыня? В самом-то деле, ну не на этих же, как вы выражаетесь, бандерлогов, — он сделал движение рукой в сторону двери, — вы пришли посмотреть. У нас не зоопарк.

— У вас не зоопарк, а цирк, — зло выпалила Эли. — И скоро состоится его выездное представление. В управлении полиции.

— Нет, так не пойдёт, — Дон Боско пропустил фразу мимо ушей.

— Я занятой человек, у меня дел по горло, а вы приходите, отнимаете моё время, не говорите, зачем пожаловали. Сэм!

— Да, босс!

— Проводи даму в комнату для гостей. Она там посидит какое-то время. Может, вспомнит, что за дело привело её ко мне. Не торопи её. Пусть чувствует себя как дома.

— А вот это вы зря, — предупредила Эли. — Через пару часов вся полиция города будет поднята, если я вдруг исчезну.

— Ха, да вы только послушайте! — Дон Боско от души расхохотался. — Полиция, это надо же! Можно подумать, ей до вас. Да кому вы там нужны? Вы на работе хоть месяцами не появляйтесь — о вас никто и не вспомнит. Делать им больше нечего, как в пятницу после обеда о вас думать, тем более, если коллеги знают, что вы на ответственном задании. — Дон Боско прекрасно представлял себе обстановку в управлении. — Идите с миром, отдохните, соберитесь с мыслями. Вспомните, что собирались мне сказать, получите обратно свою визитную карточку, — он вытащил полицейское удостоверение, повертел в руках и засунул обратно, — и всё остальное.

Эли собиралась что-то возразить, но Дон Боско опередил её, слабо взмахнув даже не кистью, а только пальцами рук, показывая направление наружу. Это означало, что краткая аудиенция окончена. Эли поняла бесполезность дальнейших препирательств — мышеловка хлопнулась. Она встала и направилась к двери.

— Отведёшь её, и живо ко мне, — бросил он вслед уходящему вместе с ней Сэму.

И, когда Сэм вернулся, продолжил.

— До понедельника её никто не хватится, это как пить дать. И за это время мы должны напечатать тираж и освободить фабрику.

— Напечатать тираж? До понедельника?

— Сэм, у тебя плохо со слухом, раз ты переспрашиваешь?

— Нет, босс, я понял. Только...

— Я всё сказал. До понедельника надо напечатать тираж и очистить фабрику, как будто там ничего и не было. Ну а потом мы снова разыграем ту же комедию, что ей якобы всё привиделось. Не пойман — не вор. Фабрика арендована на подставное лицо, никто и знать не знает, что мы имеем к ней какое-либо отношение. Скажи своим, пусть работают хоть сорок часов в сутки, но тираж должен быть напечатан. Если некуда его девать — засунь его пока что в какой-нибудь контейнер. Понятно?

Сэм стоял, выпучив глаза.

— Тебе всё понятно?

— Да, босс. Всё понятно.

— Так вперёд, если понятно!

Когда Сэм ушёл, Дон Боско, довольный тем, как ловко расправился он с новой неприятностью, вернулся к своим вычислениям.

А Эли была вне себя от возмущения. Давно над ней не издевались так откровенно. Когда она вышла из кабинета главного мафиозо города, и конвой снова повёл её по коридорам, полным всякого сброда, страх уступил место злости и досаде. Ей было обидно, что она не смогла достойно отпарировать удар, не нашлась, что ответить, снова повела себя как практикант в первый месяц, что дала унижить себя.

По дороге ей попался на глаза невысокий толстячок с маленькими выпученными глазками. Он остановился и посмотрел на Эли так пристально, что она едва удержалась, чтобы не размазать по его пухлому личику и без того приплюснутый нос. В другое время она даже не обратила бы на него внимания, но сейчас её раздражало всё вокруг.

Толстячок показался ей странно знакомым. Где-то она его определённо видела. Но где? Чтобы отвлечься, она попыталась собраться с мыслями и направить их в привычное русло логики и рассуждений. Полицейским он быть не мог, иначе он не разгуливал бы так свободно в бандитском логове. Шпионом он тоже не был, потому что таким, как он, здесь делать было нечего. Да и вряд ли стал бы осведомитель попадаться Эли на глаза в такой ситуации.

Значит, это был клиент полицейского управления, и она встречала его именно там. Только когда и при каких обстоятельствах?

Эли не заметила, как оказалась перед дверью-решёткой, сваренной из толстых металлических прутьев и увенчанной намертво приваренным замком.

— Сюда, — объявил Сэм. В его руке показался ключ.

Они стояли в комнате, находящейся в конце коридора. Двери из комнаты в коридор не было — проём был открыт. Другой проём вёл из этой комнаты в другую, смежную. Он и был закрыт решёткой. Всё это напоминало маленький провинциальный полицейский участок: дежурная комната и рядом же помещение для задержанных. По-видимому, здешняя публика решила воссоздать знакомую обстановку.

В таком помещении Эли и оказалась после того, как за ней с характерным лязгом захлопнулась решётка и щелкнул замок.

— Чувствуйте себя, как дома, — посоветовал Сэм.

— Но не забывайте, что вы в гостях, — дополнил негр.

Ну, уж это она не забудет.

Они ушли.

В комнатке не было окна. В дальнем углу стоял унитаз без крышки, и висела металлическая раковина. По заскорузлomu крану в раковину тоненькой струйкой стекала ржавая вода, оставляющая рыжие разводы на остатках эмали. В противоположном углу была привинчена к полу стальная кровать с продавленными пружинами. Сидеть можно было либо на бетонном полу с острыми обрывками линолеума, либо на раме кровати. Эли выбрала последнее.

Игру Дона Боско она разгадала сразу. Он задержит её здесь до понедельника, за это время заметёт все следы, а потом выпустит её на свободу, выставив полной идиоткой, заикнись она хоть словом об увиденном. Никто ей не поверит, а если и поверит, то улики давно уже не будет. Такого конца операции Эли не ожидала. Она проиграла вчистую по всем статьям: не схватила преступников за руку, не передала их в руки правосудия. Вместо того она дала им в руки все карты, предоставила им возможность не только выиграть, но и вдоволь поиздеваться над собой.

Она встала и подошла к решетчатой двери. Передняя комната была пуста. Посредине комнаты стоял стол, покрытый измятыми газетами, грязной посудой, пустыми бутылками и прочим мусором. Прямо на горе невымытых тарелок с засохшими остатками пищи лежала большая связка ключей, среди которых был, очевидно, и ключ от камеры. Сэм не стал брать ключи с собой, а оставил их охраннику, который наверняка должен был вот-вот появиться. Рядом со столом располагались два стула. Их набивка, словно весенний снег, чёрными ключьями свисала из разодранной обшивки. На стене висел старый, треснутый телевизор. Звук был выключен. На экране в тишине спаривались животные.

Несмотря на полуденное время и горевшую под потолком лампочку, в комнате царил полумрак – солнечный свет с трудом пробивал слой многолетней грязи на приоткрытом окне. Со двора слабо тянуло свежим воздухом и слышались голоса, выговаривающие на разных языках непонятные слова. База была настоящим вавилонским столпотворением. Как успела заметить Эли, среди обитателей государства в государстве белые европейцы составляли самую мизерную часть. Какие только языки наречия тут не звучали! От арабского и турецкого – до африканских диалектов. Между собой разные группы населяющих базу людей общались, однако, на европейских языках. Этими же языками пользовались и главари банды: они были белыми.

Послышались приближающиеся шаги и неразборчивая речь. Вобщето Эли не надеялась, что её оставят в покое или, по крайней мере, без присмотра, но она боялась насилия над собой – населявшая Базу человекообразная масса была способна на что угодно.

В комнату, от которой её отделяла решётчатая дверь, вошли двое. Один из них – здоровенный негр в красной баскетбольной экипировке с номером 19, коротко постриженный, с тщательно выбритыми висками. Под гладкой кожей переливались мускулы. Увешанный цепочками и браслетами, мелодично позвякивавшими при каждом движении, он напоминал как аборигена, выменявшего у конкистадоров все золото на бусы и колокольчики и довольного удачной, по его мнению, сделкой, так и телёнка с колокольчиком, звон которого настояжил бы пастуха, вздумай он забрести на чужое пастбище. При всей комичности этих ассоциаций негр вовсе не выглядел смешным. Напротив, вид его был довольно мрачен, и от взгляда, который он мимоходом бросил на Эли, той стало немного не по себе. Но взгляд этот был, скорее, машинальным, чем любопытным. Он заметил пленницу, ухмыльнулся стройным рядом белых зубов, но не выказал ни малейшего желания познакомиться с ней поближе. Он наверняка знал, кто сидит в клетке, и чья это собственность. К счастью для Эли, дисциплина на Базе строго соблюдалась.

Не обращая на неё больше никакого внимания, негр плюхнулся на один из стульев, который под его тяжестью жалобно заскрипел ножками по плиточному полу. Он подвинул к себе пустой ящик из-под пива и сложил на них свои эбонитовые ножищи в немыслимого размера кроссовках.

Вид его спутника был не менее примечателен, во всяком случае, для этой обстановки. Если возраст негра она затруднялась определить, то второй был белый, высокий, хорошо сложенный молодой человек лет девятнадцати-двадцати. Эли подумала, что этот возраст – типичный для рядовых солдат Дона Боско. Рядом с негром он выглядел бледным. Густые, светлые волосы волнами струились на плечи. Несколько упрямых прядей – похоже, что в войне с ними парень давно признал своё поражение и даже не пытался смахивать их – падали на глаза. Красивое лицо напоминало чертёж — чёткие, правильные, скупые на изгибы линии придавали ему холодное, жёсткое, даже несколько циничное выражение. Одет он был в просторную синюю

футболку с номером 37, светло-голубые закатанные джинсы и чёрные кроссовки. Эли поймала себя на мысли, что невольно залюбовалась им. Отбросы общества не всегда выглядят таковыми, а о том, как обманчива бывает внешность, учил ещё доктора Ватсона знаменитый Шерлок Холмс. Но уж больно резко выделялся этот парень из остального населения базы. Приходилось верить, что и он – такой же безжалостный подонок, такая же мразь, что грязными ручьями стекается со всех окрестных городов и селений в империю Дона Боско, обычный уличный бандит, который, по справедливости, должен был быть не охранником, а охраняемым.

Парень, тем временем, извлёк откуда-то из-за стола две бутылки пива, одну из них откупорил о стол, а вторую отдал негру. Тот открыл пиво зубами и с наслаждением принялся за горлышко.

Негр говорил хоть и громко, но очень глухо. Голос белого был мягким, приятным и намного более отчётливым. Тем не менее, Эли не смогла разобрать ни слова. Они говорили на нидерландском.

Она не стала ждать, пока на неё обратят внимание, отошла вглубь камеры и присела на кровать.

Итак, её предстояло провести здесь как минимум уикенд. Весёленькое приключение, ничего не скажешь. Она постаралась справиться с мыслями и решила посвятить время в заключении разработке плана дальнейших действий. И действительно, у неё родились даже конкретные идеи на этот счёт. Некоторое время она потратила на их обдумывание, как вдруг поймала себя на том, что всё это ей совершенно неинтересно. Вывод этот был более чем странен, так как она всегда думала о работе с интересом. Но намного более странным был другой вывод – она нарочно пытается забить себе голову всякой ерундой (неслыханное дело: её работа – ерунда!), чтобы вытеснить оттуда безостановочно крадущиеся мысли о паренёке, сидевшем в соседней комнате, беззаботно потягивающим пиво и даже не представлявшем себе, с каким трудом удаётся Эли не думать о нём. Хотя, что это? Что значит, не думать? Она уже о нём думает! Думает всё это время, обманывая саму себя!

Она подошла поближе к решётке и заняла незаметное сразу снаружи место в тени. Нет, он определённо хорош, что ни говори.

А что, если попытаться соединить, так сказать, полезное с приятным и использовать его для благих целей? Конечно, перед ней был рядовой боец криминальной армии, но вдруг с его помощью удастся проверить какую-нибудь задумку? Например, сбежать отсюда до

того, как Дону Боско удастся спрятать концы в воду? Пацан, скорее всего, запуганный кролик, но при умелом обращении... Впрочем, с чего она взяла, что её охранник – это он. Может быть, как раз негра поставили стеречь её, а парень просто зашёл к нему поболтать?

Спаривания на экране телевизора прекратились, и после короткой рекламы появилась заставка выпуска новостей. Снова заскрипел стул, и Эли поняла, что негру пора уходить. Голоса снова стали громче, фразы – отрывистее, а вскоре она услышала негромкий хлопок ладонями, означавший, по всей вероятности, прощание. Негр ушёл, а через несколько секунд послышалось негромкое бормотание: парень, оказавшийся всё-таки охранником, включил звук. Передавали новости, которые ничем не отличались от тех, что звучали каждый день годами, никого не удивляя.

Так, теперь он в комнате один. Пора действовать.

Она приблизилась к решётке.

— Эй!

Парень даже не шелохнулся.

— Эй! – Она позвала его громче.

Ни малейшей реакции.

— Ты слышишь меня?

Снова молчание, которое начинало понемногу злить её.

— Эй, ты! – Она почти сорвалась на крик. Парень нехотя пошевелился и прибавил звук телевизора. Там, как всегда, показывали беспорядки и уличные бои. Такого поворота дел Эли не ожидала.

— Я же к тебе обращаюсь!

Молодой человек оторвался от телевизора и перевёл на неё взгляд.

— Я пить хочу, — заявила Эли.

Ноль внимания. Он снова упёрся в телевизор.

— Дай мне пить, слышишь!

Вновь молчание. Да что же это такое? Сначала один бандит, затем второй, а теперь даже этот жалкий мальчишка – похоже, здесь все смеются над ней!

— Да ты что, издеваешься что ли? Или тебе босс приказал уморить меня жаждой?

Упоминание о боссе вывело парня из комы. Он посмотрел на неё в упор, затем взял новую бутылку пива, показал её Эли, прищурился и выдавил, почти не разжимая губ:

— Мадемуазель предпочитает тёмное или светлое?

Затем открыл бутылку и усмехнулся:

— Там в углу умывальник и унитаз. Воды достаточно. — После чего снова уткнулся в экран и как будто снова забыл о ней.

Эли была вне себя от возмущения. Да как она могла даже допустить мысль о том, что этот молокосос мог ей понравиться! Дрянь!

До того совершенно не испытывавшая жажды, Эли вдруг почувствовала, как во рту у неё на самом деле пересохло.

— Слушай, я сейчас на самом деле напьюсь из этого крана. А потом мне скрутит кишки, и тебя затолкают головой вот в этот унитаз. Пусть я и сдохну, но хоть увижу напоследок, как тебя туда сольют.

Намёк на последствия вновь сотворил чудо. Только она отошла в темноту камеры, чтобы обдумать вопросы тактики, как услышала, что стул лениво сдвинулся с места. Через минуту охранник поставил у решётки бумажный стаканчик с водой. Победа!

Внимание Эли оказалось поглощено не столько стаканчиком, сколько только что державшими его руками. Это было настолько сказочное зрелище, что она на мгновение забыла о обуревавшей её всего несколько мгновений назад ярости. Она увидела перед собой белые, но вовсе не изнеженные, а красивые, большие, сильные кисти рук, вытянутые, ясно очерченные зигзагами вен, с длинными, крепкими пальцами и крупными ногтями.

Бумажный стаканчик в этих руках казался меньше и тоньше, чем был на самом деле. Когда-то в школе их класс водили на экскурсию, посмотреть на автоматические производственные линии. Тогда Эли была поражена, как манипуляторы станков-роботов, в одном зале запросто пробивающие толстенные листы металла, в другом зале нежно обращаются своими гигантскими щупальцами с тончайшей оплёткой. Что-то похожее она наблюдала и сейчас, когда парень расчётливым движением взял едва выдерживающий тяжесть воды стакан и осторожно поставил его на пол.

Злость Эли куда-то вдруг исчезла, а после того, как стакан был опорожнён, интерес к более важным делам снова вернулся к ней.

— Тебя как зовут?

Снова это дурацкое молчание.

— Слышишь, зовут-то тебя как?

— Тридцать Седьмой, — неохотно отозвался он.

— Знаешь, мне все ваши идиотские номера... — Она сделала паузу.

— Я — человек, и привыкла к человеческим именам, а не к номерам. Не в концлагере же мы на самом деле. Так как тебя звать-то?

— А в концлагере были не люди? Обходились как-то и номерами.

И опять молчание, которое на этот раз Эли не раздражало – больно уж заинтересовала её последняя фраза.

— Между прочим, не отвечать на вопросы невежливо, — напомнила она. — Тем более, если спрашивает женщина.

— Нам запрещено разговаривать...

— Ну привет, а откуда тогда здесь столько шума? — Эли развела руками, обозначая всё досягаемое пространство. — Разговаривают же.

— Нам запрещено разговаривать здесь с чужими.

— Ага. А ты что же сейчас делаешь? — поинтересовалась Эли.

Ответа не последовало.

— Ну как тебя звать-то, скажешь ты или нет? Не буду же я к тебе по номеру обращаться.

— А тебе незачем ко мне обращаться. Сидишь – ну и сиди.

— Как. Тебя. Зовут. — Эли не унималась.

— Артур, — выпалил он после нового долгого молчания и, как Эли показалось, неожиданно для самого себя.

— Артур, — мягко начала Эли, — да погоди ты с этим ящиком, там же целыми днями одно и то же. Что ты туда уставился?

Артур оторвал взгляд от телевизора:

— А разве только по телевизору целыми днями одно и то же?

Вот это да! Сюрпризы, оказываются, могут быть не только неприятными. Это была не только зацепка для разговора. Парень-то, выходит, и вправду не такой идиот, каким должен быть образцовый гвардеец Дона Боско. Какая удача!

Завязался разговор. Сначала прерывистый, неуклюжий, робкий, а затем всё более связный. Инициатива окончательно перешла в руки Эли. Это перевело её мысли в привычное русло, и следующие два часа пролетели почти незаметно.

Артур происходил, в отличие от подавляющего большинства здешней, по выражению Дона Боско, биомассы, из порядочной семьи, представлявшей собой сохранявшиеся кое-где остатки среднего класса. Когда ему исполнилось тринадцать, случилась беда: мать стала жертвой одной из расплодившихся в невероятных количествах уличных шаек. Полиция боялась связываться со шпаной, и отец, взявший в свои руки расследование и планировавший самосуд, вскоре последовал за супругой. Всё имущество семьи перешло к тётке со стороны отца – хронической алкоголичке, быстро спустившей в пьяном угаре все деньги до последнего цента. Артур фактически жил на улице, предоставленный самому себе. Когда тётка умерла от белой

горячки, объявились кредиторы с постановлением о конфискации дома. Артуру, хорошо известному в полиции, грозила исправительно-воспитательная колония. Но он вовремя скрылся. Поскитавшись немного по городам и весям, он очутился у Дона Боско, который к тому времени превратил разрозненные уличные шайки в единую, сильную и организованную банду. Здесь Артура, как и многих его сверстников, ждала крыша над головой, неплохая кормёжка, кое-какие деньжата, отсутствие необходимости думать и жестокая дисциплина. Это было место, где парни, вроде него, могли скоротать время до смерти от полицейской пули, ножа сотоварища или гидравлического пресса за ослушание. Так заканчивался недолгий век большинства бойцов, места которых тут же занимала молодая поросль.

Девятнадцатый – тот здоровенный негр, которого видела Эли – был ветераном и, по словам Артура, единственным вменяемым собеседником на Базе, выходцем из какой-то бывшей голландской колонии. Остальные представляли собой сборище мерзавцев, подонков, опустившихся слабаков и просто отпетых головорезов со всех концов света. Артур оставался здесь, потому что ему элементарно некуда было податься. Причём, в отличие от подавляющего большинства рядовых бойцов, у Артура был паспорт, который он успел получить до того, как умерла тётка и ему пришлось покинуть родной дом. Многие жили вообще без документов, и выбора у них не было никакого.

Эли с неожиданной для себя обстоятельностью тоже рассказала о себе, умолчав лишь о самых интимных подробностях.

Они поговорили ещё. Артур вдруг замолчал, а Эли не хотелось прерывать повисшую паузу. Молчание оказалось очень кстати: в комнату вошёл низкорослый субъект неприятного вида с фантастическим номером 118, скорее всего, араб. Эли едва успела отпрянуть от двери. Он сунул под решётку помятую миску с какой-то баландой и широко улыбнулся смрадным ртом, где не хватало половины зубов.

— Что, пообедаем вместе, детка, а?

Он дёрнул дверь. Эли брезгливо поморщилась.

— Ага, — он обернулся к Артуру. — Ну-ка, дай мне ключик.

Артур не отвечал.

— Дай ключ, я сказал!

Молчание.

— Дай ключ, ты, — голос араба зазвучал настойчивее. — Дама желает со мной пообедать, я к тебе обращаюсь! — заревел араб и развернулся в сторону Артура.

Артур, сохраняя всё то же молчание, медленно достал откуда-то сбоку большой пистолет с глушителем и сделал вид, будто внимательно рассматривает его. Это быстро охладило пришельца.

— Вот же скотина! — Он повернул к Эли своё заросшее лицо и тихо проскрежетал, хитро подмигнув:

— Ещё увидимся. — И, сделав Артуру непристойный жест, ушёл, бормоча, вероятно, самые грязные ругательства.

Эли брезгливо взяла миску и, стараясь не смотреть на содержимое, вылила его в унитаз. Артур подскочил к решётке.

— Ой, извини, я совсем забыл! Я сейчас.

Эли подумала, что слово «извини» произносится на Базе впервые за всё время её существования. Скорее можно было услышать на Луне пение жаворонка, чем здесь — слова вежливости.

— А если этот выродок снова появится?

— Не появится, — и он быстро исчез в коридоре.

Эли вернулась к кровати и села. Как ни пыталась она заставить себя думать о плане побега, мысли её постоянно возвращались к Артуру. Тщетно пыталась она отогнать их. В конце концов, она решила выяснить, что же всё-таки с ней происходит.

А ведь и правда, что с ней происходит? Она делает одну ошибку за другой. Сегодня провалила такую операцию, дала какому-то бандиту, пусть даже и авторитету, так издеваться над собой. А теперь сидит в тёмной, вонючей конуре и, вместо того чтобы искать выход, отгоняет от себя мысли о каком-то пацане, у которого даже имени-то нет, один номер.

Она снова представила себе Артура. Представила его движения, его голос. Представила его жизнь, как она ей виделась. Она увидела его лицо, вновь невольно залюбовалась им и ощутила что-то вроде прилива. Сердце заколотилось в груди. У неё появилось желание прикасаться к нему, ласкать его, погрузиться лицом в его волосы, целовать его шею, его лицо и грудь. Она считала его теперь своей собственностью и готова была разить наповал всех, кто посмел бы посягнуть на её сокровище.

Эли была удивлена прежде всего внезапностью произошедших в ней перемен. Чёрт возьми, ведь он ещё мальчишка, младше её лет на десять! И почему это должно было случиться именно с ней?

На её глазах от лёгкого дуновения рушился целый мир, который она создавала годами и в котором жила. Один за другим откалывались, отламывались, падали и исчезали в неведомой бездне все

идеалы, представления, стереотипы, идолы и принципы. И это едва заметное дуновение было для её старого мира подобно урагану, противостоять которому он не мог. Эли, к своему ужасу, обнаружила, что не жалеет о нём. Этот мир, который она создала себе сама и который так холила и лелеяла, напоминал теперь замки на прибрежном песке. Люди строят такие замки, возводя сложные, сооружения огромных размеров, прекрасно зная, что они за несколько минут растают в наступившем приливе, или их в одно мгновение смоем первая же хорошая волна. И когда это случается, люди не расстраиваются: они с самого начала знали, что строение их недолговечно, и что как бы ни был величественен и красив замок, ждёт его та же судьба, что постигла и тысячи его предшественников. С едва заметным налётом грусти, а то и с улыбкой наблюдают они, как их творение исчезает в воде, как ничтожно оно по сравнению с поглощающей его волной, хотя и сама волна — лишь незаметная морщинка на лице бескрайней морской глади.

И вот теперь прилив, в мгновение ока уничтожив старый мир, вал, слизавший за несколько секунд весь олицетворявший его песчаный замок, оказался всего лишь симпатичным юнцом, на которого она бы при других обстоятельствах и внимания-то не обратила. «Просыпайся, Эли, иначе проспийшь всю жизнь. Рассвет ты уже проспала, так застанешь хотя бы полдень!»

Артур через некоторое время вернулся, держа в руках два бумажных пакета с едой.

— Пиво у нас есть, если что, — добавил он, довольный собой.

Только сейчас Эли почувствовала, что смертельно голодна. Длинный июньский день заканчивался, а во рту у неё с шести утра не было ни крошки. Однако набрасываться на еду она не спешила.

— Спасибо, Артур.

— А, пустяки, — откликнулся он. — Приятного аппетита.

После чего занял своё привычное место и развернул пакет.

Поначалу его мысли были поглощены Эли.

Отношения Артура с женщинами были сложными. Девственность он потерял в пятнадцать. Случайно оказавшаяся тогда рядом с ним подружка была на два года старше его и весьма искушена в сексуальных делах. Первой же любовью стала его ровесница, которую он

встретил вскоре после того во время своих странствий. Она жила дома, вместе с родителями и старшим братом. Тот однажды сообщил Артуру, что рассчитывать на взаимность он не сможет никогда, мало того, рискует нарваться на крупные неприятности. Неприятностей у Артура всегда было настолько много, что они уже не волновали его. Но к чувствам возлюбленной, которая явно предпочитала ему избранника из своего круга, он относился с уважением. Артур снова отправился в свои скитания.

После этого пунктиром шли короткие интрижки и случайные эпизоды безо всякого смысла. Артур не был помешан на сексе, но, если рядом с ним оказывалась женщина, с которой можно было переспать, он использовал эту возможность, не опускаясь до изнасилований.

Эли была первой женщиной, к которой он испытывал не только сексуальное влечение. Да, она была красива и привлекала его. По виду ей немного за тридцать, что в его возрасте казалось почти недосягаемой перспективой, а люди, достигшие его – кем-то вроде инопланетян. Он не был уверен, что доживёт до этого возраста на Базе, где смерть человека была таким же обыденным явлением, каким был в детском саду выброшенный в урну засохший омлет. Но разница в возрасте не волновала его. Редкая сеточка тонких морщинок в уголках глаз Эли, её руки, бархатный голос, который так отличался от резких голосов его сверстниц и прокуренных баритонов третьесортных шлюх, — всё это возбуждало его.

Но одновременно он испытывал и массу других чувств, которые он так хотел бы понять. Эти чувства не имели никакого отношения ни к любви, ни к Эли. Они касались его одного.

Во время разговора он вдруг подумал, что не только впервые рассказывает о своей жизни другому человеку, но и вообще смотрит на себя со стороны. До этого если он и думал о себе, то с перспективой максимум в один день. Прожил день – и забыл, думай о том, что тебе предстоит в ближайшие сутки. Исключение составляли лишь воспоминания детства, но и они, казалось, принадлежали не ему, а кому-то другому. Он вообще с трудом отождествлял себя нынешнего с тем, кем он был тогда.

Он невольно сопоставил свою жизнь с рассказом Эли о себе. Она родилась в хорошей семье, получила солидное образование, теперь сражается с пиратами. И даже если это не более, чем заурядная война с ветряными мельницами – всё же это её дело, которому она посвятила свою жизнь. Она выбрала эту дорогу осознанно, и, по всей

видимости, счастлива, потому что ощущает себя на своём месте, на месте, которое заняла сама, и которое было, скорее всего, с самого начала предназначено для неё.

Вот его покойные родители, царство им небесное. Конечно, отцу, никогда не знавшему нужды и лишений, было проще прокладывать свою тропу. С деньгами всегда и везде легче. Но ведь и он прожил свою жизнь так, как считал нужным. Доставшуюся ему сумму он не пропил, как его родная сестра, не проиграл на бирже и не истратил на автомобили и путешествия. Он использовал деньги на достижение поставленной цели. Артур был уверен, что отец и без денег достиг бы того же положения, только это отняло бы у него больше сил и времени. Деньги лишь помогли ему стать тем, кем он стал, занять то место, которое он для себя выбрал и которое ждало его. Мать бросила карьеру ради семьи, но никогда не жалела о своём решении. Отказавшись от карьеры, она приобрела семью, которая представляла для неё главную в её жизни ценность. Она нашла свой путь, а без осознания этого занятое место в жизни никогда не будет казаться своим.

Дон Боско, заурядный дилер, каких сотни вокруг, превратился во влиятельного и богатого человека, управляющего свои дела без оглядки на кого-либо, будь то власти, полиция или газеты, так что он мог содержать бандитское логово прямо посреди большого города. А ведь он мог закончить свои дни в подворотне, как многие его товарищи. Но не закончил. Почему?

А те, что безвестно пропали, сгинули в стычках или провели всю жизнь в тюрьмах? И те на Базе, о ком через час после их бесславной смерти никто не вспомнит? Да, способностей возглавить банду у них нет, но наверняка есть способность хотя бы не становиться пушечным мясом. И, тем не менее, они и есть самое настоящее пушечное мясо, причём стали им добровольно, позволив Дону Боско безраздельно распоряжаться собой. На Базе они чувствуют себя на своём месте. Они счастливы, и ничего больше им не нужно, пусть даже и миг их счастья совсем короток.

А он сам? Как чувствует он себя, являясь ничем иным, как частичкой той же биомассы? Выбрал ли он осознанно путь, по которому он движется? Счастлив ли он? Ведь иначе он не размышлял бы над тем, что ни Эли, ни его покойным родителям, ни Дону Боско с Сэмом, ни кому-либо из рядовых бандитов, как пить дать, никогда и в голову не приходило. Значит, дорогу свою он пока не нашёл, и она по-прежнему ждёт его, петляя, может быть, совсем рядом.

Допустим, что ожидание своей очереди в приёмной перед воротами ада, чем безо всякого сомнения являлась База — не его удел. И что дальше? С чего начать? И даже если он сделает какой-нибудь решительный шаг, то откуда известно, что шаг этот будет правильном направлении? Кто и что даст ему уверенность, что он приближается к цели, а не удаляется от неё? Как сумели найти себя его родители, Эли, окружавшие его на базе люди, от босса до последнего солдата? У них просто не было времени на то, чтобы увидеть жизнь со всех сторон и выбрать предназначенное для них место, будь то трон, кожаное кресло или деревянная табуретка. И на этот вопрос ответить он тоже не мог.

Казалось, за какой-то час он выполнил годовую норму размышлений о себе. На улице, тем временем, понемногу начало темнеть. Наскоро подкрепившись, он заглянул к Эли.

— Ты как, в порядке? — осведомился он.

— Насколько можно быть здесь в порядке. Спасибо тебе за всё.

— За что же? — в его голосе слышалось неподдельное удивление.

— За еду? Но босс ведь приказывал не держать тебя голодной. Так что я просто выполнил его волю. — Артур сам был поражён той несусветной чушью, которая автоматически неслась с его языка. Зачем он так говорит? Он же видит, что Эли стремится сблизиться с ним, да и он хочет того же. К чему тогда эти слова?

— Но ведь тот урод, что принёс мне эту миску, — она посмотрела вниз, — тоже выполнял приказ босса. Наверняка то, что там лежало, теоретически было съедобным.

Артур оценил её усилия спасти ситуацию.

— Мне не всё равно, ешь ты эти помои, — он тоже посмотрел на миску, — или человеческую еду. Если мы считаем себя людьми.

— А кто мы, если не люди? Разве есть другие варианты?

Молодой человек промолчал.

— Заходи сюда, — вдруг произнесла Эли.

— Да ты что? А если кто-нибудь войдёт?

— Как хочешь. Только тебе всё равно рано или поздно придётся войти в эту клетку. Хотя бы потому, чтобы принести мне одеяло или что там у вас полагается. Не на пружинах же мне спать. Твой босс хоть и не отдавал приказа позволить мне спать, но, я думаю, он был бы против, если этой ночью мне удалось бы вздремнуть.

Артур был рад перемене темы и снова исчез в коридоре.

Эли воспользовалась образовавшейся паузой. Да, использовать мальчишку для побега — пара пустяков, это она обставит запросто. Несколько приятных слов, пара поцелуев — и он сам проведёт её наружу и даже будет благодарить её за предоставленную возможность. Но сбежать таким образом — означало предать Артура, которому грозило бы жестокое наказание и, может быть, смерть. Сможет ли носить с собой до конца дней такой груз? И — следующая мысль молнией прорезала её мозг — сможет ли она вообще жить без него?! Женщина в Эли, видимо, окончательно взяла верх над полицейским.

Она презирала тех, с кем боролась. Преступники были для неё чем-то вроде мух, охранять общество от которых и было её задачей. Размахивая мухобойкой и выметая дохлых насекомых, она никогда не присматривалась ни к ним, ни к новым мухам, влетающим в окно. Тут же выходило, что самый обыкновенный бандит, которых она видела столько, что даже и не пыталась их сосчитать, оказался вдруг человеком со своей жизнью и судьбой, со своими чувствами, мыслями, рассуждениями и умозаключениями. Он оказался человеком, заключающим в себе целый мир, человеком, как она или Марк, причём этого человека она выделяла для себя из массы остальных, её влекло к нему, она думала о нём, боясь предать или потерять его.

Марк, когда оправлялся после ранения, был на год переведён в отдел кадров и рассказал Эли, что поразило его там больше всего. Он, как водится, работал с бумагами, личными делами, заявлениями, рапортами и приказами. Получал входящие документы, отправлял их в обработку или на согласование, собирал недостающие справки, заполнял бланки, не допуская проволочек или даже неумышленных задержек. Он знал «в лицо» многие дела, помня наизусть их содержание, но, тем не менее, они были для него всего лишь бумагами. Когда же тот или другой сотрудник заходил в отдел кадров, Марк с удивлением обнаруживал, что за личным делом, за стопкой бумаг стоит человек, со своей жизнью, своими проблемами и интересами.

И вот теперь что-то похожее переживала и Эли.

Артур вернулся с ворохом постельных принадлежностей.

— Я сказал, что ты настолько важная птица, что босс приказал не спускать с тебя глаз ни днём, ни ночью. Кстати, приказ такой на самом деле есть. Только давай подождём, когда все улягутся.

— А пока что делать будем? Телевизор смотреть?

Артур подошёл к столу, нашёл там пульт управления и нажал на большую красную кнопку. Телевизор умолк на полуслове.

Они долго говорили, не замечая времени. Когда темы рассказов о себе были исчерпаны, они перешли к своим знакомым, говорили о политике и о разных отвлечённых понятиях. И вот, когда повисла очередная пауза, Эли неожиданно для себя выпалила:

— Ты классный. В тебя не жалко и втрескаться по уши.

У Артура похолодело внутри. Такого поворота он не предвидел. Он ожидал, может быть, искреннего интереса, желания помочь, на худой конец — жалости. Но такой комплимент от красивой, умной, опытной и много повидавшей женщины в полтора раза старше его, с удавшейся карьерой, добившейся материального достатка и положения в обществе честным путём, был для него сюрпризом. Он, обыкновенный боец преступной группировки, тянувший на десяток уголовных статей и бывший лишь номером без имени и истории, стоял даже не на ступеньки, а на целые лестничные пролёты ниже её. Инициатива, исходящая от женщины, приводила его в замешательство.

— Издеваешься?

— И не думала! — возмутилась Эли. —

— И что, втрескалась?

— Пока точно не знаю. Но возможно, что и...

— Ты с ума сошла!

— Да, я сошла с ума. Ты не первый, кто так думает, — она имела в виду себя саму, — и не последний, кто так скажет.

Артур был в шоке. Эли нравилось наблюдать за ним: растерянный, беспомощный взгляд так не вязался с его внешностью. В таком состоянии он выглядел особенно мило.

Объяснение давалось им обоим с трудом. Но если Эли надо было всего лишь искать верные слова, чтобы донести свои переживания и мысли, то Артуру приходилось намного труднее: ему не в чем было признаваться. Он не мог ответить ей той же искренностью, без опасения обидеть её в её чувствах. Но и обманывать её он не хотел. Он очень хотел быть с если и не до конца честным, то хотя бы не обманщиком. Тщательно подбирал он слова, долго обдумывал фразы. Эли утешала себя мыслью, что это — всего лишь либо его невинная игра, имеющая целью разжечь больше страсти, либо ложная стеснительность, вызванная неопытностью Артура в обсуждении подобных вопросов, которую она была готова великодушно простить ему.

И даже если предположить самое худшее: её признание не было отвергнуто, а сама она не была ни высмеяна, ни унижена. Артур

отнёсся к её словам с должным уважением, пониманием, поэтому она считала себя обязанной ответить той же монетой.

Общий гул на Базе постепенно утих, занятые в ночных операциях уехали, а вскоре и вся База погрузилась в сон. Постепенно затих и их разговор. Артур осторожно открыл клетку и внёс туда матрац, просторное одеяло и длинную подушку.

— На двоих должно хватить, — пояснил он. — Если что, скажу, что зашёл проверить. Ну, в общем, придумаю что-нибудь.

— Если успеешь быстро выскочить из постели, — сказала Эли.

— Слух у меня хороший, реакция тоже ничего.

Пистолет с глушителем он засунул под матрац со своей стороны. Обменявшись дежурными вопросами о том, удобно ли устроился каждый из них, они замолчали.

— Артур, — начала Эли. — У меня к тебе есть одно дело. Только ты не обижайся и выслушай меня спокойно.

— Хорошо.

— Обещаешь?

Он сделал небольшую паузу.

— Попробую.

И она решила:

— Давай сбежим отсюда.

Его словно ужалили.

— Что?

— Давай сбежим отсюда, — повторила Эли.

— Так вот зачем ты устроила весь этот театр! — Артур аж подскочил. — Да тебя же всё равно выпустят, не завтра, так послезавтра. Боссу наверняка нужна от вашей конторы какая-нибудь мелочь. Прдержит тебя здесь денёк-другой и отпустит на все четыре стороны. Иначе тебя тут давно затрахали бы до смерти, уж я-то знаю, как это здесь делается. И ты придумываешь весь этот маскарад только для того, чтобы поскорее попасть домой, в постель к любимому комиссару? Разве не так?

— Что ты такое несёшь? — возмущённая Эли даже не знала, как и реагировать на такие обвинения.

— Что я такое несу? Ха! А я уж, идиот, поверил, уши развесил. — Он тихо выругался, брезгливо прищурился и отвёл от Эли взгляд.

— Артур, ну погоди же! Я не прошу тебя устроить мне побег. Мы сбежим вместе, понимаешь?

— Вместе?! — Теперь и голос его приобрёл брезгливый оттенок.
— И куда мы вместе сбежим? Ты-то вернёшься к своему комиссару...

— Замолчи сейчас же, слышишь! Нет у меня никого! Прекрати!

— Ну, хорошо, ты вернёшься к себе. А ты подумала, что я после этого не проживу на свете и суток? Да меня просто прихлопнут, как таракана. Или ты сделаешь мне великое одолжение и спрячешь меня в тюрьме, откуда меня лет через десять выпустят по амнистии? Ха, да они меня и там через два дня найдут и прикончат, можно подумать, это проблема.

— Артур, ты всё неправильно понял.

— Да-да. Ты как политики. Они, когда ляпнут какую-нибудь дребедень, то сразу говорят, что их неправильно поняли. Не так интерпретировали, — последнее слово он выговорил по слогам. — Знаешь что? Я понимаю, что я — просто обычный кусок дерьма. Босс называет нас биомассой. Он сам об этом при всех говорил много раз. Наверное, я и есть биомасса. Что я наделал за это время, так и десяти лет в одиночке будет мало. И если ты принимаешь меня за часть этой биомассы, то не буду спорить. Но издеваться-то зачем?

— Артур, дорогой мой! — Она тоже приподнялась с постели и стала жарко покрывать его руки поцелуями. — У меня есть кое-какие деньги и возможности. Мы уедем вместе — далеко, очень далеко. Там тебя никто не достанет, да и искать тебя никто не будет, если босс будет знать, что тебя нет в городе. Клянусь — я брошу всё к чёрту, эту дурацкую работу. Думаешь, кто-то меня хватится? Да я сижу сейчас здесь, потому что Дон Боско прекрасно знает: до понедельника никто и ухом не поведёт. Нет меня — ну и нет, словно никогда и не было. Ты даже не представляешь себе, как я одинока. Чем мы отличаемся друг от друга? Только тем, что ловлю таких, как ты, и сажаю в тюрьму? Так это лишь театр. Сегодня мы играем одну роль, а завтра — другую. Мы можем выбрать другие роли, выбрать другую пьесу. Пожалуйста, подумай, прежде чем ответить!

Артур помолчал немного, после чего промолвил просто и сухо:

— Я тебе не верю.

Эли вновь начала убеждать его в искренности своих чувств и в честности своих намерений. Потихоньку ей это удалось. Руки, которыми она так любовалась несколько часов назад, нежно обняли её под водолазкой, заставив испытать томительную дрожь. Не переставая целовать его, Эли расстегнула свои джинсы и помогла ему сделать то же самое. Едва дождавшись, когда Артур сбросит футболку,

она впиалась в его грудь. Мускулистое, упругое тело, не знавшее ежедневного душа, издавало терпкий запах, который возбуждал Эли, кружил ей голову, уносил её далеко отсюда – туда, где были только они вдвоём. Артур оказался дилетантом, но Эли это скорее умиляло, чем раздражало. К своему удивлению, она даже испытала оргазм.

Потом они долго лежали в полном молчании. Артур был поражён тем, как развернувшиеся события перекликались с его размышлениями. Ответ на главный вопрос нашёлся сам собой: вот он, его путь, совсем рядом. Надо только сделать первый шаг. Новая жизнь, новые перспективы захватывали его воображение. Он почувствовал рефлекторную малую нужду и вспомнил, что унитаз находился прямо здесь, рядом. На обратном пути он поднял с пола футболку и натянул её на себя: он привык спать одетым. Эли повернулась на бок и как будто заснула после длинного, насыщенного столькими событиями дня. Артур осторожно лёг рядом.

Он не испытывал к Эли никаких чувств, но вполне мог представить себя рядом с ней. Она была красива, умна, энергична и достойна всяческого уважения. Они смогли бы начать жизнь сначала и создать достойную семью. Конечно, она в силу своего возраста будет настаивать на ребёнке, но и к этому он был готов. Что можно было бы ещё желать? Любви? А зачем? Любовь ведь только лишь помогает людям найти друг друга. А когда это происходит, она уступает место другим чувствам. Отец как-то признался ему, что их с матерью любовь – дело прошлое. Она сменилась привязанностью, а это больше, чем любовь, и намного прочнее. Артур вспомнил, как отец не находил себе места, когда не стало матери. Он бросился на её убийцу, как на меч. Он знал, что идёт на верную погибель, но жить без неё всё равно бы не смог. Его ожидала скорая смерть, потому что силы, желания жить у него больше не было. Они покинули его вместе с мамой.

Не разочарует ли он Эли? Ведь даже размышлять-то он стал только сегодня? Ответа на этот вопрос он не нашёл.

Да и Эли тоже не спала. Собственные слова, неожиданно вылетевшие у неё в пылу объяснений, удивили и испугали её. И страшны они были прежде всего своей жестокой правдой. Днём она вместо находившей в одиночестве своё удовлетворение амазонки увидела хоть и женщину, но всё же сильную, уверенную, целеустремлённую, готовую к новым победам. Сейчас же эта женщина вновь стояла перед ней, но совершенно другая – жалкая и совершенно одинокая. Все её прежние потуги внушить себе чувство счастливого благополучия в

один миг показались смешными и беспомощными. Теперь она, в бессилии и отчаянии, хватается за лежащего рядом с ней молодого парня, который годится ей если и не в сыновья, то в очень младшие братья. Из покорительницы мужских сердец она за какие-то полдня превратилась в нищенку и вымаливала внимание у заурядного бандита, о существовании которого она вчера даже и не подозревала.

Она так убедительно говорила, что любит его. Но что это на самом деле? Любовь, или желание просто иметь свой островок в жизни? Не обманывала ли она Артура, признаваясь в чувствах, в которых сама не до конца уверена? Да, сейчас она убеждена, что любит его. Но вчера она так же твёрдо была убеждена, что ей вообще чужда всякая любовь, что любовь — это атавизм человеческого бытия.

Одно она знала точно — Артура она не отдаст. Она не позволит убить его. Он не только имеет право на жизнь — он обязан жить, хотя бы потому что нужен ей.

Эти мысли долго не давали Эли заснуть.

Но был на базе и ещё один человек, который не спал в эту ночь, мучаясь над одним очень важным для себя вопросом.

Доктор Фаркаш, тот самый толстячок, которого Эли встретила по пути в камеру, грузно переворачивался в постели, пытаясь вспомнить, где же он видел эту девчонку?

То, что он раньше встречал её, не подлежало никакому сомнению. У него далеко не фотографическая память, и если уж он кого-то так хорошо запомнил, то на это должны были быть веские причины. По логике, видеть её он мог только в этом городе. Первый раз он был здесь год назад, по тем же делам: покупал у Дона Боско героин. Он без конца прокручивал в памяти ту поездку, но вспомнить ничего не мог. Совершенно выбившись из сил, он было захрапел, как вдруг проснулся, словно от ужасного видения.

Он вспомнил, где видел Эли.

В прошлый раз он пережил опасное приключение. Полученный товар он отправил с телохранителями на приготовленном Доном Боско для этого случая микроавтобусе, а сам отправился уладить кое-какие дела, не имевшие отношения к сделке, намереваясь отправиться обратно в одиночку. С собой он не вёз ни денег, ни товара, поэтому бояться ему было нечего.

И вот тут его задержали. Он был полностью уверен, что сделано это было по наводке. Либо за ним следили ещё по приезду, либо кто-нибудь донёс о его делах потом. К счастью, идея с микроавтобусом пришла Дону Боско в самый последний момент, поэтому кроме Дона Боско, его самого и его телохранителей об этом никто не знал. В полиции его продержали почти сутки и отпустили, так и не найдя ни товар, ни сопровождающих.

Доктор Фаркаш дал зарок больше никогда не появляться в этом городе. Уговоры Дона Боско не помогали, пока однажды, через год после того случая, он не позвонил и не предложил оптовую партию по крайне соблазнительной цене. Алчность взяла верх над осторожностью, и доктор Фаркаш приехал. Как выясняется – только для того, чтобы увидеть на Базе какую-то девчонку, а затем полночи вспоминать, где он её видел. Она заглянула к допрашивавшему его следователю буквально на минутку, но её внешность не могла не запечатлеться в памяти даже самого конченого импотента. Сначала доктор Фаркаш удивился, что и у копов бывают красивые жёны. Но по их разговору и последовавшему затем платоническому поцелую он понял, что речь идёт о брате и сестре.

Итак, в коридоре он видел сестру следователя отдела по борьбе с наркотиками, причём именно за наркотиками он сюда и приехал! Пусть её вели под охраной, но что за игру затеял Дон Боско? Или он тут не причём и даже не знает, с кем имеет дело?

От возбуждения доктор Фаркаш не мог больше спать. С трудом дождавшись скорого июньского рассвета, он поспешил к офису Дона Боско. Два охранника несли свою круглосуточную вахту, но хозяина пока не было.

Он появился в семь, хмурый и невыспавшийся. Увидев у двери доктора Фаркаша, недовольно поморщился:

- Насколько я помню, срок вашего ультиматума не истёк.
- Дон Боско, у меня срочные новости, потрясающие новости!
- Хорошие или плохие?
- Пока не знаю.

— Ну, заходите. Выкладывайте свои потрясающие новости, — он открыл дверь, предварительно поколдовав над кодовым замком.

Доктор Фаркаш проследовал за ним в кабинет, где сбивчиво изложил свою историю.

Дон Боско выслушал его совершенно спокойно, как сказку про Красную Шапочку, рассказанную в сотый раз.

— И это всё?

— А вам этого мало? И вас разве не заинтересовала моя информация? — Доктор Фаркаш опешил. Ему казалось, что его догадки должны были вызвать что-то вроде шока.

— Послушайте, доктор Фаркаш, — Дон Боско говорил тихо, размеренно и как будто снисходительно улыбаясь, — мне, конечно же, известно, кто был у меня в кабинете. Это — часть моего плана. Помните, я говорил вам, что не сию сложу руки?

— Помню, — растерянно пролепетал доктор Фаркаш.

— Так вот. Девчонку эту, сестру начальника того отдела, — да-да, он теперь не простой следователь, и даже не комиссар, — я взял в заложники. И если он не даст мне до завтра завершить свои дела, — он кивнул в сторону моря, — она отправится на корабль в качестве живого щита. Как видите, всё продумано и всё под контролем.

Доктор Фаркаш пялился на него выпученными глазками.

— Поэтому, дорогой коллега, отправляйтесь к себе и досматривайте сны. Как только товар будет на месте, я вам сообщу.

Доктор Фаркаш промямлил что-то непонятное и удалился. Как только за ним закрылась дверь, Дон Боско вызвал к себе Сэма и приказал немедленно привести к нему Эли.

Когда Эли проснулась, часы на руке показывали 6:59. Она не помнила, что заводи́ла будильник на семь часов, и несколько секунд ей понадобилось на то, чтобы прийти в себя. Часы показали 7:00, но никакого сигнала не последовало. Тогда она в одно мгновение поняла, что всё происшедшее было не сном. Солнце предвещало тёплый субботний денёк. Артур мирно посапывал рядом, но стоило Эли только шевельнуться, как он открыл глаза.

— Который час?

— Семь.

— Как, уже?!

— Не уже, а ещё.

Она нагнулась к нему, собираясь поцеловать. Но он, как кошка, вскочил на ноги.

— Мне бежать надо. Собери тут всё. Камеру закроешь, ключи брошишь на стол. Я скоро.

Вытащив из-под матраца пистолет, он чмокнул Эли в щёку и выпрыгнул в коридор.

Эли замела следы и вернулась в камеру. В ней закипала обида на невнимательность Артура. Вчера он был таким вежливым, можно

сказать, стеснительным, даже галантным. Но вот они выяснили отношения, даже переспали – и, вместо того чтобы оказывать ей больше внимания, он едва взглянул на неё. Прямо как в анекдотах. Что же будет потом?

У решётки с новой миской отходов в руке возник Сто восемнадцатый, казавшийся сегодня ещё отвратительнее.

— Вот и я, — объявил он. — Мадемуазель, как она помнит, обещала мне завтрак.

— Пошёл вон! — бросила Эли. — Охранник сейчас придёт.

— Пусть приходит. Я же не к нему, а к тебе.

Он поставил миску на стол и взял ключи, которые Эли положила туда несколько минут назад. Открыл клетку. Эли похолодела.

Сто восемнадцатый сиял от похоти. Эли выкрикнула несколько бесполезных ругательств и отступила вглубь камеры, готовясь к отражению атаки.

— Ну, иди же к папочке...

Это были последние слова, произнесённые Сто восемнадцатым за всю его бестолковую жизнь. Страшный удар сзади проломил арабу череп. Он остановился и с глухим стоном осел на пол. За ним показался сопровождаемый знакомыми Эли неграми Сэм.

— Вот ведь гнида. Не понимает по-хорошему. Сколько раз я его предупреждал! — Сэм разочарованно посмотрел на араба. — Тут уж ничего не поделаешь.

Один из негров наклонился над лежащим.

— Хороший араб – мёртвый араб, но этот араб – плохой, — констатировал он.

— Он жив? — Брови Сэма поднялись. — Ну так и прекрасно! Выбросьте его на улицу. Пусть лучше сдохнет в больнице, хоть похоронят его по-христиански. — Сэм зло ухмыльнулся и, обращаясь к Эли, кивнул на стол Артура. — А где этот ублюдок?

— Его нет, — спокойно сказала Эли. — Он, — она показала на араба, — пришёл и сказал, что ты приказал сменить его. Этот остался, а тот ушёл. Куда – он мне не доложил. А этот открыл камеру и вошёл. Остальное ты видел.

Она вралла так бессовестно, что Сэму ничего не оставалось, как поверить в её рассказ.

— Вот же выродки, — посетовал он. — Но я тут по другому делу. Босс хочет тебя видеть.

— Прямо сейчас? — удивилась Эли. — В это время? Что же он, бедный, ждал до утра? Зашёл бы ночью, поговорили бы по душам.

— Когда и кого он хочет видеть, он решает сам, — сообщил Сэм и сделал неграм знак. Они всё тем же способом схватили её за руки своими клешнями и вывели в коридор.

Теперь, когда Эли снова вошла в кабинет Дона Боско, тот расхаживал взад и вперёд. Увидев её, он приказал Сэму выйти. Затем он усадил её в то же самое кресло, что и в прошлый раз, а сам остался стоять рядом.

— Итак, красавица, вы так и не вспомнили цель вашего визита?

Эли ничего не ответила.

— Ну, и ладно. Зато я теперь нашёл вам задание.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Короче, — его карие глаза в упор смотрели на Эли, — ваш дорогой братец держит в море мой товар, который я купил и оплатил. Товар принадлежит мне, получить его я должен во что бы то ни стало. Любой ценой, слышите?

Эли продолжала молчать.

— По милости вашего любимого сородича у меня крупные неприятности, горят контракты, сделки. Я могу потерпеть гигантские убытки, суммы которых превышают годовую зарплату всех копов из вашего долбаного управления, вы понимаете?

Эли подняла брови.

— Так вот, у вас есть шанс спасти ситуацию.

— Вашу ситуацию, — уточнила Эли.

— И вашу тоже, как вы вскоре увидите. Я сейчас же сообщу Марку, что вы у меня в гостях. Пока в гостях. У него есть ровно сутки, чтобы пропустить корабль. Детали мы можем обсудить, я готов на уступки, чтобы полиция могла сохранить лицо.

— Что за корабль?

— Увидите.

— Так Марку и передать, что он его потом увидит?

— Это яхта, — пояснил Дон Боско. — Называется «Арабелла».

— А вы романтик, — заметила Эли.

— Это не моя яхта.

— Конечно. Вы же не пират, и корабля у вас нет. А что за товар?

— А вот это вас уже не касается, — отрезал мафиозо.

— Что же там должно быть такое, без чего у вас будут крупные, — на последнем слове Эли сделала особое ударение, — очень

крупные неприятности? Настолько крупные, что вы готовы поставить на кон всё и опуститься до банального вымогательства? Или дела у вас настолько плохи, что...

— Вы брату звонить будете? — нервно одёрнул её Дон Боско.

— Нет. Яхта нужна вам, а не мне. Вы и звоните.

— Учтите, если ваш брат откажется выполнить мою скромную просьбу, то мы с вами выйдем в море, чтобы вы могли своим присутствием на борту того корабля обеспечивать его беспрепятственное следование. А братцу останется только догадываться, что будет с вами, если он вздумает продолжать свою игру.

— Дон Боско, — она впервые назвала его по имени, — вы же понимаете, что это глупо. Ну что за беспрепятственное следование? Вы же умный человек. Научитесь же проигрывать.

— Проигрывать?! — взревел тот. — Рано же вы объявили меня проигравшим. Пока и ваша партия не особенно-то выигрышная. У вас нет никакого выбора.

— Можно подумать, у вас он есть, — пожала плечами Эли.

— Есть.

— Это вы своим бандерлогам можете плести что угодно. Признайтесь: вы загнаны в угол. Ну, признайтесь же.

— Можно подумать, вы в лучшем положении.

— В лучшем. И вы это знаете.

— Допустим. Теперь будем играть в уголки, знаете такую игру?

— Послушайте, — спокойно сказала Эли, — мне много раз приходилось брать преступников, в том числе и с поличным. Представьте себе, за городом, в чистом поле накрываем какую-нибудь лабораторию. А один из тамошней оравы вдруг прыгает в окно и бежит. Кругом поля, он как на ладони. Территория оцеплена, шансов — ноль. А он бежит. Когда таких ловили, а их ловят всегда, я просила объяснить, что означала эта пробежка. И никто, представляете, никто не смог мне внятно ответить. Похоже, они сами не знают, зачем и куда бегут. Понимают, что это бессмысленно, а всё равно бегут. От отчаяния. Вот только зачем это вам, — она сделала ударение на последнем слове, — вот чего я никак не пойму. Не могу представить вас удирающего через поле под шум вертолётов. К чему такие выходы?

— Да бросьте вы свои нравоучения. Тошнит от них уже, честное слово. Я предлагаю вам сделку. Честную сделку. Игру по правилам. На прямой вопрос — прямой ответ.

— Хорошо, сыграем в уголки. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Вот и славненько, — Дон Боско принял свой обычный спокойный вид. — Брата вашего мы проинформируем. Я надеюсь, что нам не придётся отправляться в морскую прогулку, хотя, надо сказать, при иных обстоятельствах...

— Не надо, — прервала его Эли.

Дон Боско хмыкнул.

Сэм стоял перед боссом.

— Послушай-ка, Сэм, — начал тот, — тебе жалко было бы потерять товар на десять миллионов евро?

— Ну, вы скажете тоже, босс. Конечно, жалко.

Сэм пока не мог понять, что имеет в виду шеф. Уж больно изда- лека тот начал.

— Я вот, что подумал, Сэм, — медленно произнёс Дон Боско, — наш друг и коллега, доктор Фаркаш, как он тебе?

— Дурак и паникёр в одном флаконе, — вынес своё резюме Сэм. — Хуже не бывает.

— Да, Сэм, у меня тоже сложилось такое впечатление. Как гово- рится, лучше с умным потерять, чем с дураком найти.

— А если с дураком потерять?

Дон Боско внимательно посмотрел на Сэма. Да, доверять ему, по- жалуй, можно.

— Я как раз об этом. Давай представим себе следующую ситуа- цию. Товар пришёл, доктор Фаркаш рассчитался с нами...

— Из того чемоданчика? — осторожно переспросил Сэм.

— Да, из того чемоданчика. И вот, рассчитался он с нами, получил товар, и уехал. Ты понимаешь меня?

— Конечно, босс. Я весь внимание.

— Но мы же знаем доктора Фаркаша. Он глуп, вспыльчив по пу- стякам, скор на дурацкие решения, и, — Дон Боско сделал паузу, под- няв указательный палец, — страшный паникёр. Вести себя совер- шенно не умеет. Обязательно попадётся на какой-нибудь мелочи. Либо полиции, либо Аладдину, как только переедет мост.

— Аламетдину, — поправил Сэм. Это был их бывший конкурент, с которым они давно жили в мире, поделив территории.

— Я их имён не запоминаю. Да это и не так важно. Ладно, если он попадётся этому Ала... ну, этому. Жаль будет товара, но пережить

можно. А представь себе, что он попадётся полиции. И не нашей, местной, а чужой, которая не станет замалчивать дело? Наша полиция не сможет отмолчаться и начнёт распутывать клубок. Представляешь, что будет?

— И товар потеряем...

— Это само собой.

— и деньги...

— Вот и я о том же. Доктор Фаркаш неадекватен. Он опасен.

— Но вы, как я помню, имели с ним дело в прошлом?

— Только один раз, и ты видишь, что из этого вышло.

— И что же нам теперь делать?

Дон Боско ждал этого вопроса.

— Что делать, спрашиваешь? А надо просто поразмыслить по-другому. Смотри: он покупает товар, расплачивается и исчезает. В полиции, или у этого долбаного араба, но исчезает. В результате мы получаем деньги, а они – товар, с которым поступают, как им заблагорассудится. Аладдин его продаст, копы – уничтожат. Правильно?

— Правильно.

— А теперь представь себе, что товар каким-то чудом остаётся цел и попадает к нам.

— Как это?

— Это только теоретически, представил?

— Представил.

— И что?

— У нас будут неприятности, но останутся и деньги, и товар.

— Ага. А теперь отбросим ненужные элементы. Зачем вся эта морока с разгрузкой, передачей товара, оплатой, проверками на подлинность и качество? Зачем Аладдин, зачем побоище? Товар был у нас до операции, будет и после. Что тут лишнее?

Сэм немного подумал.

— Доктор Фаркаш, — догадался он.

— Совершенно верно. Деньги он нам принёс, товар он, даже если и получит, то потом всё равно потеряет, только полицию на нас натравит. А так – всё в ажуре и никакого риска

— Босс, с каких это пор вы стали убивать своих клиентов? — осторожно поинтересовался Сэм.

— Он мне больше не клиент. — Дон Боско улыбнулся.

— А телохранители?

— А телохранителей, Сэм, — Дон Боско вздохнул, — ты возьмёшь на себя. — Как и самого доктора Фаркаша.

Сэм присвистнул.

— А что тут такого? — удивился Дон Боско. Довольно заурядное дело. У тебя таких были сотни. Чемоданчик принесёшь мне, доктора Фаркаша и его горилл приносить мне не надо.

— Сроки?

— Завтра вечером деньги должны быть у меня вот здесь, — он положил ладонь на стол перед собой. Вопросы будут?

— Команду я наберу сам?

— Как обычно.

— Замечательно! Всё, свободен.

Сэм попрощался и вышел. Через некоторое время в кабинет Дона Боско поступали.

— Входи! — позвал он.

Дверь открылась и на пороге проявился Семьдесят второй, смуглый парень неопределённого происхождения

— Вызывали, босс?

Новым охранником Эли оказался не то пакистанец, не то индеец. Для неё все они были на одно лицо. Он, как и положено, не обращал на неё никакого внимания, будучи поглощён врубленным на всю катушку телевизором. Обливаясь колой и хохоча во всю глотку, отпуская по поводу увиденного на экране идиотские возгласы, которые в его представлении были, вероятно, шутками, он ужасно раздражал Эли. Громкий звук мешал ей сосредоточиться. Она неоднократно пыталась призвать его хоть к какому-то порядку, но как бы она ни кричала, голос её тонул в рёве, издаваемым одновременно телевизором и охранником. Сначала она думала о бедном Артуре, проводившего долгие дни, месяцы и годы среди такого быдла. Вскоре у неё не на шутку разболелась голова и, если она и думала об Артуре, то только со злостью и досадой, будто он был повинен в её страданиях.

Прошло несколько томительных часов, и Эли приготовилась к смерти от разрыва мозга и барабанных перепонок, как вдруг — она не поверила своим глазам — Артур и вправду появился в комнате. Он подошёл к охраннику, взял у него пульт и выключил звук. В ушах Эли зазвенело от наступившей тишины.

— Смена караула, — пояснил Артур пакистанцу.

Тот поднялся из-за стола. Они обменялись короткими приветствиями. Пакистанец рассказал Артуру какой-то анекдот, а тот в ответ громко расхохотался, делая вид, что отдаёт должное чувству юмора коллеги. Но как только он ушёл, Артур подлетел к клетке.

— Ты где был? — возмутилась Эли. — Тебя только за смертью посылать. У меня чуть голова не лопнула!

Она сделала обиженный вид и отвернулась

— Ты так говоришь, как будто единственная моя обязанность — караулить тебя. С каких это пор?

— У меня, между прочим, потрясающие новости! — сдалась Эли. Она призналась себе в неправомерности своего требования и не хотела начинать ссору. — Знаешь, что я раскопала сегодня утром?

— У меня тоже есть потрясающие новости, — возразил Артур. — Насчёт нашего плана.

Эли решила уступить ему пальму первенства.

Артур, как оказалось, не терял времени даром. В самом дальнем углу высокой и толстой кирпичной стены, давно ставшей фирменным знаком Базы, находилась небольшая будка, в давние времена служившая дополнительной проходной. Снаружи на её двери не было ни замочной скважины, ни ручки, ни чего-либо, за что можно было бы зацепиться. Но дверь была не забита наглухо, а закрыта на замок. Попасть в будку можно было со стороны двора, через вторую дверь, также запёртую на замок. Таким образом, они смогли бы проникнуть сначала в будку, а затем, открыв изнутри наружную дверь — на улицу. Естественно, что предосторожности были приняты, прежде всего, против пришельцев извне. То, что кто-то из своих станет тайно пробираться наружу в то время, как он мог бы сделать это совершенно открыто через главные ворота, представлялось невероятным. А чужие на Базе, за редкими исключениями, вроде Эли, не водились.

Он потратил массу времени и усилий, чтобы, подвергая себя опасности разоблачения, раздобыть связку ключей, среди которых должны были находиться и те, что открывали будку. Артур с гордостью показал связку Эли.

План был хорош, но содержал как минимум два трудных момента. Во-первых, Артур не был уверен, что будка не подключена к сигнализации. Было бы странно, если бы Дон Боско оставил в охране Базы такое слабое место. Хотя слабым было оно только для проникновения изнутри на улицу, что казалось маловероятным и бессмысленным.

Во-вторых, подойти к будке можно было только пройдя через двор. Днём сделать это незаметно нельзя, но что касалось ночи, то Артур, по его заверениям, уже принял меры.

Теперь пришла очередь Эли.

— Дон Боско – банкрот, — выпалила она.

Артур непонимающе уставился на неё.

— С чего ты взяла?

— А вот с чего...

Она рассказала о своём утреннем разговоре, о планах его босса, согласно которым она теперь не пленница, а самая настоящая заложница, о том, как именно она пришла к такому выводу.

— Мы должны бежать сегодня, — твёрдо произнёс Артур. — Сегодня ночью. Или никогда.

— Да, — подтвердила Эли. — Скоро тут такое начнётся...

Они снова обсудили детали побега и принялись мечтать о будущей жизни, о временах, когда всё будет позади.

Как медленно ни тянулся долгий летний день, вечер брал своё. Приказание Дона Боско заботиться о Эли на этот раз было выполнено в точности. Один из бойцов принёс сначала царский обед, а затем – не менее царский ужин, так что не только Эли, но и Артур смогли наесться до отвала.

Они едва дождались, когда База забылась в крепком сне. Осторожно прокравшись на улицу известными Артуру безопасными тропами, они очутились под небольшим навесом бокового входа. Двор казался вымершим, но, как пояснил Артур, впечатление это было обманчиво. Не только наряд солдат, но и многочисленные датчики охраняли территорию. За солдат он не ручался, но вот датчики, зажигающие свет по приближению человека, он сегодня днём отключил на всём их предполагаемом пути до будки. И, хотя пробираться предстояло под низким козырьком-навесом, опоясывающим весь фасад, Артур был спокоен: несколько лампочек, которые висели на стене могли отбрасывать тени от беглецов наружу, он вывернул заранее. Фонари, развешенные по краям навеса, горели по-прежнему, но они были относительно безопасны, так как располагались между Эли и Артуром с одной стороны, и вахтенными – с другой. Кроме того, стройная цепочка этих фонарей должна была создавать иллюзию, что с освещением всё в полном порядке.

Осторожно, обмениваясь между собой только знаками, проскользнули они вдоль стены, миновали опасные места, пока не очутились

у заветной будки. Нашупать в темноте замочную скважину оказалось не таким простым делом. Открыть замок заранее Артур не мог, так как его появление у никому не нужного строения среди бела дня привлекло бы внимание. Он перебрал три ключа, прежде чем четвёртый, наконец-то, вошёл в замок. Дверь открылась туго и только на четверть, но без единого скрипа. Закрывать её на замок они не стали, а только плотно прикрыли за собой.

Со второй дверью пришлось повозиться. Хотя один ключ из связки сразу подошёл и даже немного повернулся в замке, вскоре он застрял, и Артуру пришлось не на шутку попыхтеть. Лишь через четверть часа замок решил освободить их из заточения.

Оказавшись снаружи, Артур вдруг вспомнил, что оставил связку ключей висеть в замке. Но дверь, подгоняемая невидимыми пружинами, быстро захлопнулась, издав характерный щелчок.

— Вот и всё, — выдохнула Эли.

— Но я забыл там ключи!

— Ну и что? Зачем они нам теперь? Смотри, как дверь закрылась — прямо как было.

— А ты знаешь, как было?

— Да ладно тебе, перестань ворчать. Мы на свободе, слышишь!

Они слились в жарком поцелуе. Словно одержимая дурным предчувствием, Эли не могла оторваться от губ любимого человека. Но надышаться или напиться на всю жизнь невозможно. Нельзя было и долго стоять на самом виду.

Улица, на которой они находились, представляла собой тупик, и выход отсюда был только один. Через сотню метров непрерывной кирпичной стены располагались ворота Базы, мимо которых им нужно было пройти.

Беглецы осторожно двинулись вперёд, миновали ворота, но тут из казавшегося им спасительного поворота показался свет автомобильных фар. Эли заметила экскаватор, примостившийся неподалёку.

— Сюда, скорей! — только и успела шепнуть она.

Артур промедлил с бегством какую-то секунду, но эта секунда оказалась для него роковой — его заметили.

Сэм вышел из машины.

— Тридцать седьмой? — Он был не на шутку удивлён? — А ты-то что здесь делаешь? Нас встречаешь? А где тогда красный ковёр? Я не вижу. — Он оглянулся, словно и вправду намеревался обнаружить рядом красную дорожку.

— Сэм, — начал было Артур, но тот перебил его.

— Какого хрена ты тут шляешься? Тебе что было сказано? Охранять заложницу? Прекрасно! И это ты её так охраняешь? Выгуливаешь её на ночь? Где она? Бегает с задраннным хвостиком, стенки и столбики метит? Срёт за трактором? — Он показал на экскаватор, где притаилась оцепеневшая Эли. — Отвечай, когда тебя спрашивают!

Он выхватил из-за пояса пистолет и наотмашь ударил Артура в лицо. Тот пошатнулся, но остался стоять на ногах.

— Сэм, она сидит там, в камере. Где же ей быть?

— Да?!

— Конечно.

— Вот и пойдём, посмотрим, как она там себя чувствует.

Артур старался не допустить у бандитов даже тени подозрения, что Эли была где-то рядом. Главное – дать ей уйти. Это было сейчас его целью.

Вскоре ворота отворились, и Артур с Сэмом исчезли в темноте.

Эли, придя в себя после потери, столь же внезапной, сколь и бессмысленной, бросилась наутёк. В её голове стучала только одна мысль: надо разыскать Марка. Больше помочь ей было некому.

Брата она застала именно там, где и предполагала его увидеть: в управлении. Он прорабатывал со спецназовцами детали предстоящей операции по освобождению Эли. Дон Боско зашёл слишком далеко. Он мог шалить, играть в войнушку, приторговывать всякой всячиной. Но втягивать в свои дела Эли, да ещё и в качестве заложницы, он не имел права. Его поступок не вписывался ни в какие рамки, нарушая почти все пункты негласного договора. Полицейское начальство было взбешено: идя напролом, Дон Боско своей невиданной наглостью вынуждал полицию на ответные действия. То, что происходило теперь вокруг Базы, да и вообще в городе, замести под ковёр не мог ни один даже самый коррумпированный полицейский чин. Естественно, что никаких ультиматумов в полиции не приняли.

Совещание застыло от изумления, когда присутствующие увидели на пороге Эли, пусть растрёпанную и растерянную, но всё же живую и невредимую.

Марк первым пришёл в себя. Он бросился к сестре и обнял её. Эли дала волю слезам. Лишь успокоившись, она рассказала всё с самого

начала: как попала в плен, что видела и слышала на Базе, об Артуре, о своих догадках о финансовом положении империи Дона Боско.

Заключение было однозначным: базу брать под свой контроль немедленно, не дав вольнице разгуляться. Орду бесчинствующих в городе уголовников было страшно даже представить.

Когда Эли завершила свой рассказ, совещание продолжилось, только его повестка теперь изменилась. Эли объявили благодарность за её подвиг и сообщили, что она может ехать домой отдыхать. Дальше за дело брались профессионалы.

Но о том, чтобы спокойно ехать домой, не могло быть и речи. Артуру грозила смертельная опасность, и каждая минута могла стать для него последней. Если с ним не успеют расправиться свои, он может погибнуть при штурме.

Она попросила Марка выйти с ней в коридор.

— Марк, — она взяла его за руку. — У меня к тебе большая просьба. Ты знаешь, я редко когда о чём-нибудь прошу, только если о чём-то очень важном.

— И что же это за просьба?

— Ты знаешь, как мне удалось бежать. Если бы не Артур, я до сих пор сидела бы в той клетке, и кто знает, как бы для меня закончилась ваша операция.

— Ну, хорошо, ты смогла уговорить его помочь тебе. Разработала его, залечила по самую крышу, он помог тебе, а сам попался. И что?

— Марк, — она запнулась. — Спаси его! Я прошу тебя, пожалуйста! Очень-очень прошу.

— Что? — Лицо брата приняло брезгливое выражение. — Ты понимаешь, что говоришь?

— Я всё прекрасно понимаю. Но случай тут особенный.

— Какой такой особенный? — Марк невольно повысил голос, но огляделся по сторонам и снова заговорил тише: — Какой такой особенный? Ты знаешь, какая нам предстоит операция по масштабам и сложности? Это будет грандиозное действо! Рота спецназа, автоматчики, поддержка с воздуха. Никому нельзя дать уйти...

— Вот именно, что никому. Лучше пристрелить, да?

— Не нам это решать. Есть правила подобных операций, законы жанра, если хочешь. Мы не можем указывать профессионалам, как им работать. Сама должна понимать.

— Я знаю. Но случай-то особенный. Артур спас мне жизнь.

— Ой, только не надо громких слов, пожалуйста. Какой-то бандит жизнь спас. Конечно, ты много пережила, врагу не пожелаешь, но...

— Прекрати! Артур – не какой-то! Благодаря ему там, — она показала на дверь, где шло совещание, — обсуждается теперь не вопрос о спасении рядового Райана, а об осушении вонючего болота навсегда. И именно благодаря ему вы опережаете на шаг этого сумасшедшего мафиозо. Да, фирма всё равно бы лопнула. Но лопнула бы неожиданно для всех. Весь город взлетел бы на воздух. Я там была и всё видела. И если вы сможете предотвратить катастрофу, то только потому, что Артур рисковал своей жизнью.

— Но только не ради всеобщего блага, — возразил Марк. — Представляю, что ты ему там наплела.

— Какой же ты... — в сердцах бросила Эли. — Ты всю жизнь отмахиваешься от меня. Тебе стыдно, что я твоя сестра.

— О, вот и начались оргвыводы. Хоть бы что-то новенькое придумала, каждый раз одно и то же. — Марк сделал скучную физиономию, вздохнул и посмотрел в потолок.

— Ты никогда меня не понимал, — продолжала Эли, словно не замечая сентенции Марка, — потому что не хотел понимать. И правильно, зачем тебе это? Ты никогда не слушал меня, словно я какая-нибудь кошка или собака. А я живой человек, который тоже способен переживать, чувствовать и любить!

Последнюю фразу она произнесла, сорвавшись на крик.

— Ты? Любить? — выдавил Марк.

— Да, я люблю его! Ты можешь смеяться надо мной, объявлять сумасшедшей, но это так. Я люблю его. И я обязана его спасти. Если ты отказываешься мне помогать, я буду действовать сама.

— А ты и есть сумасшедшая! Влюблённая Эли – это как круглый воздух или глубокая гора.

— Всё, я ухожу. Если у бандитов ампутруют мозги, то в полиции, видимо, ампутуют сердце. А по идее – все вы уроды. И если бы не Артур, я тоже оставалась бы такой же уродкой. До встречи на Базе! — И она быстро зашагала по коридору.

— Постой, — крикнул Марк ей вслед, — да остановись же, ну! А ты не подумала, что его, наверное, и в живых-то нет? За такое там благодарности не объявляют, а суды у них быстрые, ни адвокатов тебе, ни прокурора, ни присяжных. Судья и палач, причём часто – в одном лице. Вот и всё правосудие.

Вот это был конкретный разговор! Эли остановилась.

— Да пойми же, пока существует хоть капелька надежды, я должна действовать. Если я на самом деле не сделаю всё, что от меня хоть как-то зависит, то я потом никогда себе этого не прощу. Не смогу жить с таким грузом! — Она умоляюще смотрела на брата вспалёнными от слёз, усталости и бессонницы глазами.

— Хорошо, только как ты это себе практически представляешь? Я зайду сейчас на совещание и скажу, дескать, господа, делайте, что хотите, но вот чтобы с головы такого-то бандита даже волос не упал. Если я так скажу, то в психушке окажемся мы вдвоём.

— Ну, пожалуйста, ты же такой умный. Начальником отдела тебя назначили. Не может быть, что у тебя нет идей.

Марк заверил сестру, что обязательно что-нибудь придумает, и взял с неё обещание вздремнуть хотя бы часок. Штурм до утра всё равно не начнётся, а потом видно будет.

Дон Боско бушевал от ярости. Кроме Артура, в его просторном кабинете собрались все командиры и несколько рядовых бойцов. Мафиозо извергал страшные проклятия. Артур молча стоял посреди кабинета. Ни Дон Боско, ни Сэм, ни все остальные его не интересовали.

Позавчера он размышлял о своей жизни, о своём пути на этом свете и о месте, которое было с самого начала предназначено для него. Всего несколько часов назад он строил с Эли захватывающие дух планы. И вот, всё решилось само собой. Место оказалось знакомым гидравлическим прессом, а путь — дорогой во двор. Артур предполагал, что его тропинка бежит совсем рядом, но не думал, что она окажется такой близкой и такой короткой.

Он верил в случайности, но то, что произошло с ним в эти дни, явно выпадало из этой категории. Ведь провозись он с замком на минуту дольше или меньше, он был бы сейчас вместе с Эли на свободе, а не стоял бы здесь, ожидая конца спектакля.

И тут его сознание молнией прорезала догадка: а что, если его задача и состояла в поиске своей дороги? Что если дорога, её поиск — всё это и было целью, и даже не самого поиска, а одного лишь намерения начать его оказалось достаточно? Ему нужно было всего лишь задуматься о своей задаче, и она оказалась выполненной. А раз так, то и делать ему здесь больше нечего. Не зря ведь тот дурацкий замок так долго не подавался. Выпусти он их на несколько минут раньше...

Такое объяснение казалось правдоподобным. Мысли больше не роились беспорядочно в голове, а мирно лежали на своих местах.

Артур настолько часто видел смерть, что относился к ней довольно равнодушно. Поступая на службу, он знал, что его ждёт. Но теперь, перед смертью, он был рад, что смог ответить на очень важный вопрос, не унося в небытие неразрешённых проблем.

А Дон Боско продолжал безумствовать.

— Я одного не понимаю, — ревел он. — Ну, допустим, этот ублюдок и полицейская сучка сговорились. Ну, допустим, они решили вместе сбежать. Но ведь как-то они сумели выбраться незамеченными! Как, скажет это кто-нибудь или нет?

В перерывах между фразами Дона Боско в кабинете звенела мёртвая тишина. Про будку в углу двора никто не вспомнил.

— И я утверждаю, — продолжал Дон Боско, — что пройти через ворота в любую сторону – а это единственный вход и выход на территорию – и остаться незамеченным нельзя. Или я не прав?

Гробовое молчание прозвучало, как подтверждение его слов.

— Прав, — ответил он на свой же вопрос. — И что у нас получается? А получается у нас то, что у этой скотины, — он кивнул на Артура, — были сообщники.

Толпа тихо загудела.

— А что, не так?

Начальник дежуривших в эту ночь солдат попытался, было, объяснить ситуацию и сказать что-то в своё оправдание, как Дон Боско окончательно впал в истерику.

— Ублюдки, уроды! Неблагодарные твари! Я вытащил вас из дерьма, одел вас, накормил. Денег вам даю, работу. А вы не то, что не цените мою доброту – вы заговоры против меня плетёте!

В этот момент в кабинет на свою беду вошёл доктор Фаркаш и, растолкав присутствующих, приблизился к Дону Боско. Никогда до того он не был так некстати, как сейчас.

— Кто пустил сюда этого болвана? — прогремел босс. — Вышвырните его отсюда! Немедленно!

Ошалевшего доктора Фаркаша, так и не успевшего произнести ни слова, поспешно вывели из кабинета.

— Сэм, — рявкнул босс, — я тебе, кажется, что-то приказывал.

— Так точно, босс — отозвался Сэм.

— Ну и какого чёрта ты ещё здесь?

Сэм пробрался к двери и вышел. За ним потянулись Двадцатый и Семьдесят второй.

Дон Боско хотел продолжать свои назидания, как вдруг замер на месте. Он всё понял.

Во-первых, Тридцать седьмой и был тем самым полицейским осведомителем. Но он был не один, а с сообщниками, которые помогли ему и этой треклятой девчонке бежать. И все свои делишки они проворачивали у него под самым носом. Сколько тут ещё полицейских шпионов? Два, три, десять? Совершенно очевидно, что каждое его слово становится известным полиции. Скорее всего, весь его кабинет напичкан жучками. Да и квартира тоже, там бандерлоги тоже бывали. Доверять больше никому нельзя.

Во-вторых, дело его окончательно и бесповоротно проиграно. Это был конец. Дон Боско видел сейчас собственными глазами закат своего предприятия.

В-третьих, ему самому надо исчезнуть, прямо сейчас. Конечно, он мог дожждаться Сэма с портфелем доктора Фаркаша, но ведь кто его знает? Доверия больше не было ни к кому. И если у доктора Фаркаша алчность брала верх над разумом, то расстановка сил внутри Дона Боско была прямо противоположной. Шестое чувство убеждало его, что у него нет и часа. А это чувство, хоть и просыпалось в последнее время крайне редко, не обмануло его ни разу.

Поэтому, ко всеобщему удивлению, он внезапно прекратил свои тирады и молчал примерно минуту, в течение которой в кабинете царила гробовая тишина. Бандиты боялись даже дышать.

— Так, — наконец-то заговорил Дон Боско. — Я, — он обвёл взглядом присутствующих, — отправлюсь сейчас решать вопрос жизни и смерти. Спасать ваши ничтожные шкуры. Когда-нибудь вы оцените то, что я для вас сделал, и будете проклинать собственную неблагодарность. Всё, свободны.

Он направился к выходу, но на пороге его настиг вопрос кого-то из командиров:

— А этого куда? — имелся в виду, конечно же, Артур.

Дон Боско лишь брезгливо поморщился, хмыкнул, демонстративно отвёл взгляд и вышел из кабинета.

Смертный приговор Артуру был его последним приказанием. Через несколько минут «Роллс-Ройс» Дона Боско, подняв облачко пыли, выехал с территории базы и, шурша шинами, быстро скрылся в неизвестности.

Доктор Фаркаш был вне себя.

— Всё, довольно! С меня хватит! Мы немедленно едем домой. Сейчас же! Ни минуты не останусь больше в этом серпентарии. Куда угодно, лишь бы только отсюда!

Он семенил по пустынному, полутёмному коридору, смешно выпячивая с каждым шагом то левый, то правый бок. Угрюмые гориллы покорно плелись за ним. Их шаги были намного длиннее, поэтому им приходилось переставлять ноги медленнее, чтобы не оказаться впереди своего шефа.

— Ноги моей, духу моего больше здесь не будет. Никогда! — выкрикнул доктор Фаркаш в пустоту. — Да я скорее сдохну...

В этот момент из-за квадратной колонны-сваи, которую безымянный архитектор воткнул посреди коридора с одной только ему известной целью, вышел Сэм.

— Доктор Фаркаш, — обратился он к нему умилённым голосом, словно разговаривал с трёхлетним ребёнком, — вы даже не представляете себе, как вы сейчас были правы. Совершенно правы. Насчёт «сдохну» и вообще...

Доктор Фаркаш и его телохранители остановились.

— Вы так считаете, Сэм? Вы тоже на моей стороне?

— Разумеется, — ответил Сэмё. — Вы совершенно правы, делать вам здесь больше нечего.

— Вы же видите, дорогой Сэм, — затараторил доктор Фаркаш, — при всём моём уважении к Дону Боско, к его авторитету и талантам, с ним совершенно невозможно иметь дело. Вы только что были свидетелем его безобразной выходки. Разве это может так дальше продолжаться? Можно ли дальше вести с ним дела?

— Нельзя, — согласился Сэм.

— Я очень, очень рад, Сэм, что вы понимаете меня.

— Ещё как понимаю, доктор Фаркаш. Ещё как понимаю. И не только понимаю, но и готов помочь вам.

Доктор Фаркаш округлил в удивлении свои глазёнки.

— И помочь не только словом, но и делом.

Тут только доктор Фаркаш заметил, что Сэм смотрит куда-то поверх его головы. Он обернулся, охранники тоже.

За ними стояли Двадцатый и Семьдесят второй. Не давая никому опомниться, они расстреляли гостей из пистолетов с насаженными на дула глушителями. Так как выстрелы были почти не слышны, сцена напоминала пантомиму в театре, где артисты, извиваясь, медленно ложились на пол. Но, в отличие от театра, это фантазмагорическое действо уложилось в несколько секунд.

Сэм нагнулся над телохранителем, к руке которого был наручником пристёгнут чемоданчик.

— Тээкс, — протянул он. — Где-то здесь должен быть ключ.

Он начал обыскивать карманы. Бандиты нетерпеливо сопели рядом, наблюдая за ним.

— Отрежь ему руку, — посоветовал Семьдесят второй.

— Гений! — похвалил его Сэм. — И чем?

— Тогда посмотри у этого, второго.

Сэм вздохнул и последовал его совету.

Не без труда он перевернул гориллу на спину. Вскоре ключ нашёлся. Сэм отстегнул наручники.

— Короче, парни. В этом портфеле десять миллионов в разных валютах. Я предлагаю вам по два миллиона на каждого, мы смываемся и друг друга больше не знаем.

Бандиты переглянулись.

— Сэм, это не наши деньги, — сухо сказал Семьдесят второй.

— Я знаю. Но время сейчас беспокойное. Что такое десять миллионов. Для него это всего лишь мелочь на пиво. Для нас же это целое состояние. Всю жизнь будем тратить и не растратим.

Парни угрюмо молчали.

— Да ладно, будет вам строить из себя отличников. Вы столько денег для него заработали, что пора подумать немного и о себе.

Оба продолжали молчать.

— Хорошо, — сказал Сэм. — Предлагаю всё по-честному. Мы делим эти деньги поровну на троих. Каждому достанутся равные доли. Отказаться от такого предложения вы не можете, такое не упускают. Ну что, согласны?

— Нет, — ответил Семьдесят второй. — Четыре на три не делится.

С этими словами он поднял пистолет и выпустил в Сэма две пули. Сэм недоверчиво посмотрел туда, где пули вошли в него, и упал. Двадцатый удивлённо посмотрел на сослуживца. Как бы отвечая на его немой вопрос, Семьдесят второй выпустил в него остаток патронов. Тот прохрипел что-то невнятное и свалился ему под ноги.

Переступив через неожиданно выросшее препятствие, Семьдесят второй спокойно подошёл к лежащему на полу Сэму, взял портфель и неторопливо двинулся по коридору в сторону, где располагался кабинет Дона Боско.

Но далеко уйти ему не удалось. Доктор Фаркаш не был мёртв. От страха он потерял сознание и свалился на пол за мгновение до выстрелов, получив лишь пару невинных царапин. Семьдесят второй грубым образом нарушил первейшую заповедь, которую зазубривают наизусть даже самые начинающие: он забыл о контрольном выстреле. Впрочем, о нём забыли и Сэм с Двадцатым: первый – потому что десять миллионов в портфеле затмили ему рассудок, а второй не привык указывать командиру на его промахи.

Самонадеянность Семьдесят второго стоила ему жизни. Доктор Фаркаш пришёл в себя, быстро оценил обстановку, схватил валявшийся возле него автомат одного из своих охранников, и прямо с пола выпустил в удалявшегося бандита очередь. Выстрелы эхом отдались в коридорах и переходах. И если в будничной обстановке такие звуки в несколько секунд собрали бы вокруг себя целую толпу бандитов, то на этот раз они остались неслышанными. Их заглушился внезапная стрельба снаружи.

Насмерть перепуганный доктор Фаркаш с необычной для себя обезьяньей ловкостью вскочил на ноги, вырвал из рук упавшего за мертво Семьдесят второго драгоценный в прямом смысле этого слова кейс, ринулся к выходу, но в дверях на полном ходу натолкнулся на какого-то человека. Взошедшее солнце било его по лицу, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к яркому свету.

По иронии судьбы, приводить приговор в исполнение получили Девятнадцатому – здоровенному негру, которого Эли видела вместе с Артуром. Артур считал Девятнадцатого своим другом, и не без оснований: он был единственным человеком на Базе, с которым можно было поговорить по душам, не опасаясь, что его откровения используют для прилюдных унижений или сведения счётов. Этот грозный гигант был хоть и несколько туповатым, но всё же довольно добродушным парнем, что, вкуче с его расой, перекрывало ему все пути продвижения по служебной лестнице. В свои двадцать восемь он был одним из старейших членов банды. Карьера простых бойцов не

предполагала такого длительного срока, на этом свете они долго не задерживались. Девятнадцатый был исключением.

С Артуром они сошлись сразу же, несмотря на значительную разницу в возрасте. Вместе выпутывались из самых безнадёжных ситуаций. Но в таком положении бывать им ещё не приходилось.

Девятнадцатый защёлкнул на запястьях Артура наручники, и они вышли во двор. Там их ждал старенький, насквозь проржавевший «Рено». Ритуал был отработан годами: приговорённого вели к машине и усаживали на заднее сиденье. Там его приканчивали выстрелом в голову, а машина шла под пресс вместе с пассажиром. «Рено», как и Артура, предстояла последняя в их жизни прогулка.

Бандит был в недоумении. Он привык в точности исполнять приказы босса, но что делать теперь, не представлял. Сегодня, в воскресенье, свалка не работала. Дон Боско, конечно же, забыл об этом, иначе он отправил бы Тридцать седьмого на мусорный завод. Оставлять друга в живых до завтра, когда свалка снова откроется, или же заставить его ждать в машине мёртвым? Это была непростая задача. Оба варианта были плохи и могли вызвать гнев Дона Боско.

Из раздумий его вывел Артур.

— Ты правда собираешься прикончить меня?

Девятнадцатый изумлённо посмотрел на него.

— В смысле? Есть приказ тебя прикончить – я тебя и прикончу. Не пойму, где проблема. Представь, что тебе приказали положить меня под пресс. Неужели бы не положил?

— Положил бы, — честно признался Артур. — Только не в нынешних обстоятельствах.

— В смысле? — удивлённо спросил негр.

— Босс уехал, — сказал Артур.

— Это я и сам видел.

— Но ты не понимаешь. Он уехал совсем. Навсегда.

Девятнадцатый уставился на Артура так, словно тот сообщил ему, что был его отцом.

— Как это, навсегда? Он сказал, что у него в городе важные дела, что он спасает нашу шкуру, что...

— Идиот! — вскричал Артур. — Да свою шкуру он спасает!

— От кого?

— Да хотя бы от нас же самих.

— Чушь какая-то. Зачем боссу спастись от подчинённых?

— Да потому что он банкрот, понимаешь, банкрот! Нет у него больше ни гроша за душой. И удрал он, пока мы не поняли, что к чему. Тайное станет явным, если не сегодня, то, самое позднее, завтра. Он больше не появится здесь, понимаешь?

— Такого предсмертного бреда я ещё не слышал. Ты чокнулся.

— Сегодня свалка не работает. Машина пойдёт под пресс только завтра. К чему такая спешка?

— Представляю, босс приезжает, а ты живой. Тогда он нас обоих закатает под пресс.

— Кретин! — вскричал Артур. — Да не приедет он больше! Ну, подожди ты хотя бы часа три или четыре. Он ведь никогда не отлучался дольше, чем на час.

— Да, перед смертью не надышишься. И на что тебе эти три часа? Грехи замаливать? Да ты свои грехи просто перечислять будешь — и то в три недели не уложишься.

— Безнадёжный случай, — вздохнул Артур.

Вместо ответа Девятнадцатый открыл заднюю дверь «Рено».

Жить Артуру оставалось ровно два шага, которые отделяли его от машины. Он может спокойно пройти их. Там, позади, не осталось ни долгов, ни сомнений, ни неразрешённых проблем. Не осталось вопросов без ответа. Всё прибрано и разложено по своим местам. Он мысленно вновь окинул коротким взглядом свою жизнь. Так осматривают гостиничный номер перед выездом, чтобы убедиться, что ничего не забыли. Смотря в раскрытую дверь, словно в пасть безжалостного хищника, предвкушающего вкусный обед, он сделал шаг.

И тут раздался выстрел.

Но стрелял не Девятнадцатый.

Начался штурм.

Артур воспользовался секундным замешательством Девятнадцатого, машинально оглянувшегося на звук выстрела. Собрав все силы, он ударил негра в голову сомкнутыми руками. Тот покачнулся и упал — не столько от мощности удара, сколько от его неожиданности. При падении он ударился головой об открытую им же минуту назад дверь «Рено» и замер. Артур склонился над другом. Тот был жив, просто сильно ушибся. Сознание вот-вот должно было вернуться к нему: Артуру послышался тихий стон.

В детстве он с недоверием относился к рассказам, утверждавшим, что преследуемый, скажем, львом человек может запросто перемахнуть через стену, намного превышающую его собственный рост. Смертельная опасность пробуждает в человеке такие силы, о которых он до того и не подозревал. Теперь же Артуру представилась возможность убедиться если и не в полной, то, хотя бы, в частичной справедливости этих слов. В одно мгновение проверил он карманы негра, нашёл ключ, зубами вставил его в замок и открыл наручники, после чего, прихватив с собой пистолет Девятнадцатого, стремглав бросился в здание, где собирался обдумать дальнейшие действия. Оставаться на открытом, простреливаемом со всех сторон пространстве, было равносильно самоубийству.

Он выбрал ближайшую открытую дверь, в несколько прыжков добежал до неё и бросился в проём, где натолкнулся на что-то большое и мягкое. Этим что-то оказался испуганный и растрёпанный доктор Фаркаш, который тут же начал тараторить, словно соревнуясь с трещащими со всех сторон автоматами.

— О, добрый юноша, — умоляюще обратился он к Артуру, — пожалуйста, помогите мне, спасите меня. Вы же видите, что со мной случилось. Ваш Дон Боско — злой человек. Он затащил меня сюда. Он хотел меня убить, да-да! Но вы не такой, я это вижу. Зачем вам Дон Боско, когда у вас есть я? Помогите мне, ради всего святого, выведите меня отсюда, я вас умоляю, — он почти плакал. — А я умею быть благодарным. Я отблагодарю вас так, как никакой Дон Боско никогда вас не отблагодарит. Вы же так молоды, у вас всё впереди. Оставьте его. А я дам вам денег. Много денег, вам хватит до старости. Доктор Фаркаш всегда держит своё слово. Вы же поможете мне, правда?

Он лепетал без умолку. Артур не слушал его, оценивая ситуацию. Бандиты, которым было нечего терять, отчаянно защищались. Они бросались в бой как бешеные, но перед спецназовцами выглядели тупым стадом с автоматами. Пули косили из одного за другим. Сверху доносился характерный треск вертолёт.

Доктор Фаркаш, заметив, что его слова летят в пустоту, затараторил громче и даже потряс Артура за руку. В другое время Артур и размышлять бы не стал: пристрелил бы его на месте, забрал бы его кейс, а после того, как оказался в безопасности, проверил бы содержимое чемоданчика. Старая привычка дала о себе знать и сейчас: Артур машинально потрогал пальцем курок пистолета, но неожиданно для себя прервал излияния доктора Фаркаша его другим способом.

— Идите за мной, — скомандовал он.

Прижимаясь к стене и припадая на корточки, они стали пробираться к спасительной будке. Доктор Фаркаш следовал за Артуром, перекаtywаясь колобком и взвизгивая от каждой пролетавшей рядом пули. Он напоминал собаку, держащую в зубах портфель и волочившую живот по земле.

Через некоторое время, показавшееся Артуру вечностью, они достигли заветной будки. Он с силой надавил на дверь. Та подалась. Артур просочился внутрь, а доктор Фаркаш пытался сделать то же самое, держа чемодан перед собой.

— Вот спасибо, добрый юноша. Вы даже не представляете, как вы изменили свою судьбу, решившись помочь мне. — Кряхтя и пыхтя, он пытался протиснуться в дверь, которая упорно отказывалась открываться во всю ширину. — Ох, похудеть бы! Когда-то я тоже...

Одна из бесчисленных пуль, сновавших по двору в поисках жертвы, настигла доктора Фаркаша. Он осёкся, и его бегающие глазки остановились. Застывший взгляд выражал одновременно мольбу и ужас. Несчастный протянул Артуру свободную руку и даже успел открыть рот, но произнести ничего не смог и повалился, перекрыв грузным телом вход в будку.

К его запястью был привязан небольшой ключ. Это был ключ от чемоданчика, который обычно носил один из телохранителей. Сам чемоданчик оказался тяжёлым. Неудивительно, что доктор Фаркаш поручал носить его своим гориллам. Артур подошёл к наружной двери и осторожно выглянул на улицу.

Она оказалась перекрытой полицейскими машинами, стоявшими примерно на том же месте, где он ночью был застигнут Сэмом. Идти туда было чистым безумием. В другом конце улицы был тупик. Долго оставаться в домике Артур не мог. Из безнадёжных вариантов он выбрал наименее безнадёжный. Он вылез на улицу и, прижимаясь к стене, стал двигаться в сторону тупика.

Тот был на своём обычном месте. Территория Базы там заканчивалась, а за следующим далее бетонным забором находился заброшенный завод. В одном месте пролом каменной стены был заколочен деревянными досками. Выбить их не составило никакого труда.

Оглядываясь по сторонам и не забывая посматривать наверх, чтобы не оказаться замеченным с вертолётa, он перебежал двор, через заброшенный цех перебрался на соседнее предприятие и вышел на проспект.

Город неохотно просыпался. Люди, не подозревающие, какая опасность грозила им всего несколько часов назад, потягивались, вставали из постелей, пили утренний кофе, ставили в духовку булочки и раздавали обычные утренние поцелуи своим супругам, детям и любовникам. Артур словно оказался в потустороннем мире, где ничего не напоминало ему о страшном месте, находящемся в трёх километрах отсюда.

Спасение пришло к нему настолько неожиданно, что он лишь сейчас начал понемногу осознавать, что произошло. И по мере того, как он приходил в себя, мысли его стали возвращаться к Эли.

В том, что она была в безопасности, он не сомневался, как и в том, что она сейчас наверняка ищет его. Он не хотел мучить её и был бы рад подать ей знак. Но как? Он не знал ни её адреса, ни телефона. Идти в полицию ему, по понятным причинам не хотелось. Где искать её? И главное – а нужно ли?

Артур боялся Эли. Раздираемый жесточайшими комплексами и противоречиями, он боялся разочаровать её, обмануть её надежды. Мысли, что его можно любить, он не допускал в принципе – настолько он был убеждён в своей полнейшей никчёмности. Признание Эли он воспринял, как проявление жалости.

Даже самое небольшое тепло обжигало его. Эли была для него пылающим костром, от которого инстинктивно хочется отодвинуться на безопасное расстояние. Он был рад, что расстался с ней. Такие отношения были выше его сил.

Разобравшись в этом и исключив Эли из перечня проблем, Артур стал думать о будущем. Он независим и богат. Он может позволить себе взять тайм аут, чтобы в спокойной обстановке разобраться в своих планах. Проматывать деньги, как его родная тётя, он не станет, а воспользуется ими как помощью в поиске своего пути, который, как показал сегодняшний день, ждал его впереди.

Найдя в тихом проулке укромное место, он открыл чемодан.

Там лежало именно то, что он ожидал увидеть. Выудив две мелкие банкноты, Артур закрыл чемодан, проверил пистолет и бодро зашагал к вокзалу, где рассчитывал найти открытые магазины.

На вокзале он подкрепился и переоделся. С радостью сбросил с себя грязные джинсы и футболку с номером 37, которую он не мог

больше видеть. Выйдя из примерочной кабинки в новом облачении, – в первый раз за несколько лет без номера – он расплатился за покупку, выбросил старую одежду в ближайшую урну и направился к билетным кассам.

А Эли не находила себе места. Среди арестованных бандитов Артура не было, среди убитых – тоже. Никто не знал, где он находится. Она сновала от одной камеры к другой, записывала, сопоставляла и распутывала показания. Сразу несколько арестантов в голос заявили, что Артур был приговорён к смерти лично Доном Боско. Исполнителем назначили Девятнадцатого. Больше никто ничего сказать не мог. Мёртвым Тридцать седьмого никто не видел. Но утверждать точно, что он смог выжить, тоже никто не брался. Базу прочесали вдоль и поперек, но Артура так и не нашли.

Но и Девятнадцатый также не мог помочь Эли. Эбонитовый негр лежал в морге с простреленным черепом вместе с многочисленными собратьями по несчастью. Артура не было и среди них. Эли помогало чуть ли не всё управление, но безуспешно. Объявлять же всеобщий розыск не было ни смысла, ни оснований.

Артур бесследно исчез.

Марк отвёз опустошённую и совершенно разбитую Эли домой. Словно во сне, открыла она дверь, машинально прошла в спальню и опустилась на кровать. Часы показывали 17:59, а через несколько секунд число на её глазах превратилось в 18:00.

Шестьдесят часов. Ровно шестьдесят часов назад Эли выиграла у будильника очередное соревнование. За это время она успела попасть в плен, побывать на базе, познакомиться с Доном Боско и его криминальной империей, воочию увидеть её крах, спасти от разграбления и насилия свой город, а главное – обрести и понять себя, найти и снова потерять свою любовь. От бессилия и отчаяния она долго не смогла выдавить из себя ни слезинки. Но вот какой-то внутренний затвор приподнялся, и она громко разрыдалась.

На смену слезам пришла адская головная боль. Эли разделась и легла в постель. Последнее, о чём она успела подумать, был рапорт об увольнении, который она подаст, как только придёт в отдел. После всего происшедшего оставаться там она больше не могла. Женщина, которая лежала сейчас в кровати, была совсем не та, что откинула вот это же самое одеяло ранним пятничным утром.

Эли провалилась в глубокий сон и проспала целые сутки.

На столичный вокзал поезд прибыл с небольшим опозданием. Из на платформу вышел высокий светловолосый молодой человек лет двадцати с увесистым чемоданчиком, прикованным цепочкой к руке.

Парень уверенно двинулся к выходу. Твёрдым шагом, не обращая ни малейшего внимания на кокетливо улыбающуюся ему проводницу, он прошёл вдоль перрона, пересёк, не останавливаясь, привокзальную площадь и растворился в разноязыкой толпе.

Любовь в век пара и электричества

*«Такова любовь в наш век
пара и электричества.»
Болеслав Прус, «Кукла»*

— Здесь направо, — Дани вежливым жестом показал направление, когда они с Ларсом вышли из лифта. Перед ними уходил вдаль бесконечный коридор. Слева располагались офисные помещения, справа же была глухая стена.

— Мы тут кое-что переоборудовали, — пояснил он. — Сначала сняли целый этаж на тридцать лет, а теперь, когда люди работают из дома, столько места нам не надо. Расторгнуть договор невозможно, юристы на нём все зубы себе пообломали. Разве что банкротство объявить. Вот и решили одно крыло сдать в поднаём. На этой стороне тоже помещения, раньше здесь двери были.

— А как теперь туда попадают? — поинтересовался Ларс.

— Так с той стороны и попадают. От лифта налево противоположное крыло, они там все перегородки снесли, только несущие стены оставили. Площади объединили и устроили там склад. А эти двери залепили. Даже не скажешь, что они тут когда-то были, да? Отличная работа. Эх, завидую я людям, которые руками что-то умеют делать.

— У них всегда работа будет.

— И это тоже, конечно. Но главное — что результаты труда сразу видны. Сделаешь — и тут же гордость появляется за свой труд. Не то, что у нас. Вот смотришь на эту стену и удивляешься — как можно пять дверных проёмов так закрыть, чтоб ни малейшего следа не осталось.

— Зато и плохие результаты сразу видны.

— Ну, так я и говорил про тех, кто умеет что-то руками делать. А таких, увы, меньшинство.

— Для кого увы, а для кого и нет. Потому что, если бы все умели мастерить, не нужны были бы мастера, а так... — Ларс осёкся.

Довольно быстро и неожиданно для него они очутились в тупике — конце коридора. Коридор оказался не таким уж длинным, как представлялся вначале. Дани заметил его удивление.

— Прикольный дизайн, да? — он довольно улыбнулся. — Кажется, что конца этому проходу нет. А тут всего-то двадцать метров. И никаких зеркал не надо. О как!

Последняя дверь была открыта. В просторном офисе работали трое: пожилая женщина и две девушки чуть за двадцать. Женщина пыталась через сильную лупу рассмотреть маркировку какого-то устройства, а девушки заинтересованно разглядывали новичка.

— Девочки, здравствуйте, — поприветствовал Дани сотрудник. — Это наш новый программист, Ларс. — С сегодняшнего дня он будет работать в проекте Конти. А это — он сделал почтительный жест в сторону дам — наш мозг, координационный штаб всех проектов. Решают все организационные вопросы. У каждого проекта есть свой руководитель, а он, в свою очередь, если что надо, обращается сюда. Тут и материалы заказывают, и за бюджетами следят, и договора контролируют, и связанные проекты координируют, и счета выписывают, и чужие счета проверяют, и совещания разные организуют, и с заказчиками во всем финансовым вопросам общаются, и всё остальное. Говорю же — мозг. Центральная нервная система. Вот руководитель группы, госпожа Венд — он почтительно показал на пожилую сотрудницу. У нас, вообще-то, тут все на «ты», но госпожу Венд по имени никто не называет. Даже я.

Госпоже Венд как раз в этот момент удалось что-то разглядеть, и она, всё ещё не отрываясь от лупы, сделала запись на клочке бумаги.

— Это тридцать шестая модель, — отрешённо заметила она, потом оторвалась от лупы и посмотрела на Дани. — Тридцать шестая, — повторила она. — Как я и говорила. Я их наизусть знаю.

— Чёрт... — тихо сказал Дани.

— Мы потому и адаптер заказывали, — сказала госпожа Венд, — под разъёмы к сорок шестой модели. Вы ж сами просили.

— Просил, просил... Конечно... Это мы выясним. Ах, да! — Дани продолжил знакомство. Это, — он показал на блондинку кукольной внешности, сидевшую ровно напротив госпожи Венд, — Тинки. Вообще-то она Кристина, официальную почту она так и подписывает. Но когда тебе скажут про Тинки или когда ты получишь сообщение от Тинки, то будешь знать, кто это.

— Привет, — Тинки подняла кукольную ручку и пошевелила кукольными пальчиками. Ларс кивнул в ответ.

— А это Диана, — Дани представил ему девушку с длинными тёмными волосами и классическими чертами лица, сидевшую в

противоположном углу офиса. Та улыбнулась и сделала движение, словно собиралась приветствовать. Дескать, «приятно познакомиться». Рассмотреть цвет её глаз с такого расстояния было невозможно, но Ларс почему-то решил, что они зелёные.

В лаборатории ему представили новых коллег. Рабочий стол был подготовлен, на огромном мониторе переливалась всеми цветами заставка, а рядом приглашающе мигало красной лампочкой устройство, над которым Ларсу предстояло работать следующие два месяца.

Судя по предоставленной ему документации, устройство под управлением их программы не работало. Вернее, работало, но не совсем. Или не всегда. Заставить его работать всегда и как надо – это и было первой задачей Ларса на новом месте.

Сначала он убедился, что устройство на самом деле работало как-то странно. Большинство команд оно выполняло беспрекословно, но иногда совершенно непонятным образом отчебучивало разные финты. Неприятнее всего было то, что Ларсу сразу не удалось выявить никаких зависимостей, когда в совершенно определённых условиях устройство косячит совершенно определённым образом. Пришлось ковыряться с пошаговой отладкой.

За этим нудным занятием он просидел весь день. Пустой желудок несколько раз напоминал о себе скромным урчанием, но, осознав важность момента, затих. И лишь когда завыл пылесос уборщицы, Ларс выключил компьютер, встал и двинулся на выход, уже в машине вспомнив про супермаркет – холодильник дома был пуст.

В такой час стоянка перед магазином была набита битком. Сделав для успокоения совести два круга, Ларс покорно направился на подземную парковку. Там было не так напряжённо. Заняты были только места перед самым входом, а чуть подальше пустовали целые ряды. Ларс выбрал самое ближнее ко входу место, выключил мотор и только собрался вытащить ключ, как вдруг увидел Диану – длинноволосую шатенку с классическими чертами лица из координационного отдела. Она как раз садилась в машину – миниатюрный “Пежо”. Ларс окликнул её и даже посигналил разок, но девушка не обернулась – завела мотор и поехала к выходу. Ларсу стало стыдно: чего это ради он гудел, она ему кто — сестра, жена или старая приятельница? Хорошо, что она не услышала. Или если услышала, то понятно, что не обернулась. Мало ли кто там кому сигналит, лично у неё таких плохо воспитанных знакомых нет, к ней это не относится.

За ужином ему снова припомнился этот случай: наверное, Диана живёт где-то поблизости, раз приехала закупаться в супермаркет в самой гуще его жилого района.

Наутро Дани поинтересовался, как продвигаются дела.

— Драйвер у него кривой, — сказал Ларс, кивком головы показывая на всё ещё подмигивающее красной лампочкой устройство.

— Исключено, — отрезал Дани.

— Почему?

— Да потому что до тебя с ним возились, и если бы драйвер на самом деле был кривой...

— Значит, так возились, — спокойно возразил Ларс. — Сам посмотри, если хочешь.

Дани проследил за работой отладчика.

— Бред какой-то, — медленно сказал он, когда увидел ошибку своими глазами. — У нас с этим, — он показал на механизм, — никогда проблем не было. А почему раньше-то никто не заметил?

Ларс лишь пожал плечами.

— А как он у других работает? — недоумевал Дани. — Мы ведь не единственные клиенты. У других-то он почему работает?

— А откуда ты знаешь, что у других работает? — спросил Ларс. — Они тебе что, докладывали? Может, что-то придумали. Давай, я попробую сочинить что-нибудь в обход.

— Ну уж нет! — твёрдо сказал Дани. — Ничего мы мастерить не будем. Потому что это твоё сочинение навсегда в коде и останется, разбирайся потом. Будем сидеть и голову ломать. Не вздумай ковыряться! У нас договор, гарантия, пусть делают, что хотят. Исправляют, колдуют, не знаю. Но сам туда не лезь, понял?

— Да я и не думал...

— Вот и не думай. Что там дальше? Манипуляторная часть? Ей и займись пока. Об остальном я позабочусь. Вопросы есть?

На том разговор и закончился. Отойдя от Ларса, Дани завязал следующую беседу — с долговязым парнем, имя которого Ларс так и не запомнил. Эта беседа получилось куда более длинной и эмоциональной. Они выходили на террасу покурить, там тоже спорили, возвращались и снова спорили. Спорили они так горячо и так долго, что у Ларса появились нехорошие предчувствия.

Предчувствия эти сбылись на следующей неделе, прямо в понедельник утром, когда Ларс вежливо осведомился у Дани, что ответил производитель механизма на их запрос.

— Чёрт! — Дани вытаращил глаза. — Я ведь и забыл совсем! Тут такие дела, как тебе сказать... Геофизические измерения... Короче, напиши сам, что у нас и как. Твоим проектом Диана занимается, ей и напиши. У неё вся договорная документация, она... Ну, в общем, я не то, что от своей работы уваливаю, но так быстрее получится.

— Хорошо, — сказал Ларс. — Я зайду к ней и всё объясню.

Дани замялся. На его лице появилось озабоченное выражение.

— Нет, — сказал он тихо, но твёрдо. — Никуда ходить не надо. Это серьёзный вопрос, может дойти до адвокатов. Не хотелось бы, очень не хотелось, но в нашем деле всякое бывает. Не надо ходить. Напиши ей письмо, это нужно для документации и доказательств, если что. Там и дата будет. Вот ты мне на прошлой неделе сказал про баг, а я могу сказать, что сейчас в первый раз о нём слышу. Понимаешь? — Он сделал паузу. — Диана очень хорошо разбирается в наших материях. Ты с ней не сюсюкай, романы не пиши, вот, как рассказал мне тогда, так и ей Расскажи. Хорошо?

Ларс составил письмо, перечитал его пару раз, нашёл в адресной книге Диану. На фотографии там она была очень хороша. Ни красива, ни смазлива, ни эффектна, а именно что хороша.

Вот интересно, — думал Ларс, — считается, что классические черты лица делают его скучным. У неё классический ровный, прямой нос. Губы и их изгиб идеальны. Глаза, брови, лоб. Совершенно симметричное лицо, хотя абсолютно симметричные лица тоже считаются скучными. А всё вместе вовсе не скучно, а очень даже привлекательно. В принципе, идеал должен быть красив, наверное, он и есть красив, просто мы привыкли к другим стандартам, которые нам объявили красивыми. А тут нет, тут не то. И уж всяко не скучно. Привлекательно? Притягательно — вот оно, именно что притягательно. Или притягивающе. Непонятно почему, но оторваться трудно.

И всё же оторваться пришлось. Ларс поставил в адресаты Диану, в строчке “Копия” — Дани, перечитал текст ещё раз и нажал на кнопку “Отправить”. Он был инженером, программистом, технарём, но никак не бюрократом. Писанина не входила в круг занятий, которые он делал хорошо или охотно. Но документация есть документация. Ему самому сколько уж раз приходилось иметь дело с произведениями тех, кто и не пытался скрывать своего отношения к писанине. Кто-то сэконоимил себе две минуты, а ему потом приходилось часами блуждать в потёмках. Тут же дело вообще особенное, возможно на самом деле дойдёт до юристов, кто знает. То, что

производитель сходу признает ошибку, было утопией. Скорее всего, ему придётся написать не одно такое письмо. И даже не два.

Новое письмо. И хотя прошло всего-то две или три минуты, он почему-то не сомневался, что это был ответ от Дианы. Так оно и было.

“Сообщи, пожалуйста, версии всех семи модулей драйвера, — писала она. — Так нужно для запроса.”

“Драйвер из семи частей? — удивился Ларс. — А ей-то откуда знать? Хотя, у неё ж вся документация. Ох уж эта документация!”

На письме рядом с именем отправителя была иконка — миниатюрная фотография Дианы. И хотя он только что видел эту фотографию в полном размере, внимание его, тем не менее, на пару секунд задержалось на картинке.

“А у драйвера точно семь модулей?” — спросил Ларс.

“Отправь на 15 порт запрос 1CC1. В ответ получишь цепочку символов — версии всех модулей через пробелы”

“Обалдеть!” — подумал Ларс и через пару минут послал ответ с данными о всех семи модулях.

Через какую-то минуту на экране вылезло окошко внутреннего чата, о существовании которого Ларс и не подозревал. Там было лишь одно короткое сообщение от Дианы: “Thx!”, в смысле, “Thanks”, спасибо. И рядом смайлик.

Вечером, когда Ларс снова заехал в супермаркет, чтобы пополнить подтаявшие за выходные запасы, он снова увидел Диану. Вернее, не её саму, а её “Пежо”. Он как раз расправился с покупками и поехал к выезду, когда увидел въезжающую на парковку знакомую машину. Забавно. Когда он уходил, этаж был практически пуст. Неужели она остаётся так допоздна?

Вот живут люди в бетонных коробках, — подумал он, — может, совсем рядом, и не подозревают о существовании друг друга. А у каждого своя жизнь, работа, какие-то заботы, увлечения. А потом случай сталкивает их где-то на другом конце мегаполиса. Хотя, что уж мегаполис. Бывает, что соседи узнают друг о друге в отпуске или командировке за тысячи километров от дома. Лично с ним такого не случилось, но слышать о подобных курьёзах приходилось не раз.

Ларс решил, что Диана живёт одна. Потому что иначе она б не закупалась в магазине в такой час. Если бы она с кем-то жила и должна была работать допоздна, покупки делал бы этот кто-то. А если он старый, больной и из дома не выходит? Ну, значит, она не задерживалась

бы, уходила бы раньше, раз ей надо о ком-то заботиться. Одна она живёт. Стопроцентно.

— Ну, как продвигаются дела? — поинтересовался Дани на следующее утро.

— Да вот, запрос насчёт драйвера вчера сделал, — отчитался Дани. — Я тебе копию отправил, кстати.

— Да, спасибо. Я не стал читать, ты мне всё и так рассказал.

— И сколько теперь ждать? — спросил Ларс.

— У нас договор на премиум-поддержку. Должны отреагировать в течение одного рабочего дня.

— Проблема в том, — пояснил Ларс, — что я и манипуляторной частью дальше заниматься не могу. Она получает данные с главного интерфейса, где... сам понимаешь.

— Теперь ясно, почему он её не доделал, — хмыкнул Дани, имея в виду предшественника Ларса. Он собирался продолжить, но его мысли вдруг улетели куда-то очень далеко.

— У вас внутренний чат есть, — спас положение Ларс.

— Что? А, ну, да. Есть.

— Никогда не думал, что на такой маленькой фирме будет чат. На три десятка человек-то.

— Маленькой? — удивился Дани. — На три десятка? Да это у нас тут в центральном офисе три десятка. А есть ещё филиалы, и куча народу по договорам из дома работает.

— Точно! — вспомнил Ларс. — Ты говорил.

— Полторы сотни человек у нас, — сообщил Дани. — В штате да, даже трёх десятков не наберётся. А с договорниками — полторы сотни. Ну, не все, конечно, полный рабочий день на наших проектах работают, у них и другие заказы есть. Но, в общем и целом, можешь себе представить. Почта почтой, но без чата никак.

— При таком количестве народа — да, — согласился Ларс.

— У нас даже бухгалтерия своя была, — сказал Дани. — Сто раз подумали и посчитали, прежде чем отдать её в аутсорсинг.

— А координационный отдел оставили, получается.

— Без этого никак. Или ты думаешь, что три человека целый день ведут бюрократию на два-три проекта? Прямо сидят и ждут, когда Ларс что-то спросит по Континенту, ага.

— Просто Диана так быстро ответила, — объяснил Ларс, — будто у неё дел других не было.

— Во-первых, это её работа. А во-вторых, это называется расстановкой приоритетов. Если нужно что-то спросить или уточнить, в смысле, перекинуть мяч на другую сторону, то это получает наивысший приоритет. Не чем-то другим заниматься, а отложить дела, сделать запрос, и работать дальше, пока тот, на чьей стороне мяч, сообщает и готовит ответ.

— Но я тут же и ответил, — возразил Ларс. — Какая тут экономия времени-то?

— А она откуда знает, ответишь ты тут же или нет? — ответил Дани. — Если она целый будет возиться со своими делами, а потом спросит про версии драйверов, то в задержке будет виновата она. Оно ей надо? А так ты должен ей ответить. Тут и вся премудрость, чтобы тебе были должны, а не ты.

— Ну, в жизни я бы не хотел, чтобы мне все были должны.

— В жизни — да. А это работа. Здесь, как говорится...

В этот момент компьютер Ларса звякнул, и внизу справа появился символ конверта: пришло новое письмо. Производитель сообщал, что Ларс работает со старой версией драйвера. Новая версия прилагалась.

— Время тянут, — досадливо сказал Ларс.

Дани только ухмыльнулся.

Часа через два Ларс отправил Диане письмо о том, что и новый драйвер, кто бы мог подумать, тоже не работает. Ответ пришёл незамедлительно. От Ларса требовались протоколы испытаний, из которых были бы видны ошибки, а также версия драйвера и версия операционной системы.

Ларс отправил протоколы по почте, а в чате написал:

“Что за ритуальные пляски! Они же прекрасно понимают, что мы всё прекрасно понимаем. Цирк, а не работа!”

“В детстве я хотела выступать в цирке, — через некоторое время ответила Диана. — Фокусником или дрессировщиком.”

“Теперь ты и то, и другое сразу.”

Диана ответила смайликом и продолжила:

“Они по договору обязаны отреагировать в течение одного рабочего дня, но не сказано, как. Вот они и реагируют.”

“Время тянут.”

“Не тянут, а выигрывают. Проблема, наверно, слишком серьёзная, за день не исправишь.”

“Но у нас же сроки!”

“Они знают. И мы знаем, что они знают. Не в суд же подавать.”

“А подавали?”

“На них — нет. А вообще да.”

“Я тебя вчера видел на парковке у Консума в Северном секторе, — ни с того ни с сего написал Ларс. — На Пежо.”

“Очень может быть.”

“И в прошлый понедельник.”

“Очень может быть.”

“Ты там живёшь? Я — да.”

“А я нет. — Диана сделала паузу. — Езжу в Северный сектор по понедельникам и четвергам. Дела там есть.”

“Понятно, — написал Ларс и продолжил после некоторой паузы: — В Консуме вечером толпа, но деваться некуда.”

“Потому что в других магазинах в это время уже ничего нет. Ни товаров, ни народа.”

“За это я его и уважаю. Дороже, но всегда всё есть.”

Снова пауза.

“Тогда увидимся ещё”, — заключил Ларс.

“Увидимся!”

Пинг-понг с производителем продолжился и на следующий день. Проблема была в том, что Ларс на самом деле не мог продвигаться дальше. Дани предложил ему взять в четверг выходной, а в пятницу видно будет. Занять его больше нечем, а платить деньги за простое присутствие выходило дороговато. Тем более, что когда драйвер будет готов, сроки станут так поджимать, что придётся работать допоздна и в выходные. Договорились, что Ларсу позвонят, если что.

Проснулся он до неприличия поздно и ужаснулся, когда посмотрел на часы. Схватил телефон. Пропущенные звонки и новые сообщения были, но не по злосчастному проекту Конти. За завтраком он решил, что будет сегодня заниматься подбором хвостов, коих накопилось немало. Неоплаченные за неимением времени счета, сортировка документов для налоговой декларации, запросы на новые проекты и ответы других на его собственные запросы, прочая почта. Ещё оказалось, что обычный, бумажный почтовый ящик он проверял аж в прошлую субботу.

Он включил радио и принялся за дела. И чем дольше он ими занимался, тем навязчивее становилась мысль о том, что сегодня, в четверг, Диана будет в их краях и может заехать в Консум. Хотя ничего не говорило о том, что это должно было произойти, да и обязанности закупаться по понедельникам и четвергам у неё тоже не было. В

конце концов, на их Консуме свет клином не сошёлся. Но вероятность, тем не менее, существовала. Опять же, что он, охотиться что-ли за ней будет? Завтра, максимум в понедельник, он снова будет в офисе, и тогда... А что тогда? Ну, придёт он в офис, она тоже. И что? Обменяются любезностями в чате, а потом ему вечером надо будет в супермаркет, и ей тоже, наверное. Встретит он её там — вот и хорошо, а нет — значит, нет. Сегодня ему точно закупаться не надо. Хотя, пивка бы не мешало подкупить, да и хлеб с понедельника зачерствел. До следующего понедельника он будет сидеть без хлеба, если не сходит в магазин. А главное: ну, встретит он её там, они поздороваются, туда-сюда. И? Домой её пригласить только потому, что он ей пару писем по работе написал и на парковке увидел? Она не из таких... А из каких “не из таких”?.. Да и заводить на работе романы — это последнее дело. Но причём тут роман? Кто сказал, что это роман? Где? Сам себе вообразил невесть что. Это ж смешно!

Как и следовало ожидать, Ларс через битый час блуждания по магазину так и не увидел Диану. Не увидел её и на парковке. Дома обнаружил, что забыл купить хлеб, за которым, собственно, и ездил. Зато не забыл пиво — единственный положительный момент за весь день. Он опустошил три бутылки одну за другой, после чего почистил зубы и лёг спать.

Утром его разбудил звонок от Дани. Новая версия драйвера пришла, и, если всё нормально, можно продолжать работу.

Всё было нормально. Драйвер функционировал как надо. Проклятый код 0B40 больше не застревал, работалось легко, дело продвигалось быстро. Ларс и не заметил, как наступило время обеда. Чёрт, а Диане-то он так ничего и не написал. Поблагодарить бы её надо, вот и будет повод. Хотя, причём тут повод? Повод для чего? Обычные слова благодарности, элементарная вежливость.

Ларс открыл чат и увидел, что Диана не в сети. Почему-то это его настолько удивило, что он несколько минут смотрел в экран, не заметив появления Дани.

— Как дела? — спросил тот.

— Вот... — замялся Ларс. — Вот хотел... Хотел Диану поблагодарить... Ну, просто спасибо сказать, всё же она так быстро всё делала, ни минуты лишней...

— Конечно, — сказал Дани. — Работа работой, обязанности обязанностями, а когда тебя коллеги или начальство лично благодарят, это и приятно, и мотивацию повышает, и вообще. Только сегодня ты

её не застанешь, в пятницу она обычно раньше уходит. У них там, скорее всего, никого и нет больше, все по домам разошлись. Ваяй, пока ваяется, ваятель.

Ваялось хорошо и долго – весь день плюс половину субботы, пока Дани не собрался закрывать лабораторию.

— Сам понимаешь, — сказал он. — Оставлять ключи постороннему... в смысле, фрилансеру... ну, короче, тому, кто не в штате, не положено. А из штата сегодня только я. Так что, извини, конечно, но твой творческий процесс придётся прервать до понедельника. Ты много сделал, время нагнали, теперь нет такой необходимости круглые сутки пахать. Давай, собирайся – и хорошо тебе расслабиться оставшееся время.

В коридоре Ларс заметил, что дверь в кабинет координаторов открыта. Дани перехватил его взгляд.

Это Диана пришла ненадолго, — пояснил он. — Забыла что-то в столе, вроде как. Вот и хорошо, тогда мы пойдём, а она этаж потом сама закроет. Давай, пошли...

Возражения были и бесполезны, и неуместны. На парковке перед зданием стояли три машины: Ларса, Дани и знакомый “Пежо” Дианы. Ларс как только мог медленно открыл машину, сел за руль, покопался для виду в вещах, пристегнул ремень безопасности. Но он зря тянул время: Дани кто-то позвонил, и он, не садясь в машину, начал сразу же обещающий быть длинным разговор. Если бы ему позвонили на полминуты позже, он был бы уже на дороге, а так он вряд уедет, если никуда не торопится, конечно.

Дани не торопился. Ничего не оставалось делать, как уехать, предвительно махнув рукой на прощание. Дани машинально ответил тем же жестом и увлеченно продолжал разговор.

Ларс отъехал довольно далеко, когда ему пришла замечательная мысль. Он развернулся и поехал обратно на фирму. Но на дороге что-то копали, в объезде постоянно попадались улицы со встречным односторонним движением, так что, когда он, наконец-то, добрался, на парковке не было ни машины Дани, ни “Пежо” Дианы. Пришлось ехать домой не солоно хлебавши. Чёрт бы побрал этого дурацкого Дани! И чёрт бы побрал его самого с его дурацкими фантазиями. Битых две недели ходит вокруг да около, не зная даже, вокруг чего. Как пацан какой. Дурдом, честное слово, причём он сам себя в него и запер. В понедельник он напишет ей письмо, поблагодарит её за труды,

скажет, как быстро стало продвигаться дело, на том и покончит со всем, а в первую очередь – с фантазиями.

В понедельник Ларс принялся за работу, прокручивая в уме текст будущего письма Диане. Письмо получалось то слишком наглым, то слишком сухим. Ну и ладно, подумал он, напишу, что напишется.

Он собрался было начать письмо благодарности, как прибор вдруг неприятно запищал. Звук был настолько резким и сильным, что присутствующие в лаборатории работники подпрыгнули на своих местах. Ларс выключил аппарат. Обвёл взглядом лабораторию. Коллеги недоумённо смотрели то на него, то на прибор.

— У него встроенный динамик, — пояснил Ларс, — но только для коротких служебных сигналов. Пищать он не должен.

Но как только Ларс включил прибор, писк возобновился. Пришлось быстренько выключить его снова.

— Тут что, пожарная тревога сработала? — спросил вошедший в лабораторию Дани. — Что горит?

Ларс объяснил ему, в чём дело. После чего полностью обесточил прибор и отсоединил динамик. Включил прибор, замерил напряжение. Был бы динамик активен, он бы снова запищал. Непродолжительное исследование показало физический дефект одной из микросхем. Дани, узнав об этом, только присвистнул.

— Ладно, хоть сейчас её пробило, а не на презентации и не на тестах. Вот был бы скандал.

— Так железо-то не наше, это все знают.

— А какая разница, чьё оно? Заказчику всё равно, почему косячит проект. Значит, надо было поставщиков других выбирать, или ещё как-то. Два посторонних брака в самом начале работы – не нравится мне это. Мы, конечно, люди не суеверные, но что-то в этих суевериях всё же есть. Ладно, составляй протокол, логи все вытащи, что где и как. И обрадуй Диану.

Конечно, Ларс предпочёл бы куда более благоприятный повод для нового письма, но ничего не поделаешь. Начал он за здоровье, в смысле, с благодарности, а кончил за упокой, сообщив о новой проблеме. Потом открыл чат и написал:

“В четверг я был в Консуме. Хлеб дома закончился.”

“Только не говори, что ты меня там ждал.”

“А если скажу?”

“Тогда и я скажу, что я проезжала там вечером, хотела заехать, но подумала, что ты меня там ждёшь, и не заехала.” Смайлики.

Ларс помедлил немного.

“Я тебя хочу кое-что спросить. Только заранее прошу прощения, если вопрос тебе покажется нетактичным, окей?”

“А давай я тебе сразу на этот вопрос отвечу, а заодно и на второй, который тебя тоже интересует?”

“Может, начнёшь сразу со второго?”

“Хорошо, но не сейчас. Вот мой домашний адрес в чате и адрес моей почты. Мне правда некогда, ты ж сам мне работу и задал.” Далее шли координаты чата и почты.

“Спасибо! Когда мне тебя ждать?”

“Сегодня понедельник, забыл?”

“Тогда завтра вечером?”

“Тогда завтра вечером.”

Наутро в аппарате стоял новый чип. Как-никак, а в течение одного рабочего дня производитель обязан был отреагировать. Но часа через два мерзкий писк снова пронзил лабораторию.

— Что ты с ним делаешь? — заорал на него Дани, который на этот раз был неподалёку. — Ты в каком режиме его гоняешь?

— Как в каком режиме? — растерянно ответил Ларс. — В самом что ни на есть рабочем. Сам посмотри.

Дани подкатил свой стул и уселся изучать написанный Ларсом код. Через какое-то время он тихо промолвил:

— Ничего не понимаю.

— Дани, — спокойно сказал Ларс, — я вчера отправил все логи, все протоколы. Если бы был нарушен режим, нам бы сто раз об этом сказали. Но они просто прислали новый чип. Без единого слова.

— Ну, может, вчера был нормальный режим, а сейчас нет. Хотя, чепуха, конечно.

— Ты же всё видел. Ничего особенного, обычное общение. Команда — ответ.

— Я надеялся, что первая микросхема была обычным производственным браком. Но оно выходит куда хуже... Ну что, потормоши координаторов ещё раз, отправь новые логи, параметры все запротоколировать не забудь.

Ответ Дианы пришёл буквально через минуту.

“Если это баг самого чипа и самой его схемы, то дела плохи. Этот чип — белая марка, OEM. Эн-Тек только продаёт его под своим брендом. Ладно, посмотрим, что получится.”

Узнав об этом, Дани сильно помрачнел.

— Тебе есть чем заняться? — спросил он.

— Есть, но не тут, — ответил Ларс, который с утра получил приглашение в новый проект. — Здесь мне остался только этот датчик, остальные модули готовы. В принципе, их до меня сделали, надо только слепить всё вместе. А без датчика не лепится.

— Да, конечно, — проговорил Дани. — Знаешь, что... Ты поезжай, занимайся своими делами, а я тебе позвоню, ладно?

Из лаборатории Ларс поехал к новому заказчику. Там проект находился пока что в последней архитектурной стадии, но был весьма интересным, а главное — денежным и надёжным. Конечным потребителем был крупный международный концерн, разработка, внедрение и первый этап поддержки сулили минимум год хорошей занятости на полный рабочий день. Если Конти не удастся быстро довести до конца, а последние события пробуждали серьёзные в том сомнения, остаётся надеяться, что его прикроют. Иначе надо будет как-то выпутываться. Да и к Диане тогда можно будет относиться не как к служебному роману. Чёрт, опять роман. Какой роман? Пара реплик в чате — роман?

Когда его спросили, не найдётся ли у него завтра времени поприсутствовать на рабочем заседании архитектуры нового проекта, чтобы заранее получить более подробное представление о будущей работе, он честно ответил, что найдётся.

На заседании Ларс стремился вникнуть в детали, задавал вопросы, переспрашивал и вообще делал всё, чтобы время прошло как можно быстрее. Вечером он, наскоро поужинав, вошёл в чат, набрал ник Дианы и отправил ей запрос, ожидая немедленного ответа, как на работе. Ответ и сейчас пришёл практически мгновенно, после чего открылось окно для беседы. Значок веб-камеры и микрофона у аватарки Дианы отсутствовал. Только чат, без голоса и видео. Ну, пусть так.

“Ответ на твой второй вопрос: я живу с мамой, а в магазин езжу, потому что ей всё время некогда. Она аналитик в инвестиционной компании, дома появляется только иногда, а остальное время в поездках. Ты же это хотел спросить?”

“Да я и не собирался, в общем-то.”

“Но собирался собраться захотеть, да?”

“Да. А первый вопрос?”

“Как вышло, что девушка так хорошо разбирается в технике?”

“Ага.”

“Понятия не имею. Я не считаю, что так уж хорошо разбираюсь, я ж не инженер и не программист. Да и что тут такого — девушка и техника? Ты на Тинки посмотри, она вообще блондинка, и ничего, никто не жалуется. Стереотипы всё это.”

“Больше всего я именно этого и боялся.”

“Чего?”

“Что ты обидишься.”

“Вот ещё! С чего мне обижаться? И не думала даже. Совершенно нормальный вопрос нормального мужчины, который увидел, что девушка как бы на равных разговаривает с ним о технике. Как бы на равных, потому что на самом-то деле я работаю не с техникой, а с документацией на неё.”

“Но без понятия в технике с документацией не разберёшься.”

“Наверное...”

“Хорошо, что ты не обиделась.”

“Конечно, нет! Просто мы все запуганы всем на свете. Климатом, проблемами окружающей среды, политикой, миграцией, политкорректностью, законами, теперь ещё и феминизмом.”

“Поэтому я и не знал, как задать тебе свой вопрос. Типа, сексизм.”

“Вот и я про то же. Сама иногда побаиваюсь.”

“Тебе-то чего бояться?”

“О, ещё как! Иногда ляпну что-то такое и думаю, не оскорбила ли я какую-нибудь феминистку.”

“Не знаю, может, и хорошо, что мы все так запуганы. Наверное, лучше быть запуганным, чем сказать или сделать что-то не то.”

“А кто определит, что есть то, а что не то?”

“Ну, если это кого-то оскорбит или заденет. Например, я разговариваю с кем-нибудь в чате и рассказываю что-то смешное о толстяках. А мой собеседник как раз с избыточным весом. Получится нехорошо, хотя я совсем и не со зла сказал, безо всякого умысла.”

“А знаешь, сколько анекдотов про программистов ходит?”

“Конечно.”

“И тебя они обижают?”

“Ни капельки.”

“Ну так вот.”

“Меня не обижают, а кого-то, наверное, и обижают. Не знаю. Я не говорю, что так уж счастлив быть запуганным и всего бояться, но не думаю, что это так фатально. Социальный мир важнее.”

“Важнее свободы мнений и слова?”

“Не знаю. Наверно. Если б нас не пугали апокалипсисом, может, мы не так бы заботились об окружающей среде.”

“А если запугивание стоит денег?”

“В смысле?”

“Вот будут отбирать у тебя половину зарплаты на спасение чего-то там, что другим кажется очень важным. И если ты не будешь платить, они смертельно обидятся, потому что считают угрозу глобальной. Тот же климат, потепление, похолодание. Или загрязнение природы. Или недостаток воды. Или мигранты. Мало ли...”

“Так у меня и так отбирают больше половины доходов на налоги и взносы в социальные кассы, которыми я сроду не пользуюсь.”

“И тем не менее.”

“Тогда это уже никуда не годится.”

“То есть, свободой ты готов пожертвовать ради социального мира, а деньгами нет?”

“Ты лучше скажи, как там дела с чипом продвигаются. Слышно что-нибудь от Эн-Тека?”

“Я же говорю, что это белая марка, они должны с реальным производителем связаться, то да сё. Скорее всего, это надолго.”

“А сроки? У нас ведь тоже договорные обязательства.”

“Этим пусть юристы занимаются. В технике я ещё что-то смыслю. А во всех этих судебных дрязгах — бррр.”

“А как там Северный сектор?”

“Нормально. Я потом поехала в Консум, но тебя там не было. По крайней мере, в восемь.”

“Меня там вчера вообще не было. Тут новый проект появился.”

“Ой, как интересно!”

“Я пока не могу сказать точно, чтоб не сглазить — пока контракта на руках не будет. Но если выгорит, будут деньги на год минимум.”

“Удачи тогда!”

“Если бы у меня все такие проекты были, как ваш Конти, я бы сейчас у метро с железной кружкой сидел.”

“А он и у нас проходной, неважный. Если бы все проекты такие были, я бы тоже у метро с кружкой сидела, у другого выхода.”

“Нет, мы сели бы у одного выхода. Мне бы никто не подавал, а зато тебе подавали бы намного больше. Ну, кто подаст здоровому молодому мужику, если рядом сидит такая девушка?”

“А потом мы бы делили выручку. Бизнес-план из анекдота”.

Они разговаривали часа два, обсудили всё возможное — от холо-
стяцкой кухни до правил дорожного движения. Продолжили следую-
щим вечером, и Ларс начал с того, что пригласил Диану на послезав-
тра в ресторан. Ведь завтра четверг, у неё дела, а вечер пятницы —
самое время для ресторанных посиделок.

“Ты уверен, что это тебе деле нужно,” — спросила Диана.

“Я уверен, что это нужно нам обоим, — ответил Ларс. — Чат —
это хорошо, но живого взгляда ничто не заменит.”

“Ты серьёзно?”

“Да. О тебе я знаю всё, что хотел и должен знать. Ты обо мне,
надеюсь тоже. Мы не дети, чтобы играть во флирт.”

“Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.”

“Я всегда знаю, что делаю.”

В пятницу, незадолго до условленного времени, Ларс сидел за за-
казанным заранее столиком в условленном ресторане и листал меню.
Долго ждать ему не пришлось — Диана появилась в зале минута в
минуту. Он уже знал её достаточно хорошо, чтобы не удивиться та-
кой пунктуальности. Не удивился он и тому, что она не нарядилась
для этой встречи. Одета не как на работе, конечно, но просто и функ-
ционально. Когда она прошла рядом и села за столик, он ощутил
едва-едва заметный запах парфюма. Можно было даже подумать, что
запах ему лишь померещился. И на это Ларс тоже настраивался. Че-
ловек заявляет о себе одеждой, причёской, бижутерией, тем же пар-
фюмом. Диана не была исключением. Джинсы и свитер, подчёркива-
ющие идеальную фигуру. Свободно лежащие на плечах густые во-
лосы. Из украшений — только часы. Простая сумочка, минимум кос-
метики. Ларс всегда представлял её именно такой и хотел её именно
такую. По первым строчкам самого первого письма он сразу же по-
нял, пусть и не сразу осознав это, что как раз Диану и видел рядом с
собой всю жизнь. Оттого и навязчивые мысли о ней, вплоть до обсес-
сии, как бы ни гнал он их от себя, как бы ни сопротивлялся. А сопро-
тивляться и не надо было, ведь судьба оказалась к нему так благо-
склонна, дав ему то, что он так долго искал. Вот что значит интуиция!
Сердце ведёт человека к цели, даже если сам он этого ещё не пони-
мает. И как здорово, что они понимают друг друга с полуслова. Не
надо будет искать точки соприкосновения, идти на болезненные ком-
промиссы, притираться, подстраиваться, узнавать, разочаровываться
и что-то постоянно ремонтировать и склеивать. Это как раз тот

случай, когда можно просто жить безо всяких заморочек и разборок. Как же ему повезло!

— Ну, как добралась? Ты на машине или на метро? — начал он и даже успел улыбнуться, когда Диана вдруг побледнела и застыла с выражением ужаса и отчаяния на лице. Её губы дрожали.

— Что случилось, Диана? — Ларс был совершенно ошарашен и даже обернулся, подумав, что она увидела нечто страшное за его спиной, но не обнаружил ничего подозрительного. — Что такое? Что произошло? Говори, только не молчи.

Ещё через несколько секунд Диана оправилась от оцепенения, быстро встала и выбежала из зала. Ларс ринулся следом. Он нагнал её на крыльце ресторана, трясущуюся от беззвучного плача. Слёзы текли по щекам и обязательно размазали бы косметику, если бы она была. Ларс убрал пальцем самую большую слезу, взял девушку за плечи, поймал её взгляд и посмотрел прямо в глаза, которые на самом деле оказались зелёными.

— Диана, дорогая, скажи, что случилось? Что не так?

Смотря на него не то извиняющимся, не то умоляющим взглядом, Диана несколько раз открыла рот, словно пытаясь что-то сказать, а потом показала на ухо и отрицательно покачала головой.

— Ты... Ты не разговариваешь? И не слышишь?

Он повторил жесты Дианы, вопросительно посмотрев на неё. Та расплакалась ещё больше. Ларс прижал её к себе, стал гладить её волосы, а потом сладко, бесконечно поцеловал в губы. После чего Диана сделала несколько жестов, означающих примерно: "А ты разве не знал? А говорил, что знаешь обо мне всё."

Ларс поцеловал её ещё раз, а затем чётко произнёс:

— Но по губам читать ты умеешь?

Диана несколько раз усердно кивнула головой. Тогда Ларс, хорошо артикулируя слова, сказал:

— Пойдём вернёмся в ресторан, мы ещё не решили, что будем заказывать. Да и холодно тут. Пар изо рта идёт. Идём!

И решительно повёл за собой.

За столиком Ларс вытащил смартфон и обнаружил там сообщение от Дани. Тот просил зайти в понедельник утром, чтобы обсудить важные дела. Он показал сообщение Диане. Та, шмыгая носом и смахивая высыхающие слёзы, набрала на своём смартфоне текст:

“Конти закрыт. Заказчик – банкрот. — И увидев более чем спокойную реакцию Ларса, продолжила: — Два аванса он заплатил, третий только частично. А денег вбухали на пять авансов.”

— Предпринимательский риск, — сказал Ларс. — Мои заказчики тоже частенько расплачиваются аж через год. А иногда и вообще не расплачиваются. То банкроты, то просто жулики.

“Дани говорит, что в твоём коде есть оригинальные ходы. Говорит, их надо запатентовать, но хочет, чтобы юридически всё было чисто. Код – собственность фирмы.”

— Эти оригинальные ходы могут быть уже запатентованы.

“Вот и об этом он хочет с тобой поговорить.”

Поужинали они так сытно, что дома даже чая не хотелось. Уже в постели он сказал:

— Тогда я могу задать тебе ещё один вопрос, который мне раньше некому было задать.

Диана положила ему на губы указательный палец, а когда он поднял руку в знак капитуляции, набрала на смартфоне:

“Если при мне про меня говорят гадости, а я ничего не слышу?”

Ларс кивнул.

“То же, что и все, когда про них плохо думают, а они не слышат. Какая разница, как про тебя скажут – вслух или про себя?”

“А к вам я езжу, потому что есть социальный проект, — продолжила она. — Одинокие глухонемые, с которыми никто не разговаривает. Сидят, как в камере-одиночке. Годами!”

— Так и с ума можно сойти, — сказал Ларс.

“И сходят. Мы решили навещать их два раза в неделю. Общаться, рассказывать, дать им выговориться. Они нам так рады!”

Ларс улыбнулся и на секунду прикрыл глаза в знак одобрения.

“А социальный проект...”

— Давай как-нибудь потом про проекты, — сказал Ларс. — Ты разве не устала от них?

“Но это совсем другое!”

— Ничего, после расскажешь. У нас теперь так много времени!

Диана заснула. Ларс какое-то время смотрел на неё, а потом провёл пальцем по её лбу, носу – она смешно поморщилась – губам, подбородку. Классические черты лица. Как они могут быть скучными?

“А в принципе, что такого? — думал он. — Вот Лукас живёт с женой и двумя сыновьями. Нормальные, здоровые люди. Всё слышат, говорить умеют. А общаются друг с другом через чат. Каждый видит

только собственный смартфон. Жена ему: есть будешь? Он ей: минуточку, сейчас закончу, тогда сообщу. Через час: да, я проголодался. Жена: колбаски остались, поджарить? Он: да, только с овощами. И она пишет собственной семье через приглашение к ужину. Место встречи: кухня. Время: двадцать ноль-ноль. Обязательные участники: Марта, Лукас, Деннис. Желательные участники: Алекс. Встретятся на кухне, поговорят — и снова разбредаются по своим углам. В кровати каждый сам по себе, кто новости читает, кто чатится, кто фильм смотрит, кто рецепты. Да и я ничем не лучше: три недели разговаривал по чату с человеком в соседнем офисе. И там все так. Кто в смартфон тычет, кто по старинке клавишами стучит. В метро все уткнулись в экраны, за рулём картинки и фильмы смотрят, никакие штрафы и пункты не помогают. Так что устная речь и слух сейчас не так и важны. Считается, что люди со временем начинают понимать друг друга без слов. Мои мысли она читает. Осталось мне научиться читать её мысли. Хотя бы некоторые. Остальное можно сказать в чате. А главное, как говорится — чтобы человек был хороший”.

Через несколько минут он уже крепко спал.

Метро

*«Оглянитесь вокруг.
Подумайте, что с нами случилось...
где мы очутились... вот это бред.»
Стивен Кинг, “Лангольеры”*

— Разрешите?

— Да, проходите. И дверь закройте, пожалуйста.

Господин Ремс, лысоватый, тощий, с водянистыми глазами, сидел за рабочим столом. Он пристально посмотрел на Лару и перевёл взгляд на стул для посетителей, что означало немой приказ.

— Вы, конечно, понимаете, о чём пойдёт разговор, — начал Ремс, когда Лара села.

Она кивнула.

Ремс повернул монитор так, чтобы они оба могли видеть документ на экране. Нашёл нужную страницу. В самой её середине находилась небольшая таблица — пара колонок и строк.

— Вы не просто подвели меня — вы выставили меня дураком. В старые времена на заседании присутствовала бы кучка моих коллег, которые знакомы с показателями не хуже меня. Но сейчас, когда по видео подключаются все, кому не лень, со всех отделов и филиалов, когда фактически приходится держать пресс-конференцию, так облажаться непростительно. Непростительно!

Ремс никогда не кричал, но умел найти такой тон, что лучше бы уж он кричал. Лара и сейчас бы отдала полжизни за то, чтобы он просто разорался. Ну, или хотя бы четверть жизни. Этот тон был невыносим, и все в отделе боялись даже не того, что об их проступке может стать известно где-то наверху. Боялись именно этого — разговора в кабинете Ремса и вот этого зловещего, уничтожающего тона.

Ответить было нечего. Лара сидела, уткнувшись в злосчастную таблицу, и молчала.

— Но это только вступление, — продолжил Ремс.

Он прокрутил пару страниц и остановился на ещё одной таблице с графиком. Лара не смогла даже удивиться — такого ляпа она от себя не ожидала. Она почувствовала, как язык вдруг стал наливаться свинцом. И без того сухой рот пересох окончательно.

— Вы вообще хотя бы мельком просматривали доклад, прежде чем выкладывать его? Потому что, если бы вы даже в таком темпе и с таким же вниманием полистали текст, вы бы увидели, что за бомбу вы мне подкладываете. Вы сами читали собственное творение? Мне просто интересно, как такая белиберда могла попасть в чистовой вариант доклада.

Лара не произнесла ни звука. Не потому, что не хотела отвечать, а потому что не могла. Язык и губы не двигались, не подчинялись, словно ей никогда и не принадлежали. Ремс встал и подошёл к окну. Скучающая ворона разгуливала по крыше дома напротив, на всякий случай заглядывая в каждый укромный уголок в поисках зазевавшихся пауков.

— Язык проглотили, да? — Ремс вдруг повернулся к Ларе. — Вот в точности так же я сидел вчера, на меня смотрели пятьдесят человек, и мой язык в точности так же прилип. Самое главное, — он стал ходить от стола к окну и обратно, — это то, что я никак не мог ожидать это от вас. Именно от вас, понимаете? Столько лет всё было нормально, никаких претензий. Ну, так, по мелочи, так у кого этого не бывает. И тут — бац! Надо мной вчера просто хохотали, реально хохотали, в голос. Как над паяцем каким.

Он вдруг подошёл к Ларе и посмотрел ей прямо в глаза. Она не выдержала и перевела взгляд на экран, будто там могло появиться что-то новое. Ремс не уходил. Наконец Лара собралась с силами:

— Увольте меня, а? Я не смогу больше здесь работать.

— Уволить? — едва заметным движением губ Ремс спародировал ухмылку. — Увольнение с нормальной формулировкой ещё заслужить надо. Вы же это имели в виду? Выходное пособие получить и на безработице годик отдохнуть? Ну уж нет. Всё имеет предел, даже моя доброта. Или вы думали, что я за унижение благодарить вас буду? Идите и зарабатывайте себе достойное увольнение. Понятно?

Лара опустила голову в знак согласия.

— Вот и чудесно. Я вам мейл от аудиторов переслал. У них есть вопросы по расчёту рентабельности наших вложений в телекоммуникационный сектор. Им там что-то непонятно, что именно, я не знаю, я не вчитывался. Потому что если б и читал, то всё равно не понял бы ни слова. По вашей милости.

— Я могу идти?

— Да. И разбирайтесь с аудиторами сами, не надо посвящать меня во все подробности. И без того тошно.

Лара возвратилась в свой офис. Хорошо было бы заплакать, но что-то не плакалось. Наверное, пробьёт позже. Она автоматически открыла почту, нашла там запрос от аудитора, который Ремс переслал ей, и безуспешно пыталась понять, о чём там речь.

В такой прострации она сидела некоторое время, пока не заметила над собой чью-то тень. На столе, прямо на документах, расположилась Сабрина — шикарная блондинка, чьи обязанности в отделе, по видимому, и заключались в том, чтобы быть шикарной блондинкой. Она беззаботно отхлёбывала кофе из большой цветастой чашки.

— Всё это ерунда, — заявила Сабрина. — Не ошибается тот, кто ничего не делает. Например, я. На ежегодном собеседовании я спросила Ремса, что за прошедший год я сделала не так. И он ничего и не припомнил, хотя сам вопрос ему понравился. Стопроцентно он задал его своему начальнику насчёт себя. И стопроцентно тот тоже ничего не вспомнил. Ремс не делает ошибок по той же самой причине.

— Теперь сделал, — ответила Лара. — Поручил мне такой важный доклад, а вышло вот что.

— А как он хотел? — сказала Сабрина. — Чтобы самому вообще ничего не делать, чтобы сидеть на всём готовеньком и получать зарплату? Готовить доклады — его прямая обязанность. И если уж он сам их не пишет, так хотя бы читал то, что пишут для него. Или хотя бы пролистывал перед выступлением. Ты текст выложила в восемь...

— В девять.

— Пусть в девять. Конференция была в два. Что, так трудно за пять часов посмотреть пять страниц?

— Тридцать, — уточнила Лара.

— Да хоть сорок, — продолжила Сабрина. — Твой ляп даже я бы увидела. Показатели до реорганизации и после реорганизации совпадают до запятой. Понятно, что опечатка. Всякое бывает.

— Я должна была проверить... — начала Лара.

— А он должен был заметить. И заметил бы, если б не увидел доклад первый раз в жизни, когда начинал выступление. Ты слишком ответственная. Так нельзя. Кофе налить?

Кофе на самом деле совершил небольшое чудо. Язык окончательно оттаял, мировосприятие вернулось, Лара даже смогла вникнуть в суть вопросов от аудиторов и подготовить ответы на часть из них. Обед она в сегодняшней спешке забыла взять с собой, а потому пообедала с коллегами в столовой. Сабрина сидела рядом и болтала без умолку. Обычно Лару раздражала её трескотня, но сегодня она

показалась даже милой. Так что после обеда жизнь окончательно наладилась, а в самом конце рабочего дня ответ аудиторам был отправлен. Хотя Ремс и сказал, что не хочет ничего знать, она на всякий случай включила его в список получателей.

Вечером того же дня Лара сидела в кресле парикмахерской, что располагалась в самом центре города, у старой ратуши.

— Мам, давай мы не будем сегодня причёску менять. Уже поздно, я так устала. Просто подровняй немного, а в следующий раз мы займёмся новой причёской. Честное слово!

Госпожа Хельсен, мама Лары, а заодно и владелица парикмахерской только хмыкнула.

— Понятное дело. Ты ж специально пришла на ночь глядя.

— Мама, пожалуйста...

— Сиди смирно, а то ухо отрежу!

— Я не в том смысле.

— В том, в том. Ещё в каком том. Как ребёнок. Такие причёски давно уже не носят, а в тридцать лет так ходить просто неприлично.

— Но я привыкла!

— Тогда отвыкай.

— Не хочу, чтобы выглядело так, будто я к тридцатилетию причёску сменила. Типа, у тебя новый этап жизни, как тебе идёт, ты имидж поменяла, потому что поменялась внутри, внешность и одежда выразительнее всяких слов... Фу.

— Про твой стиль я тебе уже года три говорю.

— Это да. Только давай подождём.

— Ну как хочешь. Может, до сорокалетия созреешь.

Через открытую дверь с улицы из соседнего ресторана под аккомпанемент звуков джазового ансамбля вползала смесь самых разных табачных дымов. Госпожа Хельсен закрыла дверь, вернулась к креслу и взялась за ножницы. Мать и дочь остались одни.

— Что у вас там с Сарой? Стряслось? — как можно более спокойно, даже наигранно спокойно спросила госпожа Хельсен.

— У нас с Сарой? У нас?

— Сиди смирно, а то ножницами в глаз попаду.

— Это не у нас, это у неё.

— А что у неё?

— Звонит она мне позавчера, часов в пять, и говорит, чтобы я обязательно приехала к ним на этот вечер. Вернее, она как бы попросила, но ты же знаешь, как она просит. У них с Виктором нарисовался

поход в оперу. В семь надо быть в театре, а детей оставить не с кем. Сестру надо выручать, как же так, на билеты очередь два года, а тут они случайно подвернулись, такой шанс!

— У них же домработница вроде.

— Именно! Я тоже спросила про домработницу, Сара говорит, что она не может, что всё так спонтанно получилось. Я отвечаю, что тоже сегодня не могу, потому что надо готовить важный доклад для Ремса. Но она и слышать ничего не хочет: как так можно, от родной сестры я такого не ожидала, племянники так будут рады тебя видеть и так далее. Мы, говорит, после оперы сразу домой, это недолго. Как недолго? Как опера может быть недолго? Нет-нет, говорит, это правда быстро, буквально часа три, потом поедешь на нашем же такси домой, поспишь спокойненько, а завтра с утра допишешь свой доклад. Глупость, конечно. Но что было делать? Приезжаю к ним. Детей надо ещё накормить, сказки им читать и спать уложить. Читаю сказку, а они мне говорят, что эта сказка им надоела, её им Мари, в смысле, домработница-воспитательница всё время читает. И тут же говорят, что мама с папой решили вызвать — так и сказали: вызвать! — Лару, потому что Мари надо за вечернюю работу в два раза больше платить. Короче, вернулись Сара с Виктором часа в два, наверное. Я домой только заехала чай попить, думала сразу на работу поехать, вот только посижу часик, подремлю. И проспала чуть ли не до восьми. Приехала, слепила кое-как доклад, даже перечитать времени не было. А ошибки там были такие, что меня сегодня чуть не уволили. Подставила Ремса по полной программе.

— Мало ли что дети говорят, — вдруг таинственно произнесла госпожа Хельсен.

— Что? А какой им был смысл врать-то?

— Сиди спокойно!

— Они ж дети, врать ещё не научились. В отличие от своей мамы.

— А ты теперь посмотри на ту же самую историю со стороны Сары, — сказала госпожа Хельсен. — Они с Виктором работают целыми днями, друг друга почти не видят. Годами не видят! Никуда вместе не ходят, только “привет, как дела?” и “пока”. Даже отпуска у них толком нет. И есть у Сары сестра Лара, у которой ни семьи, ни детей, ни такой работы, как у них. Восемь часов — и свободна как птица. И вот Сара просит Лару в кои-то веки...

— В кои-то веки? Да она...

— Сиди смирно! Ещё немного осталось. Хорошо, пусть не в кои-то веки, но всё равно, Сара просит Лару помочь, потому что им с Виктором выпал шанс побыть вдвоём. И тут выясняется, что у Лары какой-то доклад, причём делать доклады – её работа. То есть, у неё всё время какой-то доклад и, конечно же, срочный.

— Так на это у них есть Мари!

— Откуда ты знаешь, может она правда не могла остаться.

— Но дети сказали, что Сара ей просто платить не хотела.

— Дети сказали... Мало ли что они болтают.

— То есть, какой-то там Мари можно отказаться, а мне – нет?

Госпожа Хельсен промолчала.

— Можно подумать, я просила рожать меня ей в сёстры.

Госпожа Хельсен снова промолчала.

— Так, по-твоему, я ещё и виновата осталась?

— Что значит, по-моему, и что значит – виновата? — ответила госпожа Хельсен. — Никто не перед кем не виноват. Сара перед тобой не виновата – она попросила тебя, ты приехала. Не могла – так и надо было сказать.

— Так я говорила!

— Это была отговорка.

— Отговорка?

— Сиди спокойно. Если с её стороны посмотреть – отговорка, самая настоящая. И ты перед ней не виновата: обещала посидеть с детьми, пока они не вернутся, вот и посидела.

— До двух часов ночи!

— Допустим. Только зачем надо было истерику-то устраивать?

— Какую истерику? Что она там тебе наплела?

— Сказала, что ты разоралась среди ночи, даже дети проснулись. А соседка чуть полицию не вызвала, думала, сейчас кого-то убьют. Надо было прямо вот так ночью отношения выяснять?

— Да я доклад из-за неё не сделала! — Лара чуть не закричала.

— А она-то тут причём?

— Как это причём?!

— А вот так. Ты не умеешь ладить с людьми и не умеешь организовывать себя. Всё делаешь в последнюю минуту, когда время тебя спиной к стене ставит. Этот твой доклад – не первый случай. И даже не второй. Могу напомнить, если хочешь. Не хочешь? Хорошо. Только кто тебе это ещё скажет, если не я? Всё, готово, сейчас только здесь ещё... Вот так. Теперь точно всё.

Лара встала, готовая разреветься от обиды.

— Напомни ещё, почему меня Алекс бросил.

— Могу и напомнить, если ты так просишь.

— Мы решили расстаться по обоюдному согласию, между прочим, — выпалила Лара.

— Ну да, ну да. Конечно. — Госпожа Хельсен снисходительно повела бровями и посмотрела куда-то в сторону.

Некоторое время они стояли молча.

— Спасибо за стрижку, — сухо сказала Лара. — И до свидания.

— И вам спасибо. Обращайтесь, мы вам всегда рады, — ответила госпожа Хельсен, когда дверь за дочерью закрылась.

Снаружи Лару ждал неприятный сюрприз. Мало того, что резко похолодало, так ещё и дождик моросил. Зонта у неё, разумеется, не было, но ничего — остановка крытая, потом автобус, а дальше до дома два шага. Лара была жутко зла и на этот дурацкий холод, и на мерзкий дождик, и на маму, и на эту чванливую дуру Сару, и на Ремса — на весь мир. Даже на Алекса, который уж года два как исчез из её жизни. Ну, и на себя, естественно, тоже.

На конечной остановке стоял автобус. Лара бросилась к нему прямо через раскисший газон, но не успела пробежать и десяти метров, как автобус закрыл двери и уехал. В такое время автобусы ходят редко. Раз в тридцать минут, наверное. Если не в сорок.

Здесь, вдали от спасительных зданий, дул пронизывающий ветер. Лара почувствовала, что вот-вот продрогнет. Ну, почему она не взглянула в прогноз погоды? Стоянка такси была пуста — у таксистов сегодня забастовка. Ни раньше, ни позже.

Оставалось метро. Его Лара почему-то не любила и ездила на нём крайне редко, лишь в случаях особой необходимости. И сейчас был именно такой случай.

Спустившись на станцию, Лара обнаружила пустую платформу. Табло оповещало о том, что поезд только что ушёл, чему Лара ничуть не удивилась. Естественно, как же ещё. До следующего поезда — пятнадцать минут. Даже если от метро до дома — неблизкий свет, всё же лучше стоять сейчас в тепле, чем дрожать на остановке.

Платформа наполнялась на глазах. Лара недоумевала, откуда в такое время взялось столько людей. Не все же прозевали свой автобус. Наверное, спектакль кончился или концерт какой-нибудь.

Прошло пять минут, и на станции была уже самая настоящая толчея. Ждать у края платформы Лара боялась, она несколько раз читала,

как какой-нибудь ненормальный толкал ничего не подозревающих несчастных прямо под подходящий поезд. С другой стороны, при таком скоплении пассажиров можно было пропустить не только автобус, но и метро, куда будет просто не влезть.

Размышляя, как ей поступить, Лара вдруг услышала характерный звук приближающегося состава. Наверное, какой-нибудь служебный поезд, ведь табло утверждало, что ждать оставалось восемь минут. К её удивлению, на станцию въехал самый обычный поезд. Но ещё больше она удивилась, что люди никак не прореагировали на него. Они стояли как ни в чём не бывало, переговаривались, шутили, целовались, читали и водили по смартфонам пальцами. Мало того, и табло не высветило маршрут поезда, продолжая настаивать на том, что следующий состав будет через восемь минут. Уже через семь.

Поезд был совершенно пуст. Там было всё, как обычно, горел свет, на одном из сидений валялась смятая рекламная газета. Ну, что, в принципе, может быть и такое, если состав пришёл из депо.

Кнопки у дверей вагонов приглашающе засветились зелёным, но люди почему-то не спешили заходить. Никто не бежал с эскалаторов, никто не проталкивался сквозь толпу. Словно ничего не происходило. Что это? Галлюцинации от перенапряжения? Заработалась, зарпортовалась, как говорится? С такими симптомами надо не на работу завтра идти, а к доктору. И в больничку на месяц. Пусть тогда Сара ходит по театрам, сколько хочет.

Лара пробралась к вагону и посмотрела по сторонам. Все люди стояли там, где стояли, желающих ехать не было. Хотя, нет, как же не было. Вот тот лысый мужик в чёрной нейлоновой куртке – прочитал-таки прогноз погоды – нажал на кнопку двери в последнем вагоне, дверь открылась, и он вошёл. Либо галлюцинации не только у Лары, либо тот мужик — часть галлюцинации.

Лара последовала его примеру. Внутри ничего особенного не было, обычный пустой вагон. Она села на ближайшее сиденье. Народ снаружи стоял себе дальше, некоторые бросали нервные взгляды на табло, кто-то смотрел туда, откуда приехал этот поезд, словно ожидая, когда оттуда вынырнет следующий.

“Ой какие правильные, — думала Лара. — Сказали им ждать пятнадцать минут – и будут ждать. Поезд перед носом стоит, двери открыты, так его ж не объявили. А раз не объявили, то его и нет. Стадо баранов, вот как есть, настоящее стадо. Ну и ладно. Хоть мне всего три остановки ехать, посижу в комфорте.”

Раздался прерывистый писк, предваряющий закрытие дверей. Дверь, через которую Лара вошла, закрылась, кнопка на ней сменила зелёный цвет на красный, и поезд поехал.

Да, уж, с ними со всеми точно с ума сойдёшь. До психушки доведут. Мама всегда была на стороне Сары, с самого детства. Сара бесстыдно пользовалась тем, что она – мамина любимица. Сколько Лара от неё натерпелась – и не передать. И играть она с ней никогда не играла, и во дворе вечно против Лары была, что бы ни случилось. А сейчас ещё и интриги плетёт. Обидно – жуть как. А сейчас ещё и такая несправедливость! Вернее, несправедливость всегда была, но тут она какая-то уж особо несправедливая.

А что, если и правда пойти к врачу, пожаловаться на синдром выгорания, может, и в больницу определят. Отдохнуть неделю-другую. Или вот: не в больницу, а в санаторий. Или в реабилитационную клинику. Ну, а если не получится, то просто взять отпуск. Кстати, отпуск. У неё ведь отпуск за весь текущий год в целости и сохранности. Летом она брала неделю, но это был остаток с прошлого года, а из этого года она не брала ни дня. Причём от года осталось-то всего ничего. Как быстро прошло время, и как так получилось, что она этого даже не заметила? Надо идти не к врачу, а к Ремсу и просить отпуск. Целый месяц сразу. Чтобы остались только сверхурочные, а их тоже на месяц накопилось. Ремс, конечно, будет говорить про аудиторскую проверку, про заседание по стратегическому планированию и всё такое. Скажет, что сейчас не до отпуска, а то, что его так много накопилось, так это потому, что она, Лара, не умеет организовывать себя, всё делает в последнюю минуту, когда время припрёт. Вот и сейчас, в конце года вспомнила про текущий отпуск. Тогда она скажет, что решила учиться организовывать себя и начать как раз с отпуска. Чтобы весь месяц не думать ни про проверки, ни про заседания, ни про самого Ремса. За него одного нужно три дополнительных дня давать. Или четыре. Или сразу пять, чтобы неделя получилась.

Рассуждая таким образом, Лара обратила внимание, что до следующей станции поезд едет как-то слишком уж долго. Не то, чтобы он ехал медленно – как раз скорость была самой обычной, но вот станция всё не появлялась.

Лара огляделась. Ни в её вагоне, ни в следующем, ни в предыдущем никого не было. Во всём поезде она была одна, если не считать того мужика в последнем вагоне. Она встала, подошла к двери и стала вглядываться в проложенные по стенам провода, мелькающие знаки,

понятные лишь машинистам метро, бесконечные сваи тоннеля, ещё сваи, много свай.

Она прошлась по вагону туда-сюда, чувствуя, как начинает нервничать. Особенно неприятной была вынырнувшая откуда-то изнутри паника. Пока что лёгкая, на уровне обычного беспокойства, но постоянно нарастающая.

Вдруг поезд вынырнул из тоннеля на станцию, на которой, однако, и не думал останавливаться. Лишь снизил скорость, а когда станция осталась позади, понёсся снова.

Промелькнувшая станция была совершенно пуста, но главное — Лара никогда её раньше не видела. Да, на метро она ездила редко, но город был не таким уж и большим, а метро — не таким уж и разветвлённым, чтобы в нём оставались белые пятна. Нет, она здесь определённо никогда не была и могла сказать точно, что такой станции в городе не было. А может, была? Местные конспирологи постоянно говорили о засекреченной линии метро, куда ни для кого нет доступа, даже для городского начальства, потому что линия эта предназначена для спецслужб. Строили её якобы рабочие чуть ли не из Северной Кореи, которые не задавали вопросов, жили отдельно, в город не выходили, а после окончания стройки исчезли в неизвестном направлении. Вернее, в известном, но его принято называть неизвестным.

Лара нажала на кнопку экстренной связи с машинистом. Загорелась зелёная лампочка: связь установлена.

— Здравствуйте, я в... — она запнулась на секунду, а потом увидела номер вагона, он был нанесён на стене прямо перед её глазами. — Я в третьем вагоне. Я тут одна. Что-то случилось? Почему мы проехали станцию? Какой это маршрут?

Ответа не было. Не было его и после того, как Лара повторила свои вопросы несколько раз, каждый раз громче и громче. Под конец она даже не говорила, а кричала в решётку экстренной связи, но та хранила гробовое молчание.

Тогда она рванула рычаг стоп-крана. Поезд вроде как начал тормозить, но это просто лишь желаемое, выданное за действительное. На самом же деле никакого торможения не было. Лара подёргала стоп-кран несколько раз, но поезд мчался дальше и дальше. И только минут, наверное, через десять или даже больше он затормозил и нехотя ввалился на такую же пустую и незнакомую станцию, как и та, что они проехали.

Поезд остановился. Лара стала отчаянно давить на дверную кнопку, но та продолжала светиться красным. Лара понимала, что паника совершенно овладела ей, но не могла ничего с собой поделать. От бессилия и отчаяния она закричала, и кнопка вдруг поменяла цвет на зелёный. В принципе, так всегда и бывает – после остановки поезда надо немного подождать, чтобы двери открылись, и сейчас эта пауза была ничуть не длиннее обычного, но Лара могла поклясться, что ждала очень-очень долго.

Она нажала на кнопку снова, и дверь открылась. Вспомнив в последний момент про сумочку, Лара выбежала на платформу, не понимая, где она и что вообще происходит. На станции никого не было, если не считать её и... машиниста поезда, конечно же! Как она могла о нём забыть! Хотя он и не ответил по экстренной связи, но всё же должен был быть в своей кабине. Но тут снова раздался предупреждающий сигнал, и дверь закрылась.

Поезд поехал, к вящему удивлению Лары, в обратную сторону – туда, откуда приехал. Она была настолько ошарашена, что даже забыла посмотреть, кто находится в кабине машиниста. Она ожидала чего угодно, но только не этого. Ведь обычно на конечной станции машинист проходит по платформе в противоположную кабину. Сейчас же никто никуда не ходил, да и не успел бы машинист пройти через весь состав за какую-то минуту.

Лара обладала крайне скудным опытом ругательств и ещё более скудным запасом нехороших слов, но тому, что она сейчас произнесла, позавидовал бы любой мусорщик. Чередой неприятностей, начавшись со злополучного звонка Сары, и не думала заканчиваться. И снова всё из-за неё самой: если бы не паника, она триста раз подумала бы, выходить здесь или нет. Она на самом деле неспособна к самоорганизации, мама права.

Она огляделась. Шум поезда успел полностью затихнуть, и наступило то, что можно передать лишь книжным штампом “оглушающая тишина”. Такой невероятной, совершенной и абсолютной тишины Ларе, всю жизнь прожившей в городе, не приходилось слышать ни разу. Наверное, тишина была даже мертвее той, что слышат глухие от рождения. Ведь они, как считается, воспринимают колебания предметов и могут слышать через пол, на котором стоят. Лара не слышала ничего, кроме собственного дыхания и биения собственного же сердца. Ей стало жутко. Она собралась крикнуть, но не решилась — слишком уж плотной была эта злая, как ей показалось, тишина.

Станция эта не называлась никак. На стенах никаких надписей. Лара подошла к стенду, где обычно висели схемы линий метро, расписания поездов и карты округа, но и там ничего не было, если не считать старых канцелярских иголок с обрывками бумаги – раньше там на самом деле что-то висело, но, вероятно, очень и очень давно.

Лара двинулась к лестнице наверх. То, что эскалаторы стояли без движения, её ничуть не удивило. Как не удивило и то, что смартфон показывал отсутствие сигнала. Сюрприз ожидал её у выхода. Когда до конца последней лестницы оставалось ступенек пятнадцать-двадцать, стало видно, что там, снаружи, нет ничего. Оттуда не доносились шумы, не были слышны голоса и типичные для города звуки проезжающих машин. Оттуда не проникал свет, не проглядывались фонари, окна домов и вообще хоть какие-то предметы, строения и даже очертания чего-либо. Мало того, с каждой следующей ступенькой становилось всё холоднее и холоднее. Это был не привычный зимний мороз, а неестественный, странный, пугающий мертвенный холод. Перед самым выходом она остановилась перед крошечной ледяной темнотой. Словно впереди был открытый космос. Хотя нет, в космосе есть звёзды, а тут не было даже их. Ничего не было. Лара протянула было руку, но тут же одёрнула её: холод странным образом оказался осязаемым — вязким, плотным и отвратительным.

Внизу было хоть и холодно, но всё ж намного теплее, и к Ларе стала возвращаться способность соображать. Звук её шагов непривычным, до неузнаваемости изменённым эхом раздавался в пространстве. Она присела на скамейку для ожидающих пассажиров, но необычные звуки продолжались. Они были единственными звуками здесь, но они были. И шли они откуда-то сзади.

Лара обернулась и увидела лысого мужика в чёрной нейлоновой куртке – того самого, что зашёл в последний вагон на той же самой станции, что и она. Он, оказывается, тоже вышел здесь. Мужчина шёл по шпалам и должен был вот-вот скрыться в тоннеле, но не в том направлении, откуда они приехали и куда поехал поезд. Он шёл вперёд, дальше.

— Стойте, подождите! Простите пожалуйста, но... Стойте! Да подождите же! — Лара кричала изо всех сил, её крик пронзил станцию, отскочив тысячу раз от стен и стендов. Но мужчина не то, что не обернулся – он даже не замедлил шаг. Секунда-другая – и вот он скрылся в тоннеле.

Лара хотела прыгнуть на рельсы, но в последний момент испугалась. Вдруг она упадёт, ушибётся или, не приведи судьба, ногу подвернёт. Так и останется тут лежать? На концах платформы обязательно должны быть лестницы вниз. Как же работники туда спускаются и как поднимаются обратно? Не прыгают же.

Лестница действительно обнаружилась примерно там, где Лара и ожидала её увидеть. Она спустилась на рельсы и побежала за загадочным попутчиком. Тоннель тускло освещался, но и такого света было достаточно, чтобы увидеть: впереди никого не было.

“Куда он делся? — недоумевала Лара. — А главное, когда он успел куда-то деться? Ведь я потеряла всего несколько секунд. Может, тут дверь какая-нибудь потайная есть?”

Никаких дверей или люков не было. Ни слева, ни справа. Ни сверху, ни снизу. Только тоннель, рельсы, шпалы, висящие вдоль стен провода, да слабые фонари.

Время тут словно не существовало, поэтому она не могла сказать, сколько шла. Наверное, минут десять. Или двадцать. Или полчаса. Или час. Когда в конце тоннеля забрезжил свет, она прибавила шаг, потом ещё, а в потом и вовсе побежала, перескакивая через шпалы.

Свет, который она увидела, шёл с другой станции метро, такой же пустой. Даже вязкая и холодная темнота на выходе никуда не делась. Лара не поленилась подняться и проверить. Для успокоения совести.

Мужчины нигде не было видно, да она и потеряла всякую надежду найти его. Когда она спускалась обратно на станцию, то обратила внимание на висевшие над лестницей часы. Станным образом они показывали ровно то же самое время, как и те, что висели на предыдущей станции. Наверное, тут все часы стоят. Конечно, они же все управляются от одного компьютера, и если тот сломался, то все часы в метро останавливаются. Но где она, и что, чёрт его возьми, происходит? И куда убежал тот мужик в куртке? Ведь она совершенно определённо видела его. И он пошёл именно в этом направлении. Никаких ответвлений у тоннеля не было, он мог идти только сюда и потом ещё дальше. Разве что он на этой станции перешёл на другую сторону и пошёл назад, обратный путь ведь пролегает по другому тоннелю? Но к чему эти прятки? Нет, обратно она всегда успеет, да и нечего там делать, в этом она уже убедилась

Она не поверила своим ушам, когда со следующей станции до неё донеслись голоса. Обычные человеческие голоса, мужские, женские,

спокойные, ровные, а ещё такой же спокойный смех, словно там впереди был заурядный офис.

Эта станция была намного больше предыдущих. Такие часто строят на пересечении нескольких линий. Лестницы вели наверх, но не к выходу, а к просторным боковым галереям и широкой перемышке между ними. На станции было полно скамеек, и большинство из них было занято самым разнообразным народом. Люди вели себя так буднично, словно провели здесь полжизни. Если Лара и была чем-то шокирована, но не столько тем, что обнаружила в мёртвом, вроде бы, мире сразу двадцать живых душ, сколько контрастом между их спокойствием и всё ещё цепко державшей Лару паникой. Она вбежала на станцию запыхавшаяся и сразу почувствовала себя посетительницей библиотечного читального зала, вдруг начавшей громкий телефонный разговор. По счастью, её появления никто не заметил. Или, по крайней мере, не обратил на него внимания. Небольшие группы вели неторопливые беседы, кто-то дремал на скамейке у стены, сложив руки за головой, кто-то читал книгу, кто-то уткнулся в смартфон, кто-то прогуливался по галерее. Все они создавали странное впечатление людей, которые никуда не торопятся и никого и ничего не ждут, а просто пришли сюда, чтобы провести время.

Лара поднялась на связывающий обе галереи мост. У самой лестницы стояли, опёршись локтями на перила, двое мужчин.

— Я и сам удивился, что она мне позвонила, — говорил один из них. — Ведь “я тебе позвоню” — это всего лишь формула прощания. Ну, как “счастливого пути”, “счастливого оставаться”, “увидимся”, “всего хорошего” или как там обычно говорят. Я даже не помню, давал я ей свой номер или нет. И тут — бац! — звонок.

— Хорошо хоть, что телефон рядом был, — сказал второй. — Так бы пропустил звонок и потерял бы целую часть жизни.

— Конечно, — согласился первый. — Увидел бы пропущенный вызов с неизвестного номера, подумал бы, что ошиблись, и всё. Я никогда не перезваниваю на незнакомые номера.

— Да, я тоже. Однажды получилось вот как...

Лара пошла дальше. Вскоре она очутилась у группки из сидевших на скамейке трёх пожилых мужчин и стоявшей перед ними совсем молоденькой девушки.

— Гипотеза о дискретности времени, — рассказывал старик, что сидел посередине, — высказывалась ещё в Древней Греции. Зенон Элейский сформулировал парадокс “Ахиллес и черепаха”. Допустим,

говорил он, Ахиллес бежит в десять раз быстрее, чем черепаха, и находится позади неё на расстоянии в тысячу шагов. За то время, за которое Ахиллес пробежит это расстояние, черепаха в ту же сторону проползёт сто шагов. Когда Ахиллес пробежит сто шагов, черепаха проползёт ещё десять шагов, и так далее. Процесс будет продолжаться до бесконечности, Ахиллес так и не догонит черепаху.

— Но такого же не бывает, — возразила девушка. — Иначе никто никого бы не мог догнать и перегнать.

— А бюджеты разорились бы, если б не брали штрафы за неправильный обгон, — вставил второй старик.

— Но это лишь первоначальные размышления. Я ж говорю, Древняя Греция, — возразил рассказчик. — Маймонид, а это двенадцатый век, объяснял различие между скоростями тел не собственно их скоростями, а тем обстоятельством, что более медленное движение прерывается промежутками покоя чаще, чем быстрое. То есть, движение он считал дискретным. Отсюда можно перейти к гипотезе о дискретности пространства-времени.

— А причём тут время? — поинтересовалась девушка.

— А притом, что время — это лишь одно из пространственных измерений, — ответил старик. — Дополнение к трёхмерной системе координат. Поэтому с появлением теории относительности стали говорить о пространстве-времени или пространственно-временном континууме как физической модели. В теоретической физике сейчас без этого никуда. Такое пространство-время изображается в виде так называемого светового конуса. Ни у кого не найдётся листка бумаги? Я бы попытался нарисовать.

— Бумаги нет, зато есть планшет, — предложила девушка. — Можно рисовать пальцем, а можно любым точным острым предметом, той же ручкой, например.

— Ох уж эта техника, — вздохнул старик. — Она ещё сложнее для понимания, чем специальная теория относительности.

— Для кого как, — возразил его сосед.

Девушка подала рассказчику устройство, а тот вытащил из кармана пиджака старинную шариковую ручку.

— Прямо здесь и рисовать? — удивился он.

— Прямо здесь, — подтвердила девушка.

— Интересуетесь теорией относительности? — раздался мягкий голос чуть позади Лары. Вопрос был определённо обращён к ней. Она обернулась.

Рядом с ней стоял светловолосый молодой человек, приблизительно её ровесник. Его взгляд был таким же мягким, как и его голос. Лара вдруг ощутила, что от паники не осталось и следа. Не было даже самого лёгкого беспокойства. Такого умиротворения она не ещё не знала. Наверное, это чувство можно было сравнить с тем, что испытывает грудной младенец на руках у матери. Но из младенчества решительно ничего не вспоминалось, так что необычайное спокойствие, разливающееся по телу тепло и приятную, неземную расслабленность можно было считать уникальными переживаниями.

— А вы, вроде как, тоже? — она задала вопрос с усмешкой, которая сама по себе неожиданно получилась доброжелательной.

— Тоже интересуюсь или тоже не интересуюсь? — улыбнулся молодой человек. — Я первый спросил. — И не дожидаясь ответа, продолжил: — Вообще-то я эту лекцию уже слышал.

— Здесь же? — спросила Лара.

— Нет, не здесь. Вот там, внизу, — парень показал на одну из скамеек на платформе. — Я в прошлый раз ничего толком не понял, да и сейчас сомневаюсь, что пойму.

— Хм, а по мне так он понятно объясняет.

— Это сейчас понятно. Потом начнутся такие выкладки, что извилины узлами завязываться будут.

— А, вот как. Скажите...

— Может, сначала познакомимся? Вы не против?

— Нет, конечно. Меня зовут Лара. Только не Крофт.

— А я — Джеймс. Только не Бонд.

— Я, кстати, серьёзно. Я правда Лара.

— И я серьёзно. Я правда Джеймс.

— Вы англичанин?

— Что вы! Я разве похож?

— Не знаю. Я в том смысле, что никогда не встречала людей с таким именем в неанглоязычных странах. “Дж”! Не во всех языках есть такой звук.

— Поэтому Джеймс я только в документах. А в жизни — Ян.

— Это уже другое дело. Может, будем на “ты”?

— Конечно. Я где-то слышал, что мужчина может предлагать женщине перейти на “ты” только если он намного старше. А мы... Короче, мне двадцать девять. Только что исполнилось.

— Мне столько же. Ещё целых две недели.

— Ну, это вопрос относительности.

— Какой относительности? — удивилась Лара.

— Самой настоящей относительности, — ответил Ян. — Можем послушать лекцию.

— Она надолго? — спросила Лара.

— Да.

— Тогда Расскажи мне. Чтоб побыстрее было.

Старик-лектор увлечённо рисовал на планшете. Остальные наблюдали, как на экране рождается рисунок, изображающий два соприкасающихся остриями конусы. Ян отошёл в сторону, Лара последовала за ним.

— И что тебе рассказать? — спросил он.

— Всё.

— Ну, что меня зовут Ян, я уже говорил.

— Да, конечно. Я хотела знать, что это, — она показала руками в обе стороны. — Вот это всё. Что это значит? И где мы вообще?

— Не знаю, — буднично ответил Ян. Потом подёрнул плечами и повторил: — Не знаю.

— Как это, не знаю? — Лара вытаращила на него глаза. — А остальные? Тоже не знают.

— И остальные тоже не знают.

— Но кто-то же должен знать.

— Должен. Но не знает.

— Чепуха какая-то. Такого быть не может.

— Может, — ответил Ян. — Вот ты сейчас, по идее, должна почувствовать раздражение.

— От таких ответов — да.

— Но ты его не чувствуешь, правда?

— Правда, — честно призналась Лара. — Не чувствую.

— Ну так вот. Тебя всё это должно раздражать, но не раздражает. Ты должна испытывать страх, панику или что-то в этом роде. Но вместо этого ты спокойно улыбаешься. Так?

— Так.

— Этого не может быть, но это есть, — сказал Ян. — Вот и в остальном то же самое. Никто ничего не знает. Пространственно-временным континуумом интересуются, книжки читают, — он показал на старуху, впившуюся глазами в книгу в мягком переплёте, — воспоминаниями делятся, — он кивнул на всё ещё стоявших у лестницы двух мужчин. — Размышляют о чём-то своём. А что касается того, где мы и что это... Ты часто задаёшь себе вопрос, где ты живёшь,

зачем ты живёшь и что такое вот это всё? Ходишь на работу, встречаешься с подругами или с кем там ещё. Живёшь себе и живёшь.

— Вообще-то да, — согласилась Лара. — Живу себе и живу.

— Здесь, в принципе, то же самое, только в более ограниченном пространстве. Мы все просто находимся тут. Вот и всё.

— Тут – это где?

— На станции метро, где же ещё? — удивился Ян.

— И тут ходят поезда?

— Ни одного не видел.

— А ты тут давно? Ты как сюда вошёл? Сверху, через вход?

— Ты сама пришла вот оттуда да? — Ян показал на тоннель.

— Да, а что?

— Значит, ты была на соседней станции.

— Да. И на которой до ней, где я вышла, там тоже была.

— И пыталась выбраться наружу, — предположил Ян.

— Конечно, — сказала Лара. — Только там... Там...

— Темно и какая-то холоднющая масса, — закончил он.

— Да. Очень холодно, темно и... эта самая масса.

— Здесь то же самое. Можешь сама посмотреть. Тут недалеко.

Лара ничего не ответила.

— Ты на какой станции вошла? — спросил Ян.

— “Рыночная площадь”, — ответила Лара. — Подошёл пустой поезд. Никто не обратил на него никакого внимания. Странно, конечно. Я нажала на кнопку, дверь открылась. Сначала я не решалась войти, но потом в последний вагон зашёл какой-то мужик.

— Мужик? — насторожился Ян. — Лысый, в чёрной куртке?

— Да, — удивилась Лара. — Ты тоже его видел?

— Видел, — сказал Ян. — Станция “Университет” закрыта на ремонт. Во всяком случае, я так думал. И щит на входе был: извините за беспокойство, у нас ремонт. И вот, я смотрю — этот самый мужик спокойненько так спускается по лестнице вниз. Я ещё удивился, что он в такую жару куртку нацепил.

— Как это в жару? — удивилась Лара. — Я в метро спустилась, потому что замёрзла. Дождь такой противный начался.

— В жару, — подтвердил Ян. — И дождя никакого не было. Весь июнь ни капли не упало.

— Июнь? — Лара вытаращила глаза. — Июнь?

— Ну да, июнь. А что?

— А то. — Лара вынула из сумочки смартфон и показала Яну. — Видишь, какой сегодня день? Двадцать пятое сентября. Ой...

— Что такое?

— Ой, — повторила Лара. — Смотри, он показывает ровно двадцать один час.

— Это то самое время, когда ты вошла в пустой поезд?

Лара кивнула:

— Более или менее.

— А теперь смотри, — Ян вытащил свой смартфон. Он показывал двадцать пятое июня.

— Да, мои часы тоже остановились, — призналась Лара. — Значит, сегодня двадцать пятое сентября. Я села в поезд, доехала до странной станции без названия. Пока проверяла выходы, пока бежала за чёрным мужиком, кстати, где он?

Ян лишь пожал плечами.

— Ладно, — продолжила она. — Пусть ещё час я бродила туда-сюда. Плюс тут я уже минут двадцать, наверное. Или полчаса. Получается, сейчас примерно половина одиннадцатого вечера.

— И? — спросил Ян.

— Что значит, и?

— Допустим, сегодня двадцать пятое сентября. Год, как мы видели, на наших телефонах один и тот же. То есть, я тут три месяца. И что это нам даёт?

— Как что?! — воскликнула Лара. — Отсчёт времени, конечно.

— И как ты собираешься его отсчитывать?

Ответить на такой простой вопрос Лара не смогла. Часы на смартфонах стояли.

— Механические часы, может, и не стояли бы, но ни у кого таких нет, — подсказал прочитавший её мысли Ян. — А остальные стоят. И те, что над тоннелем, и которые над платформой — все. Будешь отсчитывать про себя секунды — раз, два, три, четыре, пять, шесть...

— Да ну тебя, — оборвала его Лара.

— Предположим, — Ян поднял указательный палец, — в чисто гипотетическом смысле предположим, что мы можем отсчитывать время. Например, механическими часами. И дальше?

— Как это, и дальше?

— И дальше что?

— Как это что? Мы будем знать, какое сейчас время наверху. И не только наверху. Время — оно время и есть.

— Хорошо, мы будем знать, какое сейчас время. И что?

— Что значит, что? Мы будем знать время, и тогда... — Лара не знала, как продолжить. На самом деле: и что тогда?

— Именно, — закончил за неё Ян.

— Но не сидеть же тут всю жизнь! — воскликнула Лара. — Что тут делать? Тарашиться друг на друга целый день? Хотя, что такое целый день, если тут и дней-то нету. Да и вообще, где тут, например, спать? И поесть тут нечего, и попить тоже. Туалет-то тут есть?

— Есть, — ответил Ян. — Ты хочешь в туалет?

В туалет Лара не хотела.

— Ты проголодалась?

Лара вспомнила, что с самого обеда у неё ни крошки во рту не было, но голода она почему-то не чувствовала.

— Ты устала, хочешь спать?

Несмотря на бессонную ночь перед разговором с Ремсом, Лара чувствовала себя удивительно бодрой. Спать вовсе не хотелось.

— Вот и я про то же, — Ян снова озвучил её мысли. — Здесь не хочется ни спать, ни есть, ни пить, ни, пардон, в туалет. Просто ты только сейчас сюда попала и по инерции хочешь двигаться. Но это на самом деле только инерция. Прислушайся к себе, и ты поймёшь, что никакого движения тебе не нужно. И своего ритма ты не найдёшь, потому что его больше нет. Здесь ничего нет.

Ларе тоже казались странными ощущения, которые она испытывала. Ей доводилось ездить в отпуск в заморские страны, и она прекрасно помнила, какими далёкими, ничтожными и нереальными казались там домашние дела, работа и прочая будничная суета. Она нежилась на пляже. Она отключалась от внешнего мира, заплывая далеко-далеко, откуда не были слышны голоса с берега, и лежала на воде, чуть покачиваясь на спокойной воде. Она бродила по старинным улочкам и заброшенным городам, забиралась в горы. И когда отпуск подходил к концу, никак не могла свыкнуться с мыслью, что реальность — это Сара, Алекс, Ремс, работа и квартира. Всё это казалось каким-то совсем-совсем далёким, существовавшим в какой-то другой вселенной, но всё же существовавшим. Сейчас же она вдруг ощутила, что всё находящееся там, наверху, снаружи или в том, прежнем мире переходит на уровень снов и воспоминаний о снах. Словно и не было ничего этого, всё только лишь приснилось, чтобы забыться через какое-то время, как забывается большинство снов. В этом странном мире она провела совсем немного времени, пусть и

несуществующего, и уже с трудом смогла вспомнить как причину утреннего разговора у Ремса, так и то, что произошло дома у Сары. Может быть, думала она, что рано или поздно она не вспомнит ни самого Ремса, ни Сару, ни маму, никого. Ведь не помнит же она ни из-за чего дралась в школе, ни имён тех, с кем дралась, ни их самих. Прямо на глазах из памяти стирались части её жизни. По крайней мере, неприятные части. На место раздражения, обиды, злости, нервозности приходило незнакомое, но страшно приятное чувство успокоенности, гармонии и – это странно, но – свободы.

— В какой-то рекламе говорилось “наслаждайся моментом”, — Ян прервал её размышления. — Так вот, всё, что тут есть – это тот самый момент. И он тут настолько один-единственный, что ты начнёшь им наслаждаться, хочешь ты того сейчас или нет. Человек так устроен, что ищет опору в пространстве, а тут опора и есть само это пространство.

— Это не опора, а лёд, в который мы тут вмёрзли, — сказала Лара.

— Но лёд тёплый, согласись.

— И даже приятный. Ах да, ты ведь мне так и не рассказал, как сюда попал. Спустился за тем мужиком в метро, а дальше?

— А дальше почти как у тебя. Только на твоей “Рыночной площади” была куча народу, а на “Университете” не было никого, кроме нас с лысым мужиком. Я иду за ним в метро, захожу на станцию. Тут же подходит поезд. Он садится в последний вагон, а я – в вагон посередине. Потом поезд тоже очень долго ехал, пока не доехал до какой-то странной пустой станции. Я, понятное дело, выскочил. Откуда ж я знал, что поезд пойдёт обратно.

— Твой поезд тоже поехал обратно? Вот же облом, скажи!

— Ещё какой. Разозлился я жутко. Поднимаюсь вверх, но выход закрыт этим дурацким желе. Возвращаюсь вниз, смотрю – а тот мужик прыгает на рельсы и юрк в тоннель. Я за ним. Догнать его не догнал, зато вышел на эту станцию. Как и ты.

Они спустились на платформу и прошлись туда-сюда несколько раз, а потом уселись на пол в самом начале платформы, у стены с закрытой наглухо служебной дверью. Лара говорила о своей жизни, о работе, о Ремсе и Алексе. При этом она постоянно ловила себя на мысли, что рассказывала словно о давно прочитанной книге, о том, что происходило не с ней самой, а с вымышленными героями в вымышленном мире. Ян тоже рассказывал о себе, было заметно, что многие воспоминания даются ему с трудом.

— А почему люди скопились только здесь? — спросила Лара. — Разве там, — она показала в обе стороны тоннеля, — места нету?

— Наверное, потому что эта станция самая большая и уютная. Здесь лавочек много, люди не маячат друг у друга перед глазами.

— А новые часто приходят?

— Не знаю, не замечал.

— Но меня заметил?

— Тебя – да.

— А почему именно меня? Как можно не заметить нового человека среди двух десятков людей или сколько их тут?

— Тут вот какое дело... — Ян немного замялся. — Я как-то сидел ровно на этом самом месте, — он похлопал рукой по полу. Не то, чтобы задремал, ведь спать тут никогда не хочется, а просто прикрыл глаза и думал о чём-то. И вдруг меня как толкнул кто-то. Открываю глаза – нет, всё нормально, ничего не случилось. Неужели правда заснул? А потом... Видишь тот счётчик, где время до следующего поезда показывается? Да, понятно, никакого следующего поезда не будет, но что там написано?

— Пять минут десять секунд.

— Вот! А перед тем, как я закрыл глаза, счётчик показывал две минуты десять секунд.

— Может тебе показалось?

— Показалось? Да я только и делал, что сидел и смотрел на эти дурацкие две минуты десять секунд.

— Но пять и два похожи. Просто в разные стороны написаны.

Ян только хмыкнул.

— Но было и ещё кое-что, — продолжил он. — Прямо передо мной сидел усатый такой дядечка и читал что-то в смартфоне. Книгу, наверно, не знаю. Так вот, когда я закрывал глаза, он там сидел, а когда открыл, его уже не было.

— Тоже мне, чудо, — ухмыльнулась Лара.

— Я имею в виду, его нигде не было. Я специально прошёлся внизу и вверх. Как сквозь землю провалился.

— Мы и так под землёй, — уточнила Лара.

— Значит, всё равно есть куда проваливаться, — ответил Ян.

— Может, он пошёл на разведку туда, дальше?

— Ага, сидел, читал книжку, а потом взял и пошёл на разведку.

— А почему нет? Ты же не знаешь, сколько просидел с закрытыми глазами. Часов ведь у тебя нет.

— Просто это не единственный такой случай, — Ян облизнул губы. — На счётчик я до того внимания не обращал, вполне возможно, что он и в другие разы менялся. Но бывало и так, что люди исчезали в никуда и возникали ниоткуда. Кроме тебя, я не видел никого, кто пришёл бы своими ногами.

Лара попыталась присвистнуть, но свистеть она не умела, так что попытка не удалась.

— И как часто они исчезают и появляются?

— Я б не сказал, что очень уж часто, — Ян пожал плечами. — Но примерно половина команды успела поменяться.

Впервые в жизни Ларе удалось присвистнуть.

— Есть ещё одно наблюдение, — сказал Ян. — Никто не исчез на моих глазах. Только когда я на него не смотрел.

— А что там дальше? — спросила Лара после некоторой паузы.

— Ещё одна станция.

— И что там?

— Ничего интересного. Она намного меньше, чем эта, низкая и неудобная. Как и те, что с другой стороны. Ты ж сама видела.

— Давай посмотрим. Она далеко отсюда?

— Нет, не очень.

— Тогда тем более!

Она так горячо и умоляла Яна прогуляться, что тот сдался.

— Только как я уже сказал, нельзя терять друг друга из виду. Чтобы хотя бы один из нас постоянно видел другого. Мало ли что.

И они отправились в путь.

Поначалу шли молча. Ян впереди, Лара за ним. Ларе почему-то начинало здесь нравиться. Не то, чтобы она хотела провести тут всю жизнь, но покидать это место тоже не хотелось. В этом странном мире она могла обрести именно то, о чём мечтала ещё с детства — чтобы её просто оставили в покое. Вот взяли и забыли про неё. Чтобы никто ничего не требовал, чтобы никто ей не звонил и не писал, ни о чём не просил и не заставлял бы куда-то ездить. Чтобы просто быть наедине с собой, думать, читать. Ведь она буквально на днях скачала в смартфон так называемую “Библиотеку мировой литературы” ради интереса, посмотреть, сколько она займёт места. Скачала, думала стереть и забыла. Хватит надолго, если только найдётся, где смартфон зарядить. Ведь пока что она не видела ни розеток, ни беспроводных зарядных устройства, что стоят на каждой нормальной станции метро. Где же они все заряжают свои смартфоны?

— Ян, слушай, а где люди смартфоны заряжают? Тут они у каждого первого.

Ян замедлил шаг, и они поравнялись.

— Нигде. Это и не нужно. Аккумуляторы всё равно не садятся.

— Как такое может быть? И свет везде горит. И на той станции, и на нашей, и в тоннеле.

— А тебя не удивляет, что ты приехала сюда на поезде? Который, как известно, тоже электрический.

— Удивляет. Вернее, не столько удивляет... Это даже не удивление, а просто интересно.

— Я не знаю. Правда не знаю.

— И никогда не хотел узнать? Не интересовался?

— Понятия не имею. Может, и хотел. Но если люди тут не испытывают ни голода, ни жажды, почему гаджеты должны чувствовать себя по-другому?

— А у тебя есть хоть какое-то объяснение всему этому? Конечно, ты не обязан ничего объяснять. Но вдруг ты когда-нибудь тоже вот так размышлял на досуге, тем более что тут один только досуг и есть, и у тебя возникли мысли по поводу.

Ян помедлил с ответом.

— Господин Фредрексен, который рассказывал о пространственно-временном континууме, помнишь?

— А, этот дедушка на скамейке?

— Он самый. Он профессор или что-то в этом роде. Его идея, может, не объясняет всё полностью, но некоторые мысли подсказывает.

— Это когда он про дискретность рассказывал?

— Ага. Всё состоит из малюсеньких частичек. Даже свет.

— Свет? Но свет — это же волны.

— Волны. Но и частички одновременно. В зависимости от условий и контекста. Называется корпускулярно-волновой дуализм. Я ж слушал лекции господина Фредрексена. Вот он про этот самый дуализм и рассказывал. В прошлый раз. Или в позапрошлый. Может, он и сейчас как раз про него рассказывает.

— А причём тут мы?

— А притом, что и время и пространство тоже не непрерывно, а состоит из мельчайших частичек, отрезков, типа микроскопических капель. Мы думаем, что время бежит, а на самом деле наблюдаем поток этих капель, в смысле, частичек. Теперь представь себе, что мы непонятным образом оказались внутри одной такой частички. Вокруг

нас другие такие же частички, по отношению к ним мы не движемся. Ты ж сказала, что мы как бы вмерзли в некий лёд. Наверно, ты была недалеко от истины. Мы вмерзли, только не в лёд, а в одну из частичек пространства-времени. И время перестало для нас существовать, потому что перестал существовать его поток. Мы сами стали частью этого потока.

— Чушь какая-то, — сказала Лара. — Это ты сейчас придумал?

— Сейчас? А что такое сейчас? Сейчас — это точка между прошлым и будущим. А если нет ни того, ни другого, то нет и сейчас.

— Да ну тебя, — Лара махнула рукой. — Ведь если времени нет, то не должно быть ничего, что с ним связано. Например, процессов, действий и движений. Мы живём, в нас происходят химические реакции. Мы идём, двигаемся, перемещаемся из пункта А в пункт Б, причём не внезапно...

— Это нам кажется, что не внезапно, а для гипотетического стороннего наблюдателя, может, и внезапно.

— И тем не менее. Мы были там, — Лара кивнула в сторону станции, откуда они вышли, — теперь идём туда, — она показала рукой вперёд. Мы вышли, мы идём, мы придём. Прошедшее время, настоящее и будущее. И если они описывают правильно, то должно существовать и то, что они описывают. Я, во всяком случае, так понимаю.

— Вот поэтому я и говорю, что лекции и идеи профессора могут быть началом для объяснения. И если честно, я тоже размышлял так же, как и ты. Дошёл до этого момента и дальше так и не продвинулся. Может, стало лень про это думать, не знаю.

— Кстати, профессор. Ты сказал, что слушал его лекции раньше. То есть, сейчас он их повторяет, да?

— Да.

— Только для другой публики, которая его ещё не слышала?

— Я понял, к чему ты.

— И?

— Однажды толчок... я тебе о нём рассказывал... в общем однажды он случился прямо во время лекции Фредрексена. Он был так увлечён, что ничего не заметил. А на самом деле все поменялись. Представляешь! Мы, то есть, наша группа, мы стоим или сидим, где стояли или сидели, а люди вокруг вдруг стали другими.

— И никто из них ничего не спросил?

— А что они должны были спросить?

— Например, откуда вы взяли.

— Нет, не спросили. Может, потому что такое уже видели. Или сами так перемещались. Но никто ничего не спросил.

— И профессору не показалось странным, что нашлись те, кто его ещё не слышал? Он явно рассказывает про пространственно-временной континуум не в первый раз, и даже не во второй.

— Так это ж профессор. Ты что, не знаешь, какие бывают профессора? Они сами себя-то не замечают, а остальных тем более.

— А те, кто его слушал — они что, тоже ничего не заметили.

— Наверно, заметили, я не знаю.

— И ничего не сказали?

— Так и я ничего не сказал. Хоть и заметил. Я это к чему рассказываю. По моей гипотезе, мы могли перескочить из одной частицы времени в другую, соседнюю. Предметы, обстановка, станции там такие же, потому что они были всегда, если брать обозримое прошлое и будущее. А вот люди — они да, попали сюда извне, случайно или нет. Идиотское объяснение, я знаю. Но другого нет.

Лара помолчала немного.

— Но электричество-то откуда берётся?

— Не знаю. Я ж сказал, что не знаю. Не. Зна. Ю.

— Ладно, не обижайся.

— Обижаться? И не думал. Я уж и забыл, как это делается

— Знаешь, мне кажется, что я тоже забыла. Или почти забыла. Вот вспоминаю всех, на которых обижалась или злилась, и думаю — да это ж фигня всё. Сплошная фигня. Какой-то там начальник что-то там сказал. Какой-то парень меня типа как бы бросил. Сестричка — та ещё... И что? Да идут они все лесом. И с миром.

— Это потому, что их здесь нет.

— Ничего подобного! Если б они здесь были, я б на них даже не реагировала. Ты ж сам сказал, что тут у нас всё воспринимается по-другому и что наше восприятие меняется, что характер меняется, что здесь абсолютное спокойствие. Вот только почему надо было попасть сюда, чтобы понять, какая это всё фигня? Почему я там этого не понимала? Сколько я нервов бы сэкономила! Хотя, знаешь, я всё-таки ещё могу обижаться и злиться — на саму себя.

— И это пройдёт, — заверил её Ян. — Ещё немного, и пройдёт.

За разговорами они и не заметили, как пришли. Следующая станция была и правда совсем маленькой. Узкая платформа с одной-единственной длинной скамейкой для ожидающих, традиционно пустая информационная доска, лестница наверх. Даже эскалатора нет. На

табло высвечивалось время до прибытия следующего поезда: ровно ноль пять минут ноль ноль секунд.

— Там на лестнице, — поинтересовалась Лара, — тоже это холодное и вязкое?

— Там всё проще, — ответил Ян. — Обычная железная дверь.

— Железные жалюзи, ты хотел сказать.

— Как раз не жалюзи, а именно что дверь. Сама посмотри.

Лестница выводила в совсем крошечный вестибюль, от которого поднималась вверх ещё одна лестница, действительно упиравшаяся в герметично закрытую стальную дверь. Лара постучала по ней и не услышала никакого звука, словно стучала она по толстому бетону. Разочарованная, она спустилась обратно в вестибюль, где её ждал Ян.

— Я тебе говорил, — напомнил он.

— Говорил, — согласилась Лара.

Они стали медленно прохаживаться вдоль станции. Лара прыгнула на скамейку и пошла по ней. Ян держал её за руку.

— Всё равно не понимаю, — сказала Лара. — На других станциях тоже можно жить. Почему все толкуются на этой?

— По-моему, как раз всё понятно, — ответил Ян. — В неизвестном пустом мире, где всё застыло и ничто не движется, оказались два десятка незнакомых до того людей. Они тут единственные живые существа. Понятно, что они стараются держаться вместе.

— Ну, собирались бы там, устроили что-то вроде салона, клуба, а сами обжили бы себе какие-нибудь уголки. На той станции и на других тоже.

— Ты исходишь из своих обычных представлений о распорядке дня, — пояснил Ян. — Утром проснуться, день на работе, потом какой-нибудь клуб или сначала домой, а потом в клуб, в кино или в ресторан. Или только домой, если у кого семья и дети. А потом домой спать. Тогда да: день делится на части, и каждую часть лучше провести в отдельном месте. Но штука в том, что здесь нет ни утра, ни дня, ни вечера, ни ночи. Спать не хочется, есть не хочется, работать не надо, семей нет. Какой смысл разбредаться?

— А пар тут ты никаких не видел?

Ян отрицательно покачал головой.

— Мы можем быть первой, — Лара остановилась у края скамейки.

— И в чём это будет выражаться? В сексе на виду у всех?

— Именно что не на виду. Мы можем быть вместе, но отдельно от всех. Поселимся на этой станции. Обустроим её, обставим...

— Чем? — удивился Ян. — Тут же нет ничего.

— А ты в служебных помещениях смотрел? Заглядывал туда?

— Да нет. Мне даже и в голову-то не пришло.

— А мне пришло. Наведём тут уют. Стопроцентно где-то найдётся фикус. Или пальма. Поставим сюда живое дерево. Поливать его не надо. Если люди и гаджеты без еды обходятся, чем деревья-то хуже? На большую станцию будем ходить, как в клуб, а остальное время проводить вместе. Округу исследовать, гулять, разговаривать, ну, и это, про что ты сказал — и это тоже. Но вдали от всех. Я не могу, когда на меня все смотрят.

— Смотрят? — удивился Ян. — По-моему, тут все заняты собой или разбрелись по группкам. Никому не до кого нет дела. Может, мне так только кажется?

— Кажется, — твёрдо сказала Лара. — Я жуткая интровертка и чувствую каждый взгляд. Они могут быть очень милыми людьми, но должно же быть какое-то личное пространство. Домов тут нет, квартир тоже. Но есть станции, а это уже кое-что.

— А если и другие так захотят?

— Какое нам дело до других? — возмутилась Лара. — Пусть ищут другие места. А это место — наше. Жалко, что рисовать нечем, а то я бы на стене так и написала: “Ян + Лара”. Названия же у станций всё равно нет. Вот это и будет первое название.

— Представляю, как кто-то придёт и заявит свои права. Это что-то: двадцать человек воюют между собой за станции пустого метро, которых тут, может быть, сотни. Я был и на той станции, — он кивнул головой в сторону убегающего тоннеля. — И там тоже ещё не тупик. Но эта-то ближе всего к клубу

— Люди — они такие, — вздохнула Лара. — Прежде всего они придумают, из-за чего воевать и чем воевать. Остальное — если время будет. А тут и времени-то никакого нет.

— Так что, остаёмся тут? — спросил Ян.

— Ой! — вскрикнула вместо ответа Лара. Она прыгнула со скамейки вниз, но в этот самый момент их обоих толкнуло ударной волной от взрыва, которого не было. Лара чуть не упала, но Ян, продолжавший держать её за руку, вовремя подхватил её.

— Это он и был, тот самый удар, да?

— Да. Если бы мы не держались за руки и не видели друг друга, может, и не увиделись бы никогда больше.

— Вот поэтому нам надо обязательно быть всё время рядом. Будем здесь жить, — заключила Лара, обвела взглядом станцию и снова сказала, уже тише: — Ой!

— Что такое? — забеспокоился Ян.

— Смотри! — Лара показала на счётчик времени до прибытия поезда. — Раньше там было ноль пять ноль ноль, а теперь ноль семь ноль две.

— Да? А я и не заметил.

— Уж на цифры у меня память хорошая. Забыл, что я в контроллинге работаю? То есть, работала? Профессиональная привычка.

— Я и говорил, что счётчик меняется. Он и раньше менялся. Там. — Ян показал в сторону большой станции.

— Говорил, — призналась Лара. — Только лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Вот я и увидела.

— Так что, остаёмся тут? — Ян повторил свой вопрос.

— Ещё как! — Лара подняла брови. — Если ты не против.

— Почему я должен быть против? Будет наша станция.

— Наш дом, — поправила его Лара. — Для нас двоих.

— Да, конечно. Ну как? Может, сходим в клуб?

— И что нам там делать?

— Хотя бы познакомимся с остальными. Там ведь не только профессор Фредриксен. Есть и другие люди, тоже очень интересные. А когда тебе надоест общество, мы вернёмся домой, ладно?

— Давай держаться за руки, пока идём через тоннель, — серьёзно сказала Лара. — Мало ли что.

— Обязательно. Мне этот толчок что-то совсем не понравился.

— А другие нравились?

— Другие были никакие. Ну, были и были. А этот какой-то жёсткий, не как раньше.

— Тебе есть, с чем сравнивать.

Они спустились на рельсы и пошли обратно. Чем ближе они подходили к большой станции, тем тревожнее им становилось. Вернее, это была не столько тревога — чувства в этом странном метро либо притуплялись, либо пропадали вовсе, а неприятные — в первую очередь. Это была не столько тревога, сколько удивление. Лишь перед самым входом Лара поняла, что её удивляло — это была полная тишина. Не было слышно ни разговоров, ни смеха, ни шагов. Ничего.

На станции их ждала жуткая картина. Сама платформа была пуста, на скамейках никого не было, никто не прогуливался взад и вперёд, как раньше. На галерее, как и прежде, находились люди. Профессор Фредриксен держал свою бесконечную речь перед небольшой группой слушателей, древняя старушка уткнулась в книгу в мягком переплёте, двое мужчин у перил разговаривали в точности так же, как разговаривали они, когда Лара вошла на станцию. Все занимались своими делами, хотя это не совсем точно описывает то, что увидели Лара с Яном. Люди на галерее представляли собой словно трёхмерную фотографию, композицию восковых фигур – все они застыли, будто кто-то дал им команду “замри!”. Профессор занёс руку над блоком, собираясь проиллюстрировать рассказ. Старушка переворачивала страницу книги и остановилась на полпути. Двое мужчин у перил могли сойти за живых, но и они совершенно не двигались. Кто-то занёс ногу в шаг, но так и не опустил её на мраморный пол. А главное: они, как и вся галерея, были покрыты чем-то вроде лёгкого инея. Создавалось впечатление, что верхнюю часть станции внезапно заморозили, облив жидким азотом, после чего эти фигуры остеклели и тут же разобьются на осколки, если их уронить.

— Вот и познакомились, — пробормотал Ян.

Лара крепче сжала его руку.

— Что это? — тихо произнесла она. — Я так не хотела... Я совсем не то имела в виду, когда про лёд говорила...

Они осторожно вошли на станцию и пересекли её, не решаясь подняться на платформу. С каждым шагом открывались новые виды заиндевевшей галереи, где стояли другие недвижимые фигуры. У самого тоннеля, как раз на том месте, где они первый раз – сначала Ян, а потом и Лара – вошли сюда, они прижались друг к другу и стояли так, побледневшие и испуганные. Стояли, пока не тряхнуло снова. На этот раз так сильно, что они едва удержались на ногах.

Теперь Лара не просто вскрикнула, а завизжала что было сил. Пока они смотрели под ноги, чтобы не упасть – при толчке оба инстинктивно посмотрели вниз – опустела и галерея. Фигуры пропали. Они остались одни.

— Ян, миленький, мне страшно, — заговорила Лара. — Я не знала, что тут может быть страшно. Наверное, не может такого быть, но мне правда страшно. Давай пойдём домой, у нас же теперь есть дом. Там так хорошо, нет этой дурацкой холодной слизи, никого нет. Только ты и я. Если они все снова появятся, то мы придём их проводить. И

профессора послушаем. Но у меня такое ощущение, что толчки идут отсюда. Дома так не трясло. А тут трясёт. Пойдём домой, а?

Ян ничего не ответил. Он стоял и вглядывался в тоннель на противоположной стороне, который вёл к “их” станции.

— Ну что ты молчишь! Пошли!

Она потянула Яна за руку, но тот не двигался с места.

— Ты что? — закричала на него Лара. — Тоже замёрз?

— Не думаю, что мы сможем вернуться, — вымолвил Ян.

— Почему? — опешила Лара. — Мы ж только оттуда.

— Смотри, — он взял её сзади за плечи и протянул руку вперёд, показывая на свод дальнего тоннеля. — Ты ничего не видишь?

Не только галерея, но и вся противоположная стена, включая своды тоннелей по обеим сторонам, а также дальняя половина платформы — всё было покрыто зловещим инеем.

— Ты хочешь туда? — спросил Ян.

— Зачем мы сюда пришли? — ответила Лара вопросом на вопрос. — Сидели бы сейчас там, на той стороне. Ну, подумаешь, толкает иногда. Ну, часы прыгают туда-сюда. Но никакого инея, снега или как это ещё называется, там не было. А здесь есть.

— Я думаю, что спрашивать уже поздно, — сказал Ян. — Так или иначе, но факт, что обратный путь замёрз.

— И что нам делать? Идти дальше? Не оставаться же тут.

— Боюсь, что другого нам и не остаётся.

— Ты возвращался туда? — Лара посмотрела в глубину тоннеля, откуда она пришла. Начинаясь было истерика утихла.

— Да, один раз.

— И на ту станцию, куда нас привезли?

— Да.

— Ждал поезда?

— Да. В самом начале, как только сюда приехал. Сидел там, ждал-ждал, а потом вдруг подумал: я чего я жду? Поезда, который меня отсюда увезёт. Куда? Обратно? — Ян поднял глаза к потолку. — Чтобы снова увидеть всех этих осточертевших... Ну, я тебе ж рассказывал. Тошнит от них всех уже. А главное: это когда понимаешь, кто тебя там, наверху, никто не ждёт. А если и ждёт, то только чтобы что-то получить. Ты же рассказывала свою историю, я тебе тоже свою рассказал. Разницы ж никакой. Да, имена разные, адреса, названия. Остальное — один в один. За всю жизнь, никто ни разу не появился, чтобы сказать “на, возьми!”. Все появляются только для того, чтобы

сказать “дай!”. Всем что-то от меня надо. Мне ни от кого ничего не надо, я даже подать что-то никогда не прошу – встану и сам возьму. “Дай”, “дай”, “дай”. Вот они где все уже, — он провёл ребром ладони по горлу. — А тут... Тут мне тоже ни от кого ничего не надо, но и ко мне никто не пристаёт. Хотя, сейчас уже и приставать-то некому.

— И больше ты туда не ходил?

— Нет. Не было никакого желания.

— Если честно, у меня такого желания и сейчас нет. Я не хочу отсюда уходить, несмотря на всё это.

— Мы должны идти. У нас нет выбора.

— Там дубак! — напомнила Лара. — И без всякого инея.

Ян пожал плечами. Они ещё постояли и двинулись вперёд.

Может, они уже успели привыкнуть к теплу, а может, на самом деле похолодало, но на следующей станции стоял настоящий мороз. Немного посоветовавшись, решили идти дальше, туда, куда их привёз загадочный поезд.

Они потеряли осторожность и шагали, не державшись за руки, что едва не стоило им разлуки. Новая волна, на этот раз – смертельно холодная – сбила Лару с ног.

— Давай руку! — закричал что есть силы Ян. — Руку!

Лара подняла голову, но никого перед собой не увидела. Только пустой тоннель, освещаемый тусклыми фонарями.

— Сюда! Здесь! — голос Яна раздался совсем рядом, казалось, всего лишь в полуметре от неё. Лара высвободила левую руку, протянула её в пустоту, и в этот же момент рука Яна крепко схватила её. Ян – теперь Лара могла видеть его – помог ей подняться.

— Ты как? — спросил он.

— Ничего, всё нормально, даже не ударилась.

— Пойдём быстрее.

Хотя никаких толчков больше не было, позади чувствовался нестерпимый холод. Они побежали. Было понятно, что на той, начальной станции, холод мог их догнать. Наверное, придётся бежать дальше, до следующей. А если они тоже замёрзнут, как и те, в клубе? Ну и что? Раз здесь нет времени, то нет и смерти. Профессор говорил о квантах пространства времени. Может, они смогли наблюдать сам момент перехода из одного кванта в другой? Может, это для них, Лары с Яном, всё выглядело так жутко, а остальные ничего не заметили? Профессор читал лекцию, слушатели задавали вопросы, старушка листала книгу, мужчины у перил делились воспоминаниями.

Они были увлечены своими делами и собой и не заметили, как Лара с Яном исчезли. Конечно! Это они двое исчезли, а не все остальные! Как же она сразу не догадалась?

Она собралась остановить Яна и поделиться с ним своим открытием. Она даже крикнула ему “Стой!”, но тот то ли не расслышал, то ли не захотел останавливаться. Ян цепко держал её руку, увлекая за собой. Лара удивилась своей прыткости. Она никогда не блистала в спортивных дисциплинах и не подозревала, что способна на такой забег. Но дыхание не сбилось, бежала она легко и свободно.

Ян вдруг остановился. Лара со всего размаху налетела на него.

— Смотри! — сказал он.

До финиша оставалось совсем немного, и они не поверили своим глазам, увидев красные огни поезда метро.

— Бежим! — закричал Ян и дёрнул Лару за руку.

Они ринулись бежать изо всех сил. Лара была уверена, что по пути произошёл ещё один толчок. На сколько он их перенёс? На минуту? Две? Три? Час? Вперёд или назад?

В поезде заработал двигатель. Ничего, подумала Лара. В крайнем случае заберёмся на прицепную муфту, там места хватит. Поедем, как подростки, спорящие на “слабо”.

Но состав пока стоял. Они подбежали к тому месту, где начиналась платформа. Одним прыжком Лара перескочила металлическую лестницу, по которой она сегодня (вчера? год назад?) спускалась на рельсы, пытаясь догнать мужика в чёрной куртке. Кстати, да вот и он сам! Неторопливо заходит в первый вагон. Не может такого быть! Нет, может, ещё как может. Лара видит его собственными глазами. Это настолько удивило её, что она потеряла какую-то долю секунды, какое-то мгновение...

Раздался прерывистый сигнал, и двери закрылись прямо перед их носом. Хотя, нет не закрылись, потому что Ян свободной рукой выбросил вперёд невесть как оказавшуюся у него сумочку Лары, и двери вагона защемили её.

— Хрен тебе собачий! — заорал он.

Обнаружив препятствие, двери автоматически открылись и тут же стали закрываться снова. Этого времени хватило, чтобы оба успели ввалиться в вагон. Двери захлопнулись, сигнал смолк, и поезд поехал.

Какое-то время они стояли и смотрели друг на друга, запыхавшиеся, вспотевшие, покрасневшие. Они держались за поручни, забыв о целом море свободных сидений.

— Откуда у тебя моя сумочка? — удивилась Лара. — Я и не заметила, что её потеряла.

— Ты оставила её дома, — объяснил Ян. — У нас дома, когда мы пошли в клуб. На, бери. И больше не теряй.

— Вообще-то я без неё... Но... Так получилось.

Они обнялись и долго стояли в раскачивавшемся из стороны в сторону вагоне, набиравшим скорость и увозивших их обратно в реальность. Стояли, пока поезд не затормозил и не вполз на битком набитую станцию “Рыночная площадь”. Как и в прошлый раз, толпившиеся на платформе пассажиры не обратили на него никакого внимания.

Лара посмотрела на Яна.

— Ну что, пойдём?

Тот сделал было шаг к двери, но вдруг отступил назад.

— Что такое? — удивилась Лара.

— Мне нельзя сюда, — быстро сказал Ян. — Нельзя. Мне не здесь выходить, мне надо дальше, понимаешь? Не здесь!

— Но почему?

— Это не моя станция, не моя, — повторял он. — Моя станция “Университет”. “Университет”, не “Рыночная площадь”. Мне нельзя сюда. Ни в коем случае нельзя.

— Так “Университет” же на ремонте!

— Ну и что? Я как-то туда вошёл, значит, так и выйду. Но я должен ехать туда!

— Но почему? — Лара вытаращила на него глаза.

— Потому что на этой станции двадцать пятое сентября. А мне надо в двадцать пятое июня. В двадцать пятое июня, не сентября!

— Чушь какая!

— Я не буду здесь выходить, — настаивал Ян.

— Но поезд может и не дойти до “Университета”!

— Может и не дойти. А может и дойти. У меня нет выбора.

— Какой тут выбор! Пойдём!

— Нет, — уверенно сказал Ян.

— Пожалуйста! — крикнула Лара.

В ответ он поцеловал её в губы. Единственное, о чём мечтала в этот момент Лара — это чтобы время застыло, как там, на безымянной станции, и чтобы поцелуй этот не закончился никогда.

Поезд остановился. Кнопки на дверях загорелись зелёным.

— Иди, — сказал Ян. — Твоя станция.

— Я не хочу, чтобы... — начала Лара.

— Иди, — повторил Ян.

Она покорно двинулась к выходу.

— Лара! — он окликнул её.

Лара обернулась.

— Кто выиграл чемпионат по футболу?

— Наша команда, — автоматически ответила Лара. — А что?

— Наши? Выиграли? Ты с ума сошла.

— Наши. А что такое?

— Я поставлю на нашу команду на тотализаторе.

— Что? Ну, и нашёл ты время!

— И ещё. Запомни, пожалуйста: ноль тридцать один двести семьдесят два четыреста тридцать два пятнадцать. Повтори.

Лара повторила.

— Тебе пора, — сказал Ян.

Они поцеловались ещё раз, после чего Лара открыла дверь, вышла и тут же обернулась.

— Ноль тридцать один двести семьдесят два четыреста тридцать два пятнадцать, — прокричал Ян.

— Ноль тридцать один двести семьдесят два четыреста тридцать два пятнадцать, — громко повторила Лара, и стоявшие рядом с ней люди недоумённо посмотрели на неё. С чего это девушка выкрикивает какие-то числа в пустоту?

Знакомый сигнал — и двери резко закрылись. Лара больше не слышала голоса Яна, но видела, как тот рисует на стекле цифры: ноль, три, один, два, семь, два, четыре, три, два, один пять.

Ещё несколько секунд — и поезд скрылся в тоннеле.

Первое, что захотелось сделать Ларе — это заплакать. Но если плакать, то только не здесь, на виду у всех. На неё и так странно посматривают, наверное, потому что она повторяла цифры: то, что это был номер телефона Яна, она поняла сразу. Если она ещё и плакать начнёт... Нет, только не здесь.

Едва сдерживая слёзы, она поплелась к эскалатору. Уже двигаясь вверх, она увидела, что через несколько ступенек от неё стоит лысый мужик в чёрной куртке. Только сейчас он её совершенно не интересовал. Её занимали совсем другие мысли. Вдобавок ко всему, страшно захотелось есть.

Перед самым выходом на улицу она вытащила из сумочки смартфон. Закрывающаяся дверь метро подействовала на него не самым лучшим образом — его экран треснул. А ведь Лара давно купила

специальное защитное стекло, только руки никак не доходили, чтобы его наклеить. Да, с самоорганизацией у неё на самом деле проблемы.

Смартфон работал. Мало того, он показывал теперь не девять ноль ноль, а девять ноль семь. Да и сигнал появился.

Она набрала номер: ноль тридцать один двести семьдесят два четыреста тридцать два пятнадцать.

— Ну, наконец-то, — услышала она далёкий знакомый голос.

— Привет, — ничего лучшего она не придумала.

— Привет. Ты как?

— Нормально, — и Лара захлюпала носом.

— Ну-ну, — стал успокаивать её голос. — Раньше надо было плакать, а сейчас-то чего?

— Раньше не хотелось, — выдавила она. — Ничего не хотелось.

— Как это ничего? А остаться? Свой дом завести?

Лара ничего не ответила. Она едва сдерживала слёзы.

— Ладно, — продолжил голос. — Давай прямо ко мне, хорошо?

— Я есть хочу, — почему-то сказала Лара. — И устала очень. День длинный был.

— Вот и хорошо. Поешь и выпишься. Завтра суббота.

— В метро я больше не спущусь.

— И не надо, — далёкий голос стал вдруг приближаться. — У меня машина тут рядом. Парковка была, как по заказу. — После чего голос прозвучал совсем рядом, прямо над ней: — А по пути расскажу, сколько я выиграл. На наших почти никто не поставил. Ведь самая слабая команда была на всём чемпионате.

Лара обернулась и разрыдалась. Ян обнял и поцеловал её, как и три месяца назад. Они вышли наружу, на сырой, пронизывающий ветер. Ян вытащил было зонтик, но Лара вдруг остановилась и посмотрела вверх, откуда моросили невидимые облака.

— Что такое? — спросил Ян.

— Свежий воздух, — сказала Лара и вдохнула полной грудью. — Как же я по нему соскучилась!

Кино

*«Открывать осторожно, закрывать плотно»
Надпись на крышке автомобильного радиатора*

— Слушай, Лен, может, он и не придёт?

— Да ну, мам, скажешь тоже. Он такой обязательный. Позвонил бы. — Лена впилась глазами в телефон.

— А что такого? Передумал в последний момент, — мать подошла к окну и в который уже раз посмотрела в темноту, — или решил, что ещё не время. Он сколько тебя обхаживал, прежде чем поцеловать?

Лена повертела телефон в руках, чуть слышно вздохнула, положила его на стол и отвела глаза в сторону.

— Ну и везёт же нам! — Мать усмехнулась и покачала головой.

— Кому «нам»?

— Да он как твой отец. Тот тоже месяца три круги вокруг меня нарезал, взгляды бросал, а не подходил. Я уж думала, извращенец какой. Неудобно перед девчонками было – ужас. Потом на танцах сама к нему подошла, чтобы всё выяснить. Если извращенец, пусть за другими подглядывает, а если я ему нравлюсь, то что тут стыдного?

— И как? Выяснила?

— Как видишь. Ты-то откуда взялась?

Лена улыбнулась.

— И он сразу же сделал тебе предложение?

— Кого там! Познакомились на третьем курсе, впервые поцеловались – на четвёртом, а поженились уже после института.

— Круто, — покачала головой Лена. — И ты сама предложила ему жениться на тебе?

— Нет, конечно! Хотя это целая история.

— Ой! — Лена забралась на кресло с ногами. — Расскажи, а?

Мать расположилась на диване напротив.

— Короче, было это на пятом курсе, весной. Мы с Пашкой, отцом твоим, встречались, шли в кафешку, мороженое там заказывали, вкусности разные. Но так было из раза в раз, да и кафешка – одна и та же. Надоело. И вот, однажды он говорит, дескать, знаешь, почему, мы ходили сюда, а не в кино? Да потому что кино – это банальщина, туда все ходят. А сюда – никто, кроме нас. Но теперь для нас банальщиной стала именно эта кафешка, так что сегодня мы идём в кино.

— И вы пошли?

— Ага. Это был не кинотеатр, а вагончик. Там пиратские видеофильмы крутили. Я тогда никак не врубалась, почему в нормальных кинотеатрах такие интересные фильмы не показывают. В кино мы отравились после кафешки, где я напилась всяких соков. По дороге только и делала, что искала глазами туалет. В обычном кинотеатре — само собой. Но в вагончике-то...

— И ты ничего не сказала?

— Кому? Отцу твоему? А толку-то! Он мне что, корыто бы раздобыл? Конечно, не сказала. Сидела весь фильм и пыталась сосредоточиться. Только у меня это не очень получалось. Я даже подумала, что сидит же начальство часами на заседаниях и терпит.

— Это, кстати, очень вредно. Сто раз уже читала и слышала.

— Я думаю! Если изо дня в день, какой угодно простатит разовьётся. Короче, фильм кончился. Выползаю из вагончика, думаю, точно сейчас рожу. Подходим к автобусной остановке, а там ни одного человека. Значит, автобус только что ушёл, а следующего, скорее всего, не будет. Он и днём-то не ходил. На такси денег нет. Думаю, ничего, пойду пешком, где-нибудь по пути найду тёмный уголок и... А отец твой возьми и скажи, дескать, сейчас поздно, темно, опасно. Мало ли что случится. Так что он меня до дома проводит.

— Класс! — чуть не взвизгнула Лена.

— Это тебе сейчас смешно.

— А тебе разве нет? — Лена улыбнулась во весь рот.

— Смешно, — согласилась мать. — Но тогда было не до смеха. И моему мочевому пузырю тоже. Но ничего не поделать. И вот, идём мы себе по улице. Пашка, отец твой, болтает что-то, я даже отвечаю впопад, а сама ни о чём другом не могу думать, как о моменте, когда проклятая жидкость, наконец-то, выйдет наружу и освободит меня от мучений. Представляла, как льётся струя, как мне с каждой секундой становится легче, представляла тот момент, когда выходит последняя капля и ты понимаешь, что она на самом деле последняя.

— А папа ничего не заметил?

— Нет! Представляешь — нет! Наверное, я так хорошо держалась. Хотя внутри время от времени пробежал холодок, бросало в дрожь, становилось жутко холодно, а потом сразу жарко. Потом возникло ощущение, словно я несу между ногами что-то вроде шара. Я иду, а шар перекачивается туда-сюда. И постепенно, с каждым шагом, сползает вниз. Прямо как цирковой номер, я такой, вроде бы, видела.

— Дотерпела?

— Да подожди ты! Как мы добрались до нашего квартала, я уж и не помню. Свернули на нашу улицу. Наш дом там — четвёртый. Но я этих домов штук десять насчитала, будто целую вечность шла. И вот, стоим мы прямо перед нашим домом, под фонарём. В мыслях я уже давно влетаю в квартиру и, не раздеваясь, мчусь сразу в туалет. И не приведи судьба оказаться кому-нибудь на моём пути, зашибу насмерть! А Пашка никак свою балладу не закончит, в нём, как назло, красноречие проснулось. И я поняла, что даже если он отпустит меня прямо сейчас, до туалета я не добегу. В организме, видимо, есть какой-то защитный механизм, который срабатывает помимо человеческой воли. В общем-то, правильно, конечно. И вот, механизм сработал. Я почувствовала, как что-то горячее льётся по ногам.

— Прямо лужу наделала?

— Чёрт его знает! Я в валенках была, туда всё и стекло. Стою окаменелая. Слова сказать не могу. А он речь свою прервал, посмотрел на меня как-то странно и сказал: «Наташ, выходи за меня замуж». А я и ответить-то не могу! Ступор. Внизу оно всё льётся куда-то. Я ещё подумала, что у меня валенки-то не такие уж и большие, чтобы столько вместить. А Пашка берёт меня за плечи: «А ведь правда, давай, поженимся, а?»

— И ты согласилась?

— Да я бы тогда и за первого встречного пошла, и расположение войск выдала бы врагам, только бы до туалета поскорей добраться.

— Так всё равно поздно было уже.

— Ага, поздно. Ты вот постой так, с полными валенками и с мокрыми штанами на морозе вечером. А я посмотрю.

— А папа так ничего и не узнал? — спросила Лена.

— Почему же? Узнал. Четыре года назад. Мы его день рождения отмечали. Гости разошлись. Мы устали жутко, посуду на столе до завтра оставили. И отправились спать. И вот, лежим, а он говорит: «Знаешь, Наташка, когда я понял, что люблю тебя? В тот самый вечер, когда сделал тебе предложение. Мы тогда в кино ходили, я тебя домой провожал. Стояли перед твоим домом, я нёс всякую чушь, а ты вдруг посмотрела на меня, и у тебя были ТАКИЕ ГЛАЗА! До сих пор их помню.» А я ответила, что не жалею, что согласилась выйти за него, что не жалею об этих годах, что с удовольствием проживу ещё столько же, чтоб только снова не оказаться под тем дурацким фонарём. И рассказала, почему у меня были ТАКИЕ ГЛАЗА.

Кропачево

"На дальней станции сойду."

Михаил Танич

— Кропачево, стоянка две минуты! — выкрикнула проводница.

Сколько лет Петров ездил по этому маршруту и не мог припомнить, чтобы здесь кто-либо выходил или заходил. Обычные пассажирские поезда, не говоря уж о скорых, вообще не останавливались на станции Кропачево. Делал это только один поезд местного значения, который останавливался на каждом полустанке, пропуская даже почтово-багажные поезда.

Станция Кропачево была единственной причиной, почему Петров ездил в командировки на тихоходе. Такой красоты, как здесь, он не видел в своей не очень длинной, но отнюдь и не короткой жизни, больше нигде. Даже если он вырос в городе, даже если он особо-то нигде и не бывал, кроме как с женой в Адлере, даже если пионерлагерь был его первой и последней вылазкой в деревню, это место завораживало без всяких сравнений. Оно было красиво само по себе, в абсолютном исчислении. Прямо за станцией в восточном направлении начиналась покрытые лесами холмы, куда наверняка и нога человека-то ни разу не ступала. К западу простирались возделанные поля, которые от станции отделяла прятавшаяся за густыми ивами и связанная коротким железнодорожным мостом речушка. Петрову ужасно хотелось увидеть своими глазами посевную, уборочную, сбор силоса, но застать полевые работы за все годы поездок не удалось ни разу. Поля сначала были голыми, потом вдруг начинали шевелиться под ветерком, вот они уже стояли полные и тяжёлые в ожидании уборки урожая, чтобы в следующий раз снова опустеть, порыжеть и высохнуть до следующего года.

Сама станция состояла из надраенного перрона и тщательно побеленного кирпичного домика. В одном его крыле, за большой дверью с гордым названием «Выход в город», угадывался зал ожидания с кассой. Назначение его оставалось непонятным, так как Петров ни разу не видел на платформе не только пассажиров, но и кого-либо вообще. В противоположном крыле располагалось помещение смотрителя с отдельной дверью, с обеих сторон от которой был разбит

вылизанный палисадник с традиционной оградкой из скрещённых колышков. В двух окошках белели занавески. Неподалёку торчал столбик с прикреплённым электрощитом. Свежевыкрашенная дверка щита была покрыта нанесёнными через трафарет буквами загадочных сокращений.

Кlasse в седьмом или восьмом, Петров побывал во дворце пионеров на выставке моделистов. Железным дорогам там был отведён целый зал. Визгливо жужжащие поезда ныряли в тоннели, пересекали аккуратно собранные из мелких деталей и перекинутые через ручейки с настоящей водой мосты, неслись по зелёным равнинам, через перелески, пока не оказывались у построенной самым тщательным образом станции с платформой, домика с палисадником, электрощитом и крошечным динамиком на столбе. Теперь эта игрушечная станция, только в натуральную величину и даже с мостиком через реку тут же рядом, стояла перед глазами. Причём реальность выглядела куда более симпатичной, чем муляж, пусть любовно сделанный и хорошо запомнившийся. И дело было не только в красках и цветах, не только в настоящих деревьях, вместо пластмассовых, не только во врывающейся через опущенное окно смеси запахов железнодорожных шпал, ароматов растений и самого по себе дыхания летнего воздуха. Здесь было и то, чего не было во дворце пионеров.

За станцией лежал городок, представлявший собой само воплощение спокойствия, умиротворения и уюта. По ту сторону вокзала располагался обязательный атрибут каждого настоящего города – привокзальная площадь, пусть и весьма скромных размеров, на которой находились два двухэтажных здания. Одно – светлое, явно административного назначения. Второе – стандартное серое с надписью «Гостиница–Ресторан» на крыше. Если поезд останавливался удачно, можно было разглядеть убегающую вглубь городка асфальтированную улицу. Построенный на невысоком пологом холме городок утопал в зелени и виделся как большой ухоженный парк с высовывающейся посередине луковкой церковного купола. Из видневшейся вдали трубы шёл, как показалось Петрову, едва заметный дымок.

Петров представлял, как по сторонам от чистенькой главной улицы длиной, что отходила от вокзала (а какой ей ещё быть – конечно же, главной) разбегались многочисленные маленькие улочки с резными фасадами домов разнообразных расцветок. Это был не типичный для областных центров зловещий «частный сектор» со вросшими в землю до половины окон гнилыми развалюхами. В городке с

таким милым вокзалом и такой прибранной площадью кособоким хибарам просто не могло быть места.

Зимой городок был не менее обворожителен. Пушистый снег, напоминающий издали вату, лежал на крыше вокзала. Платформу регулярно чистили, а вот с привокзальной площади снег не убирали, что придавало ей особое очарование. Заснеженные ветки голых деревьев превращали пейзаж в настоящую зимнюю сказку. Петров представлял, как занятые в сельском хозяйстве жители спят зимой до полудня, отгуливая накопившиеся за круглосуточную летнюю страду сверхурочные недели и месяцы, иногда появляются на работе, чтобы подготовить технику к будущему сезону. Работающие в городе ходят на службу, а вечером и те, и другие, сидят в натопленных домиках с коврами на стенах и дощатых полах, смотрят вечернюю телевизионную программу и пьют чай со свежайшими баранками местной выпечки. Летом, думал Петров, ребята играют на улице допоздна в прятки, старики режутся в домино, а остальные спешат домой в ожидании плотного ужина.

«Вот почему так получается? – размышлял он. – Почему я не могу жить просто обычной спокойной жизнью в своё удовольствие? Ну, что у меня есть, чего я добился? И что было?»

Школа как страшный сон. Институт без единого воспоминания. Год в армии – ещё один страшный сон. Двадцать пять лет унылой заводской тягомотины, бесконечные поездки на головное предприятие в Красноярске, работа между двух огней – начальником-самодуром и считающем дни до пенсии тупорылым работником головного предприятия, с которым ему приходилось иметь дело. Жена — он давно забыл, любит он её или нет. Дочка прекратила с ними всякое общение, как только уехала в Москву.

“Это каменные джунгли нас такими сделали. В джунглях и закон джунглей”, — решил Петров.

Выйдет он на пенсию, и останутся они с женой дома целыми днями один на один мозолить друг другу глаза. Будет он раз в день спускаться в гастроном за хлебом и сметаной. В домино играть не с кем, на работе о нём забудут через неделю, да он и сам не прочь будет всех их забыть. Одышка, метаболический синдром, гиподинамия, инсульт в шестьдесят пять. И всё. Следы его могилки окончательно потеряются лет через десять, и кроме актов записи гражданского состояния и кладбищенской регистрационной книги, о нем не останется в мире никаких следов. Даже фамилия у него никакая – Петров.

Изменить свою жизнь он попытался на деле всего один раз, в десятом классе. Для одних шестнадцать лет – это была пора прекрасной юности, ярких цветов, насыщенных запахов, интересных открытий, первой любви и первого опыта. А для других, и для него в том числе, это был год учёбы, отцовского кулака перед носом «вот только попробуй получи четвёрку, я тебе покажу!», аттестата и поступления в институт. И так ему это однажды надоело, ну, прямо до чёртиков, что он решил сбежать из дома. Взял и пошёл куда глаза глядят.

Поплутав по городу примерно час, он встретил бывшего одноклассника Валеру, ушедшего после восьмого класса в техникум. Близился вечер, Валера шёл "на стрелку кадрить чувих" и пригласил Петрова на это увлекательное мероприятие. Как-никак друзьями были, за одной партией сидели.

На месте они встретились с другими парнями, которые, как выяснилось, знали друг друга, а Петрова не знал никто, и он сам никого не знал. За исключением Валеры, естественно, который, однако, тут же про него позабыл. Кадрить чувих, как это представлял себе Петров, никто не собирался. Чувихи сами потихоньку подруливали одна за другой, так что вскоре собралась компания знакомых между собой людей. Петров пытался обратить на себя внимание и отпускал шутки, которые обязаны были произвести впечатление. Над шутками смеялись, но тем дело и ограничивалось. Потом все двинулись в ближайший парк. Петров сначала плёлся в хвосте, затем стал нарочно отставать, но его никто не окликнул и даже не обернулся. Он поехал домой, где так и не заметили, что он не то, что сбежал, но и вообще куда-то выходил.

Петров смотрел на идилическую красоту Кропачево, и ему вдруг жутко захотелось прямо сейчас ощутить её, потрогать, пощупать. «Что-то мы долго тут стоим, — подумал он. — Две минуты давно уже прошли. Наверное, скорый какой-нибудь пропускаем.»

И тут его осенило: «Так это же знак! Поезд ждёт, что я здесь выйду! Как же до меня это раньше не дошло? Стою и мечтаю о том, что находится прямо здесь, передо мной! Хотел посмотреть Кропачево – ну, всегда же хотел – вот и посмотрю. Задержусь на денёк, всё равно сегодня пятница, впереди два выходных. Домой позвоню, предупрежу, делов-то.»

Он ринулся к своему месту, забросил обратно в чемоданчик документы, которые хотел изучить по дороге, и ринулся в тамбур. Купе проводницы было открыто, и та его заметила.

— Эй, вы куда? — окликнула она Петрова.

— Откройте, пожалуйста, — попросил Петров. — Я сойду.

— У вас же билет до Новосибирска, — напомнила проводница.

— Я знаю. Выпустите меня здесь. Я хочу выйти в Кропачево.

— Поезд сейчас пойдёт.

— Пока мы разговариваем, я бы уже вышел три раза, — возразил Петров. — Ну, пожалуйста!

Проводница последовала в тамбур, открыла дверь и протянула ему билет.

— Билет хоть возьмите, пригодится. Оформите остановку в пути в течение четырёх часов.

— Спасибо вам, — сказал Петров, взял билет и прыгнул на платформу. В этот момент мимо на бешеной скорости промчался скорый, который они пропустили.

А его поезд всё стоял и не уходил. «Это искушение, — подумал Петров. — Точно искушение. Чтобы я сел обратно и поехал дальше. И для чего? Чтобы потом укорять себя, что не позволил себе всего-то задержаться на день и осуществить свою мечту? Да я в Красноярске и на неделю задерживался. Пусть по делам, да. Но тут же для себя. Неужели я за всю жизнь не заслужил? Да я себе потом никогда этого не прощу. Или прощу, но буду ждать следующей командировки. А она закончится не в пятницу, а в среду, например. И надо будет отпрашиваться у начальства. Перед женой всё равно придётся оправдываться, а так ещё и перед начальством и отделом кадров. Нет, это точно искушение. Или всё же знак? Может, это там, в вагоне было искушение? Ну, типа, проверить, способен ли я на поступок? Там искушение, а тут знак. Или нет?»

Тут поезд Петрова поехал, увозя с собой и знак, и искушение. Петров двинулся к вокзалу, чтобы оформить в кассе остановку. Но чем ближе подходил он к двери «Выход в город», тем неприятнее становились его предчувствия. Так что он совершенно не удивился, когда дверь оказалась закрытой.

Петров поставил чемоданчик на землю, сложил руки так, чтобы дневной свет ему не мешал, приложился к окошку и стал осматривать помещение. Оно выглядело хоть и чисто убраным, но давно заброшенным. Три ряда старомодных деревянных лавок, типичных для провинциальных залов ожидания. Урны в углах. Ещё одна надпись «Выход в город», приклеенная к противоположной двери. Плакат над дверью «Больше демократии — больше социализма. М.С.Горбачёв»,

который сегодня, в середине девяностых, казался реликтом из эры мамонтов. Прилавок бывшего буфета. Аж два окошка с надписью «Кассы», естественно, наглухо зашторенные. Часы над ними, к изумлению Петрова, показывали правильное время, он даже сверил его с наручными часами. «Какие часы показывают правильное время два раза в сутки? Те, которые стоят», — только и успел подумать он, как минутная стрелка прямо на глазах передвинулась на одно деление.

«Чудеса!», — хмыкнул про себя Петров, поднял чемоданчик и пошёл на привокзальную площадь в обход здания станции. На углу он увидел врытую в землю раму из сваренных труб высотой в человеческий рост. К раме был прикреплён выцветший плакат, на нём с трудом угадывалась надпись: «Трудящиеся пгт Кропачево ударным трудом встречают XXVII съезд КПСС»

«ПГТ? — удивился Петров. — Кропачево – посёлок? А с виду не скажешь. Прямо настоящий городок. Наверное, это он тогда был посёлком. Двадцать седьмой съезд – это же восемьдесят шестой год. Ну, конечно, раньше был посёлком городского типа, а потом его наверняка преобразовали в город».

Размышляя таким образом, он вышел на привокзальную площадь. Она оказалась пыльной, унылой, неухоженной и вовсе не такой уютной, какой казалась из окна поезда. На площади не было ни души, если не считать вдруг появившейся из административного здания пожилой женщины, судя по виду – наверняка местной уборщицы, которая закрыла входную дверь на ключ и, пока Петров раздумывал, окликнуть её или нет, скрылась за углом. Только тогда он разглядел вывеску у двери: «Администрация пгт. Кропачево. Поселковый Совет.» «Значит, посёлок», — и Петров двинулся к гостинице.

Но и та оказалась закрыта, причём давным-давно, о чём свидетельствовал лежащий перед ней толстенный слой пыли, камешков, пожелтевших сосновых иголок, раскрытых сосновых же шишек и прочего мусора. Виднелся даже отколовшийся откуда-то сверху кусок штукатурки. Петров заглянул в грязное большое окно ресторана — он был совершенно пуст.

Ничего не оставалось, как пойти по единственной впадающей на привокзальную площадь улице. Он сделал лишь несколько шагов, когда в глубине улицы что-то затарахтело, а через полминуты оттуда выполз ржавый механизм, в котором угадывались черты старого автомобиля «Волга». Из выхлопной трубы шёл синий дым, и площадь тут же заполнилась запахом горелого масла. Автомобиль

остановился рядом с вокзалом, но выключать мотор водитель не торопился. «Иначе он его больше не заведёт», — подумал Петров и направился к «Волге».

За рулём сидел мужик лет тридцати. Или сорока. Он курил и равнодушно взирал на Петрова.

— Здравствуйте, — начал Петров.

— Привет, — откликнулся мужик, не выпуская сигареты.

— Эта гостиница закрыта, да? — осведомился Петров.

— А сам не видишь? — лениво ответил водитель.

— И давно?

— С открытия. — Мужик ухмыльнулся, но сигарета прочно держалась у него во рту.

— Понятно, — протянул ничего не понявший Петров. — А поесть тут где-нибудь можно?

Его собеседник вытащил сигарету изо рта и показал ей в сторону.

— Вон там магазин.

Тут на площадь вырулил выдавший лучшие времена «Пазик» и остановился неподалёку. Из автобуса стали выходить люди, среди них была молодая вроде бы женщина с большой хозяйственной сумкой в сопровождении девочки лет шести. Женщина подошла к «Волге» и мельком взглянула на Петрова. Её лицо не выражало никаких эмоций. Петров на всякий случай поздоровался. Женщина кивнула в ответ, впустила девочку в заднюю дверь, а сама села рядом с мужем-водителем. Машина выдала синее облако дыма и скрылась. Автобус уехал вслед, да и вышедшие из него люди потянулись в том же направлении. Петров последовал за ними.

Покрытая добротным асфальтом улица на самом деле вела чуть вверх и состояла почти целиком из одинаковых двухэтажных домов. Первые этажи были кирпичными, а вторые — деревянными. Попадались и обычные одноэтажные домики. В целом улица была такой же стандартно-унылой, как и большинство новосибирских улиц. Деревья стояли, как ни странно, довольно редко. Видимо, их густые кроны на большой высоте и создавали вид большого парка.

Людей на улице было немного. Иногда у крыльца или ворот того или другого дома попадались воркующие тётушки, которые настороженно замолкали при виде проходящего мимо незнакомца в невиданном тут костюме, пусть и без галстука. Изредка улицу пересекали мальчишки на велосипедах, выныривающие неизвестно откуда и ныряющие неизвестно куда. Петров обнаружил, что от главной улицы,

вполне логично называвшейся Станционной, в обе стороны отходят рукавами ещё две улицы: Почтовая и улица Пирогова. «Наверное, Пирогов тут побывал разок, вот и назвали улицу его именем, — решил Петров. — Понавесили же мемориальных досок на домах, где Серго Орджоникидзе остановился однажды пропустить рюмку-другую чая.» Эти две улицы образовывали со Станционной улицей что-то вроде перекрёстка, через который мальчишки бегали туда-сюда. На углу Почтовой улицы располагалось почтовое отделение. На двери висела табличка: «Почтовое отделение пгт. Кропачево. Приём и выдача почты: пн-пт 13-14 час.»

Вскоре Петров, к своему удивлению, достиг конца Станционной улицы — тупика в виде небольшой площади. «И это всё?» — подумал он. Да, на том посёлок и заканчивался. Улица упиралась в обшарпанную церковь, купол которой был виден из вагона. Она выглядела такой же заброшенной, как гостиница или станция.

Справа от церкви, через небольшой проулок, находилась коричневая избушка с чуть покосившимся крыльцом. Это был магазин, который упомянул водитель «Волги». Петров ничуть не удивился, когда дверь магазина оказалась закрытой. Хотя этому факту объяснение всё же нашлось: табличка с часами работы сообщала об обеденном перерыве, пусть и таком позднем.

Время до открытия магазина он решил использовать для дальнейших географических исследований. Улица Пирогова упиралась в т-образный перекрёсток с улицей Сеченова, представлявшую собой фактическую границу посёлка. Дальние её дворы выходили чуть ли не в лес. На другой стороне Почтовая улица заканчивалась таким же т-образным перекрёстком с улицей Березовой. Или Береговой. Потому что украшали её два указателя со стёртой пятой буквой: «ул. Бере овая». На одной табличке чёрной краской была вписана буква «з», а на другой — «г». На Берёзовой-Береговой улице была застроена только одна сторона.

Противоположная её сторона была берегом речки, которой Петров так любовался из окна вагона. Прорваться сквозь ивы к реке ему не удалось. Только в одном месте деревья расступались, открывая заросший густой травой полутораметровый обрыв. Пологого берега не было и на другой стороне реки, где начинались известные Петрову поля. Вид отсюда был на самом деле очень красивый. Петров любовался журчавшей внизу речкой, достававшими до воды ивовыми ветками, простиравшимися за рекой просторами, лесополосой за полями

у самого горизонта, девственно-синим небом без единого облачка, слушал шум проносившихся неподалёку поездов и думал, что их пассажиры смотрят сейчас на эту идиллию и мечтают оказаться здесь хотя бы на минутку. А его минутка наступила. Он тоже мечтал, и вот мечта его сбылась, и вот он сам стоит на том сказочном месте, куда он хотел попасть и куда хотели бы попасть тысячи тысяч спешащих куда-то людей, случайно бросивших взгляд в окно как раз на станции Кропачево. Хотя да, надо признать, что ожидал он намного большего. Стоило ли увиденное и прочувствованное всех предстоящих хлопот с поездом, ночёвкой, звонком домой, поиском чего-нибудь съестного? Да как сказать... Ну, наверное...

Мысли Петрова прервались урчанием в животе. Прихлопнув устроившегося на щеке комара, он посмотрел на часы и не спеша побрёл к магазину.

Из магазина Петров вышел, пополнив содержимое чемоданчика кругом полукопчёной колбасы, булкой хлеба и куском подозрительно жёлтого сыра. В руке он нёс бутылку газированной бурой жидкости. Больше ничего такого, что можно было бы съесть сразу, среди скудных магазинных запасов не нашлось. Даже ножа у яркогубой продавщицы не было. Наврала, конечно. Не может быть так, чтоб магазин — и без ножа. Ну, да ладно. Теперь надо было где-то эту еду оприходовать. Вот только где? В городке-посёлке, выглядящим со стороны, как один большой парк, не было ни парка, ни аллей, ни даже скамеек. Во всяком случае, ни одной скамейки Петров не видел, не считая частных, около калиток.

Освежая в уме весь командировочный опыт и призывая на помощь походную смекалку, он не заметил, как вернулся к станции. Собственно, идти в Кропачево было больше некуда: кроме магазина и закрытого вокзала, ни одного общественного места он там не увидел. Ну, может, администрация ещё. Странно, что на такой крохотный посёлок надо было сооружать такую большую администрацию. “Бюрократия — она такая. Ей только волю дай, она тебе...” — подумал Петров, но мысли его оборвались при виде скамейки и столика на микроскопическом газончике прямо перед вокзалом. Как по заказу.

Через пару минут он уже раскладывал на некрашеном, высохшем и потрескавшемся столике свой нехитрый провиант. Хорошо, что среди документов завалялся ненужный прошлогодний протокол. Петров очистил столик от сора и жухлых листочков, но импровизированная скатерть из протокола была какой-никакой, а гигиеной.

Он как раз собрался приступить долгожданной к трапезе, как вдруг его окликнули.

— Эй, вы! Да-да, вы!

Петров обернулся на зов и увидел седоватого мужичка предпенсионного или раннего пенсионного возраста, стоявшего у открытой двери в здании станции.

— Идите сюда! Да заходите, заходите! Сядьте тут, поешьте по-человечески. Что там сидеть в пыли, да ещё и на виду у всех. Давайте, заходите. И бросьте свой антифриз. Мы чайку сейчас сварганим.

Справившись с коротким оценением, Петров собрал свою еду и понёс её в помещение. Оно оказалось до неприличия аккуратно убранной комнатой, не то жилой, не то служебной. Один её выход вёл на платформу, второй, которым Петров и воспользовался — на привокзальную площадь.

Наряду с небольшим обеденным столом, буфетом с электрочайником и электроплиткой, маленьким холодильником, раковиной с медным краном и телевизором на тумбочке, в комнате стоял ещё один стол, заставленный древними аппаратами с мигающими разноцветными лампочками. Среди них был переживший войну огромный эбонитовый телефон без диска, но зато с целым рядом пожелтевших и потрескавшихся от времени клавиш. На стене у стола висел антикварный громкоговоритель “Десна”. В школе, где учился Петров, такие были во всех классах и коридорах — на случай тревоги или учений по гражданской обороне. Рядом зеленели цифрами электронные часы. То, что повсюду лежали и свисали самые разнообразные провода, разумелось само собой.

Ещё внимание Петрова привлёк книжный шкаф, забитый не только и не столько специальной железнодорожной литературой, сколько самыми разнообразными энциклопедиями, справочниками и атласами, вроде “Справочника практического врача”, “Малой советской энциклопедии”, “Учебника слесаря” или “Книги о вкусной и здоровой пище”. Целую стену занимала карта железных дорог СССР.

— Вот сюда. Давайте всё сюда, — мужичок приглашающе показал на обеденный стол. — Руки тут можно помыть, — он кивнул на раковину. — А я сейчас второй стул принесу.

Он проворно скрылся за занавеской в углу комнаты и, пока Петров мыл руки, вернулся со старинным стулом, братом-близнецом того, что стоял у обеденного стола.

— Ну, будем знакомиться, — он протянул руку. — Меня зовут Сергей Васильевич. Как Рахманинов. Только я не Рахманинов, конечно, а Вискарёв. Может, от слова “виски”, а может — от “Вискас”, как вам больше нравится. Можно просто Васильич.

— А моя фамилия Петров, — представился Петров.

— О, значит, тоже композитор?

— Почему это? Какой композитор?

— Как какой? Петров, конечно.

— А что, есть такой?

— А как же! Ну, это тот, где у природы нет плохой погоды.

— Хм, так это вроде бы сам Рязанов написал.

— Стихи — да, Рязанов. А музыку — Петров. Так, — Сергей Васильевич потёр руки — ну, а теперь давайте на стол собирать. У меня тут картошечка припасена, укропчик свой собственный...

— Укроп здесь выращиваете? — поинтересовался Петров, показывая в окно на палисадник перед станцией.

— Здесь? Да что вы! — Сергей Васильевич бросил в раковину несколько невесть откуда появившихся картофелин. — Это улада для глаз, а улада для желудка растёт на другой стороне. Там карман, тупик. Ну, мало ли что, на всякий случай, может, тепловозик маневровый или дрезину какую поставить. И сразу за ним, через рельсы, полянка есть. Неприметная такая. Но укроп, морковь, картошка идут только так. Вот сейчас картошечку нового урожая мы и оприходуем.

Он налил воды в кастрюлю, бросил туда помытые картофелины и поставил её на плитку.

— И хватает на зиму картошки-то? — спросил Петров.

— Нет, конечно. Участок не такой уж большой. Столько картошки не поместится. Но лето держусь, овощи почти не покупаю.

— Кстати, а где тут овощи-то продаются? Я в вашем магазине был, так там...

— Да ну его, какой там магазин. В том магазине только хлеб да водка. Вот тут прямо перед вокзалом, на площади, рынок устраивают по воскресеньям. Со всех окрестных деревень съезжаются и продавцы, и покупатели. А вас-то каким ветром к нам занесло?

— Да вот вышел, думаю, оформлю остановку в пути, посмотрю на городок. Сколько лет тут езжу, каждый раз смотрю и думаю...

— Подождите, подождите, — прервал его станционный смотритель. — Если вам остановку оформить, так это ж в течение четырёх часов. Поезд-то когда был? — он посмотрел на часы, что висели над

столом. — Давайте ваш билет, я его прокомпостирую. Там же время отмечается. Давайте, давайте его сюда.

Петров достал билет, который возвратила ему проводница. Сергей Васильевич взял его и поспешил к выходу.

— А как же картошка? — напомнил Петров.

— Картошка? А вот я сейчас плитку уверну немного, пусть потихоньку разогревается.

Они вышли наружу и подошли к закрытой двери зала ожидания. Сергей Васильевич достал внушительных размеров ключ и открыл дверь. Петров удивился, не ощутив внутри никаких запахов. Не было ни присущей давно закрытым помещениям затхлости, не пахло ни пылью, ни чем-либо ещё. Сергей Васильевич отпер дверь кассы, вошёл туда, и через несколько секунд Петров услышал знакомый стук кассового штемпеля.

— Ну, вот. Теперь вы оформлены, как полагается, — сообщил смотритель, возвращая Петрову билет. — Четыре часа ещё не прошло, но и особо расслаживаться было некогда.

Петров удивился, как быстро пролетело время. Собственно, он ничего в Кропачево и не делал, только обошёл пять улочек, постоял на двух площадях, полюбовался рекой и купил продуктов.

— У вас и штемпель работает, и часы вон те идут, и вообще всё так чисто, ухожено. Не только этот зал, но и вообще всё. И дом, и территория вокруг, и платформа, и садик перед окнами. На самом деле поразительно. Сразу видно, что хозяин есть.

— Да. А что тут ещё делать, кроме как марафет наводить? — отозвался Сергей Васильевич. — Обхожу каждый день вверенное мне хозяйство. Очки надену, чтоб непорядок лучше видеть. Здесь уберу, там почищу, тут подправлю. Ремонт если мелкий нужен — сразу и почищу. Мастера сейчас не выпросишь, дорога деньги экономит, людей посокращали. Но материалы кое-какие выделяют. Доверяют мне, знают, что если Вискарёв чего попросил, так это для казённого дела, а не для себя. Хотя, что значит, для себя? У меня для себя ничего и нету, я ж прямо тут и живу. Если что-то у себя в каморке и обустрою, так это для казны, в конечном итоге.

— С одной стороны, удобно, конечно, жить прямо на работе. С другой стороны, как сказать...

— Это если они есть, эти стороны-то. А если выбора нет, то хоть с какой стороны смотри.

Когда они вернулись в комнату, вода в кастрюле уже закипала. Вскоре на обеденном столе появилась маринованная селёдка, а за ней — лук, укроп, сливочное масло и квашеная капуста. Нарезали колбасу, сыр и хлеб из магазина. Варёная картошка была очищена, разложена в тарелки, сдобрена маслом и посыпана укропом, Сергей Васильевич достал из холодильника бутылку «Московской».

— Я её сразу туда положил, как только вас позвал, — объяснил он. — Замёрзнуть она, конечно, не успела, но хотя бы не такая тёплая. На улице-то двадцать семь градусов, — он мельком взглянул на висящий рядом со входом в комнату термометр. Перехватив удивлённый взгляд Петрова, он добавил: — Ага, градусник-то у меня особенный, с датчиком. Снаружи температуру показывает и внутри тоже. Видите, две цифры? Левая — это улица, а правая — это комната. Зимой удобно, а летом так всё равно, что там, что здесь.

Он распечатал бутылку и налил в незаметно появившиеся крошечные гранёные стаканчики по пятьдесят грамм водки. Стаканчики тут же запотели.

— О! — сказал Сергей Васильевич. — Каково оно, а! Холодильник — зверь. Ну, за знакомство! И за музыку тоже. И будем на “ты”. Как композитор с композитором.

Выпили. Закусили. Картошка оказалась необычайно вкусной, душистой и какой-то... «насыщенной», как охарактеризовал её про себя Петров. Примерно такого же качества была и капуста.

— Тут ещё осенью грибы пойдут, ягоды. Начнутся соления-варенья. Ты если курить хочешь, так пожалуйста, дверь открыта, всё тут же вынесет. Я хоть и бросил, но давным-давно, на меня дым уже никакого впечатления не производит.

— А я никогда и не курил, — сообщил Петров. — Даже в армии, где все начинали. Ни одной затяжки в жизни не сделал.

— И ничего не потерял, скажу я откровенно. Гадость та ещё. Смолы всякие канцерогенные вдыхаешь, лёгкие портишь, здоровье гробишь, да ещё и кровные за это платишь. Никакой логики.

— Считается, что как бы для удовольствия, — заметил Петров.

— Да какое там удовольствие! — отмахнулся Васильич. — Пять-семь минут, пока куришь. Не тот это случай, чтобы эмфиземы зарабатывать да сосуды портить. Так, решил ты в Кропачево остановиться, и что дальше?

Петров начал рассказ заново и на этот раз смог довести его до конца. Васильич слушал не перебивая и лишь изредка отправлял в рот кусочек селёдки, заедая её хлебом.

— Очень хорошо тебя понимаю, — прокомментировал он, когда Петров закончил. — У меня ведь тоже аналогичный случай был. — И отвечая на недоумённый взгляд Петрова, подтвердил: — Да-да, именно что аналогичный. Вот ты всю жизнь в городе прожил, а я здесь, в деревне. И случился у меня как-то опоясывающий лишай. Не стригущий с грибком, а красный. Герпес от ветрянки остаётся, а на старости лет вылезает. Болело жутко, ни ходить не мог, ни лежать. Как огнём жгло. И отправили меня в Кемерово в железнодорожную больницу. Лечить — не лечить, какое там лечение, это же вирус, его никакие лекарства не берут. Но хотя бы боль как-то снять. И правда, полегче стало. Хоть выспался, наконец-то, как надо. Попросился я тогда у врачей в город сходить погулять. Ну, всегда ж мечтал в настоящий город попасть. По телевизору всё время показывают, как там всё такое серьёзное, солидное. Красиво так, не то, что здесь. Вот на самом деле мечта была. И что я увидел? Вокруг больницы такая же деревня, как у нас, только хуже. Кругом грязь, избы покосились, по окна в землю вросли. В центр пошёл, а там не лучше. Всё серое. Дома серые, окна в них серые, асфальт кругом серый, машины ездят серые, деревья от грязи серые, даже лавочки — и то в серый цвет покрашены, хотя, какая разница, всё равно грязные. И люди все серые, что характерно. Не ходят, а бегают. Дышать нечем, шум — уши закладывает. Походил я туда-сюда, пока укол не кончился, да и потёпал обратно в больницу. По телевизору витрины огромные, всё сияет, а на самом деле — серость и скучища. Так у нас и здесь скучища, но хотя бы воздух чистый и никто не бегают. Вот за границей показывают — вот там города! Но там капитализм, простор для мысли.

— Так и у нас сейчас капитализм, тоже простор для мысли. — Петров вдруг вспомнил, что в детстве тоже болел ветрянкой. — Начнут строить нормально.

— Не начнут, — твёрдо сказал Васильич. — Они ж в этой серости выросли, другого не знают. Откуда вкусу-то развиваться? Так и будут серость плодить. Или всякую безвкусицу лепить.

— В городе всё ж культура, театры, врачи, — напомнил Петров.

— Врачи — это да, — признался Васильич. — Мы все не молодеем, так что врачи, больницы — это конечно. А остальное... Ты сам в театре давно был?

— Давно, — честно признался Петров. — В прошлой жизни.

— Ага, — сказал смотритель. — Вот живут люди в поле и думают, жили бы мы у речки — каждый день бы купаться ходили. Ну, есть в Кропачево речка. Есть, да. И что?

— Был я там. К воде не подойти, всё заросло.

— Именно, — поднял указательный палец Васильич. — А хотели бы — соорудили бы подход, настил какой-нибудь. Значит, не хотят.

— Наш директор в прошлом году в Америку ездил, — вспомнил Петров. — Рассказывал, что небоскрёбов и всей этой красоты снизу не видно. Внизу обыкновенные улицы, витрины, подьезды, всё как обычно. Не будешь же целый день ходить с задранной головой.

— Изнутри перспектива теряется, — пояснил Сергей Васильевич. — А ещё можно самый красивый дворец внутри засрать до потолка. А тот, кто снаружи, будет любоваться и не подозревать, что внутри одно говно.

Он махнул рукой и разлил ещё по пятьдесят.

— Ну, будем!

— На той стороне ваши поля? — спросил Петров, опорожнив стаканчик, и кивнул в сторону речки.

— Нет, не наши. За речкой другой район начинается, у них свои дела. У нас-то полей нету. Даже если место есть, не растёт там ничего, кроме пустой травы. Почва не та. Вот на той стороне та, а у нас не та. Обидно, конечно.

— А чем тогда живёте?

— Мастерская у нас тут с давних времён. Сейчас её до завода повысили. Ремонт сельхозоборудования. Со всех окрестностей технику привозят, мы её ремонтируем. Многие на этом заводе работают. Ещё рядом в Корнеево консервный цех есть. Видел в магазине помидоры в банках? Вот они самые. Ну, кто-то и своим хозяйством живёт.

— А зачем такому малюсенькому посёлку такой большой вокзал и такой большой исполком? — поинтересовался Петров. — И гостиница зачем? Всё равно ж закрыта.

— Это потому, что тут объект собирались строить, — загадочно сообщил смотритель.

— Какой объект?

— Ну, как какой... Объект. Больше его никак не называли. Объект и всё. Секретный.

— Так где ж тут строить? С одной стороны лес, с другой — речка, прямо — там всё церковью заканчивается. Или нет?

— А его не тут собирались строить, а в Корнеево по соседству. Четыре с половиной километра отсюда. Я ведь и сам оттуда родом, корнеевский. У нас там места много, строй сколько хочешь. Так вот, чтоб объект построить, нужен подвоз, дорога. Инфраструктура, в смысле. Там железной дороги нет, а в Кропачево есть. Вот и объединили деревни в один посёлок из двух частей. Исполком у нас поставили, вокзал построили. В Корнеево дом кирпичный соорудили. Типа, для специалистов. А гостиницу почему-то здесь.

Петров понял, откуда была «Волга» на площади.

— Так гостиница же закрыта.

— А её и не открывали. И дом в Корнеево так и не заселили. Пустой стоит. Окна-двери листовой сталью заварили. Там всё равно никто жить не будет, потому что коммуникаций нет. Да и некому жить. Объект ещё при Горбачёве заморозили. Хотя, что значит, заморозили... его толком и строить-то не начинали. Как стояло Корнеево сто лет без объекта, так и дальше стоит. А станцию, вокзал, в смысле, построили ещё при Сталине. Видел лепнину над входом? Вот он и есть, сталинский ампир.

Петров лепнины не заметил, но переспрашивать не стал.

— Въезд в город, как я понимаю, между церковью и магазином, — предположил Петров, нарочно назвав Кропачево городом.

— Исторически он там и находился. Потом стали объект строить, улицу надо было расширить, вот и решили снести церковь.

— Снести церковь? — удивился Петров. — Может, проще магазин было перенести?

— Проще, — согласился Васильич. — Только представь себе: приезжают люди на объект — вершину науки-техники. Все с высшим образованием, все члены партии. Может, и из ЦК. Ездят туда-сюда и каждый раз мимо церкви. Ну, как такое можно допустить. Вот и постановили убрать её. Раскопали дорогу, траншеею зачем-то вырыли, транспорт временно через Сеченова-Пирогова перенаправили. Только за церковью-то у нас кладбище находится, а по проекту его тоже полагалось сносить. Тут все наши поднялись, и кропачевские, и корнеевские. Чёрт с ней, с церковью, всё равно заколоченная с войны стоит. Но могилы предков трогать не дадим, нечего кости в земле ворошить. Нет — и всё тут. Стали компромиссное решение искать. Пока искали, проект снова заморозили. Траншея к тому времени выросла вся, старую дорогу так и забросили. А транспорт как ездил временно через Сеченова-Пирогова, так и дальше ездит.

— Вот оно как, — задумчиво хмыкнул Петров. — А Кропачево для машин — что-то вроде тупика.

— Как это "что-то вроде"? — обиженно сказал Василийч. — Он тупик и есть, самый настоящий. Справа речка, слева лес, впереди — железная дорога. До площади доехать, развернуться и уехать обратно, что тут ещё делать-то.

— А что там за труба? — спросил Петров.

— Труба? Так это в Корнеево котельную построили для объекта. Чтoб автономное питание было. Тоже так и не запустили. Хотя мы от железной дороги запитаны, куда уж надёжнее.

— Вроде бы дым оттуда идёт?

— Дым? Это тебе показалось. Отсюда тоже иногда кажется, что там дым идёт. Только никакого дыма там нет и быть не может. Просто колебания воздушных масс. Иллюзия.

— Да, ну и долгострой! При Сталине начали и при Горбачёве так и не закончили.

— Ага. То нас в пятилетний план включали, то из плана исключали. Начальство ездило, смотрело, знакомилось и уезжало. Решали что-то. Рабочих то присылали, то забирали. Вагончики строительные привозили, потом обратно увозили. И так тридцать лет.

— А ты сколько тут? — спросил Петров.

— Всю жизнь, — гордо ответил Василийч. — Меня в армию в железнодорожные войска призвали. Так что на строительстве я с самого первого дня. И станцию эту строил, и мост через речку новый, и ветку в Корнеево. За главного тут много раз оставался, меня даже в старшие сержанты произвели. А когда официально понадобился начальник новой станции, меня на моём же посту и оставили. После демобилизации переоформили. Целое штатное расписание у меня было.

— И сколько было подчинённых?

— Да никого так и не приняли. Из всего штатного расписания одна тётка только и работала. Тётка с отцовской стороны. Она тут и буфетом заведовала, и кассой. Материально ответственной её назначили. И убирала по вечерам. Потом на пенсию вышла, а взамен никого не взяли, потому что строительство как началось, так и закончилось. Ездить сюда давно уже никто не ездит, кому там мы нужны? Гостиница осталась, ну, не сносить же. И исполком остался, хотя там всего-то одна штатная работница.

— Кажется, я видел её, — припомнил Петров. — Вышла и здание на ключ закрыла. Я подумал, что она уборщица.

— Так она уборщица и есть. В том числе. И бумагами она же заведует, делопроизводством, в смысле. А председатель появляется, когда дела требуют. Он тоже у нас живёт. На улице Сеченова, ты наверняка видел, раз обстановку разведывал.

— А почему такие названия странные: Пирогова и Сеченова. Они что, тут жили?

— Эти улицы во время культа личности застраивались. Их и называли: улица Сталина и улица Молотова. Потом переименовали, понятное дело. Почему так — чёрт его знает. Может, кто их переименовывал, как раз в тот день книжку про русских учёных читал. — Он помолчал немного. — Вокзал этот тоже скоро закроют.

— Как закроют? — спросил Петров.

— Да так и закроют. Зачем он? Тут только электричка да твой поезд останавливаются, да и то, чтоб скорые пропускать. Электричка утром, в шесть сорок в одну сторону, а в семь двадцать семь — в другую. Раньше ещё вечерняя пара была, потом отменили. Ну, и поезд твой, сам знаешь. Просто не добрались до нас пока. Но скоро доберутся. Вот будут нас через год-другой с Западно-Сибирской дорогой объединять, сейчас только об этом и говорят, проведут инвентаризацию и вспомнят про Кропачево.

— А вашим местным разве никуда ездить не надо?

— Так для этого автобус проходящий есть. Раньше он в Корнеево заезжал, а последние года три только в Кропачево останавливается. А куда электричка ходит, туда нашим не нужно.

— И если станцию закроют, то тебя куда?

— Да никуда. Тут и останусь. Пенсию я уже оформил. В управлении сказали, что я могу пока тут жить. Ну, буду платить сколько-то за жильё, сейчас у нас рынок, ничего бесплатного не бывает. А может, и бесплатно оставят, скажут взамен за имуществом и путями следить. Идти мне всё равно некуда.

— И родственников нет?

— Есть, конечно. Целая куча родственников. Но ты бы вот захотел, чтобы к тебе кто-нибудь из родственников жить приехал?

Петров только вздохнул.

— Вот именно что, — заключил Васильич.

Они помолчали.

— Тут такое дело, — нарушил тишину Петров. — Ну... в общем... меня жена сегодня ждёт из командировки.

— Если ждёт, — подмигнул Сергей Васильевич.

— Как бы ей сообщить, что я завтра приеду? — продолжил Петров, не обращая внимания на замечание собеседника. — Может, телеграмму дать? У вас тут почта работает только час по рабочим дням.

— А телефон у тебя дома есть?

— Есть.

— Так давай его сюда! Сейчас мы это дело организуем.

Петров нашёл у себя ручку и какой-то сложенный вчетверо документ. На обратной стороне листа он написал номер и подал листок Васильичу. Тот встал, подошёл к рабочему столу, с важным видом надел очки, поднял трубку аппарата без диска и, держа перед собой бумажку с номером, примерно через минуту произнёс:

— Оля, это ты? Привет, Вискарёв говорит. Слушай, тут у меня срочное дело образовалось... Да, вот представь себе, в Кропачево срочное дело. Надо в Новосибирск позвонить. Да, в Новосибирск, если можно... О, как хорошо. А то понимаешь, как вышло... Номер? Ага, номер. Диктую.

Он подождал ещё немного, а потом продолжил:

— Это квартира Петрова? Здравствуйте. Моя фамилия Вискарёв, я начальник станции Кропачево Кемеровской железной дороги. Я вот по какому вопросу. Тут у нас ваш муж находится, он от поезда отстал. Как? Ну, вот так и отстал. Что?.. Да-да. Да, конечно, всё нормально. Организационно мы этот вопрос уладили, вот только у нас тут единственный поезд и останавливается. Так что домой ваш муж сможет уехать только завтра. Да... Да... Хорошо, даю ему трубку.

— Спасибо тебе огромное, — сказал Петров Васильичу после того, как поговорил с женой.

— Да не за что. Что мы, не люди, в конце концов?

Как-то незаметно спустилась темнота. Они заново вскипятили совершенно остывший чайник и выпили по стакану шикарного чая. Начальник станции нашёл старые одеяла и постелил их Петрову в зале ожидания, на скамейках. Петров боялся, что не заснёт от раздутий и грохота поездов, но напрасно. Он спал как убитый, даже по нужде ни разу не встал.

Проснулся он очень поздно. Встал, посмотрел в окно. На платформе стоял "его" пассажирский поезд, который вскоре тронулся и поехал в обратную сторону, в Красноярск. Петров собрал постель, отнёс её назад. Помылся, плотно позавтракал, выпил стакан чая, почистил зубы. Его миссия в Кропачево заканчивалась.

На перроне Васильич сунул Петрову бумажку с цифрами.

— Это мой телефон, — пояснил он. — Сначала надо коммутатор набрать, вот номер с междугородним кодом. Кемеровский. А когда телефонистка ответит, назвать вот этот добавочный. Тебе бы месяца на полтора-два позже приехать, как раз все овощи подойдут. В лесу грибы-ягоды. Грибы я солю-мариную. Жаль, не смог тебя угостить — прошлогодние давно кончились, а новых пока нет. А из ягод варенье, ну, ты сам только что чай с ним пил. Приезжай, правда. Да, у нас в сентябре ещё праздник отмечается. Первая пятница месяца.

— Что за праздник?

— А просто праздник. Праздник и всё. Всё Кропачево-Корнеево гуляет. В поселковом совете столы накрываем, площадь народом забита. Пьём, едим, соревнования устраиваем, да и просто разговариваем. Общаемся. Вроде бы все рядом живём, деревня вот такусенькая, а друг дружку не видим. Вернее, видим, но не замечаем. А тут все вместе собираемся, новости обсуждаем, просто хорошей погодой наслаждаемся. Так что приезжай. Только позвони сначала, мало ли что. Все под Богом ходим.

— Приеду. В этот год не обещаю, отпуск у меня в ноябре. Но на следующий год — пуркуа, как говорится, и не па? Будет моя очередь на отпуск летом. Поменяюсь с кем-нибудь на сентябрь.

И говорил он в этот момент совершенно искренне.

Подошёл поезд. Васильич стал стучать в дверь вагона, пока не появилась помятая проводница.

— Васильич, чего тебе? — недовольно пробурчала она.

— Пассажира принимай.

— Какого тебе пассажира?

— самого настоящего пассажира. Вот билет. Оформили останковку в пути, как полагается.

Петров подал изумлённой проводнице билет. Та с недоверием покрутила его в руках, после чего открыла лестницу.

— Ну, поднимайся, пассажир.

Скорый поезд с грохотом пронёсся мимо. Петров попрощался с Васильичем и поднялся в полупустой вагон. Там он положил на указанное проводницей место свой чемоданчик, снял пиджак и выглянул в окно. Станционного смотрителя на платформе уже не было, а через ещё минуту состав незаметно тронулся с места.

Пересекли речку. Как Петров ни старался, он не смог сходу найти место, откуда он любовался просторами. Десять секунд — и речка скрылась из виду.

Надо же, думал он. Человек целую жизнь провёл в одной деревне, в одном доме, даже в одной комнате. Вся жизнь на железнодорожной платформе. Да и остальные в этом Кропачево: пять улиц, магазин и мастерская — вот и весь их мир. Хоть праздник себе раз в год устраивают, иначе же свихнуться можно. У других и праздника нет, пьют напропалую, делать-то больше всё равно нечего. Это и жизнью-то назвать нельзя. Так, существование. Чистая физиология.

“Вот, например, у меня... А что у меня? У меня-то что? У меня разве по-другому?” От этой мысли у Петрова на лбу выступила испарина. Если посчитать площадь, на которой проходит его жизнь, то получится ненамного больше, чем у кропачевцев. Дома шестьдесят метров общей площади, автобус, дорога на работу и в магазин не считается. На работе полтора квадратных метра, ну, пусть два. Плюс площадь купе в вагоне, когда командировка. Плюс гостиница в Красноярске и ещё два квадратных метра на тамошнем предприятии. Сложить всё вместе — вот и выйдет станция Кропачево вместе с платформой. Только Петрову приходится прыгать от одного своего квадратного метра к другому, а в Кропачево никуда ездить не надо. Тот, большой мир он видит только по телевизору, прямо как Вискарёв. Работа-дом-магазин-работа-дом-магазин. Красноярские квадратные метры — гостиница-работа-гостиница. Потом снова домой, на свои квадратные метры. Петров вспомнил кукольные мультфильмы, где какой-нибудь котёнок-поросёнок поднимает лапки-ножки, словно бежит, а вокруг него крутятся декорации. Герой мультика не сдвигается ни на сантиметр, но у него, как и у зрителей, создаётся впечатление движения. А в Кропачево людям это ни к чему.

“Они хотя бы сами себе не врут, — подумал Петров. — Стоят на месте — ну, и стоят. А у нас не движение, а иллюзия. Как дым из той трубы, который и не дым, а просто колебания воздушных масс.”

Он знал, что не будет ни звонить в Кропачево, ни останавливаться там хоть по грибы, хоть по ягоды. Будет ездить ночным скорым и не выдумывать для жены и начальства объяснения, почему он садится на переползающий от полустанка к полустанку местный поезд. Вот только бумажку с телефоном Василича он обязательно сохранит как свидетельство, что в Кропачево он всё же побывал наяву, а не во сне.

“А главное-то я и забыл спросить, — спохватился Петров. — Как та улица правильно называется — Берёзовая или Береговая?”

Группа крови

«Группа крови на рукаве.»

Виктор Цой

— Михалёв Павел Петрович!

— Паша, это тебя! – позвал Пётр Палыч. — Паша! Ты слышишь? Да иди же сюда!

Паша, целиком ушедший в изучение плакатов наглядной агитации на стене, с трудом оторвался от своего занятия и подошёл к окошку справочного бюро.

— Вот, — Пётр Палыч представил сына. — Новое поколение!

Женщина в окошке окинула Пашу оценивающим взглядом, насколько это самое окошко ей позволяло, и, явно удовлетворившись увиденным, произнесла:

— Ну что, Михалёв Павел Петрович, поздравляю. Теперь ты у нас донор официально. Или уж сразу на «вы», раз такие дела.

Из окошка на стойку выползло удостоверение донора.

— Спасибо! — Паша взял его и стал рассматривать.

— Это тебе спасибо, — сказала женщина. — Теперь времена такие, что каждый за себя. Альтруисты закончились. Хотя донорство – какой же это альтруизм? Это страховка. Касса взаимопомощи. Сегодня твоя кровь кому-то понадобилась, а завтра... не дай Бог, конечно.

— Первая группа, резус положительный, — объявил Паша.

— Универсал! — пояснил Пётр Палыч. — Почти.

— Для донорства – да, — согласились в окошке справок. — Но самому совету не попадаться, потому что другие группы организм не принимает.

— Добровольно в такие дела не лезут, — заметил Пётр Палыч. — Но всякое бывает.

— Вот и я о чём, — сказала женщина. — Ох, какие вы оба красавцы, как два апостола – Пётр и Павел. Я сама из Петропавловска, не из того, который Камчатский, а который в северном Казахстане, сразу за Уралом. Была маленькой и всё думала: а почему Петропавловск? Ну, два имени – Пётр и Павел, понятно. Но почему эти и почему вместе? А откуда ж тогда было знать.

— Так и у меня по научному атеизму пятёрка была, — вспомнил Пётр Палыч. — Но у нас Михалёвых семейная традиция есть. Много поколений. Старший сын всегда называется в честь деда. Линия такая ведётся: либо Павел Петрович, либо Пётр Павлович.

— А если дочки будут рождаться?

— Было такое. В моей же семье и было. У меня целых пять сестёр, все старшие. Отец, как говорили, добивал и выбил-таки сына. Меня.

— Надо ж, — усмехнулась женщина. — Чего только на свете не бывает. А родители тоже донорами были?

— А как же! — гордо сказал Пётр Палыч. — И родители, и бабушки-дедушки. Аж с самой Первой мировой. Да... Ну, мы пойдём, пожалуй. Всего вам хорошего.

— До скорого, — попрощалось окошко.

— До свидания, — сказал Паша.

— А про Первую мировую — правда? — спросил Паша в автобусе.

— Ещё какая, — подтвердил отец. — Смех смехом, а если бы не переливание крови, то не было бы на свете ни меня, ни тебя. Прадедушка твой до революции работал мастером на заводе, ну, это я тебе, вроде как, рассказывал.

— Нет, не рассказывал.

— Работал он на заводе, — повторил отец. — Не помню, на каком, но где-то тут, в Москве. И вот произошёл с ним несчастный случай: шёл по цеху, поскользнулся, упал...

— Закрытый перелом, потерял сознание, очнулся — гипс? — предположил Паша.

— Если бы! Он упал на штырь какой-то, в общем, на что-то острое, повредил вену. Ладно хоть госпиталь прямо напротив был. Рану вроде как перетянули, но крови он очень много потерял, в сознание никак прийти не мог. Срочно надо было что-то делать. И надо же так случиться, что в этом госпитале был врач, исследовавший трансфузию крови. И вот он предложил перелить твоему прадеду, моему деду, то есть, кровь из той, что была у него в лаборатории. А что они теряли? Чем деду можно навредить? Убить? Так он и так считай в могиле был. Это сейчас формальности всякие, подписи, свидетели, а раньше всё просто было. Вот решили перелить деду кровь в порядке

эксперимента - и перелили. А он возьми, да и выживи. Врачи сами не ожидали. Конечно, он тогда молодой был, здоровый, но тем не менее.

— Но группа могла ведь не подойти. И резус тоже.

— Могли и не подойти. Но подошли, слава Богу. Хотя вариантов-то всё равно не было.

— А Первая мировая тут причём?

— А притом, что дед там участвовал, был контужен и списан из армии. Но сколько мог, сдавал кровь. Тогда её много было нужно.

— И кровь тогда вслепую переливали? Типа русской рулетки.

— Ага. Про группы и резус фактор никто и понятия не имел. Инфекции тоже переливались вместе с кровью. Смертность была дикая, но всё же меньше, чем без переливания. Кому-то ж везло. Деду, вот, повезло - ему и группа удачная попалась, и резус тоже, и инфекций никаких. В принципе, Анна Геннадьевна – ну, которая в справочной сидит – права, конечно. Это не столько альтруизм, сколько касса взаимопомощи. Сегодня ты донор, а завтра, не дай Бог, реципиент. — Он суеверно три раза плюнул, на всякий случай. — И в Великую отечественную отец, дед твой то есть, воевал, а мама – твоя бабушка – кровь для фронта сдавала. Хотя и на заводе по полсутки у станка стояла, когда немцы под Москвой были.

— И поэтому ты стал инженером по технике безопасности? Чтоб другие в цехе не поскальзывались и кровь не теряли?

Отец усмехнулся.

— Честно говоря, я об этом и не задумывался. Как-то само собой получилось. Но в принципе да. Выходит, судьба.

За обедом Паша говорил мало, отвечал неохотно, со второго раза. Видно было, что мыслями он где-то совсем далеко. Отец не стал его расспрашивать – надо будет, сам расскажет. Так и случилось.

После ужина, когда гулять было уже поздно, а ложиться спать – рано, Паша подошёл к отцу и сел рядом с ним на диван. Пётр Палыч, читавший очередную техническую книгу, отложил чтение и снял очки, приготовившись к разговору.

— Пап, а знаешь, как образуются группы крови? — начал Паша.

— В принципе, да, — ответил отец. — Их четыре штуки. Плюс резус-фактор.

— А почему их четыре, а не девять и не двадцать, знаешь?

— И почему?

— В плазме крови человека могут содержаться два вида антител: А и Б. Могут содержаться, а могут и не содержаться. Для них приготовлены две ячейки. Вариантов, получается, четыре. Первый – это когда антител нет вообще. Второй – когда в одной ничего нет, а во второй – антитела А. Третий – когда одна ячейка тоже пустая, а во второй сидят антитела Б. А четвёртый – это одна ячейка занята антителами А, а вторая – антителами Б. Соответственно называли и группы крови – первая, которую обозначают как 0. Ноль – потому что антител вообще нет. Вторая группа крови – это А. Третья – Б. А четвёртая – АБ, там оба антитела есть.

— А резус-фактор? — спросил Пётр Палыч.

— Это специальный антиген, он к группе крови никакого отношения не имеет. Либо он есть, тогда он положительный, либо его нет, тогда он отрицательный.

— Вообще-то я читал про всю эту кухню, даже несколько раз, только забыл уже, — признался Пётр Палыч. — Помню только, что если у матери отрицательный резус, а у ребёнка в животе – положительный, то может быть резус-конфликт. И что первую группу можно переливать всем, а четвёртую – только четвёртой.

— Это устаревшие данные, — поправил Паша. — Сейчас переливают плазму строго по группам – первую к первой и так далее.

— И где ты это вычитал? — поинтересовался отец.

— На станции переливания крови, где ж ещё. Там этим ликбезом все стены увешаны. Со схемами, стрелками и законами Менделя.

— О, прям биологией повеяло, — улыбнулся Пётр Палыч. — Ботаничка у нас прикольная была. Ветрова Галина Алексеевна. Рисовала нам законы Менделя. Там что-то про доминантно-рецессивное наследование. Вроде как. Только что это такое, я в жисть не вспомню. Столько лет прошло. Нда... И что?

— А вот что, — продолжил Паша. — Ребёнок наследует от обоих родителей по одной ячейке. Самый простой пример: оба родителя – с первой группой, без антител. Тогда и ребёнок тоже будет обязательно с первой группой, потому что откуда ему взять антитела, если их ни у кого их родителей нет?

— Логично, — констатировал отец.

— Пример посложнее. У одного из родителей – первая группа, без антител. А у второго родителя – вторая, с антителами А. Тогда у ребёнка будет...

— Вторая группа, с антителами А, — заключил Пётр Палыч.

— Может, вторая, а может, и первая.

— Это ещё почему?

— Так берётся-то по ячейке от каждого родителя. От первого родителя достанется пустая ячейка, а от второго – либо пустая, либо А. В первом случае будет первая группа, а во втором – вторая.

Пётр Палыч полминуты переваривал услышанное, прежде чем осмелился сказать:

— Тогда от родителей первой и третьей группы родится ребёнок только с первой или третьей группой. Потому что откуда он антитела А то возьмёт? Их же ни там, ни там нет.

— Правильно! — обрадовался Паша. — Так, хорошо... А если у одного из родителей – четвёртая группа, где есть и А, и Б?

— А у второго родителя?

— Ну, скажем, первая. Ноль. Оба раза пусто.

— Ага, — собрался с мыслями Пётр Палыч. — От первого родителя он может взять либо А, либо Б. А у второго брать нечего. Тогда получится либо вторая группа, либо третья.

— Здорово! А какая группа должна быть у второго родителя, чтобы у ребёнка была первая?

— А у первого родителя, значит, четвёртая группа...

— Ага.

— Так, надо четвёртую группу скрестить... скрестить... Нет, это не получается. От четвёртой группы ребёнок получает букву, поэтому первая группа уже исключается.

— Именно! Если один из родителей имеет четвёртую группу, то шанс у ребёнка получить первую группу – нулевой.

— Ну... — согласился Пётр Палыч, предчувствуя недоброе.

— Тогда получается, — продолжил сын, — если у мамы четвёртая группа, то у меня никак не может быть первая, понимаешь?

— А у меня же вторая, — заметил отец, на которого словно высыпали бочку льда.

— Это не имеет значения, как мы только что выяснили. У меня может быть вторая группа, как у тебя, может быть третья или четвёртая, как у мамы. Но не первая.

— Ты хочешь сказать... — пробормотал Пётр Палыч.

— Пока это лишь факты. Просто факты. Констатация фактов.

— Херь какая-то, — пробормотал отец, проглотив комок.

— Это генетика, — Паша поднял указательный палец. — А её даже в СССР признали наукой, хоть и не сразу. Сам говоришь, что вы её в школе изучали. Мы тоже.

— Ну ты... — Пётр Палыч покрылся испариной. — И... Это твоя наука сейчас такое выяснила?

— Не сейчас, а давным-давно. Законы Менделя – это середина прошлого века. А группы крови – начало этого.

— Этого не может быть.

— Пап, ну, ты ж сам с высшим образованием. Инженер. Ну, правда. Я ж не с претензиями какими-то, а ради ясности. Ты всё это мог знать, но не знал, потому что не интересовался. А я на Станции плакаты посмотрел, статьи почитал, решил на нашем примере проверить. Ну, и...

— А я-то почему не интересовался?

— Так мне-то откуда знать? Ну, не нужно было. Другие интересы у тебя, заботы другие.

— Чертовщина какая-то. А у мамы точно четвёртая группа?

— В документах написано.

— А каких ещё документах?

— Когда она в Театре Советской Армии работала, то была там в штате. Ей и военный билет выдали. Так вот там и написано: четвёртая группа, резус-фактор положительный.

— Ты это сам видел?

— Лично смотрел. Вот мы как поели днём, так и посмотрел.

— А какого, спрашивается, ты в наших документах лазишь?

Паша только плечами пожал.

— Тогда покажи мне, раз уж залез, — продолжил отец.

Паша принёс военный билет матери и дал ему. Тот открыл нужную страницу и долго-долго не мог оторвать взгляда от огромной печати: АВ(IV) Rh+.

— Я думал, ты знаешь, — сказал Паша.

— Ничего ты не думал, — отрезал Пётр Палыч.

Возражать сын не стал.

— И что теперь? — спросил Пётр Палыч после длинной паузы.

— Ну... не знаю. Можно провести тест на отцовство.

— Чего? — Пётр Палыч аж покраснел от возмущения.

— Пап, успокойся, а? Ну, смотри. Какие у нас сейчас варианты? Вариант номер один: забить и забыть. Сможешь? Я – да. Наверно.

— А я нет. Такое узнать и жить как будто ничего и не было?

— Хорошо. Тогда вариант номер два: сесть втроём за стол и честно всё обговорить.

— Так мама же на гастролях.

— И что? Она ж не вечно ездить будет. Через неделю приедет. Или через десять дней, она где-то написала. То есть, вариантов всего два: либо ей говорить об открытии, либо нет. Если нет, то надо жить как жили, а этого ты не хочешь. Тогда надо говорить. А если говорить, то сразу с открытыми картами и непредвзято.

Они ещё помолчали. Пётр Палыч никак не мог опомниться.

— Это какой-то кошмар. Этого не может быть, — повторил он.

— Как видим, может.

— Тест на отцовство, вот придумал же, а!

— Сейчас это в порядке вещей.

— Да, но каких! Такие тесты делаются по представлению органов, потому что либо преступление расследуется, либо споры ведутся о наследстве или материальных обязательствах. Судиться будем?

— С чего ты взял? И в мыслях не было!

— А какие варианты? Кровь в Англию отсылать?

— Почему в Англию?

— Ну, в Швецию, какая разница.

— Почему кровь? Достаточно слюны. Моей и твоей.

— Это надо ж до такого дожить! — Пётр Палыч встал, стал ходить по комнате, потом открыл дверцу югославской стенки.

— Где сигареты? Сигареты где, я спрашиваю?

— Ты их сам выкинул, когда курить бросил.

— Тогда мамины принеси! Мамины принеси, говорю!

— Так это...

— Что «это»? В документах роешься, а сигареты взять боишься?

Он закурил. Потом ещё одну. И ещё. И не заметил, как Паша ушёл.

Виктор Андреич, типичный ФСБ-шник без какой-либо внешности, внимательно выслушал бывшего одноклассника, не обращая никакого внимания на звонившие время от времени телефоны.

— Нда, Петя... — протянул он. — Хуйня получается.

— Ещё какая! — воскликнул Пётр Палыч. — Мало того, что я чужого ребёнка воспитывал... Ладно, проехали, он мне всё равно как родной. Я и ночью с ним по комнате гулял, чтобы Вере хоть немного

поспать. И смеси ему доставал, и на родительские собрания ходил, и на футбол с ним ездил, и уроки с ним делал. Какая теперь разница!

— Ну и? — удивился Виктор Андреич. — Если какая разница, то какая разница?

— Витя, — Пётр Палыч посмотрел ему в бесцветные глаза, — мне целых десять лет до пенсии, а я уже сейчас как выжатый лимон.

— Зато ты почётный донор, — напомнил Виктор Андреич. — Извини. Мне самому хоть по выслуге лет можно через пару годиков уйти, а как бы я до шестидесяти сидел — ума не представляю.

— В кабинете сидел бы, — заметил Пётр Палыч. — А я по цехам бегаю, у нас три корпуса в разных местах. С одной стороны, дух перевести некогда, а с другой — это ещё хорошо. Сколько заводов разорились — ужас! И что людям делать? В пятьдесят лет начинать джинсы из Турции возить? Или ксероксы продавать?

— А что, тоже идея, — откликнулся Виктор Андреич. — Раньше вся множительная и печатная техника была на учёте в органах. А сейчас — ксерь себе сколько влезет.

— Да ну тебя, — поморщился Пётр Палыч. — Я серьёзно, между прочим. И за советом к тебе пришёл. Что делать-то мне, а? Мне оно вот прям сейчас нужно? В смысле, начинать все эти разборки, делать вид, что... Короче, делать вид. Да я лучше бы лишнее ведро крови сдал, чем вся эта бодяга. Даже подумать об этом боюсь. Вера на той неделе приезжает, и что? Договориться с Пашкой, что как бы ничего не было? И сколько мы так продержимся?

— Ну, продержались же двадцать лет, — Виктор Андреич вытащил из недр циклопических размеров письменного стола начатую бутылку дорогого коньяка.

— Девятнадцать, — поправил его Пётр Палыч. — Короче, у меня просто нервы не выдержат. Загремлю с инфарктом, как Пашке тогда университет заканчивать? У Вера сплошная антреприза осталась, да и то раз в год по чайной ложке. На пенсию по инвалидности жить? Или семейное дело открывать по продаже множительной техники?

Виктор Андреич налил две рюмки, одну из них подвинул другу. Опрокинул в себя свою. Пётр Палыч последовал его примеру.

— И надо было ему эти чёртовы плакаты читать! Они там лет двадцать висят. Цитаты из двадцать пятого съезда. Это ж...

— Семьдесят шестой год, — подсказал Виктор Андреич.

— Да, семьдесят шестой. На тех плакатах Ильич живет всех живых. Леонид который. Как это я на них раньше внимание не обращал!

И вот эти группы все... Знал, что первая — универсальная, её всем можно переливать, а четвёртую — только четвёртой. Никаких лекций нам не читали, выдали удостоверения с штампами, и всё.

— Сейчас стараются группы не смешивать, — заметил Виктор Андреич, наливая по второй. — Только если других вариантов нет.

— Вот и Пашка так говорит. Отстал я от жизни, ох, как отстал. Сейчас по пути к тебе заскочил на станцию переливания крови, нашёл те плакаты. И таки да, есть там и схемы, и таблицы, и четыре группы эти проклятые. Витя, ну, ты же всё знаешь, в курсе всего. У вас же Контора, с большой буквы. Может, сказать, что таблица устарела? Что по новым данным наследование по-другому происходит? Или есть ещё какая-нибудь группа. Пятая, например?

Виктор Андреич неторопливо принялся за вторую рюмку, но перед этим промолвил:

— Есть такая буква!

Пётр Палыч даже не заметил, как проглотил свою вторую.

— Как это?

— А вот так, — на столе появилось кольцо копчёной колбасы, вскоре там же возник и сувенирный ножик. — Статью я тут одну читал. Как раз про пятую группу крови.

— Не может быть! — выдохнул Пётр Палыч.

— Ещё как может. Короче, вся эта херня с антителами и антигенами — так оно и есть. Тут ничего не попишешь. Но вот ещё какая загогулина: антигены А и Б сидели на трубе, А упало, Б пропало, что осталось на трубе?

— «И», — автоматически выпалил Пётр Палыч.

— Ага. Только это «И» по-научному называется «Аш». Ну, как русское «хэ». — Виктор Андреич нарезал колбасу и подвинул её на середину стола. — Этот третий антиген — сырьё для А и Б. И вот существуют мутации, генетические отклонения, когда у человека антиген «Аш» отсутствует. И тогда, — оба взяли по кусочку колбасы, — антигены А или Б образовываться не могут, потому что, как говорится, кирпич не подвезли.

Пётр Палыч слушал, чуть не забыв дышать.

— Так вот, у человека с такой мутацией нет вообще никаких антигенов. Это не вариант первой группы, когда «Аш» есть, но ему запрещено превращаться в А или Б. Это самостоятельный феномен, когда нет строительного материала, так что просто нечему превращаться в А и Б. И так как это мутация, ненормальность, она может

проявиться у любого человека, вне зависимости от групп крови родителей. Называется этот дефект «бомбейский феномен», потому что его первый раз в Бомбее открыли и потому что там он очень распространён. В остальном мире это редкость. Главный прикол в том – к чему я это рассказываю – что при определении групп крови делаются тесты только на антигены А и Б. Не находят того и другого – первая группа. А этот сраный «Аш» никто не проверяет. Поэтому пятую группу определяют как первую.

— Откуда ты всё это знаешь?! – выдохнул Пётр Палыч.

— Служба такая, — развёл руками Виктор Андреич.

— А есть способ проверить «Аш»?

— Есть, конечно. Можно проверять. Только нафига? Пятую группу можно переливать первой и вообще кому угодно. Так фактически и делают, только никто этого не замечает.

— И тогда у Пашки может оказаться пятая группа крови? То есть, без антител, но не потому, что первая, а потому что кирпичей нет?

— За догадливость! — сказал Виктор Андреич, наливая третью. — Пусть Пашка позвонит вот по этому телефону. — Он записал номер на сером листочке. — Ему назначат время на следующее утро. А на следующее утро надо будет подойти вот сюда, — он выложил на стол другой листочек, где был напечатан адрес. — Это в Строгино, там у нас экспертная лаборатория. Сдаст там кровь, а на следующий день получит результат. — ФСБ-шник подмигнул.

Пётр Палыч не верил своим ушам.

— А как же я объясню...

— А так и объясни. Скажи, что такого не могло быть, что это какой-то косяк, и что ты договорился о независимой экспертизе в органах. Тогда и волки будут сыты, и овцы целы. Никакой ошибки на станции переливания крови не было, просто они там в принципе не проверяют на антиген «Аш» за отсутствием всякой необходимости. Тем более, что это на самом деле так и есть. У Пашки обнаружился генетический дефект, который никак и ни на что не влияет и, кроме как в анализах, ничем не проявляется. Вот и всё. Пашка успокоится, а вы с Верой как-нибудь на досуге это дело между собой перетрёте. Договоритесь. Тебе ж не принципиально, сам сказал.

Выпили по третьей. Петру Павловичу ударило в голову, и он от избытка чувств даже поцеловал друга. Домой он возвратился на служебной машине с спецномером.

— Так вот откуда он эту пятую группу взял! — сказала Вера Антоновна, когда муж выложил ей всю историю. Была ночь, они закрылись на кухне и говорили очень тихо. — Ни привет, ни как дела, ни как съездила – прямо с порога про группы крови. Я ничего не поняла, решила тебя дожидаться. Ты ж меня не предупредил.

— Я бы предупредил. На вокзале бы встретил и по пути рассказал бы что к чему. Мы ж думали, что ты завтра приедешь.

— Вот тут вы точно что-то перепутали. Я ж ясно написала, с какого по какое гастроли. Бумажку к зеркалу прикрепила. А вы на неё даже не посмотрели.

— Потому что она чистая была. Пустая.

— Потому что она пустой стороной наружу торчала. А вынуть её у вас мозгов не хватило. Все мозги на образование ушли.

— Ты мне лучше вот что скажи... — начал Пётр Палыч.

— От кого Пашка? Не скажу.

— Я не об этом. Ты мне лучше скажи: а от меня ты беременной была? Хоть раз?

— Нет.

— Точно?

— Ты бы узнал.

— Ну, это ещё тоже не факт, как выясняется.

— Говорю же тебе – ты бы узнал.

— А раз так, какая разница, кто его биологический отец. Ведь если бы у нас детей не было, взяли бы из детдома. И мало того, что от неизвестного отца, так ещё и от неизвестной матери. И документов оформлять надо было бы целую кучу. А так – роддом, одеялко, уси-пусси, счастливая молодая семья.

— Витю-то отблагодарить надо, — напомнила Вера Антоновна.

— Не надо, — ответил Пётр Палыч. — Он у меня в школе все предметы списывал, иначе хренушки бы аттестат получил. Теперь сам сказал, что рад был отблагодарить, хоть и через столько лет.

— Он что, двоечником был?

— Был бы. Если б не я. Ладно хоть, Пашка в резус-факторах копать не стал.

— А что там в резус-факторах? — обеспокоенно спросила Вера Антоновна. — Там всё нормально. У всех троих - положительный. Строго по закону.

— У Пашки — да. А вот как объяснить, что у обоих моих родителей отрицательный резус, а у меня — положительный? На станции специальный плакат есть на эту тему. Специально заезжал посмотреть. Если оба родителя резус-отрицательные, то у них родится только резус-отрицательный ребёнок. Без вариантов.

— Оба-на, — удивилась Вера Антоновна. — То есть, ты, получается, тоже, как бы это сказать... Вот это новость!

Пётр Палыч лишь поднял брови и развёл руками.

— Так. Что я сегодня ещё узнаю?

Ответа снова не последовало.

— И на том спасибо, — сказала Вера Антоновна. — Выходит, что Пашка такой же Павел Петрович, как и ты — Пётр Павлович?

Её муж пожал плечами и вздохнул.

— Вот такой у нас род. Преемственность поколений, да.

— «До семнадцатого века можно проследить», — процитировала мужа Вера Антоновна. — Угу.

— Кто бы мог подумать. Уж я-то точно...

— А третьего резус-фактора, случайно, нет? — поинтересовалась Вера Антоновна.

— Представь себе, есть! Аж у восемнадцати человек во всём мире, и все они родственники.

Тут дверь осторожно открылась, и в кухню вошёл Паша.

— А, сидите, полуночничаете?

— Давно друг друга не видели, — смущённо пояснила Вера Антоновна. — Пока все новости узнаем, обсудим, переварим... Да, конечно. Всё! Идём спать.

Оба встали, а Паша обнял их, прижал к себе.

— Эх, мама, папа... Как же я вас люблю!

Гульден (бонус)

Бурундучок бежал со всех ног, не разбирая дороги. Чтобы сэкономить время, он то и дело подпрыгивал, перелетая сразу на несколько шагов. Когда он случайно приземлялся в одной из луж, в изобилии возникших после только что прошедшего дождя, радужные брызги весело разлетались во все стороны, окатывая случайных прохожих. Он очень торопился, потому что боялся опоздать на поезд до станции Бурундуково, где жила его бабушка. Бабушка баловала его, разрешала шуметь и резвиться сколько угодно, гулять допоздна, угощала пирогом с брусникой и читала сказки. В Бурундуково он радовался, наслаждался жизнью и очень грустил, когда приходило время возвращаться домой.

Мама знала это. Она, как и все родители, не хотела, чтобы её сын вырос балованным и бестолковым неучем. В городе была хорошая школа, а воспитание с полноценной семье куда лучше бабушкиного. Поэтому каждая поездка в Бурундуково преподносилась, как награда за хорошую учёбу и примерное поведение. Сейчас в школе были каникулы, и мама разрешила сыну пожить денёк-другой у бабушки. И не просто разрешила – это было его первое самостоятельное путешествие, которым полагалось гордиться.

Надо же было так случиться, что как раз в этот день начиналось лето, и стрелки часов перевели на час вперёд. Дома об этом вспомнили только утром. В ужасной суматохе выяснилось, что вещи не собраны, завтрак не приготовлен и вообще надо бежать прямо сейчас, чтобы не опоздать.

И Бурундучок бросился на вокзал. Он бежал, боясь упасть и потерять две вещи – время и новенький, блестящий гульден на билет, что подпрыгивал в кармане, стараясь улучшить момент и выскочить наружу. Конечно, в кассу он не успеет, но это не страшно – билет можно купить в вагоне у Кондуктора.

Ровно в десять часов Бурундучок влетел на перрон и застыл от удивления: там никого не было. Неужели опоздал? Хотя если и так, то всего на какую-то минуту! Где же тогда удаляющийся поезд, где затихающий стук колёс и еле слышный свист гудка?

Висевший на столбе Громкоговоритель вдруг откашлялся, пошипел немного и хрипло объявил:

– Внимание! Поезд до станции Бурундуково забыл о переходе на летнее время и проспал. Поэтому он прибудет через час, в одиннадцать ноль-ноль.

Видимо, объявление это он делал не в первый раз, так что Бурундучок оказался единственным пассажиром, для которого оно было в новость. А Громкоговоритель продолжал:

— Выходит, зря ты, так спешил. Времени у тебя – целый час.

Бурундучок задрал голову и признался:

— Мы тоже забыли, что сегодня переводятся стрелки.

— Иди, купи себе билет, — посоветовал Громкоговоритель.

— И то правда, — согласился Бурундучок и отправился в зал ожидания, где находилась касса.

Он открыл дверь в зал, посмотрел себе под ноги, чтобы не запнуться о порог, и увидел на земле круглый предмет.

Предмет оказался гильденом, таким же, как был у Бурундучка, только чуточку потускневшим. Бурундучок огляделся. Вокруг было тихо, никто не бегал взад и вперёд, спрашивая о пропаже. Вокзал был почти пуст: пассажиры на Бурундуково, наверное, не стали ждать поезда в душном зале, а решили размяться перед дорогой. Он положил находку в карман и решил рассказать о ней Кассирше – может быть, она знает, кто потерял гильден.

Касса была закрыта, а на окошке висела записка, извещающая, что Кассирша скоро придёт. Тут ему послышалось жалобное мяуканье. Он перевёл взгляд и увидел в углу плачущего Котёнка.

— Почему ты плачешь? Что случилось?

— Я... Я... Потерял... день..., — только и смог выдать Котёнок.

— Не надо так плакать, — участливо сказал Бурундучок. — Успокойся и расскажи всё по порядку. Может быть, я смогу тебе помочь. Ну, или мы вместе что-нибудь придумаем.

Котёнок собрался с силами, набрал воздуха и выпалил:

— Я деньги потерял.

— Вот оно что! А сколько их было, денег?

— Не их, а его, — уточнил Котёнок. — Один гильден.

— И же где ты его потерял?

Котёнок показал в дальний угол зала и снова заплакал.

Бурундучок нашёл гильден совсем в другом месте, но, тем не менее, сообразил, в чём дело.

— Надо же! - воскликнул он. — А я только что нашёл гильден, только не знал, чей он. Вот, смотри.

С этими словами он достал монету и положил её перед оцепеневшим Котёнком.

— Но это не мой, — произнёс тот, перестав плакать. — Мой был совсем стёршийся, зелёный от старости. А этот новее и толще. Где ты его нашёл?

— У входа.

— А я свой потерял вон там, — Котёнок снова показал в дальний угол. — Это точно не мой.

— Всё очень просто, — объяснил Бурундучок. — Тут было много народу, кто-то случайно пнул монету, она отлетела к самой двери, попала на улицу. А дождь знаешь какой шёл! Гульден помылся и теперь выглядит, как новенький. Бери его, не стесняйся. Он твой. И больше не теряй!

Котёнок не знал, как благодарить своего спасителя. Он лизал его в мордочку, мурлыкал от радости и был очень доволен.

Был доволен и Бурундучок. Он как-никак сделал доброе дело, помог оставшемуся без денег беспомощному малышу, которого каждый мог обидеть. Касса была ещё закрыта, и он решил прогуляться по улице, скоротать время.

Дождевые тучи окончательно растворились, и летнее солнце светило вовсю. С дороги поднимался пар, превращая воздух из влажного в душный. Напротив вокзала располагался небольшой сквер со скамейками. Они наверняка были мокрыми, но Бурундучок надеялся всё же отыскать сухое местечко.

В сквере он оказался не один. На одной из скамеек сидел Лисёнок. Он шмыгал носом и вытирал глаза. Деревья изо всех сил отряхивались от дождевых капель, осыпая ими Лисёнка. Но тот был настолько сосредоточен на своём горе, что ничего не замечал. Бурундучок подошёл к нему.

— Что произошло? Ты-то чего плачешь?

Лисёнок поднял на него красные от слёз глаза.

— Сам не знаю, как это получилось. Я живу далеко отсюда, в Лисичкино, ехать с пересадкой в Бурундуково. У меня был гульден на обратную дорогу, а я его потерял. Что делать? Если не уеду на поезде до Бурундуково, родители будут очень переживать. И есть я хочу, в животе урчит. — Он снова заплакал.

— Постой, не плачь, — у Бурундучка тоже засосало под ложечкой, но совсем по другой причине. — Где ты потерял свой гульден и как он выглядел?

— Потерял я его около вокзала. Когда подходил, он был у меня. А как стал покупать билет, полез в карман, и ... — Он всхлипнул.

Бурундучок был очень огорчён. Получается, он нашёл гульден Лисёнка и отдал его Котёнку! Теперь несчастный, одинокий Лисёнок по его вине остался без денег. Как же скверно всё вышло!

Он задумался на минутку и вдруг его осенило. Ну, конечно — он сам виноват в ситуации, он сам её и исправит! Он даст Лисёнку свой гульден, быстро сбегает домой, объяснит, что случилось, и попросит новый. Родители не смогут ему отказать — случай-то особый. Кто же знал, что так выйдет?

— Так вот, — объявил Бурундучок. — Я нашёл твой гульден!

— Нашёл мой гульден? — Лисёнок не верил своим ушам.

— Представь себе. Лежал у входа на вокзал, прямо на пороге.

— Ой, а я там как раз запнулся. Тогда он и вывалился.

— На, бери и больше не теряй, — сказал Бурундучок и сунул Лисёнку гульден.

— Странно, — сказал Лисёнок. — Этот гульден совсем новый, а мой был хоть и не старый, но вовсе не такой блестящий. Это мой?

— Конечно, — заверил его Бурундучок, — а чей же? Он лежал там, где ты его потерял. Только что прошёл дождь, вымыл монету, вот она и заблестела.

— Спасибо! — Лисёнок растроганно обнял его. — Ты — настоящий, самый лучший друг! Ты добрый и честный. Ты даже не представляешь, какое доброе дело ты только что совершил.

Приунывший Бурундучок снова заулыбался во весь рот. Он был очень горд своим поступком и так быстро найденным мудрым решением. Попрощавшись с Лисёнком, он поспешил на перрон, чтобы узнать, который час.

Там его ждал неприятный сюрприз. Часы показывали половину одиннадцатого, а до дома было бежать четверть часа, не меньше. Он успеет добраться до дому, но времени объяснить всё родителям и попросить у них гульден у него больше не будет. Как же быть?

— Между прочим, — снова проснулся Громкоговоритель, — твой поезд заблудился и опоздает ещё как минимум на полчаса. Так что до половины двенадцатого его здесь не будет.

Бурундучок поблагодарил его и бросился домой.

Папа-Бурундук, как обычно, сидел перед телевизором и смотрел репортаж о теплопроводе с повреждённой изоляцией.

— Вот, сволочи, что творят! — возмущался он. — Улицу отапливают — и дела никому нет. Правильно, а чего им беспокоиться? Деньги с нас они всё равно получают. Будем платить за обогрев пространства! Безобразия!

— Папа, у меня к тебе дело, — начал Бурундучок.

— Ты всё ещё здесь?

— Да. Поезд опаздывает на полтора часа.

— А... — задумчиво произнёс Папа-Бурундук, не решаясь оторваться от телевизора.

— Дай мне гульден, пожалуйста, — попросил Бурундучок.

Поглощённый происходящим на экране, отец не ответил.

— Па-па!

— Ну чего тебе?

— Дай мне гульден. Пожалуйста.

— Какой гульден?

— Обыкновенный, металлический.

— Ха! Откуда я тебе его возьму? Ты давно видел у меня деньги?

Ответить на такой простой вопрос Бурундучок не смог.

— Иди к маме, попроси её, — посоветовал отец. — Она мне деньги выдаёт, и тебе выдаст.

Бурундучок поканючил немного для приличия, отправился к маме и изложил ей ситуацию.

— Ты достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои поступки и быть в состоянии просчитывать хотя бы самые непосредственные результаты своих действий, — изрекла мама поучительным тоном.

Бурундучок не понял из сказанного ни единого слова, однако ему стало ясно, что к бабушке он на этот раз не попадёт. Спорить не было ни смысла, ни времени, и он готов уже был сдаться, как вдруг ему в голову пришла гениальная идея. Ведь если гульден Лисёнка он отдал Котёнку, то монета Котёнка наверняка лежит где-то в зале ожидания! Её надо только найти. Хотя Котёнок уверял его, что хорошенько всё обыскал, но кто его знает? Чёрный, лежащий без движения гульден он мог просто не заметить. Да и зрение у кошек так себе.

Но то ли в зале ожидания было слишком темно из-за грязных окон, то ли ещё что, но монету он тоже не нашёл.

За окном послышался стук колёс прибывающего поезда. Бурундучок подошёл к кассе.

— Тётянька, мне так надо в Бурундуково. Там живёт моя бабушка. У меня был гульден на билет, честное слово был. А теперь его нет. Я

бы рассказал вам всё, но поезд уйдёт. Помогите мне, пожалуйста! Дайте билет без денег. Всего один билет! А я вам потом отдам.

— Чего? – возмутилась Кассирша. — Ну, привет! А когда мне смену надо будет сдавать, я что, свои деньги буду в кассу вносить? Тебя потом ищи-свищи, а мне расплачиваться? За дурочку меня держишь, умник?

И Кассирша с раздражением захлопнула окошко.

Бурундучок побежал на перрон, где под всеми парами пыхтел поезд, и нашёл Кондуктора.

— Дяденька Кондуктор, пожалуйста, пустите меня в поезд. У меня нет ни билета, ни денег на билет. Но мне так надо в Бурундуково, там моя бабушка. Я буду сидеть тихо, не буду бегать по вагонам, не буду кричать и высовываться из окна. Только разрешите мне сесть в поезд!

Кондуктор хмыкнул.

— Извини, друг, так не положено. Я всё понимаю, но помочь не могу. В другую категорию перевести, если что, купе расселить или даже билет продать по цене, что в кассе, – на это я иногда иду, я ведь не волк какой. Но так, чтобы совсем без билета – нет, уволь. Нас ведь тоже проверяют. Короче, нельзя никак. И не проси.

Подошли Лисёнок с Котёнком, дружно поблагодарили Бурундучка, показали Кондуктору билеты и поднялись в вагон.

— Видишь, – сказал Кондуктор, – мелюзга – мелюзгой, а порядок знают: сначала купи билет, а потом езжай, куда хочешь. А ты такой большой и всё уловки какие-то выдумываешь. Стыдно должно быть перед малышняй-то. Так что неси либо деньги, либо билет. Только поторопись, мы скоро отправляемся.

Бурундучок вернулся в зал ожидания и горько расплакался. Расплакался от обиды на весь мир, но больше всего – от обиды на себя, так как по собственной глупости ему придётся теперь ждать как минимум следующих каникул, чтобы поехать в Бурундуково. В глубине души он надеялся, что кто-нибудь сжалятся над ним и даст ему гульден, как сделал это сегодня он сам целых два раза.

К нему подходили, сочувствовали, успокаивали. Кто-то дал ему шоколадку, которые бурундуки всё равно не едят, потому что от шоколада у них болят зубы. Но денег он так и не дождался.

Поезд давно ушёл, а Бурундучок всё сидел и сидел в опустевшем зале, не веря до конца в своё несчастье. На улице совсем стемнело, когда он почувствовал лёгкий толчок в плечо.

— Закрываемся.

Бурундучок поднял глаза и увидел Сторожевого Пса.

— Закрываемся, слышишь? — повторил Сторожевой Пёс.

Бурундучок нехотя поднялся.

— Ты чего такой грустный? — спросил Пёс, когда они вышли.

Бурундучок рассказал ему всё без утайки, разве что фразу, произнесённую мамой, не смог повторить в точности. Но Сторожевой Пёс и так всё понял.

— Ты родителей-то слушайся, — заключил он. — Особенно маму — дело она говорит. Родители — они же детям только добра хотят. Иногда обижаешься на них, а потом только понимаешь, как они правы. Тебе ведь не только математике с ботаникой — тебе жизни учиться надо. А кто тебя научит жизни, как не родная мать? Разве что сама жизнь, конечно, так она, друг, ласковых слов не знает... Да ладно, хватит ныть, получил сегодня урок, теперь думай, соображай, что и как. Давай, иди домой, а то уже поздно. Твои, наверное, с ума сходят. — И он ласково потрепал Бурундучка по голове.

Бурундучок попрощался с ним, высморкался, вытер глаза и побрёл прочь.

Сторожевой Пёс повесил на дверь вокзала большой амбарный замок, вставил в него ключ, но прежде, чем повернуть его, полез в карман, вытащил оттуда гульден и стал внимательно рассматривать его в тусклом свете висевшего тут же фонаря.

— Хм, — задумчиво произнёс Пёс, — не такой уж он и старый. И совсем не зелёный. Хотя, — он осмотрелся по сторонам, — ночью все кошки серы.

Он спрятал гульден и закрыл замок.

Запах сияния (бонус)

Ещё завтра весна, оступаясь и пенясь, весело сбросила резвую свинцовую фиалку в прозрачный пепел. Тогда же, ещё не успев запеть, растаяли счастливые крылья, в которых осторожно сиял шерстяной ветер, а незаметные слезинки безропотно раскрасили все сферы в жгучую мечту, словно бездонная фея обучила угольки моря тихо висеть в полуночной радости.

Белоснежные фигурные напёрстки, крикливо летающие под землёй, уже слышали громадные перламутрово-дошчатые края остывших мраморных пальм, которые висели высоко над поверхностью чудесного света, звенящего, казалось, над самой природой.

Чу! И травянистое солнце, нахлобучив водяное перо, пристёгивает к блестящей букашке бумажную метель. И тотчас же ослепительно-влажная лавина радужных полосок полилась ровным голосом в пушистый тоннель падающего лета. Кажется, нет предела этой бесконечно-ватной чистоте зеркальных песчинок, ароматным туманом пробирающихся сквозь открытую лазурь.

Но нет! Рассеялось стеклянное дыхание ломкого воздуха, исчезла каменистая пена, и только непередаваемо золотистый свист так и остался висеть над тонким фейерверком.

Весь мир внемлет запаху сияния небесной тишины в сверкающем мраке.

Оно (бонус)

Она сузила крышу в стеклянный асфальт. Сложно сузила. Асфальт засветился розово-синим пеплом и посмотрел изумительной шерстью. Теплые волосы его арифметически-прозрачно расшевелили воздух её глаз, и Она нехотя закрыла тихие, тяжёлые плечи.

Деревянное небо устремилось ввысь и вширь, перекликаясь с асфальтом пышной радостью. Эта радость, стекло и шерсть асфальта, его волосы, его небо слились с ней в единый лист, просушивший её существо в гладкую и резвую стрелу, проникшую природным знаком во Вселенную. Весёлое пространство Вселенной, кружащееся ветвистым светом изнутри прозрачного ока, переплетаясь с плакучей шерстью асфальта, разлилось вдруг пушистыми капельками невидимых клавиш и сразу же застыло в деревянном небе, словно позолоченная молодая свеча во льду внезапной травы. Свет тоже остекленел и расцвёл лёгким знаком, вонзаясь серебристой радугой в водяные окна. Всё поплыло и осталось медленным восторгом по осязателю куполу глубоких плоскостей. Лист замер.

Он не посмотрел заметить око Вселенной, пронизанное на редкость сладким листом. Он лежал над своим грубовато-чувственным бордовым небом, привычно растворяя далёкий съезживающийся смех, приближающийся от него. Прикасался ли Он к ветвистым облакам или к неуклюже тёмному ключу - всюду были видны маленькие антенны багряных цифр, которые всё же не подлетали к нему, кружась где-то внизу тихими угловатыми тучами.

Снег вырос сразу, мягкой грозой вытолкнув из тающей трубы лёгкий сон. Отвердев, сон схлопнулся в тонкую рамку, незаметной звездой вонзающую падающую нить в переливающееся пространство.

Но что за чудо! Эта нить помнила следы колышущихся лучей переливающегося глазного воздуха. Воздух развернулся во всю белизну своей печальной силы, словно вбирая в плавающие сосуды весь простор лесного счастья. Приглушённая плавная энергия мягко ворвалась внутрь, обжигаяще обволакивая сознание.

Растаяли сотни водяных ламп, и весь мир созерцал свободно полыхающий камень, стремительной тяжестью взлетевший под обмякшим небесным резервуаром. Постепенно из гармонии мира всё выше

и ближе, всё ниже и шире влажным пламенем проступало Оно, с сочной ясностью заключающее в себе Его, с его упругой твёрдостью, и Её, с её нежной чёткостью, проникших друг через друга в единый светящийся, обжигающе-реальный спокойный порыв. Оно ещё долго висело в объёмной тишине, с неторопливой робостью подставляя игру миллионов жидких граней рассматривающей его Вселенной.

Мир был свеж и широк. Время плавно вздохнуло. Он и Она растворялись в тихой прозрачности. Оно входило в себя.

